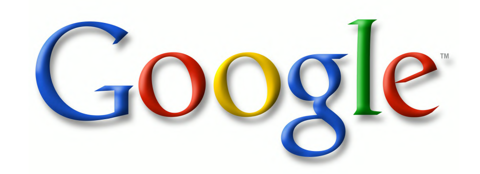

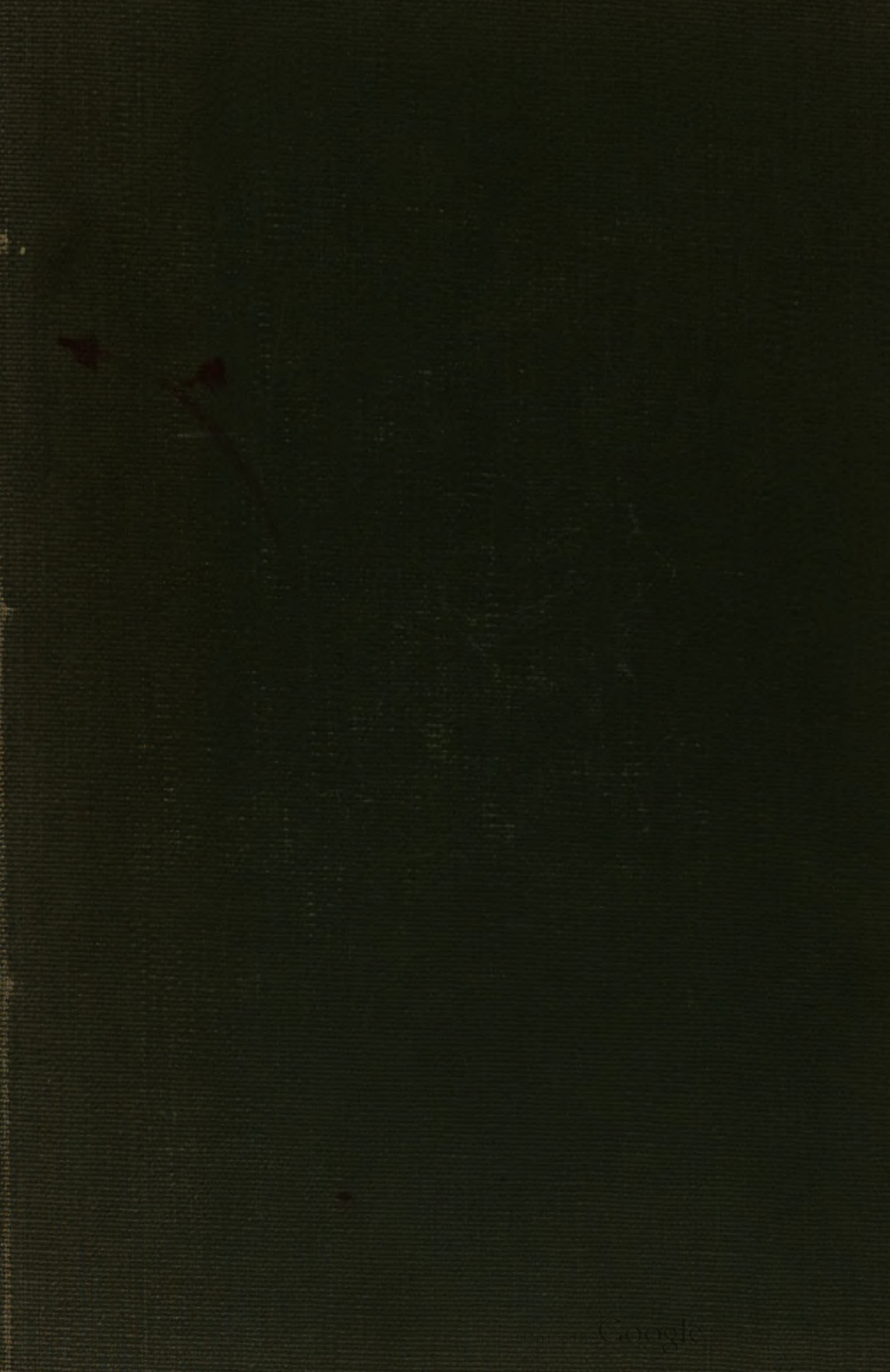

ОСТАФЬЕВСКІЙ АРХИВЪ

КНЯЗЕЙ

ВЯЗЕМСКИХЪ.

III.

Переписка князя П. А. Вяземскаго съ А. И. Тургеневымъ.

1824—1836.

Изданіе графа С. Д. Шереметева.

Подъ редакціей и съ примѣчаніями В. И. Саитова.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 лин., 28.

1899

2884

1824.

577.

Князь Вяземскій Тургеневу.

7-го января. [Москва].

Поздравляю тебя, моя радость, съ 1824-ю радостью по Рождествѣ Христовѣ. Когда придетъ новая эра? Право, пора! А пока ожидаю коляски, которая все еще ѣдетъ или не ѣдетъ. Мы въ Москвѣ съ дѣтьми и порядочно устроились въ своей хижинѣ, свѣтлой и чистой. Не будешь ли сюда, хоть къ порѣ блиновъ? Или хочешь куличей? Тебя вѣдь въ голодное время ждать нечего. Ты умѣешь выбирать время. Меня скопцомъ вывели въ „Полярной", не хуже Загряжскаго, и я остался при законной части. Да неужели было у меня: „Русскій царь въ шляпѣ"? Понять не могу и припомнить, когда доставилъ имъ эту пѣсню, написанную мною тотчасъ послѣ Двѣнадцатаго года, когда это выраженіе было точно въ народномъ употребленіи. Не люблю ни писатьززаднимъ числомъ, ни думать заднимъ умомъ, ни чувствовать заднимъ чувствомъ. Всему свое время и свое мѣсто. Я сгорѣлъ, какъ прочелъ этотъ стихъ. Сдѣлай милость, защищай меня отъ недоброжелателей. Очисти меня отъ хвостовщины и сбереги мою дѣвственность. Кстати о дѣвствѣ: рязанскій Ржевскій привезъ сюда на продажу дюжины двѣ — — (по крайней мѣрѣ онъ ручается) и къ тому же танцовщицъ. Онѣ пляшутъ здѣсь на показъ на итальянскомъ театрѣ: Россини и Россіяда вмѣстѣ! Хорошо, если

купила бы ихъ императорская дирекція. Все были бы онѣ свободны, по крайней мѣрѣ, столько же, сколько и мы.

Что же обѣщанныя книги? Если есть въ тебѣ душа и совѣсть, сыщи Аннету Голицыну, варшавскую, дочь Ланского, но только тотчасъ и скажи ей, что я жду водевиль изъ театральной цензуры; что если найдется кое-что непозволительнаго, то пускай вымараютъ, а не задерживаютъ и присылаютъ то, что можетъ быть сказано и пѣто, не оскорбляя Бога, царя и ослиныхъ ушей, того и другого, и третьяго, и четвертаго, и пятаго. Она знаетъ, въ чемъ дѣло. Прости, моя душа! Вотъ афишка о Ржевскомъ; афиши пишетъ Апраксина.

Подари мнѣ на новый годъ пакетовъ по образцу этого, только не скупись.

578.

Тургеневъ князю Вяземскому.

11-го генваря. [Петербургъ].

Елена Безобразова помолвлена третьяго дня за гусарскаго полковника графа Апраксина, племянника графа Разумовскаго.

Скоро ли напечатаете „Ключъ“? Пришли тотчасъ экземпляровъ пять, и одинъ или два получше.

День бракосочетанія еще неизвѣстенъ по нездоровью великаго князя. Что ты замолкъ, соловушко? Тургеневъ.

579.

Тургеневъ князю Вяземскому.

15-го генваря. [Петербургъ].

Весь городъ плачетъ по смерти Чернышевой. Милое созданіе, которому улыбалось счастье, трое сутокъ мучилось и успѣло только пережить дитя свое и проводить его въ лучшій міръ. Мужъ въ плерезѣ и былъ въ жестокихъ обморокахъ. Старуха Козицкая и мать приняли послѣдній вздохъ умирающей. Все семей-

ство въ горести ужасной. Въ томъ же домѣ, и за нѣсколько дней передъ тѣмъ, умерла родами же, за нѣсколько же дней передъ Чернышевой вышедшая замужъ Козловская, урожденная княжна Мещерская. Когда ее выносили изъ дома, то пѣніе надгробнаго хора доходило до слуха мучившейся уже родами Чернышевой.

Государь боленъ лихорадкою и рожею на ногѣ. Сегодня, благодаря Богу, легче, но онъ ходить не можетъ и пріѣхалъ изъ Царскаго Села больной. Недѣля должна была быть бальная, а вышла больная. Татищева сбиралась дать балъ; Елена ея утопаетъ въ блаженствѣ. Третьяго дня былъ я, послѣ трехгодичной разлуки, у князя Serge Golitzin; засталъ тамъ Юсупова вашего и излилъ передъ нимъ всю желчь за продажу танцовщицъ. Онъ защищалъ это и показалъ себя тѣмъ, что есть. Этимъ и шутить не позволено. Если князь Д[митрій] В[ладиміровичъ] сюда не будетъ, то я намѣренъ писать къ нему, указавъ на продажу сію въ его столицѣ. Что же будутъ дѣлать на Вяткѣ? Слава Богу: тамъ почти одна казенщина! Неужели Апраксина знаетъ о семъ и молчитъ? Доставь мнѣ поболѣе подробностей. Я донесу на нее графинѣ Строгоновой.

Сказываютъ, что „Ключъ“, уже печатный, здѣсь, а я его еще не имѣю. Читалъ ли ты его „Русалку“? Если нѣтъ, то пришлю: старая піеса, прелестная, неодобренная еще Тимк[овскимъ].

Водевиль твой пропущенъ безъ перемѣны и сегодня возвращается въ Москву. Я самъ говорилъ съ Ланскимъ. Доставь сюда, если напечатаешь.

Читалъ ли въ „Journal de Paris“ 2 Janvier 1824 статью объ „Антологіи“ Сенъ-Мора? Мейстеръ сбирается отвѣчать и оправдывать Крылова. Онъ посадилъ въ котелъ Вольтера, а не Крыловъ. Умница нашъ былъ осторожнѣе. Впрочемъ, по дѣломъ. „Les morceaux les plus remarquables sous le rapport de l'originalité et de l'agrement des pensées sont „Swètlana“, par m-r Joukoffsky, „Une épître“ de m-r le comte de Kwastoff, „Les deux pêcheurs“ de Gneditch et „Le Tasse mourant“ de Batuschkoff“. Если послѣдній прочтетъ это, то въ другой разъ съ ума сойдетъ;

да я опасаюсь и за радость графа Хвостова. Впрочемъ, тотъ же рецензентъ говоритъ, „que le peuple russe reçut son alphabet des mains de Pierre le Grand“.

580.

Князь Вяземскій Тургеневу.

17-го января. [Москва].

Не я замолкъ, а ты. Недавно писалъ я къ тебѣ и, кажется, еще à la Galiani, да и прислалъ множество писемъ Дашкову, Туркулю и пр., и пр.

Нашъ водевиль возвратился изъ цензуры театральной, которая въ нелѣпости не уступаетъ сестрѣ своей. Въ итальянской „Cendrillon“ Dandini, глядя на сестеръ, поетъ къ нимъ: „Son'-tutte papa“.

Вчера былъ прекрасный балъ у симбирскаго маркиза Киндякова. Имъ только Москва и держится, и движется.

„Фонтанъ“, а не „Ключъ“: сколько разъ я тебѣ говорилъ, а ты все свое несешь, уже печатается. Я готовлю къ нему „Разговоръ между издателемъ и классикомъ съ Выборгской стороны“. Припечатаются и „Разбойники“, ради составленія книжечки.

Узнай стороною, будетъ ли мнѣ по старому присылать Гречъ „Сына“ своего даромъ, а не то подпишись. Я не въ милости у петербургскихъ словесниковъ: je perds ma popularité. Главное сердце на меня за Булгарина, литературнаго Фигаро (умъ въ сторону) и за Крылова, котораго поставилъ я ниже Дмитріева.

Трокадерскій герой здѣсь и пріѣхалъ, сказываютъ, — — — — — жениться на Комбурлеевой, которыхъ я еще не встрѣчалъ въ обществѣ. Что же скажетъ твое сердечко на Черной Рѣчкѣ? Или ты утѣшишься тѣмъ, что останется при тебѣ кухарка. Неужели не будешь въ Москву? 30-го готовится маскарадъ у Бобринской на весь городъ. Пріѣзжай!

Вашъ Филаретъ запретилъ итальянцамъ давать „Моисея“. Ты видишь, и у насъ, какъ въ Парижѣ, и у насъ своя Сорбонна. Дай срокъ, поболѣе образуемся, и заведется и своя инквизиція.

Прощай, мой кандидатъ инквизиторства! Пушкина сейчасъ была здѣсь и тебѣ кланяется, и брату, которому готовится отвѣчать. Поздравь отъ меня Безобразову, если увидишь. Кланяйся Карамзинымъ, а писать имъ буду на слѣдующей.

На оборотѣ: Его превосходительству, милостивому государю Александру Ивановичу Тургеневу. Въ домѣ Министерства просвѣщенія. Въ С.-Петербургѣ.

581.

Князь Вяземскій Тургеневу.

21-го января. [Москва].

Я и самъ сердечно оплакиваю Чернышеву. Я узналъ и полюбилъ эту милую малютку на Макарьевской ярмонкѣ. Подите, разгадайте жизнь и хозяина ея!

Я хотѣлъ тебѣ много писать, но у меня Верстовскій и Булаховъ, здѣшній пѣвецъ отличный, но актеръ деревянный и безпамятный. Въ четвергъ идетъ водевиль, а онъ своей роли не знаетъ. Втираемъ ее въ него фрикціями, а иначе никакъ не проберетъ его. Если напечатается, то разумѣется пришлю. А напечатать нужно будетъ, потому что ее вѣрно убьютъ въ игрѣ.

Будь покоенъ: „Фонтанъ" у тебя у перваго будетъ. Объ Ржевскомъ замолкли: онъ куда-то уѣхалъ. Отдай афишу барышнямъ Карамзинымъ: знай нашихъ! Обнимаю тебя сердечно.

Я газетъ никакихъ не читаю и потому и не знаю, что сказано въ нихъ о St.-Maure, который сущій мавръ и арабъ. Пришли, что̀ есть и что̀ скажетъ Мейстеръ.

Басня Крылова подлая и угожденіе нынѣшнему мнѣнію. Она мнѣ всегда была тошна.

Приписка А. Я. Булгакова.

Ну, гдѣ вамъ, петербургскимъ, за нами угоняться! Посмотри, душа моя, подивись и прочти афишку, привезенную сейчасъ къ Вяземскому Львовою-Синецкою-Кокошкиною съ билетомъ на ея бенефисъ. Не бумага, а атласъ, не спектакль, а чудо! Все новыя піесы: „Обманъ за обманомъ", сочиненіе новое обманщика Вяземскаго; „Воспитаніе"—худо воспитан-

наго Кокошкина; шарада, коей слово есть „баллада“, сочиненіе Филарета, а разговоръ славянскихъ пастуховъ, comme de raison, Шишкова. То-то будетъ лафа! То-то будемъ хлопать и всѣхъ вызывать названныхъ и скрывающихся авторовъ, а можетъ быть... все зависитъ отъ нашего каприза. А ты не очень горячись, да, сударь! Ржевскаго танцовщицъ покупаютъ; дорого просятъ: по 1000 рублей штуку кругомъ. Я, чаю, сладится. За однимъ стало: за деньгами и за гнѣвомъ твоимъ. Ахъ, милый другъ, зачѣмъ ты не съ нами! Какіе обѣды, какія стерляди, спаржа, яблоки, пряники, балы, красавицы, спектакли! Мы обѣдали у Вяземскаго намедни и объѣдались. Вьельгорскіе оба пѣли: одинъ пѣлъ „Черную шаль“, а другой воспѣвалъ черный глазъ.

Пора ѣхать на концертъ къ Вьельгорскому. Обнимаю тебя.

582.

Тургеневъ князю Вяземскому.

22-го генваря. [Петербургъ].

Твоего „Ключа“ не дождешься, а между тѣмъ у него поспѣваетъ новая поэма. Я получилъ отъ него милое письмо, исполненное прекрасныхъ стиховъ и даже надежды на его исправленіе. Теперь оно у Жуковскаго, который сбирается отвѣчать ему на его эпиграмматическое воспоминаніе о немъ. Здѣсь все еще въ черномъ тѣлѣ его держутъ; но я заставилъ пріѣзжаго чиновника, въ присутствіи его начальника, описывать П[ушкина] и надѣюсь, что эта сцена подѣйствуютъ на бездушныхъ зрителей. Съ вашимъ княземъ объясненіе имѣлъ и сказалъ все, что на душѣ было. Онъ защищается закономъ, а я нападалъ даже и не за человѣчество, а только за благоприличіе. Прости! Писать некогда. Тургеневъ.

583.

Тургеневъ князю Вяземскому.

29-го генваря. [Петербургъ].

Посылаю статью. Возврати, какъ скоро не нужна будетъ. Писать некогда. Десятая часть „Исторіи“ вышла. Прости! Князь П. М. Волконскій вчера пріѣхалъ.

584.

Князь Вяземскій Тургеневу.

31-го [января. Москва].

Хотѣлъ писать много, а напишу мало, то-есть, ничего. Сегодня въ семь часовъ утра пріѣхалъ съ маскарада Бобринской. Было всего пропасть: и жандармы на лошадяхъ, и пѣтухи съ обезьянами, и кадриль національной гвардіи, и прочее. Вотъ что могъ вынести оттуда для твоего подвижного архива. Вчера познакомился съ трокадерской Комбурлеевой: она ждетъ тебя сюда.

Не слышно ли у васъ какихъ-нибудь перемѣнъ въ управленіи деревень, покупаемыхъ для Спаса? Говорятъ, что Витбергъ ѣдетъ къ водамъ. Нельзя ли какъ-нибудь черезъ васъ продать туда деревню на условія? Имѣете ли вы вліяніе на эти дѣла, или дѣлаются они здѣсь подъ шумокъ? Скажи мнѣ подробно обо всемъ.

Я на дняхъ получилъ два экземпляра „Сына“. Что за милость? Подписался ли ты, или издатель пожаловалъ? Дай знать: въ послѣднемъ случаѣ должно мнѣ заплатить за учтивость и отплатиться стишками. Скажи или дай знать Воейкову, что у меня готовится оброкъ для него; прислалъ бы и сегодня, но некогда. Доставь прилагаемое барышнямъ Карамзинымъ и скажи, что написалъ бы, но маскарадъ сидитъ еще на плечахъ.

Что же мнѣ дѣлать, что ты не имѣешь еще „Фонтана“, когда Сергѣй Львовичъ у васъ и брызжетъ имъ встрѣчнаго и поперечнаго! Я не виноватъ, а изъ печати еще не вышелъ. Прости!

Вотъ пѣсня изъ водевиля, которая очень понравилась нашимъ зѣвакамъ. Дай Карамзинымъ и Воейкову; только скажи именно, чтобы не выставлять моего имени, потому что, на вызовъ публики назвать авторовъ, остались мы неизвѣстными.

585.

Тургеневъ князю Вяземскому.

5-го февраля. [Петербургъ].

Письмо и афиши жандарма получилъ. Мы давно хлопочемъ о твоемъ дѣлѣ. Карамзинъ писалъ къ государынѣ. Я вчера былъ у В. С. Ланского, который увѣрилъ, что спроситъ относительно отсрочки у тверского губернатора о твоемъ имѣніи. Такъ порядокъ требуетъ. Онъ надѣется, что губернаторъ скажетъ согласно съ твоей пользой. Объ имѣніи для Коммиссіи нужно взять справки. Если ты знакомъ съ Кушниковымъ, то посовѣтуйся съ нимъ. Онъ человѣкъ прямой и добрый и сдѣлаетъ, что можно, или дастъ вѣрный совѣтъ: ему извѣстны дѣла московской Коммиссіи. Впрочемъ, я и здѣсь возьму справку и все, что можно, конечно, сдѣлаю. Теперь некогда порядочно увѣдомить тебя о твоемъ дѣлѣ. Я надѣюсь, что или я, или Николай Михайловичъ напишетъ къ тебѣ на слѣдующей почтѣ. Французскихъ жандармовъ отдалъ вчера Марьѣ Антоновнѣ. Карамзиной старшей, то-есть, Катеринѣ Андреевнѣ прочелъ; дѣтямъ отдать не успѣлъ. Стихи отдалъ вчера же Козлову для помѣщенія въ „Инвалидѣ", безъ имени.

Скажи Комб[урлей], что желалъ бы ихъ видѣть и поздравить въ Москвѣ, но не знаю еще, удастся ли; хлопотъ много. Въ пятницу на сей недѣлѣ свадьба великаго князя въ комнатной церкви государя, потомъ балъ и поздравленіе, а празднества будутъ послѣ Святой. Посылаю еще одну книжку. „L'hermite en prison" читаетъ братъ. Пришлю на слѣдующей почтѣ. Вотъ и афиша нашего парижскаго Шишкова, то-есть, его сеида — Гульянова. Ковальковъ (юноша-писатель), что жилъ у Ивана Владиміровича Лопухина, а теперь у Н. Ѳ. Плещеевой, — камеръ-юнкеръ. Вашъ князь Урусовъ будетъ сенаторомъ (по секрету). Князь Волконскій отказался отъ всѣхъ должностей. Дибичъ утверждается въ должности.

Кто писалъ статью о тверскомъ пустынникѣ или о пустынѣ на Тверской? Тургеневъ.

586.

Князь Вяземскій Тургеневу.

Понедѣльникъ. [9-го февраля. Москва].

Спасибо, что вы обо мнѣ хлопочете. Попеченія ваши принимаю къ сердцу съ живостью и признательностью. Дай Богъ успѣха! Тверскому губернатору нельзя знать о моихъ обстоятельствахъ; ему извѣстно, что производство фабрики моей идетъ исправно, но неизвѣстно, что нѣтъ никакой выручки, что сукно лежитъ у меня въ амбарѣ, и что я еще долженъ платить за шерсть, когда отъ фабрики, какъ отъ козла, нѣтъ ни шерсти, ни молока. Показаніе его можетъ быть мнѣ не въ пользу неумышленно. Какъ я уже тебѣ писалъ, здѣсь съ Спасомъ дѣлать нечего: у васъ дѣло можетъ пойти прямѣе и успѣшнѣе, а здѣсь предстоятъ мытарства. У Кушникова я былъ, говорилъ съ нимъ, но что прока? Кушниковъ вѣдь предсѣдатель, и стало дѣло не имъ дѣлается. Къ тому же, есть еще желающіе здѣсь, а я тягаться не умѣю. Вы—мой Спасъ!

Вчера былъ большой балъ у Рахмановой. Я невѣстѣ сказалъ твое порученіе. На первой недѣлѣ, кажется, возвращаются онѣ въ Петербургъ. Скажи Жуковскому, что получилъ его палеологу и картины. Отвѣчать буду послѣ. Прости! Рѣши объ „Сынѣ Отечества“.

На оборотѣ: Его превосходительству Александру Ивановичу Тургеневу, въ домѣ Министерства просвѣщенія, въ С.-Петербургѣ.

587.

Тургеневъ князю Вяземскому.

12-го февраля. [Петербургъ].

Кар[амзинъ] писалъ къ тебѣ о твоемъ дѣлѣ. Отъ императрицы уже писано къ Ланскому, и я говорилъ съ нимъ.

О покупкѣ деревни переговори съ Куш[никовымъ] и меня

увѣдомь, что̀ онъ скажетъ. Денегъ на сіе осталось еще болѣе полутора милліона; онъ долженъ это знать; и твоя деревня недалеко отъ Москвы. Можетъ ли онъ взять на себя предложить о семъ? Я думаю—трудно, но ты самъ поѣзжай въ В[итбергу]. Предложеній, несогласныхъ съ честію, не дѣлай, ибо онъ усумнится и подумаетъ, что я подослалъ тебя. Впрочемъ, дѣлай съ нимъ по лучшему твоему разумѣнію. О другомъ писать некогда. Жалѣю о Жихаревѣ. Кланяйся ему.

588.

Князь Вяземскій Тургеневу.

14-го [февраля. Москва].

Карамзинымъ пишу я съ Тимирязевымъ подробно о дѣлахъ. Прочти у нихъ мое письмо. Впрочемъ, оно повтореніе того, что писалъ тебѣ. Спасительская и спасительная продажа можетъ только, если можетъ, получить у васъ движеніе прямое. Здѣсь ходъ ея уже сбитъ: надобно было сначала пойти грязными переулками; а теперь, когда увидятъ, что я поворотилъ на нихъ съ большой улицы, то будутъ меня опасаться и захотятъ выставить мною свою честность. Рѣшите! Если возможность есть у васъ дать направленіе, то скажите. Я умомъ, сердцемъ, помышленіями, тоскою—въ дѣлахъ, а между тѣмъ Булгаринъ лжетъ на меня, какъ на мертваго. Докажу ему, что левъ, хотя и убитъ во многомъ, но еще не околѣлъ.

Оберъ-прокуроръ Лобановъ женится на меньшой Киндяковой. Есть ли у васъ „Письма“ аббата Сюррюга о московскомъ пожарѣ и выписка изъ парижскаго журнала „L'album“ о Ростопчинѣ? Волосы дыбомъ становятся. Пришлю списокъ, если нѣтъ.

Прости, мой Спасъ! Я все еще получаю два „Сына“ и не знаю, плачу ли за одинъ.

589.

Тургеневъ князю Вяземскому.

15-го февраля. [Петербургъ].

Письмо отъ понедѣльника получилъ. „Сына Отечества“ я тебѣ не посылалъ и для тебя не подписывался. Разспросить у издателя не успѣлъ. Получилъ ли „Прощальную пѣснь“ Жуковскаго, не пѣтую въ Смольномъ монастырѣ? О дѣлѣ твоемъ еще подумаю. Да что же „Ключъ“? Пришли хоть первые листы.

590.

Князь Вяземскій Тургеневу.

25-го февраля. Москва.

Чтобы сберечь твою совѣсть отъ искушенія нарушить тайну письма, посылаю тебѣ мое письмо къ Воейкову открытое, а ты приложи послѣ оплатку. Киселевы завтра ѣдутъ къ вамъ. Писать некогда. Я только вчера возвратился изъ Остафьева и не успѣлъ изготовиться. Скажи это и Карамзину, котораго благодарю за письмо отъ 18-го февраля. Съ Витбергомъ еще приступить къ дѣлу не могу, потому что ожидаю нужныя бумаги изъ деревни. Обнимаю. Дочь Ростопчина очень больна. Нечаевъ выходитъ изъ опасности.

591.

Тургеневъ князю Вяземскому.

26-го февраля. [Петербургъ].

Письмо сіе будетъ полу-офиціальное, и для того прошу прочесть его со вниманіемъ и исполнить, по содержанію онаго, немедленно. На прошедшей недѣлѣ Карамзинъ говорилъ слегка государю о желаніи твоемъ продать тверскую деревню храму Спаса. Государь тотчасъ предложилъ ему сказать о семъ князю Голи-

цыну, и на другой же день государь сказалъ ему, упомянувъ и объ отзывѣ Карамзина, что ты согласенъ и дешевле другихъ уступить казнѣ. Князь поручилъ мнѣ немедленно написать къ тебѣ, чтобы ты написалъ къ нему официальное письмо и предложилъ къ покупкѣ для храма свою деревню, сказавъ, что за душу просишь, сколько въ ней душъ, какъ далеко отстоитъ отъ Москвы, какія заведенія, угодья или фабрики имѣетъ и выгоды, кои могла бы доставить Коммиссіи храма. Но я въ то же время отвѣчалъ князю, что ты менѣе 400 р. душу уступить не можешь, ибо эта цѣна самая дешевая; что если другіе помѣщики уступали дешевле, то многіе могли дѣлать сіе потому, что имъ доплачивали свыше сей цѣны сами крестьяне, желая поступить въ вѣдомство Коммиссіи. Посылаю тебѣ справку объ имѣніяхъ сего рода, въ Коммиссію купленныхъ. Въ семъ смыслѣ ты долженъ написать къ князю письмо и, подъ открытой печатью, прислать ко мнѣ. Опиши выгоды своего имѣнія, но согласно во всемъ съ истиною. Мы, вѣроятно, пошлемъ это при предложеніи на разсмотрѣніе Коммиссіи. Скажи объ этомъ одному Кушникову, но другимъ не разглашай; особливо о томъ, что Карамзинъ говорилъ о семъ государю. Сдѣлай сіе поскорѣе. Покажи письмо твое къ князю предварительно Сергѣю Сергѣевичу. Пришли его на мое имя, но сдѣлай самъ пакетъ и адресъ. Не худо, если бы ты на всякій случай прислалъ ко мнѣ два бланка на большой бумагѣ. Я бы, можетъ быть, перемѣнилъ что-нибудь или прибавилъ въ твоемъ письмѣ, а твое удержалъ. Если въ бланкахъ нужды не будетъ, то я немедленно возвращу ихъ тебѣ.

Этотъ же докладъ князя Г[олицына] былъ счастливъ и для другого поэта — Боратынскаго; но еще дѣло не кончено, и я не смѣю писать къ тебѣ болѣе. Погоди!

Рылѣевъ раненъ въ пятку на дуэли, но легко, то-есть, безопасно.

Письмо твое и отвѣтъ Бул[гарину] читалъ съ Жуковскимъ и слога и нѣкоторыхъ мыслей не одобрилъ. Препроводилъ на разсмотрѣніе Блудова, и по общему приговору исполнимъ или не исполнимъ твое желаніе. Сейчасъ прочелъ напечатанное въ Парижѣ возраженіе Толстого на статью о Сенъ-Моровой „Антологіи". Хо-

рошо, но недостаточно. Вотъ записка Блудова. Послушаемъ и позабавимся на твой счетъ.

Спасибо за Пушкина. Надобно вогнать цѣну его сочиненій въ байроновскую. Будутъ дороже — и покупать больше будутъ. Пожалуйста не говори никому о разговорѣ Карамзина съ государемъ и о предложеніи тебѣ, сдѣланномъ чрезъ меня. Можно испортить симъ дѣло. Ты долженъ написать о причинахъ, по коимъ не можешь продать ниже 400 рублей за душу, сказавъ, что и сія цѣна весьма умѣренная, судя по достоинству имѣнія, и что только желаніе освободиться вдругъ отъ массы долговъ и упрочить благосостояніе крестьянъ продажею въ казенное вѣдомство, рѣшило тебя за сію цѣну продать имѣніе. При семъ прилагаю: записку, у меня составленную, о двухъ имѣніяхъ. Ты только можешь слегка упомянуть объ оныхъ, сказавъ, что нѣкоторыя имѣнія такъ куплены, какъ напримѣръ, князя Долгорукаго и Ступишина, и записку Витберга, съ показаніемъ выгодъ имѣнія, предлагаемаго къ покупкѣ, для примѣра тебѣ. Тургеневъ.

592.

Князь Вяземскій Тургеневу.

28-го [февраля. Москва].

Вотъ тебѣ pour les mémoires du temps, или скандальной хроники нашей, письмо мое къ Мерзлякову по случаю представленной мною прозаической статьи для „Бахчисарая“, который выйдетъ на дняхъ. Мерзляковъ уступилъ и написалъ мнѣ отвѣтъ, въ коемъ обнажается его добрая душа. Жаль, что онъ одурѣлъ въ университетской духотѣ.

Киселевы у васъ; поклонись имъ отъ меня. Ты, модникъ, поищи мнѣ въ лавкахъ или у портныхъ красной ратины на подбивку плаща.

Видѣлся ли ты съ Байковымъ? Каковъ онъ въ двухъ звѣздахъ? Здѣсь увѣряютъ, что Новосильцовъ женится на вдовѣ Платона Зубова. Есть ли у васъ слухи? Прости, душа! Нечаеву лучше.

Пишу Карамзинымъ о моихъ предположеніяхъ на продажу имѣнія. Статочное ли оно дѣло, скажи?

593.

Тургеневъ князю Вяземскому.

29-го февраля. [Петербургъ].

Не замедли исполнить по послѣднему письму моему.

Князь Оболенскій, мужъ Нелединской, сдѣланъ или сдѣлается на мѣсто Кривцова, который уже переведенъ въ Воронежъ.

Что же „Ключъ"? Какъ же ты продалъ, а самъ печатаешь? Піесу твою читали, но еще окончательная резолюція не послѣдовала за разногласіемъ.

594.

Князь Вяземскій Тургеневу.

3-го марта. [Москва].

Да будетъ воля твоя, и да будетъ успѣхъ въ твоей волѣ! Изъ письма къ Карамзину увидишь, почему прежде недѣли не могу написать дѣльно министру. Но ты не давай мѣсту остывать; пускай письмо мое придетъ на теплое мѣсто. Смерть Ростопчиной обдала меня уныньемъ. Несчастье отца примиряетъ меня съ нимъ. Люди должны быть снисходительны тамъ, гдѣ судьба такъ свирѣпа. Не намъ быть обвинителями Эдиповъ: намъ только жалѣть о жертвахъ Промысла. Побережемъ негодованіе свое для счастливцевъ.

Я получилъ большой пакетъ Туркуля. Ты смѣшонъ, что оставляешь мою піесу потому, что не одобряешь моихъ мыслей. Да что ты за Красовскій моихъ мыслей? Впрочемъ, отъ тебя все терплю и цѣлую руку, которая меня караетъ и милуетъ. Обнимаю сердечно.

595.

Тургеневъ князю Вяземскому.

4-го марта. [Петербургъ].

Письмо получилъ и красной ратины куплю и пришлю. Для „Сѣтованія“ заказалъ музыку князю Владиміру Голицыну; но вмѣсто *взорванной* надобно сказать *порванной,* ибо первое не то значитъ.

Съ Байковымъ вчера обѣдалъ у Лукулла-Лазарева. Онъ уѣхалъ вчера же въ Варшаву. Новосильцовъ не женится. У графини Зубовой умерла дочь, и наслѣдники Зубова отдохнули. Статья еще у Жуковскаго. Онъ очень занятъ Батюшковымъ, который всѣхъ и сестру подозрѣваетъ. Третьяго дня подтвердилъ мнѣ Нессельроде обѣщаніе отправить его въ Зонненштейнъ на казенный счетъ. Мы уже имѣемъ удовлетворительный отвѣтъ отъ Ханыкова.

Скажи Булг[акову], что о Ѳедоровѣ справлюсь и что можно сдѣлаю. Третьяго дня, въ ночь на третье, скончалась герцогиня Виртембергская къ общему горю. Завтра выносятъ изъ дворца въ церковь, а въ субботу хоронятъ въ Анненской лютеранской церкви, что̀ на Сергіевской. Вся императорская фамилія опечалена.

Нельзя ли вмѣсто:

Ея ужъ нѣтъ — *Ужъ нѣтъ ея?*

596.

Князь Вяземскій Тургеневу.

6-го марта. [Москва].

Я не дождался положительныхъ свѣдѣній изъ деревни, а составилъ записку по планамъ изъ Межевой и собственнымъ вѣдомостямъ. Кажется, хорошо; также и письмо; на всякій случай вотъ тебѣ два бланка. Довольно ли крупно написалъ я Христа? Я нарочно не означилъ, что уступлю, потому что Карамзинъ пишетъ уступить, а ты—не уступать. Во всякомъ случаѣ нельзя спустить

болѣе 15 или 20 рублей съ души. Уладь это самъ. Дай Богъ вамъ успѣха. Карамзиныхъ обнимаю. У меня рука устала отъ офиціальной переписки и отъ скуки писать по линейкамъ. Обнимаю тебя. Съ кѣмъ дрался Рылѣевъ, и что за Ахиллесова рана?

Приписка княгини В. Ѳ. Вяземской.

Ради Бога, постарайтесь повыгоднѣе продать. Il me parait que 400 roubles est déjà trop bon marché; rappelez-vous que nous avons beaucoup à payer, et tachez de nous arranger cela de la manière la plus avantageuse possible.

597.

Тургеневъ князю Вяземскому.

11-го марта. [Петербургъ].

Я получилъ письмо твое вчера ввечеру, а сегодня показывалъ его князю, который нашелъ, что твой почеркъ похожъ на барона Штакельберга, то-есть, на его почеркъ, и велѣлъ мнѣ заготовить предложеніе Коммиссіи храма съ предложеніемъ приступить къ осмотру сего имѣнія и къ донесенію по освидѣтельствованіи. Я хотѣлъ перемѣнить письмо и выпустить согласіе на уступку, но Карамзинъ отсовѣтовалъ; да и дѣло, ибо и государь сказалъ о семъ князю. Впрочемъ, я подумаю, какъ бы избѣжать сего или уступить бездѣлицу. Предложеніе заготовлю сегодня; но не знаю, удастся ли завтра на тяжелой почтѣ отправить, а во вторникъ непремѣнно. Ни времени, ни выгодъ не потеряю, поелику возможно. Je prie madame la princesse d'être persuadée du contenu des ces dernières lignes et je la remercie de tout mon coeur pour les siennes. J'aurai donné la moitié de ma fortune pour sauver celle de mes amis. Il ne me reste que cela dans cette vie.

Я еще не видалъ Киселева. Побываю сегодня передъ обѣдомъ у канцлера, гдѣ я обѣдаю съ Карамзинымъ, съ Блудовымъ, Дашковымъ, а Жуковскій отказался для Батюшкова.

Если видаешь князя Гагарина, камергера, женатаго на Бобр[инской], то скажи ему, что сбираются списки камергерамъ и камеръ-юнкерамъ съ показаніемъ, кто гдѣ служитъ, и что,

вѣроятно, будутъ выключены нигдѣ неслужащіе. Я слышу, что онъ ни къ какому вѣдомству не приписанъ. Хочетъ ли онъ не носить ключа? Впрочемъ, бѣда не велика, но предварить его, кажется, нужно.

Завтра обѣдаемъ у отца поэта Пушкина. Каковъ дядя? Что же „Фонганомъ“ по сію пору на насъ не брызжешь? Не забудь прислать получше экземпляръ для и[мператрицы].

Булгаринъ проситъ меня напечатать твою статью въ его журналѣ.

598.

Князь Вяземскій Тургеневу.

11-го марта. [Москва].

Посылаю тебѣ пять экземпляровъ „Фонтана“. Отдай изъ нихъ три Сергѣю Львовичу. Не пишу болѣе, потому что я еще на постели: не очень здоровъ и ставилъ ноги въ воду. Обнимаю.

На оборотѣ: Его превосходительству, милостивому государю Александру Ивановичу Тургеневу. Въ домѣ Министерства просвѣщенія. Въ С.-Петербургѣ.

599.

Князь Вяземскій Тургеневу.

13-го марта. [Москва].

Здравствуй, голубчикъ! Получилъ ли ты „Фонтаны“ и отдалъ ли изъ нихъ три живобьющему фонтану, то-есть, вѣчно плюющему Сергѣю Львовичу? Я и такъ было у себя перемѣнилъ *взорванный* и сказалъ *порванный*. Хорошо, если такъ поставили въ печатномъ. *Ея ужъ нѣтъ*—какъ-то живѣе, грустнѣе.

Вся Москва наполнена и напучена толками о концертѣ благородномъ (цѣлью и дѣйствующими лицами), который затѣялъ Вьельгорскій для искупленія изъ Куракинскаго плѣна отличнаго скрипача Семенова. Все взвыло! Концертъ однако же идетъ и дойдетъ; только не разглашай о томъ, ибо многіе отсюда писали къ

Куракину, чтобы возставить его противъ Вьельгорскаго; и Апраксина, вѣрно, уже барабанитъ у васъ объ этомъ. Куракинъ — человѣкъ горячій и честолюбивый и съ сердцовъ можетъ отказаться и отъ денегъ, и отъ слова. Теперь, какъ сказываютъ, назначаетъ онъ деньги, вырученныя за свободу Семенова, на приданое какой-то побочной дочери дяди своего въ Парижѣ. Здѣсь такъ много раскричались объ этомъ концертѣ, что дамы: Рахманова, графиня Риччи, княжна Агриппина Трубецкая, обѣщавшія прежде играть и пѣть въ этомъ концертѣ, отказались. Вся наша дворянская подлость видна въ этихъ толкахъ. Иные, чтобы повредить успѣху, распускаютъ слухи, что у этого Семенова сорокъ тысячъ лежитъ въ ломбардѣ, когда всѣ деньги его въ пальцахъ, какъ у поденщика; что онъ развратный и пьяница, когда онъ поведенія безпорочнаго; что государь дурно приметъ это дѣло и прочее, и прочее. Грустно, тошно и горячительно! Что за плюгавцы! Пожалуй, не одобряй намѣренія и средствъ, но какъ рѣшиться на клеветы! Какъ вооружиться — — съ ногъ до головы, чтобы повредить успѣху дѣла добраго и, по крайней мѣрѣ, невиннаго!

Что дѣло моихъ Семеновыхъ? Двое изъ нихъ были у меня, и я изложилъ имъ пользу этого дѣла для нихъ. Ожидаю съ нетерпѣніемъ вашего отвѣта, чтобы встряхнуть голову и освѣжиться. Прощай! Обними за меня Карамзиныхъ. Не пишу къ нимъ отъ Дмитріева, который просидѣлъ у меня цѣлое утро, а теперь хочется воспользоваться прекрасною погодою.

Что слышно о просьбѣ моей императрицѣ по Опекунскому совѣту? Здѣсь тверской губернаторъ, но онъ не получалъ письма моего за отсутствіемъ и потому не давалъ еще никакого отзыва.

Попроси Дашкова отщелкать Каченовскаго за Жуковскаго. Что онъ, дуракъ, лѣзетъ съ своимъ Фоссомъ? Жуковскаго переводъ дуренъ или хорошъ по себѣ, но не по тому, что въ томъ или другомъ мѣстѣ не сходствуетъ съ переводомъ Фосса. Этимъ Велизаріямъ нуженъ всегда вожатый.

600.

Тургеневъ князю Вяземскому.

14-го марта. [Петербургъ].

Посылаю тебѣ копію съ предложенія нашего Коммиссіи, которое сегодня же отправится въ Москву. Нарочно обратился къ Коммиссіи, а не къ Витбергу, такъ какъ сіе прежде бывало, чтобы дать поводъ С. С. Кушникову принять участіе въ семъ дѣлѣ. Объ уступкѣ въ предложеніи не упомянуто, но прошеніе и записка посылаются въ копіяхъ. Уступай не болѣе 10 рублей, и то по необходимости. Торгуйся и представь выгоды имѣнія; словомъ, не только достигни успѣха, но и полнаго, а потомъ не согрѣшай впредь.

Посылаю и музыку на твои слова, вчера привезенную мнѣ авторомъ ея. А „Фонтана“ все нѣтъ, какъ нѣтъ! Въ предложеніи есть du vague: это лучше.

Нанялъ дачу на Черной Рѣчкѣ—тотъ домъ, гдѣ жилъ Гречъ. Мы будемъ вдвоемъ съ Сергѣемъ, ибо Николай поѣдетъ въ Карлсбадъ. Удастся ли прожить и по прошлогоднему — не знаю. Кажется, всякое настоящее несносно, а когда оно въ прошедшемъ, такъ и о немъ жалѣешь. Читаю третью часть „Galerie“ de Segur: портретъ Потемкина. Знаешь ли Chopin „Sur l'état actuel de la Russie“, 1822 года? .

На Семеновскомъ мосту только и встрѣчаешь, что навьюченныхъ томами Карамзина „Исторіи“. Ужъ 900 экземпляровъ въ три дни продано.

Заставлялъ И. М. Муравьева пѣть твои слова, но заикнулся и въ музыкѣ. Попрошу Башмакову—Суворову.

Ѣду хлопотать за Плещеева. Онъ забылъ записаться въ службу и можетъ быть исключенъ сегодня, если не успѣемъ исправить его небрежности о себѣ. Тургеневъ.

Сейчасъ отъ Ланского: принимаетъ Плещеева.

601.

Тургеневъ князю Вяземскому.

18-го марта. [Петербургъ].

Письмо твое отъ 13-го марта получилъ вчера, а „Фонтанъ“ получу сегодня. Вотъ отвѣтъ Карамзина на запросъ твой о твоемъ дѣлѣ по Опекунскому совѣту. Мы, кажется, подробно тебя обо всемъ увѣдомляли. Впрочемъ, я еще выправлюсь у Ланского: писали ли, когда и нѣтъ ли отвѣта?

Дашковъ взялъ твою рукопись для надлежащаго исправленія и самъ будетъ отвѣчать тебѣ. Сегодня я къ нему сбираюсь; онъ съ флюсомъ. Катенька Кар[амзина] все больна. Вотъ бюллетень сего дня.

Посылаю сейчасъ твой романсъ съ музыкой къ Софьѣ Д[митріевнѣ] Нарышкиной. Обѣдаю у твоихъ Смирновыхъ. Прости! Хлопотно по дѣламъ, по роднымъ, по, въ высшей мерзости, вашему музыканту-узнику. Поступаю съ величайшею осторожностью, бью челомъ передъ силою въ пользу слабаго; держусь одного закона, который не всегда въ пользу одной невинности, а все страшусь, и право не за себя, а только за неудачу: быть празднымъ зрителемъ — есть преступленіе; вступиться за несчастнаго — часто и для него бо̀льшая гибель. Жить въ этой душной неизвѣстности — тяжко. Самый ничтожный чиновникъ, явный мерзавецъ, часто парализируетъ лучшее, самое чистое намѣреніе. Здѣсь господствуетъ какой-то страхъ неподкупной честности, какое-то безвѣріе къ чистымъ побужденіямъ, къ безкорыстному жару къ добру и ко рвенію въ спасеніи отъ взяточниковъ и утѣснителей. Прости!

Получилъ пять экземпляровъ; три велишь отдать отцу, но одинъ слѣдуетъ императрицѣ. Что же мнѣ останется? Высылайте поскорѣе экземпляры для распродажи.

602.

Князь Вяземскій Тургеневу.

20-го марта. [Москва].

Спасибо за письмо вчерашнее и копію съ предложенія. Я вчера былъ у Кушникова, но ему еще нѣтъ сообщенія. Онъ, прочитавъ, сказалъ, что это еще первый примѣръ такого хода этимъ дѣламъ. Посмотримъ, будетъ ли мнѣ въ прокъ!

Благодари князя Владиміра за музыку и за то, что онъ не умеръ, потому что Москва его уже отпѣла. Я говорилъ Николаю Гагарину, но, кажется, онъ ни на что не рѣшился, а благодаритъ за предвареніе.

Не знаю книги про Россію, о которой ты мнѣ говоришь, да и не могъ разобрать въ письмѣ твоемъ имени автора. Пришли ее на минуточку: ты знаешь, какъ я исправно возвращаю. Найди мнѣ въ Петербургѣ новые „Messéniennes" въ которыхъ „Le voyageur", „Napoléon" и прочее.

Что же красной ратины? У насъ вторая зима, и мы опять принялись за сани и медвѣдя. Куда, какъ мило!

Скажи Голицыну, чтобы онъ прислалъ мнѣ нѣсколько экземпляровъ романса; и зачѣмъ романсъ, а не „Сѣтованіе", какъ у меня сказано? Хочу это названіе вывесть въ люди.

Здѣсь все еще полно будущимъ концертомъ. Деньги между тѣмъ почти всѣ собраны. Это главное. Я получилъ по этому случаю замѣчательный отвѣтъ отказный отъ Мамонова: историческій документъ pour les mémoires du temps. Всѣ, и онъ между прочими, говорятъ: „Зачѣмъ выкупать Семенова, когда милліоны въ его положеніи? „Во первыхъ, не дѣлать частнаго добра, потому что нельзя дѣлать общаго,—худая отговорка; во вторыхъ, въ образованномъ быту нельзя поставить на одну доску отличнаго художника и пьянаго конюха; если уважать аристократію, то уважьте и ту, которого опредѣлила сама природа, выставя одного изъ тысячи; въ третьихъ, кто вамъ мѣшаетъ сколько можно выкупать, отпускать, освобождать съ своей стороны. Неужели, отпустивъ на волю трехъ

изъ заслуженныхъ людей, мнѣ подвластныхъ, согрѣшилъ я противъ другихъ, которые остались въ прежнемъ положеніи? Все это парадоксы подлости, трусости и сожалѣнія выдать 50 рублей, когда каждый вечеръ проигрываются сотни и тысячи за карточными столами. Вотъ тебѣ программа концерта, изъ коей ты увидишь и при случаѣ докажешь, что избѣжали всякой личности и указанія.

Прости! Благодари Николая Михайловича за подарокъ двухъ томовъ, за которые я жадно принялся. Буду писать къ нимъ въ понедѣльникъ.

Пуще всего старайся, чтобы не раздражали Куракина. Первое дѣло — успѣть, а потомъ уже казнить. Отдай приложенное Воейкову для напечатанія, только безъ моего имени. Не идеологствуй много, поправь, если я гдѣ проболтался; только не задерживай долго.

603.

Тургеневъ князю Вяземскому.

21-го марта. [Петербургъ].

На сихъ дняхъ Батюшковъ читалъ новое изданіе Жуковскаго сочиненій, и когда онъ пришелъ къ нему, то онъ сказалъ, что и самъ написалъ стихи. Вотъ они:

Ты знаешь, что изрекъ,
Прощаясь съ жизнію, сѣдой Мельхиседекъ?
Рабомъ родится человѣкъ,
Рабомъ въ могилу ляжетъ,
И смерть ему едва ли скажетъ,
Зачѣмъ онъ шелъ долиной чудной слезъ,
Страдалъ, рыдалъ, терпѣлъ, исчезъ.

Записка о немъ готова. Мы надѣемся скоро отправить его въ Зонненштейнъ. Съ нимъ поѣдетъ и нѣжная сестра.

„Фонтанъ“ здѣсь и продается съ успѣхомъ. Въ одно время: два тома „Исторіи“ Карамзина, три—новаго изданія Жуковскаго и „Бахчисарайскій фонтанъ“, да еще и духовная книжка Коче-

това, также очень хорошая въ своемъ родѣ. Это хоть бы и не у насъ!

Піесу твою пересматриваетъ Дашковъ, а потомъ напечатаемъ. Катенька Карамзина все еще нездорова. Прости!

604.

Князь Вяземскій Тургеневу.

24-го марта. [Москва].

Получилъ письмо твое отъ 18-го марта, но многаго въ немъ не понялъ во второй половинѣ и даже не разобралъ. Не знаю даже, чтò ты думаешь о концертѣ нашемъ. Неужели не одобряешь? У тебя, кажется, много иносказательнаго или недосказательнаго. Объяснись!

Вчера данъ былъ концертъ: собрано 10000 слишкомъ. Все и въ музыкѣ, и въ дѣйствующихъ лицахъ, и въ слушателяхъ, и въ залѣ имѣло какое-то *доброгласіе* и, кромѣ цѣли исключительно русской, все прочее было на европейскую стать. Слава Богу, что побѣдили всѣ козни глупости и низости. Даже Юсуповъ и княгиня Татьяна Васильевна съ дочерью присутствовали: вотъ кляпъ для бригадирскихъ ртовъ. Одинъ Апраксинъ отстоялъ свое мнѣніе и не былъ. Теперь должно надѣяться, что зловредное наитіе не подѣйствовало на Куракина; впрочемъ, надобно положиться и на прелесть 10000 рублей. Ихъ прелесть краснорѣчивѣе всѣхъ витійствъ Апраксиной и даже к[нягини] Нат[альи] Пет[ровны].

Зачѣмъ же далъ ты Сергѣю Львовичу, то-есть, фонтану-отцу, четыре „Фонтана“ сына? Ему назначено отъ меня только три, а тебѣ два. Теперь они должны быть уже въ продажѣ у васъ. Я вчера получилъ письмо отъ Пушкина изъ Одессы: цѣна, заплаченная за „Фонтанъ“, приободрила его, и онъ говоритъ мнѣ, что начинаетъ почитать русскихъ книгопродавцевъ.

Какъ довольны вы моимъ „Разговоромъ“? Я далъ волю своему перу, да къ тому же и не боялся васъ, идеологовъ.

Сейчасъ былъ у меня Вьельгорскій: отъ Куракина есть от-

вѣтъ. Онъ даетъ свободу Семенову, а деньги велитъ отдать въ здѣшнюю больницу Куракинскую.

Вы требуете отъ меня тайны въ дѣлѣ Спаса, а между тѣмъ постороннія письма и пріѣзжіе изъ Петербурга о томъ говорятъ. Отъ Кушникова все еще не имѣю вѣсти. Что Катенька? Обнимаю! Есть ли, или нѣтъ красной ратины? Пришли женѣ все, что есть для фортепіано изъ оперы „Der Freischütz": вальсы, марши, увертюру и прочее.

605.

Тургеневъ князю Вяземскому.

24-го марта. [Петербургъ].

Дашковъ, сегодня или завтра отсюда отправляющійся чрезъ васъ въ свою деревню, будетъ вамъ живою отъ насъ грамотою. Не зная, увижу ли я его еще, спѣшу пересказать о Бор[атынскомъ]. Закр[евскій] говорилъ и просилъ: обѣщано, или почти обѣщано, но еще ничего не сдѣлано, а велѣно доложить чрезъ Диб[ича]. На этого третьяго дня напустилъ я князя Гол[ицына]; потомъ принялся самъ объяснять ему дѣло и человѣка. Большой надежды онъ мнѣ не подалъ, но обѣщалъ доложить въ теченіе дней всеобщаго искупленія. Между тѣмъ, узнавъ отъ него, что онъ думаетъ, что Бор[атынскій] отданъ, а не охотой пошелъ въ солдаты, я клялся ему въ противномъ, просилъ справиться и, занемогши самъ въ тотъ же день, вчера призывалъ Муханова, просилъ его упросить Закревскаго объяснить Диб[ичу] это обстоятельство: оно важно и должно болѣе другихъ обратить гнѣвъ на милость. Страшусь отказа за Боратынскаго, ибо онъ усталъ страдать и терять надежду; но, авось! Или, лучше, я почти увѣренъ, что простятъ; но дѣло въ томъ — когда? Отсрочка трудная и тяжелая для страдальческой души Боратынскаго: c'est bien là le cas de dire:

.... on désespère
Alors qu'on espère toujours.

Повторяю просьбу: не объявлять нигдѣ его имени подъ сти-

хами. Я забылъ порадовать милую княгиню извѣстіемъ о пріѣздѣ сюда Ломоносова, который скоро отправляется къ вамъ, а отъ васъ, чрезъ Варшаву, опять въ Парижъ. Онъ привезъ сюда нѣсколько новыхъ книгъ, которыя роздалъ для чтенія моднымъ пріятелямъ и пріятельницамъ. Между новостями—два тома записокъ madame Genlis, одинъ томъ записокъ старика Сегюра и прочее.

Я боленъ и не могъ выправиться у Козлова о стихахъ. Пошлю спросить сегодня или завтра. Жуковскій получилъ письмо твое и сбирается отвѣчать. Новости третьяго дня были слѣдующія: графиня Эльмтъ — Екатерининской дамой; Давыдова, внука графа Орлова и еще одна, а кто, не помню — фрейлины. Графу Литта велѣно исправлять должность оберъ-камергера.

Переведи мнѣ четыре стиха, которые я нашелъ эпиграфомъ у Сегюра, но переведи вѣрно и такъ же грустно-хорошо, хотя и можешь выкинуть le remplissage: *présent céleste*. Вотъ они:

Le souvenir, présent céleste,
Ombre des biens que l'on n'a plus,
Est encore un plaisir qui reste
Après tous ceux qu'on a perdu.

Воейкову передамъ твое порученіе чрезъ Жуковскаго, ибо я самъ не выѣзжаю или почти не выѣзжаю. По вечерамъ бываю у Карамзиныхъ, а весь день читаю и думаю памятью и горюю, что не въ Москвѣ встрѣчу веселый, но на меня уныніе и грусть наводящій, праздникъ.

Помѣшалъ Ѳедоровъ чтеніемъ продолженія своего „Курбскаго“. Право, хорошо писано, и всѣ подробности почерпнуты изъ хроникъ. Карамзину и императрицѣ Елисаветѣ очень понравилось. Она видитъ въ немъ начало нашего Вальтера-Скотта. Прости! Обними дѣтей, поцѣлуй ручку у жены и скажите за меня другъ другу: „Христосъ воскресе!“ въ первую минуту перваго часа Свѣтлой недѣли.

606.

Тургеневъ князю Вяземскому.

25-го марта. [Петербургъ].

Письмо и афишу получилъ. За „Сѣтованіемъ“ послалъ къ к[нязю] Влад[иміру] и, если пришлетъ, доставлю сегодня. Новыхъ же „Мессеньенъ“ у меня и здѣсь нѣтъ. Я только читалъ одну оду на смерть Наполеона, въ которой много прекраснаго. Фолтене обѣщалъ мнѣ книжку на два дни. Посылаю за ней сейчасъ же. Если будетъ здѣсь въ продажѣ, то пришлю къ тебѣ. Объявленіе напечатаю, но не хотѣлъ прочесть его Карамзину вчера, потому что (между нами) онъ очень огорченъ холоднымъ разборомъ его двухъ томовъ и въ досадѣ говорилъ, что перестанетъ писать „Исторію“. Вообрази себѣ, что по четыре, по пяти экземпляровъ въ день разбираютъ. Вчера взяли семь на простой бумагѣ. Онъ принужденъ уступать на срокъ книгопродавцамъ. Ожидаю бо̀льшого рвенія и патріотизма отъ русской Россіи: чухонская равнодушна къ славѣ отечества. Здѣсь многіе почти ежедневно у Карамзина и не взяли его „Исторіи“! Другіе просятъ прочесть. А ты хвалишь русскихъ за покупку стиха за шесть рублей! Такъ, и тому должно радоваться. Но гдѣ же любовь къ полезному и славному? Не говори другимъ о грязномъ разборѣ „Исторіи“, да не возрадуются клевреты Каченовскаго!

Соловей-Хвостовъ недавно воспѣлъ Ломоносова слѣдующимъ стихомъ:

Въ болотѣ родился великій Ломоносовъ.

Софья Дмитріевна Нарышкина очень больна. Федоръ Петровичъ Уваровъ опасно боленъ и проживетъ недолго. Статью отдамъ Воейкову. Но для чего не Гречу? Онъ на нее больше имѣетъ право.

Вѣроятно, буду у васъ къ 1-му мая. Я люблю видѣть Москву въ праздничномъ кафтанѣ и слушать Ивана, гудящаго съ товарищами. Для того и пріѣзжалъ часто къ Святой; а теперь не

удастся отдѣлаться такъ скоро и постараюсь пріѣхать на нѣмецкіе станы.

Мой секретарь пишетъ на твое предисловіе замѣчанія и напечатаетъ у Измайлова.

Я боюсь, что и Жуковскаго сочиненія не скоро разойдутся. Не посовѣтуешься ли съ Пономаревымъ и прочими, или не написать ли мнѣ къ Антонскому? Онъ у меня теперь въ надеждѣ на звѣзду и вѣрно расположенъ къ добру.

Ни жены, ни мужа Киселевыхъ еще не видалъ, но въ четвергъ обѣдаю съ ними у графа Мейстера.

Сейчасъ получилъ и „Мессеньены", но еще не успѣлъ прочесть.

607.

Тургеневъ князю Вяземскому.

28-го марта. [Петербургъ].

Еще отъ 14-го февраля послано отсюда отношеніе Ланского по твоему дѣлу къ тверскому губернатору. Справься! Какъ скоро отвѣтъ будетъ, я тебя увѣдомлю.

Ратины красной нѣтъ, а есть байка красная, по слишкомъ теплая для теперешней погоды. Еще поищу въ русскихъ лавкахъ ратины. Прости!

608.

Князь Вяземскій Тургеневу.

31-го [марта. Москва].

Война, опять война! Читалъ ли ты въ пятомъ „Вѣстникѣ Европы" „Второй разговоръ" на меня? Вотъ первый отвѣтъ. Напечатай его, гдѣ хочешь: у Греча или Воейкова, но только безъ перемѣны. Здѣсь онъ уже вышелъ невредимъ изъ горнила ценсуры и полѣзъ въ дамскій б— — Шаликова. Что же дѣлать? Въ одномъ этомъ журнальномъ б— — можно — — свободно на Каченовскаго. И Шаликовъ, и ценсоръ Снегиревъ — души не робкія

и враги отъявленные Каченовскому. Я долженъ былъ воспользоваться этимъ стеченіемъ обстоятельствъ въ страхѣ, что у васъ цензура еще и заупрямится. Сдѣлай одолженіе, только напечатайте скорѣе и скажите, что московская цензура уже пропустила. Лучше, если у Греча. „Исторіи“ два тома продаютъ здѣсь по 25 рублей у Глазунова. Какъ идетъ продажа? Но вѣдь въ города мало еще послано. Благодарю Голицына за музыку. Вчера пѣла здѣсь вторая Каталани. Голосъ большой, но мало искусства и пріятности.

Пріѣзжай хоть къ нѣмецкимъ — — —,
Когда быть не можешь ты къ русскимъ — — —,

то-есть, личкамъ Свѣтлаго праздника. Обнимаю.

609.

Тургеневъ князю Вяземскому.

1-го апрѣля. [Петербургъ].

Въ прошедшую пятницу графъ Аракчеевъ призвалъ брата Николая и показалъ ему два указа. Однимъ пожалованъ онъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники, другимъ отпущенъ съ жалованьемъ безсрочно въ чужіе краи, и велѣно выдать 1000 червонцевъ на дорогу. Словесно—много пріятнаго и лестнаго. Это насъ очень порадовало и тѣмъ болѣе, что неожиданно.

Жихареву—статскаго совѣтника. Братъ отправляется въ среду на Святой недѣлѣ въ дилижансѣ на Ригу. Жуковскому еще перстень отъ Маріи Ѳедоровны, кажется, за сочиненія. Въ Тулу губернаторъ не князь Оболенскій, а бывшій въ Архангельскѣ.

610.

Князь Вяземскій Тургеневу.

3-го апрѣля. [Москва].

Поздравляю отъ всего сердца его превосходительство. Теперь дѣло стало за Сергѣемъ Ивановичемъ. Булгаковъ ѣздилъ сказы-

вать о томъ вашей матушкѣ. Когда ѣдетъ новый дѣйствительный статскій совѣтникъ и не заѣдетъ ли сюда прежде?

Я уже два раза писалъ къ Всеволожскому, но онъ былъ въ отлучкѣ; теперь должно ждать скоро отвѣта. Предложеніе Спасу будетъ разсмотрѣно послѣ праздниковъ.

Пощечина Каченовскому будетъ заявлена въ дамскомъ б— — въ середу на Свѣтлой недѣлѣ. Вотъ отчетъ всѣмъ дѣламъ моимъ. Прости! Благодари Карамзина за увѣдомленіе о справкѣ моего дѣла опекунскаго. Катенькѣ, видно, лучше, что ни ты, ни онъ ни слова о ней не сказали. Скажи ей, что я, а вѣрно и ты, предпочитаемъ крапивныя щи крапивной лихорадкѣ. Всѣмъ добрымъ людямъ поклонъ.

Сдѣлай одолженіе, справься въ Министерствѣ просвѣщенія, что дѣлается съ просьбою Раича изъ Москвы о издаваніи журнала, и дай тотчасъ знать.

611.

Тургеневъ князю Вяземскому.

4-го апрѣля. [Петербургъ].

Письма твои получилъ и разослалъ. Спасибо за концертъ. Я никогда не осуждалъ тебя за сіе, но описывалъ здѣшнія неудачи во многомъ подобномъ; впрочемъ, многое и удается. Оперу „Фрейшюцъ“, то-есть, музыку постараюсь отыскать и прислать княгинѣ.

Катенькѣ лучше, но все еще пальцы пухнутъ, и она выходитъ только въ гостиную и выѣзжаетъ прогуливаться.

Вотъ переводъ Кокошкина „Запоздалаго листа“ Пушкина:

Tendres désirs, rêves d'amour,
De la vie aimables chimères!
Le temps sur les ailes légères
Vous emporte, hélas! sans retour.
Avec une âme indifférente,
Un coeur brisé par la douleur,
Je vois sans ami, sans amante
S'écouler des jours sans bonheur,

Semblable à la feuille flétrie,
Par le souffle des ouragans
Qui sur la tige dégarnie
S'agite seule au bruit des vents!

Нева прошла вчера.

612.

Князь Вяземскій Тургеневу.

7-го апрѣля. [Москва].

Христосъ воскресъ, мой христолюбивый, мой пасхолюбивый камергеръ! Не перепало ли тебѣ какихъ-нибудь всемилостивѣйшихъ крупицъ? Москва вмѣсто краснаго яичка получила изъ Петербурга красный кафтанъ Кашкина. Въ немъ отличено московское бригадирство. Между тѣмъ замѣчаютъ, что онъ развѣ съ годъ какъ произведенъ былъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники; за то посѣдѣлъ въ партіи Екат[ерины] Влад[иміровны].

Скажи Жуковскому, что я получилъ его три экземпляра. Далъ Дмитріеву и Антонскому. Ожидаю назпаченныхъ на продажу. Между тѣмъ пускай присылаетъ два веленевые, которые отъ меня требуютъ.

У меня руки, плеча болятъ отъ простуды. Писать больно, а руки между тѣмъ чешутся на Каченовскаго. Прости! Обнимаю тебя.

Спроси отъ меня у Бутурлина за „Campagne de 1812", которую хвалятъ въ „Journal de Paris". Здѣсь говорятъ, что будто свадьба его разстроена. Правда ли?

Меня Василій Львовичъ мучитъ именемъ Сергѣя Львовича, будто не получившаго экземпляра „Фонтана". Что за вздоръ! Отблагодаритъ ли чѣмъ-нибудь императрица? Надоумь Карамзина. Чѣмъ же „Полярная Звѣзда" лучше?

613.

Князь Вяземскій Тургеневу.

10-го апрѣля. [Москва].

Спасибо за 1-е и 4-е апрѣля. Помилуй, что это ничего моего не печатается? Вы меня дѣлаете совершенно горчишникомъ послѣ ужина. У васъ на рукахъ три мои піесы раскаленныя, которыя никуда годиться не будутъ, когда простынутъ. Найди въ 7-мъ дамскомъ б— — мое — — —. Я хорошо сдѣлалъ, что обратилъ распрю напрямки. Этотъ подлый пародишка любитъ кидать каменьями и грязью изъ-за угла.

Я получилъ отвѣтъ отъ тверского Всеволожскаго. Онъ пишетъ ко мнѣ, что отвѣчалъ министру согласно моему желанію.

Радуюсь за Николая Ивановича. Куда и надолго ли онъ поѣхалъ? Ты хорошо сдѣлалъ, что не пріѣхалъ къ нашей Пасхѣ: она холодна, снѣжна, грязна, скучна.

Я имѣю „Наполеона“ Lavigne. Итакъ, не присылай списка, а развѣ печатаннаго, если найдешь. Не нужно также и „Freischütz“, который здѣсь есть Проси у Бутурлина книгу, хоть за деньги, если продается.

За Каченовскаго ополчился на меня Дмитріевъ-племянникъ. По крайней мѣрѣ таковъ общій голосъ. Celui-là ne chasse pas de race. Вотъ раскаленная эпиграмма. Прошу не дать ей остывать и отправить сей же часъ Гречу:

Эпиграмма.

Клевретъ журнальный, Анонимъ,
Помощникъ презрѣнный ничтожнаго безсилья,
Хвалю тебя за то, что подъ враньемъ твоимъ
Утаена твоя фамилья.
Съ безстыдствомъ страхъ стыда желая согласить,
Ты доказалъ, вдвойнѣ кривнувъ душою,
Что если радъ себя безчестить подъ рукою,
То именемъ своимъ умѣешь дорожить.

Вяземскій.

Прошу сей же часъ напечатать. Обнимаю.

614.

Князь Вяземскій Тургеневу.

14-го [апрѣля. Москва].

Поздравляю съ Ѳомою. Встрѣтилъ ли ты Ѳому? А Жуковскій? Я еще не видалъ Ѳаддея послѣ окрещенія своего, но благодарю Дашкова и за взятый трудъ, и за милое письмо, на которое буду отвѣчать въ четвергъ.

Скажи Жуковскому, что по всѣмъ справкамъ моимъ узналъ я, что одинъ петербургскій Глазуновъ въ состояніи купить его изданіе гуртомъ. Глазуновъ-сынъ будетъ отцу писать о томъ отсюда. Пускай Жуковскій снесется съ нимъ.

Послѣдніе дни праздниковъ были великолѣпны. Подновинское на эти дни точно въ Европѣ: движеніе кипящее, смѣшеніе званій, отверженіе всякаго бригадирства!

Не жди отъ меня ничего путнаго сегодня: сердце въ трауръ, а голова съ похмелья отъ уличной жизни.

Таковъ, Тургеневъ, я развратенъ,
Но на меня и ты похожъ.

Завтра примусь за дѣло, а теперь все еще въ ушахъ бубны гремятъ.

Печатайте скорѣе мою эпиграмму. Сдѣлай одолженіе, справься скорѣе о журналѣ Раича и похлопочи о немъ какъ, гдѣ и сколько можешь. Раичъ одинъ *литераторъ* въ Москвѣ, скажу смѣло.

615.

Тургеневъ князю Вяземскому.

15-го апрѣля. [Петербургъ].

Письма и отъ 7-го, и отъ 10-го получилъ и „Эпиграмму" отослалъ вчера же Гречу, но Крас[овскій] не пропускаетъ то, что впустилъ въ себя дамскій б— —. Впрочемъ, довольно и одного и — — нія.

ОСТАФЬЕВСКІЙ АРХИВЪ

КНЯЗЕЙ

ВЯЗЕМСКИХЪ.

III.

Переписка князя П. А. Вяземскаго съ А. И. Тургеневымъ.

1824—1836.

Изданіе графа С. Д. Шереметева.

Подъ редакціей и съ примѣчаніями В. И. Саитова.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 лин., 28.

1899

Ґр[афиня] Разум[овская] послала ко мнѣ „Урику“ герцогини Дюрасъ, но я еще не получалъ книжекъ. Я любопытенъ читать ее и потому, что полагаю вліяніе на сію книгу и Свѣчиной, друга автора. Объявленіе Кузеня объ изданіи Декарта получилъ. Съ французскою легкостію и самонадежностію, но блистательно написано.

Объ отношеніи Всев[оложскаго] у Ланского выправлюсь и дамъ скорый ходъ дѣлу. Къ Жуковскому порученіе исполню только сегодня: забылъ. Пушкинымъ экземпляръ отдалъ или по крайней мѣрѣ отдавалъ. Не помню, взяли ли они. Сергѣй Уваровъ впутался не въ свое дѣло и отдалъ императрицѣ экземпляръ „Фонтана“ прежде Карамзина и все испортилъ. Сидѣлъ бы за своимъ сукномъ. Онъ перещеголялъ Козодавлева и на счету ему подобныхъ въ публикѣ, если не хуже. Всѣхъ кормилицъ у Канкриной знаетъ и дѣтямъ даетъ кашку.

Братъ уѣхалъ въ дилижансѣ въ среду на Святой недѣлѣ. Вотъ, братъ, репутація! Не нашей чета! Не первый ли примѣръ въ его категоріи? И Свиньинъ не смѣетъ завидовать, оглушаемый общимъ отголоскомъ публики; а братъ не выходилъ изъ кабинета и изъ Англійскаго клуба.

Четыре дни сряду таскался подъ качелями и велъ жизнь твоей подобную. Сегодня иду на армянскую вечеринку, если не къ Пашковымъ на балъ.

616.

Тургеневъ князю Вяземскому.

18-го апрѣля. [Петербургъ].

Что у васъ за Павловъ, и для чего вы его не удержали отъ сумасброднаго поступка, если это тотъ, что пишетъ въ журналѣ? (Между нами покамѣстъ). Прости! Требуютъ на службу, а ночи не сплю на балахъ съ горя разнороднаго. Что же Коммиссія? Тургеневъ.

617.

Князь Вяземскій Тургеневу.

21-го апрѣля. [Москва].

Я все еще въ грязи кулачнаго боя. Но что же дѣлать? Разъ пустившись въ эту полемику, нельзя отстать, пока бой не рѣшенъ. Самому досадно и скучно, и гадко связываться съ народомъ, который такъ поодаль отъ меня, когда самъ не спускаюсь въ ихъ омутъ. Буду осторожнѣе впередъ; но пока, на прощанье, изобью ихъ въ кровь. На дняхъ пришлю мое второе возраженіе, которое здѣшній цензоръ также пропустилъ. Дай Богъ ему здоровья! А между тѣмъ вотъ нѣсколько листковъ перваго моего отвѣта для раздачи. Да развѣ Воейковъ по праву корсарства своего не можетъ перепечатать у себя напечатанное въ другомъ журналѣ, не прося новаго разрѣшенія отъ цензуры? Скажи ему. „Дамскій Журналъ" читаютъ

двѣ-три набожныя лани,
Звѣришки бѣдныя, безъ связей, безъ подпоръ,

а „Вѣстникъ Европы" имѣетъ какое то популярство. Такимъ образомъ выходитъ, что меня бранятъ всенародно, а я отбраниваюсь приватно. Пособи и войди въ мое сиротное положеніе.

Съ Спасомъ, кажется, дѣло идетъ на ладъ. Предложеніе министра читано, и согласились купить мое имѣніе; только Витбергъ, основываясь на словахъ министра, требуетъ отъ меня уступки 20000 рублей. Хочу, съ согласія Кушникова, предложить половину. Завтра, вѣроятно, получу отъ него отвѣтъ. Я съ совѣта Кушникова былъ у Витберга послѣ засѣданія. Онъ говорилъ о тебѣ: „Мы съ нимъ не сошлись. Александръ Ивановичъ старается мнѣ вредить; хочетъ, чтобы я искалъ въ немъ, но мнѣ искать нѣтъ нужды", и прочее. Сперва я заступался; но послѣ, какъ готовился горячиться, подумалъ, что я не съ тѣмъ къ нему пріѣхалъ, чтобы за тебя рицарствовать, а рицарствовать за свои выгоды, и потому, признаюсь, подло поджалъ хвостъ и оставилъ тебя ему на съѣденіе. Онъ уже заранѣе, мимо Коммиссіи и до

предложенія министерскаго, по однимъ предварительнымъ словамъ Кушникова о желаніи моемъ продать имѣніе тверское, посылалъ чиновника разсматривать его. Тутъ что-нибудь да кроется. Впрочемъ, я изъ деревни своей еще не получалъ донесенія о пріѣздѣ туда чиновника. И это все странно! Богъ съ ними! Только удалось бы мнѣ все кончить на славу имени Божія. Скажи обо всемъ Карамзинымъ, которымъ сегодня не пишу. Не буду писать и Дашкову, но благодарю очень за напечатаніе ѳаддейщины; я поправками доволенъ.

Хочется приняться мнѣ за какую-нибудь работу успокоительную, чтобы очистить душу, которая, право, какъ въ болотѣ, съ той поры, что вожусь въ дракѣ. Полемическія распри хороши въ Европѣ: тамъ и противники, и зритель, и судіи другъ друга достойны.

Въ побѣдѣ чести нѣтъ, когда безчестенъ бой.

Вотъ эпиграммы Грибоѣдова по случаю, или по поводу нашего калмыцкаго балета. Прости! Вчера видѣлъ я вашу матушку на большомъ балѣ у Апраксина по случаю свадьбы племянника Талызина на Зубовой. Матушка очень обрадована хорошими извѣстіями о Николаѣ Ивановичѣ. Будешь ли къ первому мая?

Что о журналѣ Раича? Дай эпиграммы Воейкову, чтобы пустить ихъ по рукамъ.

618.

Тургеневъ князю Вяземскому.

22-го апрѣля. [Петербургъ].

Письмо твое получилъ и Жуковскому сообщилъ о Глазуновѣ. Отвѣтъ по дѣлу твоему получилъ отъ тверского губернатора, и предложено Совѣту въ Москвѣ разсмотрѣть просьбу. Карамзинъ увѣдомитъ тебя о письмѣ къ нему Новосильцова. Теперь хлопочи самъ чрезъ Кушникова. Что же отвѣтъ Коммиссіи на наше предложеніе?

Вчера былъ на балѣ во дворцѣ, а завтра буду у сосѣдки

Пашковой, гдѣ празднуютъ свадьбу племянника съ графинею Моденъ. Будетъ и великая княгиня.

О Раичѣ не помнятъ здѣсь, ибо, вѣроятно, бумага отдана князю Оболенскому. По порядку нужно отъ него имѣть отзывъ. Спроси у князя Оболенскаго, не прислалъ ли ему князь его просьбы, а я еще здѣсь поразвѣдаю; но въ Департаментъ князь точно не сдавалъ его просьбы.

Если у Николеньки точно корь, то эта болѣзнь можетъ долго задержать Карамзиныхъ въ Петербургѣ, ибо у Катеньки ея не было.

Отъ Николая получилъ извѣстіе изъ Риги. Онъ ѣдетъ пріятно, и въ будущемъ для него здоровье и веселье.

Я познакомился здѣсь съ Велеурскимъ, бывшимъ адъютантомъ великаго князя и будущимъ зятемъ Шадурскаго. Онъ тебя знаетъ. Кажется, весельчакъ?

Точно на тебя былъ похожъ всю недѣлю: съ мутною душою жилъ въ чаду принужденнаго разсѣянія.

619.

Князь Вяземскій Тургеневу.

24-го апрѣля. [Москва].

Витбергъ сказалъ мнѣ словесно, что согласенъ принять уступку мою въ 12000 рублей, и долженъ былъ прислать мнѣ отвѣтъ письменный, но еще нѣтъ его. Отвѣчалъ ли онъ министру?

Павловъ, о которомъ ты пишешь, не журнальный, а другой и, кажется, сумасшедшій. Такъ мнѣ сказывалъ Иванъ Ивановичъ, къ которому приносилъ онъ свою комедію. Я говорилъ о томъ вчера Данзасу, который назначенъ производить надъ нимъ слѣдствіе. Нужно его лѣчить, а не наказывать.

Вотъ второй мой отвѣтъ Дмитріеву. Отдай его въ „Сынъ Отечества“. Неужели ваша цензура и этого не пропуститъ? Ужъ подлинно наша бригадирша Москва не республика ли, потому что можно въ ней ѣздить цугомъ въ каретѣ, ходить, какъ Ираклій Морковъ, въ патріотическомъ шлафрокѣ, по выраженію Ростоп-

чина, и отвѣчать „Вѣстнику Европы“? Читалъ ли ты въ 7-мъ номерѣ новую брань Дмитріева на меня. На нее должно было бы отвѣчать палками, но я предпочелъ отвѣчать хладнокровнымъ офиціальнымъ письмомъ къ Каченовскому черезъ Антонскаго, которое, если успѣю, сообщу тебѣ завтра черезъ тяжелую почту. А тутъ и баста! Ругай они меня, какъ хотятъ, а въ — — отбраниваться не пойду. Я и такъ уже провонялъ — —.

Скажи сейчасъ Жуковскому, чтобы онъ высылалъ скорѣе другіе экземпляры свои. Вчера, въ особомъ объявленіи къ номеру 33-му „Московскихъ Вѣдомостей“, извѣщаю о продажѣ его книгъ, и вчера же всѣ десять экземпляровъ присланные проданы. Хороша у него ошибка во второмъ томѣ, на заглавномъ листѣ: *Жуховскаго*.

Прости! Обними за меня Карамзиныхъ. Когда ихъ превосходительства переѣзжаютъ въ Царское Село? Какъ идетъ продажа его „Исторіи“?

Сдѣлай милость, поработай, чтобы разборъ мой былъ напечатанъ у Греча или Воейкова.

620.

Тургеневъ князю Вяземскому.

29-го апрѣля. [Петербургъ].

Отъ В[итберга] мы еще ничего не получали. Исполнимъ, какъ скоро получимъ. Карамзинъ Николенька въ кори; но вчера вдругъ застрадалъ чрезвычайно и прокричалъ часовъ восемь отъ боли въ разныхъ мѣстахъ. Вѣроятно, ревматизмъ. Піесу получилъ. Но здѣсь и думать нельзя о печатаніи вашихъ перепалокъ. Пора перестать. Теперь ты, вѣроятно, и съ Булг[аринымъ] свяжешься.

Бируковъ—цензоръ въ бѣдѣ. Госнеръ, католическій священникъ, извѣстный проповѣдникъ, высланъ за-границу; и Гречу—типографщику грозила бѣда. Но я боюсь только за Бирукова, а вы все на цензоровъ нападаете.

Въ прошедшую ночь, на понедѣльникъ, было въ городѣ большое — —: семь свадебъ вдругъ! Бутурлина, графа Апра-

ксина, доктора Мюллера и пр., и пр. Пашкова, наконецъ, выходитъ за Левашова. 1-го мая сбираются въ новоотдѣланный Екатерингофъ.

Напомни Жихареву о дѣлѣ крестьянина, у котораго отняли жену. Здѣсь ему не выдаютъ вида, и ему и не чѣмъ, и не съ чѣмъ идти въ Москву и здѣсь жить.

Въ „Инвалидѣ", 26-го марта, напечатана мистификація изъ Кишинева. *Гор...*, подписанный подъ статьей, значитъ по молдавски: большой... И всѣхъ сихъ воздушныхъ явленій и происшествій тамъ не бывало.

621.

Князь Вяземскій Тургеневу.

1-го мая. [Москва].

Вотъ мое *послѣднее слово.* Напечатай его у Греча или Воейкова, гдѣ сподручнѣе. Но непремѣнно нужно статьѣ быть въ петербургскомъ журналѣ.

Что матушки Москвы и краше и милѣе?

Ну, не прелесть ли этотъ пригласительный билетъ! Этотъ царевичъ женился на Оболонской, дочери рязанскаго откупщика, у котораго, говорятъ, нѣсколько милліоновъ за пазухою. Домъ прекрасный, балъ великолѣпный. У Оболонскаго есть еще оболонка; пріѣзжай скорѣе: породнимъ тебя съ грузинскимъ престоломъ. Вотъ и первое маія, а ты сдѣлалъ изъ него первое апрѣля: не дождались тебя. На дняхъ ѣдемъ въ Остафьево, а въ половинѣ мѣсяца жена отправится въ Одессу.

Отошли письмо Воейкову; оно не интересное и потому запечатано. Пишу ему о спорѣ, возникающемъ между книгопродавцами за „Бахчисарайскій фонтанъ", источникъ толикихъ браней. Спроси у Воейкова эпиграммы на меня и Грибоѣдова. Узнай стороною, получено ли Гречемъ возраженіе Полевого на Дмитріева, и будетъ ли оно напечатано. Впрочемъ, вотъ тебѣ всѣ эпиграммы Дмитріева и Писарева; легко узнать, которыя на меня и которыя на Грибоѣдова. А у Воейкова возьми мой отвѣтъ. Какая низость

припутать тутъ Варшаву! Съ хорошимъ народцемъ я связался! Это послужитъ мнѣ урокомъ. Слышу, что и у Булгарина есть какая-то плоская грубость на меня. „Ma vie est un combat“, могу сказать съ Beaumarchais. За то лѣтомъ напишу славность стихами или прозою о полемическихъ распряхъ.

Въ будущій вторникъ должно быть засѣданіе въ Спасительной коммиссіи. Прости! Погода скверная: вѣтеръ, холодъ, и гулянье 1-го маія къ чорту. Кланяйся Дашкову. Когда же будетъ Блудовъ?

622.

Тургеневъ князю Вяземскому.

2-го мая. [Петербургъ].

Мы еще ничего не получали изъ Коммиссіи. Желаю полнаго успѣха, но, ради Бога, не давай обѣдовъ на счетъ будущихъ благъ. Здѣсь уже кто-то объ этомъ проболтался (точно ли это было?). Обязанность твоя — заплатить долги и сберечь кусокъ хлѣба женѣ и дѣтямъ. Говорю строгимъ языкомъ чистой и горячей къ тебѣ дружбы. Ты покроешься стыдомъ, если, прежде нежели все не заплатишь, истратишь хотя рубль на прихоть, хотя и самую полезную или пріятную. Здѣсь все узнаютъ и донесутъ. Но что до другихъ! Была бы чиста совѣсть твоя предъ дѣтьми и друзьями, и предъ тобою. Дай имъ отчетъ послѣ вѣрный въ употребленіи вырученной суммы и не бери изъ ней ничего для своего ежедневнаго обихода. Поручи уплату всего другому, напримѣръ, князю Оболенскому. Вотъ тебѣ проповѣдь преданнаго тебѣ сердца. Карамзины боятся за тебя, то-есть, за употребленіе тобою суммъ. Я ручаюсь, что ты будешь честенъ во всемъ строгомъ европейскомъ смыслѣ этого слова.

Вчера я былъ на пасмурномъ гуляньѣ. Отдѣлка онаго графомъ Милорадовичемъ не совсѣмъ поспѣла, но уже дороги и пріюты веселящимся были полуготовы. Будетъ хорошо къ будущему маю, но все холодно и пасмурно. Мы пріѣхали туда водой обѣдать, а оттуда возвратился я пѣшкомъ вечерять къ графу Мейстеру.

Графъ Хвостовъ прислалъ къ моему секретарю стихи, посвященные графу Милорадовичу на вчерашнее гулянье. Прелесть! Давно онъ такъ самъ себя не выражалъ въ своихъ произведеніяхъ, какъ въ сей прогулкѣ воображенія. Пришлю, если успѣю, нѣсколько счастливыхъ стиховъ. „Отечественныя Записки", вѣроятно, сберегутъ это сокровище вполнѣ.

Второй отвѣтъ твой всѣмъ читалъ, но печатать нельзя. Боюсь, если бы здѣсь пропустили, чтобы и вашимъ ценсорамъ за сіи личности не досталось.

Пушкинъ-поэтъ дрался на дуэли, но противникъ не хотѣлъ стрѣлять въ него. Такъ я слышалъ. Боюсь для него непріятныхъ послѣдствій, ибо графъ Воронцовъ устанетъ или можетъ устать отвращать отъ него постоянное вниманіе на него правительства.

Выписку изъ гр[афа] Х[востова] прошу представить отъ меня И. И. Дмитріеву при засвидѣтельствованіи моего высокопочитанія.

623.

Князь Вяземскій Тургеневу.

5-го мая. [Москва].

Завтра будетъ засѣданіе у Спаса, и дѣло мое предложится, а въ четвергъ, вѣроятно, къ вамъ отправится для заключенія. Надѣюсь, у васъ оно не залежится.

Жихареву говорилъ: онъ хлопочетъ, но толку добиться не можетъ; надѣется, что крестьянина успокоютъ въ старости, но свободы доставить ему не обѣщается. Да и трудное дѣло, по словамъ его: свободный, онъ потребуетъ жены и дѣтей ея. И у насъ здѣсь въ Москвѣ завязывается грустное дѣло: старикъ Куракинъ, раздраженный сплетнями московскихъ бабъ обоего пола, отказывается дать свободу Семенову и велитъ возвратить Вьельгорскому деньги, уже отданныя (по предварительному извѣщенію сына) въ странопріимный Куракинскій домъ. Сынъ все обнадеживаетъ, что смягчитъ отца, но будущее—дѣло темное. Не имѣешь ли способа какъ-нибудь умѣренно и осторожно, но рѣшительно подѣйство-

вать на старика через министра князя Голицына или графа Аракчеева? Жаль, что Николая Ивановича нѣтъ! Подумай, что и какъ сдѣлать и дай мнѣ знать.

За кого ты меня принимаешь, полагая, что *я свяжусь съ Булгаринымъ*? Я и съ Дмитріевымъ связался потому, что почелъ его Каченовскимъ, а Каченовскій все имѣетъ же какой-нибудь голосъ въ литературѣ нашей и господствуетъ надъ заднею частью нашей публичной публики. Связавшись, надобно было развязаться, и—завязалось. Булгаринъ и въ литературѣ то, что въ народахъ: заяцъ, который бѣжитъ между двухъ непріятельскихъ становъ. Отвѣтъ его на мое изобличеніе его во лжи въ отношеніи біографіи Дмитріева ничего не значитъ. По его мнѣнію, о Дмитріевѣ нельзя говорить потому, что заслуги его слишкомъ велики: да о комъ же говорить, какъ не о людяхъ, достойныхъ вниманія? Неужели же говорить объ однихъ Хвостовыхъ, да Булгариныхъ?

Жалѣю о Бируковѣ, когда онъ въ бѣдѣ; но не менѣе того презираю его, когда онъ въ должности. Чѣмъ дѣло кончилось?

Скажи Плещееву, что его protégée, пѣвица St.-Brice, даетъ концертъ въ четвергъ; что радъ за нее стараться, но худо надѣюсь на успѣхъ. Мы только что начинаемъ отдыхать отъ концертовъ, да и къ тому же множество людей уже разъѣхалось по деревнямъ.

По твоимъ словамъ я отыскалъ „Инвалидъ" 26-го марта. Нѣтъ никакой соли въ этой мистификаціи. Не станутъ ли еще разыскивать творца?

Кланяйся Карамзинымъ. Радуюсь сердечно, что Николенькѣ лучше.

Найди въ Петербургѣ французскій переводъ сочиненій Шлегеля: „Ueber dramatische Kunst und Litteratur" и пришли мнѣ его поскорѣе.

Прощай! Отошли приложеніе къ Воейкову. Дмитріевъ въ отвѣтахъ своихъ Хвостову на присылку новыхъ произведеній никогда не называетъ стиховъ его стихами и всегда ищетъ какого-нибудь иносказанія, напримѣръ, какъ слѣдующаго: „Благодарю васъ за письмо и за приложеніе, и прочее. На дняхъ засталъ я Василія Львовича, проповѣдующаго своему знаменитому камерди-

неру Игнатію твердость и великодушіе въ пренесеніи роговъ, которые всадила ему жена. „Чѣмъ же я тебя хуже“, говорилъ онъ ему, „а и я былъ рогоносецъ“. „Не жалуй меня въ майоры“, отвѣчалъ Игнатій, „да не — — —“. Сцена была безподобная! Василій Львовичъ утѣшалъ его отъ доброй души; представь себѣ притомъ, что вся его дворня была свидѣтельницею увѣщаній, и ты постигнешь всю патріархальность этой сцены. Скажи объ этомъ Дашкову: ему коротко знакомъ Игнатій, и мы съ нимъ праздновали на его свадьбѣ. Василій Львовичъ, забывши тогда, что гостиная его усажена лакеями и прачками, подходилъ къ намъ, потирая свои руки, и спрашивалъ: „N'est-ce pas, qu'on se trouve assez bien chez moi?“

624.

Тургеневъ князю Вяземскому.

6-го мая. [Петербургъ].

Письмо твое и *послѣднее слово* посылаю къ В[оейкову] и Ж[уковскому]. Не знаю, напечатають ли? Теперь цензорамъ не до личностей, но до собственнаго лица; да и безъ сомнѣнія, имъ можетъ быть новая бѣда отъ подобныхъ перебранковъ; ибо тутъ и слово *честь* замѣшано, то-есть, письменная пощечина. Впрочемъ, я не помѣшаю, но и содѣйствовать не буду; ибо теперь не до того по *этой части*. Пожалуйста, перестань вздорить. C'est indigne de vous et je ne vous reconnais pas dans tout ce fatras polémique. Искры твоего ума нѣтъ во всемъ спорѣ.

Гдѣ прежній ты, кипящій, соли полный?

Сегодня везетъ Жуковскій Батюшкова въ Дерптъ, а уже не въ Дрезденъ. Крылову дано десять тысячъ рублей единовременно.

Предъ глазами моими приготовленіе къ параду всего гвардейскаго корпуса въ четвергъ. Теперь одна кавалерія несется на Марсовомъ полѣ.

И радъ бы, вырвался отсюда, но нѣтъ возможности. Однако жъ

лѣтомъ вѣрно буду съ вами, хоть и грустно будетъ разстаться съ Черной Рѣчкой.

Спасибо за царскій билетъ. Прости! Карамзину Николаю лучше, и это не корь была.

Увѣдомь тотчасъ о послѣдствіи спасительнаго засѣданія сегодня.

625.

Князь Вяземскій Тургеневу.

12-го мая. [Москва].

Сегодня Кушниковъ далъ мнѣ знать, что опредѣленіе по моему дѣлу записано въ журналѣ; вѣроятно, оно или пошло сегодня къ министру, или пойдетъ въ четвергъ. Теперь твое дѣло.

Что за глупая — — эта старая Москва! Какіе даю обѣды на счетъ будущихъ благъ? Охота имъ врать, а тебѣ или вамъ охота вѣрить! Угадываю, что дѣло идетъ о томъ, что князь Дмитрій Владиміровичъ обѣдалъ у насъ самъ-пять или самъ-семь, напрашивавшись къ женѣ во всю зиму. Куда ни обернись — все Михайлы Дмитріевы разныхъ мастей, все глупцы, сплетники, подлецы! Могу ли я рѣшиться мытарить деньги истинно кровныя или кровавыя? За кого вы меня принимаете? Право, досадно!

Воля твоя, ты слишкомъ строго засудилъ мою полемику. Разумѣется, глупо было втянуться въ эту глупость, но глупость была ведена довольно умно. Открытіе и закрытіе кампаніи состоитъ изъ однѣхъ хладнокровныхъ грубостей и не требовали затѣй остроумія; въ промежуткахъ была партизанская выходка въ разборѣ второго „Разговора" и въ этой выходкѣ, что ни говори, много забавнаго. Вступленіе совсѣмъ неглупо; впослѣдствіи нѣкоторые удары нанесены удачно. Вся Москва исполнена нашей брани. Весь Англійскій клубъ научили читать по моей милости. Есть здѣсь одинъ князь Гундоровъ, охотникъ до лошадей и самъ меренъ преисправный, къ тому же какой-то поклонникъ Каченовскаго. Читая въ газетной мою первую статью, останавливается онъ на выраженіи *бѣдные читатели* и какимъ-то глухимъ басомъ, ему свойственнымъ, спрашиваетъ, обращаясь къ присутствующимъ: „Это

что значитъ? Почему же князь Вяземскій почитаетъ насъ всѣхъ бѣдными: можетъ быть, въ числѣ читателей его найдутся и богатые. Что за дерзость!" Иванъ Ивановичъ былъ свидѣтелемъ этой выходки и представлялъ мнѣ ее въ лицахъ. Онъ племянника своего уже не принимаетъ къ себѣ и говоритъ: „Пусть будетъ онъ племянникомъ моего села, а не моимъ". Мнѣ хочется предложить ему, чтобы напротивъ: оставилъ онъ его своимъ племянникомъ, а меня призналъ бы за племянника наслѣдства своего. Одна вышла польза изъ нашей перебранки: у бѣднаго Шаликова прибыло съ того времени 15 подписчиковъ.

Завтра Елена Григорьевна Пушкина отправляется. Дирекція театральная русская купила калмыцкій балетъ Ржевскаго. Предвидишь ли успѣхъ въ стараніяхъ о Семеновѣ? Нельзя ли какънибудь употребить тутъ прекрасную Юлію? Къ какому времени будешь въ Москву? Предвари меня заранѣ, потому что мнѣ предстоятъ многія поѣздки, и не случилось бы намъ разъѣхаться. Отдалъ ли ты эпиграммы Воейкову? Жена, кажется, поѣдетъ на той недѣлѣ; въ концѣ этой переѣзжаемъ въ Остафьево. Лѣта все еще у насъ нѣтъ. Дожди, холодные вѣтры. Прости!

У Каченовскаго въ лакейской
Онъ храбро пѣтушится вслухъ:
Быть такъ! Но если онъ пѣтухъ,
То вѣрно ужъ пѣтухъ индѣйской.

Не забудь французскаго Шлегеля.

626.

Тургеневъ князю Вяземскому.

16-го мая. [Петербургъ].

Ни отъ тебя, ни отъ Коммиссіи ни слова объ имѣніи. Отъ Николая получилъ письмо изъ Берлина, куда онъ попалъ неожиданно, проплававъ двѣ недѣли на бурномъ морѣ и не приставъ къ Копенгагену, но сперва къ Борнгольму, а потомъ къ Рюгену, гдѣ и вышли на берегъ. Въ Берлинѣ совѣтовался онъ съ Гуфе-

ландомъ, который утвердилъ планъ его лѣченія; ходилъ на университетскія лекціи и желалъ увлечь съ собою и Боричку Юсупова.

Посылаю тебѣ стихи, которые содержаніемъ, вкусомъ и слогомъ выражаютъ состояніе нашей словесности.

Мы готовимся къ большимъ перемѣнамъ.

Въ субботу Жуковскій увезъ Батюшкова въ Дерптъ; и онъ охотно поѣхалъ, сказавъ, что Дерптъ ему когда-то и своею наружностью понравился.

Дашковъ былъ очень боленъ, теперь лучше. Рибопьеръ причисленъ къ Министерству иностранныхъ дѣлъ. Сергѣй Ланской отставленъ. Карамзины переѣхали въ Царское Село третьяго дня.

627.

Князь Вяземскій Тургеневу.

20-го мая. [Москва].

Завтра отправляемся въ Остафьево, а оттуда жена отправляется въ Одессу въ концѣ недѣли.

У насъ такая погода, что грязь на душу ложится. Боже мой, что за земля! Гдѣ вознагражденія? Я давно, то-есть, съ недѣлю, не получалъ отъ тебя вѣсточки. Скажи же, къ которому времени будешь въ Москву, чтобы мнѣ не прогулять тебя.

Имѣете ли что отъ Спаса обо мнѣ? На дняхъ обѣдали мы у Дмитріева, и Жихаревъ угощалъ насъ острогомъ: роскошь деспотизма! Все чисто, все блеститъ, аптека съ позолотами, но нѣтъ роскоши человѣчества и нравственности. Десятилѣтніе мальчики, таскавшіеся по міру безъ вида, сидятъ по мѣсяцамъ въ школѣ разврата и злодѣйства съ закоренѣлыми разбойниками! Пустыя справки задерживаютъ по году людей только подозрѣваемыхъ! Что за хаосъ! Прости!

Кланяйся Карамзинымъ, а писать имъ буду послѣ: теперь заѣли хлопоты отъѣзда.

Уймите, ради Бога, Булгарина; пусть его ругаетъ меня, но не позволяйте ему объявлять свое благоволеніе Жуковскому. Вѣдь

теперь не то время, чтобы поляки могли наложить намъ самозванца! Ради Бога, уймите, а то право я хлыну.

Михаилъ Дмитріевъ! Теперь ты вовсе чистъ:
Клевретъ твой—Писаревъ и Каченовскій—баринъ,
А похвалой своей тебѣ позорной листъ
Скрѣпилъ Өаддей Булгаринъ.

628.

Тургеневъ князю Вяземскому.

21-го мая. [Петербургъ].

Мы получили представленіе Коммиссіи въ день моей отставки и на третій день отставки князя. Я просилъ его написать къ государю и просить о разрѣшеніи сего дѣла, ибо онъ самъ уже не могъ утверждать представленія Коммиссіи. Вчера написалъ князь и вчера получилъ обратно свою записку съ высочайшимъ утвержденіемъ. Сейчасъ пишу о семъ къ Карамзинымъ, которыхъ видѣлъ вчера въ Царскомъ Селѣ. Давно не былъ я такъ счастливъ, какъ теперь, и этимъ чувствомъ обязанъ Карамзинымъ. Я снова ощутилъ вѣру въ людей, давно во мнѣ погасшую. Я не воображалъ, чтобы можно было меня такъ любить, какъ Карамзины меня любятъ.

О случившемся со мною теперь одно слово. Я—жертва лжи и клеветы самой гнусной, почти невѣроятной. Тебѣ признался бы я во всемъ; но говорю искренно, что и тѣни правды нѣтъ во всѣхъ обвиненіяхъ, митрополитомъ формально, лично государю, на меня особенно принесенныхъ. Я увѣренъ, что истина восторжествуетъ и, можетъ быть, очень скоро. Наши іезуиты неискусны и, въ радости торжества своего, забываютъ и самыя обыкновенныя правила интриги. Вотъ указъ обо мнѣ. Теперь переѣзжаю на дачу, но скоро надѣюсь быть съ вами.

Наканунѣ отставки узналъ о гнѣвѣ на меня государя и былъ спокоенъ; но теперь такъ счастливъ, какъ давно не бывалъ, и этимъ обязанъ душѣ Карамзина. Прости!

Вотъ письмо В[итбергу], которое вчера забылъ отправить. Мое

дѣло—не секретъ, и пріятелямъ можешь говорить о немъ, но такъ, чтобы не дошло до матушки, которая знаетъ объ отставкѣ, но не причину оной—et pas la manière dont cela a été fait. Не показывай Вит[бергу] бумаги.

Къ письму Тургенева приложена слѣдующая копія съ записки князя Голицына:

Ваше величество поручили мнѣ купить имѣніе князя Вяземскаго для сооруженія храма во имя Христа Спасителя по просьбѣ, принесенной Вамъ Николаемъ Михайловичемъ Карамзинымъ. Нынѣ поступило представленіе ко мнѣ изъ Коммиссіи, здѣсь прилагаемое, о покупкѣ сего имѣнія, которое я утвердилъ бы, но не считаю себя вправѣ по воспослѣдованіи указа о моемъ увольненіи отъ Министерства духовныхъ дѣлъ; а какъ отдѣленіе греческаго исповѣданія сего департамента еще не вошло ни въ чье вѣдѣніе, то не угодно ли будетъ вашему величеству утвердить записку сію для приведенія въ надлежащее исполненіе. Подлинную подписалъ князь Александръ Голицынъ. С.-Петербургъ, 20-го мая 1824 г.

На подлинной написано собственною его императорскаго величества рукою тако: „Быть по сему“. Царское Село, мая 20-го 1824 года“.

629.

Тургеневъ князю Вяземскому.

23-го мая. Черная Рѣчка.

Прекрасное утро и спокойная совѣсть! Сейчасъ былъ у меня князь Мещерскій. Первый вопросъ: отправитъ ли онъ сегодня высочайше утвержденную записку о покупкѣ твоего имѣнія? Онъ отвѣчалъ, что долженъ дни два повременить, ибо не знаетъ, можетъ ли и какъ сноситься съ лицами и мѣстами, отъ Синода не зависящими. Но на сихъ дняхъ все сіе рѣшится, и повелѣнія государева перемѣнить нельзя. Будь спокоенъ: все уже сдѣлано.

Вчера переѣхалъ я сюда къ обѣду и нашелъ уже Сережу въ нашемъ домикѣ (гдѣ жилъ Гречъ, подлѣ нашего прежняго) и съ хорошимъ обѣдомъ. Это настроило мою душу такъ счастливо,

что только одно письмо Карамзина, полное сильной и прекрасной дружбы, могло увеличить и еще болѣе усладить чувство нравственнаго бытія моего. Давно я не бывалъ въ такомъ расположеніи духа. Вѣра въ дружбу возвратилась, и о прошедшемъ только уже грустно, а не больно. Заѣду къ St.-Florent и если найду французскаго Шлегеля, то пришлю сегодня же.

Во вторникъ былъ я въ Царскомъ Селѣ и провелъ день съ мудрецомъ-другомъ. Я не воображалъ, чтобы меня можно было такъ любить. Теперь и я скажу: „Ахъ, что бы ни было—я знаю, гдѣ бы мнѣ убѣжище найти, и гдѣ нѣжнѣйшее хранится участіе къ судьбѣ моей!“ Прости! Надѣюсь скоро съ вами свидѣться, но еще спишусь прежде. Вѣдь ты покуда далѣе подмосковной не уѣдешь?

630.

Князь Вяземскій Тургеневу.

26-го мая. [Москва].

Конецъ благополучну бѣгу!
Спускайте, други, паруса!

Третьяго дня былъ для меня день сильныхъ впечатлѣній. Проводивъ утромъ жену изъ Остафьева, поторопился я ускакать въ городъ отъ нервической и сердечной тоски, которая меня давила. Пріѣзжаю и узнаю одно вслѣдъ за другимъ въ Англійскомъ клубѣ: смерть Бейрона—изъ проклятаго „Conservateur“, и вашу катастрофу отъ Жихарева, который началъ говорить мнѣ о ней мимоходомъ, полагая, что она уже мнѣ извѣстна. Послѣднее впечатлѣніе непріятное скоро уступило силѣ благоразумія, но первыя два все еще лежатъ на мнѣ. Я очень смутенъ и черенъ. Разлука—та же смерть, потому что и смерть не иное что, какъ разлука; и вотъ отъ чего жена и Бейронъ слились во мнѣ въ одно горестное чувство. Какая поэтическая смерть,—смерть Бейрона! Онъ предчувствовалъ, что прахъ его приметъ земля возрождающаяся къ свободѣ, и убѣжалъ отъ темницы европейской. Завидую пѣвцамъ, которые достойно воспоютъ его кончину. Вотъ случай Жуковскому!

Если онъ имъ не воспользуется, то дѣло кончено: знать пламенникъ его погасъ. Грецiя древняя, Грецiя нашихъ дней и Бейронъ мертвый—это океанъ поэзiи! Надѣюсь и на Пушкина.

Я читалъ въ письмѣ къ Дмитрiеву относительное ко мнѣ. Кажется, мнѣ нечего бояться, что катастрофа ваша оборвется и на меня; а развѣ затянется? Дай поскорѣе знать, что будетъ и что должно будетъ дѣлать, если дѣлать нужно. Правда ли, что Шихматовъ назначенъ на твое мѣсто? Сдѣлай милость, не забудь собрать всѣ мои письма и обрывки писемъ изъ тѣхъ, которыя готовились на извѣстное употребленiе, и даже тѣ, которыя уже были въ употребленiи: осторожность не лишняя. Прощай, мой милый! Ты, говорятъ, скоро будешь сюда. Сдѣлай милость, поспѣши.

Булгаринъ въ своей книжкѣ сравниваетъ насъ какъ-то съ телеграфами, слѣдующими данному движенiю перваго. Вотъ отвѣтъ:

Ты правъ! Равны у насъ движенья:
При видѣ низкаго и злого дурака
У каждаго съ сердцовъ подъемлется рука
И опускается съ презрѣнья.

Сегодня обѣдаю у Ивана Ивановича съ глаза на глазъ или, правильнѣе, съ глазами на глазъ. Что было съ Дашковымъ и каковъ онъ?

На оборотъ: Милостивому государю моему (прошла пора, когда онъ былъ *милостивый государь*) Александру Ивановичу Тургеневу. (Нарочно написано нечетко, чтобы, въ случаѣ нужды, отпереться отъ переписки съ нимъ). О жительствѣ его справиться поосторожнѣе въ Синодѣ или въ полицiи.

631.

Тургеневъ князю Вяземскому.

27-го *мая.* [Черная Рѣчка].

Не безпокойся, что не послалъ по сiе время утвержденiя представленiя въ Коммиссiю. Причиною тому только то, что не установленъ еще порядокъ сношенiй по симъ дѣламъ, и князь Мещерскiй не имѣетъ права объявлять высочайшiя повелѣнiя. На

сихъ дняхъ все устроится, и твое дѣло будетъ немедленно исполнено, ибо передѣлать его уже нельзя: есть „Быть по сему“.

Сейчасъ, послѣ легкаго обѣда, ѣду къ Карамзинымъ съ Сережей и Плещеевымъ. О Батюшковѣ плохія извѣстія: онъ ушелъ, и всю ночь его найти не могли; наконецъ, поутру, на другой день, проѣзжій сказалъ молодому Плещееву, что видѣлъ верстъ за 12 отъ Дерпта человѣка, спящаго на дорогѣ. По описанію, это былъ Батюшковъ; Жуковскій съ Плещеевымъ поѣхали и нашли его спящаго. Едва уговорили возвратиться съ ними въ Дерптъ.

Жуковскій еще не пріѣхалъ. Прости! Что у васъ о насъ толкуютъ? Пиши больше, но осторожнѣе, ибо клевета не оставляетъ меня. Новыя мерзости выдуманы на меня, такъ что едва и злодѣи вѣрятъ. Но, къ счастію, пробалтываются, и источникъ открывается почти въ одно время съ тѣмъ, что изъ него истекаетъ. Я спокоенъ и веселъ, какъ давно не бывалъ.

Читаю философію Михаила Ивановича Полетики и обнялъ недавно и Сѣверина.

Männerstolz vor Königsthronen,
Wahrheit gegen Freund und Feind,

а у меня нашлись друзья, какихъ немного и не въ наше время бывало.

На оборотѣ: Его сіятельству князю Петру Андреевичу Вяземскому, въ Москвѣ.

Булгакову: Отправь это письмо. Я ѣду въ Царское Село. Сегодня возвращусь; здѣсь ночую, а завтра буду въ Совѣтѣ и потомъ—на рѣку забвенья всего, но только не любви.

632.

Тургеневъ князю Вяземскому.

29-го мая. [Черная Рѣчка].

Сегодня получилъ князь Мещерскій разрѣшеніе принять дѣла по первому отдѣленію бывшаго моего департамента, и сейчасъ я просилъ его отправить завтра же въ Москву предложеніе по твоему

дѣлу, а къ тебѣ или ко мнѣ въ Царское Село, куда я на завтра ѣду, прислать копію съ предложенія, что онъ, вѣрно, и исполнитъ.

Жуковскій возвратился. Батюшкова повезли въ Зонненштейнъ, ибо въ Дерптѣ нельзя его лѣчить. Провожаетъ его хорошій докторъ. Туда же поѣхала, но не вмѣстѣ съ нимъ, сестра его.

Я сбирался сегодня въ Царское Село ѣхать вмѣстѣ съ Сѣверинымъ, но смерть маленькаго робенка графа Нессельроде помѣшала ему, и я ѣду одинъ, то-есть, завтра, ибо пишу 29-го мая. На Черной Рѣчкѣ холодно и еще не людно, но скоро закипитъ здѣсь народомъ. Прости! А. Тургеневъ.

633.

Тургеневъ князю Вяземскому.

3-го іюня. [Черная Рѣчка].

Получилъ письмо твое отъ 26-го мая съ описаніемъ сильныхъ впечатлѣній и съ сильной эпиграммой на Булгарина, напомнившей тебя прежняго. Прочту ему самому.

Жуковскій узналъ о смерти Бейрона, имѣя на рукахъ русскаго сумасшедшаго поэта. Бейронъ умеръ вполовину давно уже для поэзіи, ибо послѣднія его сочиненія ниже его репутаціи, но смерть его въ виду всей возрождающейся Греціи, конечно, завидная и поэтическая. Пушкинъ, вѣрно, схватитъ моментъ сей и воспользуется случаемъ.

Я не знаю еще, когда пріѣду въ Москву. Между нами: моя участь не рѣшена еще. Государь велѣлъ министру финансовъ прислать указъ о сохраненіи мнѣ всего жалованья и другой, сказываютъ, данъ о квартирѣ, но „не о хлѣбѣ единомъ живъ будетъ человѣкъ". Я могу остаться только на условіяхъ чести и съ полнымъ блескомъ невинности. Черная клевета не должна радоваться своею жертвою, когда клевета признана клеветою. Безпрерывно она варитъ ядъ, который долженъ отравить меня или, по крайней мѣрѣ, обезсилить надолго. Новыя выдумки хуже старыхъ. Одинъ голосъ публики весь за меня, но это врядъ ли не болѣе повредитъ мнѣ.

Я получилъ письмо отъ И. И. Дмитріева объ Измайловѣ, но письмо сіе—загадка, которую долженъ разгадать мнѣ Карамзинъ. Не ожидая сего, я просилъ вчера уѣзжавшаго въ Царское Село князя Голицына доложить государю о Измайловѣ по старой запискѣ о немъ, мною ему снова отданной. Авось!

Братъ пишетъ изъ Дрездена: путешествуетъ счастливо и весело. Прости! Вѣтрено и холодно. Копія съ предложенія къ тебѣ послана.

634.

Тургеневъ князю Вяземскому.

4-го іюня. [Черная Рѣчка].

Сейчасъ ѣду съ Плещеевымъ въ Царское Село; обѣдаю у Карамзина; оттуда въ Павловскъ ночевать съ Жуковскимъ („Honni soit qui mal y pense"), и потомъ въ Царское Село работать съ княземъ Голицынымъ и во-свояси. Писать къ тебѣ не имѣю времени, хотя и получилъ эпиграмматическое письмо твое. Первой не читалъ никому, чтобы не дошло до сердитаго Ж[уковскаго]. У него готовы примѣчанія, и переписана на-бѣло твоя піеса. Сегодня, вѣроятно, и письмо напишетъ; по крайней мѣрѣ требовать буду.

Въ Москвѣ умерла одна изъ твоихъ знакомыхъ, съ которой я танцовалъ на твоемъ балѣ—сестра Каверина, что за Олсуфьевымъ. Братъ здѣсь и по своему горюетъ. Мужъ—иначе, ибо зналъ счастіе любви также иначе.

Романса графа Вьельгорскаго отыскать не могъ. Вчера уѣхали они въ деревню и пробудутъ болѣе года. Я недавно съ ними познакомился и очень коротко; полюбилъ ихъ, и жалѣю, что ѣдутъ. Прости! Торопятъ. А. Тургеневъ.

635.

Князь Вяземскій Тургеневу.

8-го іюня. Остафьево.

Спасибо за всѣ твои дружескія, сердечныя хлопоты по моему дѣлу. Коммиссія увѣдомила меня о полученіи повелѣнія царскаго. На дняхъ приступятъ къ совершенію купчей. Витбергъ ѣдетъ въ Петербургъ.

Когда же ты будешь къ намъ? Смерть тошно и на душѣ, и на умѣ! Ужасная нравственная — — охлаждаетъ меня всего. Въ одномъ письмѣ къ тебѣ недавно говорилъ я о счетахъ моихъ съ Жуковскимъ: отыщи его, да покажи ему; также и то, гдѣ говорю о немъ и о Бейронѣ.

На дняхъ говорили мнѣ въ Москвѣ, что ты въ чистой отставкѣ съ чиномъ тайнаго совѣтника. Сейчасъ пріѣхали ко мнѣ Четвертинскія и не даютъ разболтаться съ тобою.

Пришли же мнѣ Шлегеля французскаго!

На оборотѣ: Александру Ивановичу Тургеневу.

636.

Князь Вяземскій Тургеневу.

11-го [іюня]. Остафьево.

Спасибо за грамотку 3-го іюня. Какъ мнѣ хотѣлось бы ясно разглядѣть твои дѣла! Я и догадаться не умѣю о томъ, что̀ могли наклепать на тебя. Развѣ, что ты обижалъ просвиренъ и церковныхъ старостъ въ храмовые праздники излишнимъ потребленіемъ за духовными трапезами.

У насъ сегодня первый красный день, да и тотъ, того и смотри, что къ чорту полетитъ отъ ужаснаго вѣтра. Не знаю, старость ли физическая, или успокоеніе нравственное, душевная трезвость послѣ пьянства страстей тому причиною, но хорошая погода дѣлается для меня необходимостью. Дышать на солнцѣ,

впивать въ себя благорастворенный воздухъ есть уже наслажденіе. О счастливыхъ жителяхъ благодатнаго климата можно сказать съ Крыловымъ:

Бываетъ грустно имъ, а скучно никогда.

Мнѣ, по крайней мѣрѣ, на чистомъ, открытомъ воздухѣ никогда скучно не бываетъ. Въ лонѣ свѣжей воды я все забываю. Купаніе есть для меня такое наслажденіе, которое еще никогда не притуплялось. Когда я подумаю о полуденныхъ сторонахъ, то готовъ бы сбросить съ себя оружіе, кинуть постъ свой, гдѣ стою на часахъ, и убѣжать отъ всего настоящаго и будущаго, какъ швейцарецъ, встревоженный пѣснями родины. Что за жизнь наша здѣсь, гдѣ небо пасмурное, а земля еще пасмурнѣе, гдѣ нельзя грѣть ни брюха на солнцѣ физическомъ, ни сердца на солнцѣ нравственномъ!

Неужели Жуковскій не воспоетъ Бейрона? Какого же еще ждать ему вдохновенія? Эта смерть, какъ солнце, должна ударить въ геній его окаменѣвшій и пробудить въ немъ спящіе звуки! Или дѣло конченное? Пусть же онъ просится въ камеръ-юнкеры или въ вице-губернаторы.

Кто будетъ въ Москву кураторомъ? Говорятъ, Бунина. Правда ли? Теперь не жаль заплатить тебѣ почталіону за письмо: животъ твой расколыхался отъ смѣха, и я доволенъ; мое дѣло сдѣлано! Но этого недовольно: сейчасъ пишу къ Жихареву о Буниной, чтобы онъ распустилъ этотъ слухъ до Антонскаго. Это золото!

Не отъ того ли держатъ тебя въ черномъ тѣлѣ, что ты жилъ прошлаго лѣта на Черной Рѣчкѣ?

637.

Тургеневъ князю Вяземскому.

17-го. іюня. [Черная Рѣчка].

Письмо твое отъ 11-го получилъ. То, что на меня наклепано, такъ гадко и глупо, что едва ли и на словахъ пересказать духу достанетъ. Писать не хочу, да и скучно. Я вознагражденъ

общимъ мнѣніемъ, но всего болѣе дружбою Карамзина. Мысль о семъ унесу съ собою всюду и на всю жизнь. У другихъ слезы навертываются, когда говорятъ о доказательствахъ его дружбы ко мнѣ. Что же долженъ чувствовать я? Я, разучившійся вѣрить дружбѣ.

Третьяго дня обѣдали у насъ на Черной Рѣчкѣ: Жуковскій, Блудовъ, Дашковъ, слѣпой Козловъ, а потомъ пришли Гречъ, Боратынскій и Дельвигъ. Боратынскій читалъ прекрасное посланіе къ Богдановичу. Дашковъ прочелъ намъ (не всѣмъ) твое письмо къ нему.

Сейчасъ ѣду въ Царское Село и буду обѣдать у Карамзиныхъ съ Сѣверинымъ. Вотъ тебѣ одни имена и журналъ съѣстного провожденія времени; но писать духу нѣтъ иначе, какъ о съѣстномъ съ тѣхъ поръ, какъ мнѣ возвратили столовыя деньги и жалованье, всего 6000 рублей директорскихъ, изъ Государственнаго казначейства. Это, вѣроятно, возбудитъ новыя клеветы Фотія съ товарищами, но не надолго. Я помню, что „не о хлѣбѣ единомъ живъ будетъ человѣкъ". Прости!

Сергѣй Уваровъ — тайный совѣтникъ. И на его счетъ есть также общее мнѣніе. Затмилъ Козод[авлева] и Сабл[укова].

Вчера прислалъ ко мнѣ Грибоѣдовъ письмо твое и обѣщалъ побывать у меня. Сегодня скажу Жуковскому твое порученіе объ экземплярахъ.

Отъ брата Николая получилъ письмо изъ Карлсбада. Онъ началъ лѣчиться; но думаетъ, что для будущаго нужно ему приготовить теплый климатъ и жизнь болѣе беззаботную, и помышляетъ о Крымѣ, ибо въ Петербургѣ можетъ опять засорить печенку и сердце.

638.

Князь Вяземскій Тургеневу.

22-го [іюня]. Остафьево.

Воля ваша, мы за твои грѣхи страдаемъ, или небо мститъ намъ за то, что ты пострадалъ. Вся Россія молится о ведрахъ или о дождѣ. Другіе сохнутъ, мы мокнемъ, какъ лягушки. Да

покайся скорѣе или прости своимъ гонителямъ и, такъ или сякъ, разочтись съ небомъ, да и полно! Дай намъ отдохнуть!

Когда же ты будешь? Мнѣ смерть хочется знать твою исторію. Боголюбовъ, котораго я видѣлъ на минутку въ Москвѣ, разсказывалъ мнѣ кое-что о тебѣ, но я знаю его разсѣянность и потому все еще ничего не знаю. Денисъ Давыдовъ говоритъ о немъ: „Какъ не съѣли его въ этомъ новооткрытомъ обществѣ петербургскомъ?“

Я сейчасъ получаю твое письмо отъ 17-го. Хорошо дѣлаешь, что хвалишь Карамзина, но дурно дѣлаешь, что бранишь другихъ. Какое право имѣлъ ты разучиться вѣрить дружбѣ? Тутъ нѣтъ личности, то-есть, не о себѣ говорю, потому что моя дружба не имѣла случая быть испытана тобою, но, напримѣръ, Жуковскій? Ужъ, конечно, по чувствамъ онъ исповѣдуетъ дружбу православно и безгрѣшно. Ты любишь экзальтироваться. Тутъ есть и добро, и зло; mais avant de s'entousiasmer pour quelques uns, il faut être juste envers tous. Въ нашемъ быту, то-есть, въ отдѣленіи de l'entrevue Arzamas, только и есть хорошаго, что мы исповѣдуемъ дружбу словомъ и дѣломъ. Не гнѣви Бога неблагодарностью!

Познакомьтесь съ Грибоѣдовымъ: онъ съ большими дарованіями и пыломъ. Пришлите мнѣ посланіе Боратынскаго. Что его дѣло? Денисъ писалъ о немъ нѣсколько разъ къ Закревскому. Долго ли будутъ у насъ поступать съ ребятами, какъ съ взрослыми, а съ взрослыми, какъ съ ребятами? Какъ вѣчно наказывать того, который не достигъ еще до законнаго возраста? Какое затменіе, чтобы не сказать: какое варварство!

Прости, мой милый разстрига! Обнимаю тебя сердечно.

На оборотѣ: А. И. Тургеневу.

639.

Тургеневъ князю Вяземскому.

1-го іюля. [Петербургъ].

Вчера, въ день всѣхъ апостоловъ, слѣдовательно, и твоего Петра, ѣздилъ съ Сѣверинымъ пить за твое здоровье шампанское въ Царское Село съ Карамзинымъ. Провелъ съ ними весь

день и получилъ отъ нихъ твое письмо отъ 22-го. Не знаю, когда буду, но вѣрно не въ іюлѣ, а позже.

Мнѣ ли не вѣрить дружбѣ послѣ всѣхъ доказательствъ Карамзиныхъ и вашихъ? Если иногда и отзовется въ душѣ прошедшимъ безвѣріемъ, то, при воспоминаніи едва или еще и не совсѣмъ прошедшаго, все успокоивается.

Графъ Воронцовъ прислалъ представленіе объ увольненіи Пушкина. Желая, coûte qui coûte, оставить его при немъ, я ѣздилъ къ Нессельроде, но узналъ отъ него, что это уже не возможно; что уже нѣсколько разъ, и давно, графъ Воронцовъ представлялъ о семъ, et pour cause; что надобно искать другого мецената-начальника. Долго вчера толковалъ я о семъ съ Сѣверинымъ, и мысль наша остановилась на Паулуччи, тѣмъ болѣе, что П[ушкинъ] и псковскій помѣщикъ. Виноватъ одинъ П[ушкинъ]. Графиня его отличала, отличаетъ, какъ заслуживаетъ талантъ его, но онъ рвется въ бѣду свою. Больно и досадно! Куда съ нимъ дѣваться?

Грибоѣдова еще не видѣлъ.

640.

Князь Вяземскій Тургеневу.

7-го іюля. Остафьево.

Сейчасъ получилъ я твой лоскутокъ письма отъ 1-го іюля. Я ужъ думалъ, что ты, навыворотъ другихъ, сталъ спесивъ въ опалѣ и пересталъ вовсе писать ко мнѣ.

Мнѣ жена уже кое-что о дѣлѣ Пушкина писала, но не совсѣмъ такъ, какъ ты. Вотъ ея слова: „Il vient de faire de nouvelles farces, à la suite des quelles *il a demandé son congé*; tous les torts sont de son coté. *Je sais de bonne part qu'il ne l'aura point.* Il me peine véritablement, mais jamais je n'ai rencontré autant d'étourderie et de penchant à la médisance comme en lui; avec cela je lui crois bon coeur et beaucoup de misanthropie, non point qu'il fuit la société, mais c'est les hommes qu'il craint; c'est peut-être l'effet du malheur et les torts de ses parents qui l'ont rendu ainsi".

Разумѣется, будь остороженъ съ этими выписками. Но, видно, дѣло такъ повернули, что не онъ просится: это неясно! Грѣшно, если надъ нимъ уже промышляютъ и лукавятъ. Сдѣлай одолженіе, попроси Сѣверина устроить, что можно, къ лучшему. Онъ его, кажется, не очень любитъ: тѣмъ болѣе долженъ стараться спасти его; къ тому же, вѣрно, уважаетъ его дарованіе, а дарованіе не только держава, но и добродѣтель.

Спасибо за вашу царскосельскую поѣздку въ Петровъ день. Не будешь ли ты къ намъ хоть въ день своего ангела, нашъ ангелъ? Жуковскаго ли стихи на смерть Нарышкиной въ „Сынѣ"? Скажи мнѣ что-нибудь въ письмѣ своемъ о Маріи Антоновнѣ. Четвертинскіе очень огорчены ея горемъ и ничего о ней не знаютъ.

Сейчасъ ѣду въ Москву совершить купчую и судьбу. Не знаю, какъ доѣду: дороги непроѣздимы. На дняхъ я того и смотрѣлъ, что закажутъ мнѣ ковчегъ для спасенія и велятъ взять по парѣ всякихъ тварей. Ты ужъ былъ у меня въ спискѣ, но не зналъ, гдѣ найти твою двойчатку. А мнѣ Ноемъ быть можно: si lui a planté la vigne, moi je cultive celle du Seigneur.

Кланяйся Дашкову и скажи ему, что письмо его къ Пушкиной отправлено къ мужу. Обнимаю!

Сдѣлай милость, извѣщай меня о судьбѣ Пушкина. Что слышно о Батюшковѣ? Что за бѣдственность такая душитъ Россію? Что дѣлаетъ Новосильцовъ? Зачѣмъ пріѣхалъ? Каковъ онъ? А Байковъ?

641.

Тургеневъ князю Вяземскому.

15-го іюля. [Петербургъ].

Письмо твое отъ 7-го іюля получилъ. О Пуш[кинѣ] ничего еще не знаю, ибо не видѣлъ ни Нес[сельроде], ни Сѣв[ерина]. Послѣдній совершенно отказался принимать участіе въ его дѣлѣ, да ему и дѣлать нечего. Рѣшитъ, вѣроятно, самъ государь; Нессельроде можетъ только надоумить. Спрошу его при первомъ свиданіи. Вчера пронесся здѣсь слухъ, что Пуш[кинъ] застрѣлился;

но изъ Одессы этого съ вчерашней почтой не пишутъ; да и ты бы отъ жены лучше зналъ.

Стихи не Жуковскаго на смерть Н[арышкиной], а, кажется, Лобанова. Вчера обѣдали мы у Дашкова въ Екатерингофѣ.

Батюшковъ въ Зонненштейнѣ, и помѣщенъ уже. Изъ Дрездена онъ опять ушелъ, но его поймали. Новаго извѣстія о немъ еще нѣтъ. Сестра еще не писала изъ Дрездена.

Вчера же былъ я съ Новос[ильцовымъ] и Байковымъ на закладкѣ Университета у Рунича, гдѣ былъ и новый министръ. Пріѣхалъ за дѣломъ, особливо университетскимъ. Былъ съ государемъ въ колоніяхъ, но, кажется, еще не работалъ. Онъ все тотъ же, только поздоровѣлъ. Байковъ съ нимъ по старому.

Бетанкуръ умираетъ, если уже не умеръ. Оставляетъ семейство безъ куска хлѣба. Государь далъ рескриптъ, успокоивающій его на счетъ его семейства.

О времени моего пріѣзда въ Москву ничего еще не могу сказать вѣрнаго. Я сказалъ бы, что я еще между страхомъ и надеждою, если бы чего-нибудь страшился или надѣялся. Мое дѣло не кончено, и развязка не такъ вѣрна, какъ думаютъ.

Читаю Бенжамена Констана „Sur la religion“ и „Возрожденіе Греціи“ Пукевиля, и стансы Масса на смерть Бейрона, посланіе къ Ламартину и къ Грекамъ, и переводъ стансовъ Моора на Бейрона же.

Самойловъ женится на Юліи Паленъ; князь Андрей Михайловичъ Голицынъ—на красавицѣ Балкъ; Сухозанетъ—на княжнѣ Бѣлосельской. Саблукова вышла въ воскресенье за Мадатова со всею азіатскою пышностью.

М. А. Нар[ышкина] скоро ѣдетъ въ чужіе краи, и съ ней Кологривовъ и женихъ милой Софьи. Она плачетъ и слезами облегчаетъ горесть. Вотъ все, что мы знаемъ. Прости!

Софьѣ Н[иколаевнѣ] лучше, но все еще болитъ больное мѣсто. Она напугала насъ кровотеченіемъ, 12 часовъ продолжавшимся отъ піявки.

642.

Князь Вяземскій Тургеневу.

25-го іюля. Остафьево.

Спасибо за грамотку отъ 15-го іюля. Твои письма рѣдки, какъ здравый смыслъ на Руси, какъ лѣтній день лѣтомъ на Руси. Да пріѣзжай скорѣе сюда очиститься, омыться! Мое дѣло кончено: деньги получены, теперь идетъ расплата. Старые грѣхи прорвали плотину и несутся черезъ меня. Теперь займусь, окончивъ бюджетъ прошедшаго, составленіемъ бюджета будущаго. Хочу рѣшительно взяться за умъ, если можно назвать умомъ: положить жизнь на цифры; но дѣлать нечего, а не то жизнь то въ цифрахъ будетъ нуль. Я не просилъ состоянія; я умѣлъ бы обойтись его. Я не просилъ быть русскимъ; я умѣлъ бы быть и другимъ. Больно, досадно, тошно! Конечно, только тотъ благоразуменъ и по истинѣ человѣкъ, кто на каждомъ мѣстѣ можетъ быть на своемъ мѣстѣ, разумѣется, не говоря о мѣстныхъ дарованіяхъ; напримѣръ, первымъ скрипачемъ въ оркестрѣ нельзя быть тому, кто не рожденъ быть первымъ скрипачемъ; но въ житейскомъ быту — дѣло другое. Каждый можетъ справиться съ своимъ рулемъ. Я не умѣлъ и далъ промахъ почти вездѣ! Отчего? Рѣши! Вотъ тебѣ задача для поучительнаго казанія, мой уніатъ-разстрига! Тутъ и себя можешь задѣть, потому что и въ твоей партіи начтется нѣсколько важныхъ киксовъ.

26-го.

Знаешь ли, что̀ я читалъ вчера? Находку для меня совершенно новую: критику твою на Карамзина. Шаря въ своей библіотекѣ, напалъ я на „Сѣверный Вѣстникъ“ 1804 года, мѣсяцъ іюнь: „Критическія примѣчапія, касающіяся до древней славяно-русской исторіи“. Хоть бы Каченовскому! Такъ и душишь латынью, да и грекамъ спуска не даешь. Я читалъ тебя съ большимъ удовольствіемъ. Тутъ есть жаръ и душа. Зналъ ли ты въ Геттингенѣ, что критикуешь Карамзина? Послушай, братъ, какъ Шатобріанъ въ опалѣ, примись опять за перо и пиши для жур-

наловъ! Только вотъ бѣда: ты, я думаю, всю науку свою заѣлъ просфирами. Сердится ли на меня Жуковскій, что я Лобанова принялъ за него? Хорошо, что еще не Ростовскаго. Но, воля его, въ этихъ стихахъ есть и хорошее, и худое Жуковскаго. Только и меня мучило, что Жуковскій въ восьми стихахъ не могъ избѣгнуть *и вотъ*, которое у него точно то же, что въ картинахъ Теньера человѣкъ, который — —, то есть, неминуемая подпись его. А теперь я вижу, что Лобановъ по— —, чтобы поддѣлаться Жуковскому. Скажи ему, то-есть, настоящему за— —, а не поддѣльному, что по пріѣздѣ моемъ въ Москву, то-есть, на той недѣлѣ, разочтусь съ нимъ и пришлю ему деньги.

О Пушкинѣ, вѣрно, вздоръ, то-есть, что застрѣлился? Сейчасъ получаю письмо отъ жены отъ 21-го, гдѣ она мнѣ говоритъ о немъ. Спроси у Карамзина: что̀? Это дѣло очень неясно. Я и здѣсь то же слышалъ. Я получилъ отъ него письмо послѣ катастрофы, гдѣ онъ мнѣ о ней говоритъ, но совсѣмъ не въ Вертеровскомъ духѣ. Жена его поминутно видитъ и бранитъ; сказываетъ, что онъ очень занятъ своимъ „Онѣгинымъ". Ежечасно ожидаю еще отъ нихъ писемъ черезъ княгиню Софію Волконскую, которая должна проѣхать Остафьево, ѣхавши къ князю Петру Михайловичу въ Суханово, въ 10-ти верстахъ отъ меня. Жена мнѣ чудеса говоритъ о княгинѣ Алинѣ. Не былъ ли ты шаферомъ у Мадатова? Знаешь ли, едва ли не рѣшено, что мы зиму проживемъ въ Одессѣ. Ступай служить къ Воронцову! Жена меня очень подбиваетъ надѣть хомутъ. Теперь одно могло бы меня вовлечь въ службу: такое жалованье, которое позволило бы мнѣ откладывать двѣ трети своего дохода; и то лѣтъ на пять! Заложилъ бы я (всячески *заложилъ*: и въ закладъ, и въ упряжку, и камнемъ) умъ свой и сердце и пошелъ бы въ машины мыслительныя, пишущія, какъ говорили о Стурдзѣ. Разумѣется, и тутъ съ условіемъ не быть une machine infernale, то-есть, не *злодѣйствующей*, а такой, какъ ты былъ, какъ вы всѣ: безсильной для добра, но и не потребительной для зла, въ родѣ palliatif въ людяхъ. Знаешь ли, что мудрено ужиться бы и съ такимъ смиренномудрымъ расположеніемъ духа? Можно закабалить на время свой энтузіазмъ и умѣрить свои требованія на благо: тутъ еще не унизишься, а

только сожмешься. Но вотъ бѣда, если притупишь и остудишь свое негодованіе; а какъ не наложить на него руки, когда дѣлаешься орудіемъ вопреки ему? Для избѣжанія терній, неминуемыхъ на такомъ поприщѣ, надобно чрезвычайно ограничить кругъ своего дѣйствія; пользоваться средствами только тѣми, которыя непосредственно отъ тебя зависятъ. Можно рѣшительно въ пользу ближняго употребить пять рублей на осязательныя его потребности; но не всегда удастся такъ же полезно во всѣхъ отношеніяхъ употребить тысячу рублей или сто, потому что дѣйствія и послѣдствія убѣгаютъ изъ-подъ вліянія руки вашей и минуты. То же самое бываетъ и въ службѣ.

Сдѣлай одолженіе, пришли мнѣ B. Constant: „Sur la religion" и все, что имѣешь или имѣется въ Петербургѣ о смерти Бейрона. А я и самъ скоро отплачу: я писалъ въ Лондонъ и въ Парижъ, чтобы прислали мнѣ все, что появилось о немъ. Я самъ брюхатъ смертью Бейрона, прозою, но ожидаю инструментовъ, чтобы вѣрнѣе сдѣлать операцію. Пришли же, что имѣешь. Ты знаешь, что у меня не твои руки: все возвращу исправно.

Итакъ, мы, видно, съ тобой здѣсь не увидимся. Я только хотѣлъ бы знать твое дѣло, а тамъ и чортъ съ тобой!

Читалъ ли ты Ourika? Прелесть! Отчего у насъ и такой бездѣлицы никто не въ состояніи написать? Читалъ ли ты Кюхельбекеріаду во второй „Мнемозинѣ"? Я говорю, что это упоеніе пивное, тяжелое. Каково отдѣлалъ онъ Жуковскаго и Батюшкова, да и Горація, да и Бейрона, да и Шиллера? Чтобы врать, какъ онъ вретъ, нужно имѣть языкъ звонкій, рѣчистый, прыткій, а ужъ ничего нѣтъ хуже, какъ мямлить, картавить и заикаться въ враньѣ: даешь время слушателямъ одуматься и надуматься, что ты дуракъ. Что у насъ за литература? M-me Stäel говорила о твореніяхъ m-me Souza, que c'était de la littérature de colibri, а у насъ c'est de la littérature de corbeau.

31-го. Москва.

Ты отъ Константина Булгакова получишь 6500 рублей ассигнаціями. Изъ нихъ отдай Карамзину 4310 рублей; 80 червонцевъ золотомъ лучшихъ и бумажками, сколько придется за луч-

шія по петербургскому настоящему курсу, Николаю Николаевичу Новосильцову при письмѣ моемъ и спроси у него, какъ платить: золотомъ или ассигнаціями. Не понимаю, какъ до сей поры залежался у меня этотъ долгъ. 1200 рублей дай Жуковскому; а разсчеты ему наши пришлю на слѣдующей недѣлѣ. Что останется изъ денегъ, оставь пока у себя. Пока прощай! Я въ расплатахъ по горло! Спроси у Сѣверина, чтò я ему долженъ за парижскія книги и заплати ему.

Если съ Новосильцовымъ есть Журковскій, то спроси, нѣтъ ли у него росписки моей въ полученіи этихъ червонцевъ, которые онъ мнѣ далъ при отъѣздѣ моемъ въ Москву изъ денегъ Николая Николаевича, и точно ли 80 долженъ я; или спроси о томъ у Гомзина.

643.

Тургеневъ князю Вяземскому.

5-го августа. [Черная Рѣчка]. Утро.

Сію минуту получаю письмо твое, предваренный о немъ Булгаковымъ вчера еще. Распрощался сейчасъ съ Боратынскимъ, котораго отпустилъ въ возвратный походъ на финскій сѣверъ съ надеждою и, проводивъ отъ себя Жуковскаго на Елагинъ островъ къ педагогической должности его, спѣшу отвѣчать тебѣ, но не знаю, успѣю ли послать письмо сегодня.

Принявъ деньги отъ Б[улгакова], расплачусь со всѣми и пришлю отъ всѣхъ росписки. Карамзина увѣдомилъ о четырехъ тысячахъ теперь же. Съ Нов[осильцовымъ] и съ Гомзин[ымъ] повидаюсь, но Юрковскаго, кажется, съ ними нѣтъ. Будь вѣренъ себѣ и намъ и, расплачиваясь, не откладывай ничего на прихоти. Въ числѣ ихъ — все несущественно нужное для пропитанія себя и дѣтей. Это одно можетъ насъ успокоить. Часто заглядываю въ будущность твою и Карамзиныхъ и ужасаюсь за дѣтей; но дѣти Карамзина имѣютъ великое наслѣдство: „Исторію", и не всегда же Главное училищъ правленіе будетъ по экземпляру на губернію подписываться на славу отечества. Недоимку взнесутъ дѣ-

тямъ, и это спасетъ ихъ отъ голодной смерти, а Русь отъ стыда; но ты еще не нажилъ имъ этого наслѣдства. Наживай, а между тѣмъ сохрани развалины отцовскаго. Мысль о дѣтяхъ часто погружаетъ Карамзина въ ужасную грусть, смягчаемую только вѣрою въ Провидѣніе, которая въ немъ сильна по-своему. Онъ чаще прежняго страшится за ихъ будущее, особливо при безпорядкахъ въ его имѣніи, съ котораго ничего не получаетъ. Я предлагалъ ему туда ѣхать немедленно и при помощи дѣльнаго пріятеля привести въ повиновеніе крестьянъ его, но онъ не принялъ моего предложенія. Изъ Москвы, куда сбираюсь вскорѣ послѣ 16-го сего мѣсяца, можетъ быть и слетаю въ нижегородскую его деревню. Авось, мнѣ удастся дать ему нѣкоторое спокойствіе, хотя за крестьянъ его, и заплатить бездѣлицею часть неуплатимой благодарности, къ дружбѣ его питаемой.

Кстати о немъ. Статью свою изъ Гет[тингена] я писалъ, точно зная, что пишу противъ Карамзина. Въ ней виденъ школьникъ съ жаромъ къ добру, но школьникъ во всемъ пространствѣ этого слова. Знаешь ли, что заставило меня написать сію статью? Я въ этомъ и Карамзину давно признался. Въ Геттингенѣ узналъ я о смерти брата Андрея. Нѣсколько недѣль, не смотря на поѣздку верхомъ въ Пирмонтъ, часто на заглушеніе пуншемъ, котораго прежде пить не могъ, сильнаго чувства горести, я приходилъ въ отчаяніе и въ злобу на людей, имѣя тогда мало вѣры и много чувства. Желалъ приняться за чтеніе, и первая книга попалась мнѣ журналъ Карамзина и въ немъ піеса его, помнится, прогулка по островамъ, въ которой онъ одного пылкаго молодого человѣка заставляетъ говорить, что всякое нѣжное чувство, всякая сильная горесть, которую мы почитаемъ вѣчною, не вѣчна въ нашемъ сердцѣ, что все утихаетъ со временемъ. Эта психологическая истина возмутила мою душу и меня противъ Карамзина. Я видалъ въ немъ изверга, который не рожденъ любить вѣчно, и вздумалъ мстить ему послѣ чѣмъ бы то ни было. Хотѣлось и выказать свѣту и батюшкѣ свою ученость, и я написалъ эту піесу, исполненную цитатовъ и напоминающую эпиграмму Шиллера:

Was wir heute gelernt, wollen wir morgen schon lehren.

Я образумился уже въ Москвѣ, снова познакомившись съ Карамзинымъ и прочитавъ часть его „Исторіи". Изъ Москвы началъ образумливать и другихъ, то-есть, друга моего Андрѐя Кайсарова и Шлецера и навлекъ на себя негодованіе перваго. Смерть брата имѣла еще и другое важное дѣйствіе на мою душу: въ первый разъ я постигнулъ безсмертіе души и душою повѣрилъ ему. Безъ сей вѣры я точно бы не перенесъ жизни безъ него. Еще и теперь сердце порывается на Невское кладбище.

За минуту передъ тѣмъ, какъ получилъ письменный совѣтъ твой приняться за перо, Жуковскій, ходя по нашей галлереѣ съ сигаркою и приготовляя себя къ важнѣйшему дѣлу его утра, совѣтовалъ мнѣ также писать *Мысли*, а потомъ *Записки*, то-есть, Mémoires. Отвѣчать на этотъ совѣтъ грустно. Послѣ двадцатилѣтней моей жизни я еще не соберу свои обыкновенныя мысли, не совладѣю съ разслабленными силами ума и не могу читать одну книгу сряду и со вниманіемъ не развлеченнымъ. Душа даже спокойнѣе головы. Чувствую, что въ умственныхъ занятіяхъ надобно имѣть цѣль, а между тѣмъ въ одно время читаю Клопштока и „Благонамѣреннаго", Bernardin de St.-Pierre и Гердера (въ сихъ много сходства: „Harmonies de la Nature" всегда напоминали мнѣ „Ideen zu einer Geschichte der Menschheit"), Benjamin Constant и графа Мейстера, Ламене и французскій отчетъ о библейскихъ обществахъ, классическій въ своемъ родѣ; часто голова горитъ, если не мыслями, то чѣмъ-то похожимъ на мысли и на чувства, а за перо приняться не могу, ибо для него нужна ясность души и тишина въ сердцѣ, которыхъ у меня нѣтъ. Довольствуюсь выписками въ двухгодичный album, который привезу показать тебѣ. До ноября подожду рѣшенія моей участи, а тамъ туда, гдѣ буду часто горевать, а можетъ быть и жалѣть о прошедшемъ, но гдѣ скорѣе могутъ устроиться голова и затянуться, но не зажить, раны сердца.

Кстати о головѣ и сердцѣ. Братъ Сергѣй получилъ интересное письмо отъ Елены Григорьевны Пушкиной о Батюшковѣ. Она видѣла и долго, и много бесѣдовала о немъ съ его докторомъ и съ женою доктора. Вотъ, между прочимъ, что она пишетъ: „J'ai aussi été malade à Dresde: j'ai gardé le lit vingt quatre

heures, ce qui est bien fort pour une santé aussi robuste que la mienne. Ce fut à la suite de mon entrevue avec la soeur de Batuschkoff. J'avais trop pris sur moi, j'avais trop compté sur mes forces, et mes forces m'avaient abandonné... En allant aux eaux, je me suis arrêtée chez cette excellente mademoiselle Batuschkoff, à laquelle j'ai voué un attachement bien sincère. Sonnenstein était en face. Je pouvais distinguer la croisée de la chambre, qu'occupe maintenant ce trop malheureux ami. Quel spectacle!... Au milieu de tant de douleur, une phrase de ce pauvre Constantin, que sa soeur me répétait, a mis le comble à mes regrets", и пр., и пр. Содержаніе фразы то, что она, Пушкина, поѣхала бы за нимъ въ Крымъ, если бы дѣтей не имѣла. Далѣе: „Le médecin de Sonnenstein donne beaucoup d'espérance. Sa femme, cette femme sublime, qui se dévoue aux soins de son mari, répond aussi de la prochaine guérison de ce pauvre Constantin. Elle est frappée de son esprit, qui perce malgré sa folie, de sa sensibilité, et surtout de cet organe si doux, qui fait supposer un coeur si aimant. Sa soeur a voulu que j'écrivisse à la femme du docteur et que je lui fisse le portrait du caractère de son frère. „Moi, me disait-elle, je n'en ai pas la force!" Je l'ai fait! Et mademoiselle Batuschkoff a été tellement frappée de la connaissance, que j'avais acquise de l'âme de notre cher malade, qu'elle m'avait démandé ce que j'avais fait pour le connaître aussi bien"... Рука устала, но хотѣлось бы и больше выписать.

Теперь къ сумасшедшему другого рода. Ты уже знаешь, что Пушкинъ отставленъ; ему велѣно жить въ псковской деревнѣ отца его подъ надзоромъ Паулуччи. Это не по одному представленію графа Воронцова, а по другому дѣлу, о которомъ скажу послѣ на словахъ. О пріѣздѣ его туда еще ничего не слышно, и не знаю еще пріѣхалъ ли?

Желалъ бы теперь обратиться къ твоему проекту служить въ Одессѣ. На какое жалованье ты считать можешь? И уживешься ли ты тамъ? Не проживешь ли остальное? Знаешь ли ты Воронцова? Могла ли узнать его княгиня? Не увлекается ли она въ семъ случаѣ пріятностію сей жизни и тамошняго общества? Но надежно ли оно? И на долго ли? Жизнь дороже московской, то-есть,

въ вашихъ отношеніяхъ къ Москвѣ, по сосѣдству Остафьева. Я не успѣлъ этого порядочно обдумать, хотя давно знаю о вашемъ проектѣ. Первая мысль, при первыхъ соображеніяхъ и при знаніи Воронцова (лучше, нежели ты и жена твоя его знаете), была совершенно противна сему проекту. Карамзины и Сергѣй—также.

Жуковскій не успѣлъ прочесть твоего письма, но велѣлъ на всякій случай поцѣловать тебя. Прочтемъ тебя за обѣдомъ на закуску.

Княжна Алина точно прелестная и по уму, и по всему. Дай Богъ уцѣлѣть ей во всемъ и сохранить себя для милаго будущаго, а не для постылаго. Страшусь разсчетовъ Фортуны, то-есть, ея любителей; а она бы заслуживала быть счастливою, хотя на минуту, и въ сей жизни.

Benjamin Constant теперь у Карамзина. Скоро пришлю, то-есть, первый томъ, ибо другіе два еще не вышли. О смерти Байрона возьму брошюры у графа Строгонова и тебѣ пришлю по первой почтѣ. Между тѣмъ вотъ нѣсколько стиховъ изъ піесы слѣпого Козлова:

Среди Альбіона туманныхъ холмовъ,
. . . .
Въ наслѣдственномъ замкѣ, подъ тѣнью дубовъ,
Пѣвецъ возрасталъ вдохновенный.
И царская кровь въ его жилахъ текла;
. . . .
Но юноша гордый, прелестный,
Высокаго сана свѣтлѣе душой,
Казну его знаютъ вдова съ сиротой,
И *гласъ* его арфы — чудесный.

(Въ оригиналѣ *звукъ*, но *гласъ*, кажется, лучше).

. . . .
, ...
Встревоженъ духъ юный; безъ горя печаль
За призракомъ дальнымъ влечетъ его въ даль,—
И волны подъ нимъ зашумѣли;
Онъ арфу хватаетъ дрожащей рукой,
Онъ жметъ ее къ сердцу со рьяной тоской:
Таинственно струны звенѣли.

(Смыслъ послѣднихъ стиховъ для меня также тайна).

Скитался онъ долго въ восточныхъ краяхъ
И чудную славилъ природу;
Подъ радостнымъ небомъ, въ душистыхъ лѣсахъ
Онъ пѣлъ угнетенныхъ свободу.
Любовныхъ страданій палящій пѣвецъ,
Онъ высказалъ сердцу всѣ тайны сердецъ,
Всѣ буйныхъ страстей упоенья;
То радугой блещетъ, то въ мракѣ ночномъ
Сзываетъ онъ тѣни волшебнымъ жезломъ,
И грозно-прелестны видѣнья.
. . . .
. . . Пѣсни . . . .
Но мрака съ чела не согнали.
Уныло онъ смотритъ на свѣтъ и людей;
Онъ бурно жизнь отжилъ весною своей;
Надеждамъ онъ вѣрить страшится;
Думъ тяжкихъ, глубокихъ въ немъ видны черты;
Кипучая бездна огня и мечты,
Душа его съ горемъ дружится.
. . . .

О немъ и о женѣ его, то-есть, о ссорѣ съ нею и о прежнемъ ихъ согласіи:

Такъ свѣтлыя воды красуясь текутъ
И ясность небесъ отражаютъ;
Но, встрѣтя вдругъ камень, мутятся, ревутъ
И шумно свой токъ раздѣляютъ.
. . . .
И снова онъ мчится по грознымъ волнамъ;
Онъ бросилъ магнитъ путеводный,
Съ убитой душой по лѣсамъ, по горамъ,
Скитаясь, какъ странникъ безродный.
Онъ смотритъ, онъ внемлетъ, какъ вихри свистятъ,
Какъ молніи вьются, утесы трещатъ,
Какъ громы въ горахъ умираютъ.
„О вихри, о громы, скажите вы мнѣ:
„Въ какой же высокой, безвѣстной странѣ
„Душевныя бури стихаютъ?“
. . . .
. . . .
И слава воскресла, и вспыхнула месть,

Кровавое зарево рдѣетъ.
Цари равнодушны, — онъ прежде царей
Съ мечами, съ казною и съ арфой своей
Летитъ довершать избавленье;
Онъ тамъ, онъ поддержитъ въ борьбѣ роковой
Великое дѣло великой душой —
Святое Эллады спасенье.
. . . .

Доволенъ ли? То-есть, моею рукою, если не стихами; но и въ стихахъ есть жаръ и сила. Выписалъ бы нѣсколько стиховъ и изъ „Звѣзды" Боратынскаго, но боюсь, чтобы письмо мое не перебило у моего сосѣда Греча. Вотъ одна строфа:

И съ милой звѣздочки своей
Не сводимъ мы очесъ,
И провожаемъ мы ее
На небо и съ небесъ.

Я просилъ его свести со второго стиха *очеса* и замѣнить ихъ очами, но жаль прекрасныхъ *небесъ*.

Я, вѣрно, къ концу августа буду въ Москвѣ и проживу, вѣроятно, до возвращенія государя въ Петербургъ, то-есть, до начала октября (государь возвратится къ 22-му). Я бы желалъ порскитаться въ окрестностяхъ Московской губерніи, напримѣръ, въ Нижегородской ярмаркѣ, и побывать въ деревнѣ Карамзина.

„Урику" читалъ: c'est joli, mais c'est peu de chose. Кюхельбекера читалъ, и съ досадою; утѣшилъ онъ меня только невинностью своего разсказа о разговорѣ его съ Тикомъ о Новалисѣ. Онъ признался ему, что не понялъ Новалиса, а Тикъ добродушно отвѣчалъ ему: „А я понялъ". Довольно для Кюхельбекера, но зачѣмъ же признаваться въ глупости? Для этого довольно и „Мнемозины". *Недозрѣлый* Шиллеръ и *классическій* Шихматовъ! Первый эпитетъ принадлежитъ не Кюхельбекеру, а Тику. C'est à peu près son idée sur Schiller, потому что онъ гетеніанецъ. Давно такого враля не бывало. Это—Бестужевъ (младшій), побывавшій въ ученой и многомыслящей Германіи и подслушавшій, но не понявшій ея литераторовъ. Впрочемъ, и въ Бестужевѣ есть талантъ, но старшій братъ его пишетъ лучше.

Николай изъ Карлсбада снова отправился въ Дрезденъ посовѣтоваться съ Крейсигомъ и возвратится опять въ Карлсбадъ, а оттуда въ Италію. Надежда къ излѣченію есть, но идетъ оно, какъ и всегда, туго.

Крыловъ купался въ ревельскомъ морѣ и перепугалъ рыбъ своею массою и, вѣроятно, еще больше своимъ аппетитомъ. Новыя басни его прелестны.

Что дѣлаетъ Иванъ Ивановичъ? Скажи ему мое душевное почитаніе. Если бы письмо это было не такое безпутное, то можно бы его прочесть ему для выписокъ изъ чужихъ писемъ. Какъ хочешь. Софья Безобразова здѣсь.

644.

Тургеневъ князю Вяземскому.

8-го августа. [Черная Рѣчка].

Вчера получилъ деньги отъ Бул[гакова] и далъ ему росписку. Былъ у Новос[ильцова] и засталъ его садящимся въ карету, но онъ прочелъ письмо; я сказалъ ему, что деньги у меня готовы и червонцами лучшими, и ассигнаціями. Онъ и забылъ о нихъ; поручилъ Гомзину принять, и я посылаю къ нему ихъ сегодня по 11 р. 80 к. червонецъ, по курсу. Получу росписку и тебѣ доставлю. Юрковскаго нѣтъ. О роспискѣ сказалъ Байкову и Гомзину. Если есть, то пришлютъ изъ Варшавы. Жуковскому 1200 рублей отдалъ вчера же, но онъ не знаетъ, за что эти деньги. Отъ Строгонова отвѣта о брошюрахъ не получилъ. Пришлю, если пришлетъ. У Сенъ-Флорана нѣтъ ничего о Байронѣ, а будетъ скоро одна, вѣроятно та же, что и у Строгонова.

Посылаю элегію Лобанова; а напечатанные стихи въ „Сынѣ Отечествѣ“ не его, а Плетнева. Впрочемъ, *и вотъ* есть и въ этихъ. Жуковскій вчера прочелъ письмо твое. Сѣверина спрашивалъ о книгахъ, но еще не получилъ. Заплачу тотчасъ, какъ скоро увѣдомитъ. Карамзинъ былъ нездоровъ маленькою лихорадкою, но теперь хорошо. Прости! Какое интересное письмо!

Сію минуту получаю письмо отъ брата Николая. Онъ ви-

дѣлъ Батюшкова. Вотъ слова брата: „Войдя въ ворота, первый, попавшійся мнѣ на встрѣчу, былъ Батюшковъ: лицо мрачное; онъ шелъ по другой сторонѣ и меня не узналъ. Лѣкарь послѣ сказалъ мнѣ, что я хорошо сдѣлалъ, и не свелъ меня съ нимъ. Онъ говоритъ, что теперь ему немного лучше. Прежде онъ воображалъ, что онъ въ тюрьмѣ, но Ханыковъ написалъ ему, что онъ въ Maison de santé, и онъ сталъ спокойнѣе. Былъ у его сестры; она его еще не видала, но лѣкарь надѣется ихъ скоро свесть". Распечаталъ нарочно письмо къ тебѣ, чтобы вписать это. Братъ возвратится уже не въ Карлсбадъ, а въ Маріенбадъ пить воды. Карлсбадскія худо дѣйствовали, но докторъ Крейсигъ обѣщаетъ выздоровленіе послѣ второго курса и послѣ винограда въ Италіи.

Въ третій разъ распечаталъ и двѣ брошюры отъ Строгонова посылаю; третью пришлю послѣ. Возврати немедленно по прочтеніи.

645.

Тургеневъ князю Вяземскому.

12-го августа. [Черная Рѣчка].

Деньги Нов[осильцову] отданы, и вотъ росписка. Сѣверинъ отвѣчалъ мнѣ, что на дняхъ будетъ въ Москвѣ и самъ съ тобою разочтется. Карамзину деньги отданы. Я буду въ Москвѣ къ 30-му августа. Вѣроятно, выѣду въ дилижансѣ 23-го отсюда.

Вотъ еще брошюра о Байронѣ, Мура: это лучшая. Возврати по прочтеніи. Ѣду сейчасъ въ Царское Село.

Третьяго дня обѣдали у насъ на Черной Рѣчкѣ Жуковскій, Крыловъ, Гнѣдичъ, Сабуренокъ, Дашковъ, Гречъ, графъ Мейстеръ и прочіе. Козловъ (слѣпой) и Крыловъ читалъ свои новыя басни. Есть между ними прелестныя; скоро выдутъ.

Теперь (ночь) кончилась серенада, которую давалъ графъ Бобринскій на Черной Рѣчкѣ, и началась мазурка; а я ложусь спать, чтобы завтра поспѣть къ Карамзинымъ. Прости!

646.

Тургеневъ князю Вяземскому.

13-го августа. [Черная Рѣчка].

Увѣдомь меня съ первою почтою, гдѣ ты живешь въ Москвѣ, то-есть, гдѣ твой домъ, на какой улицѣ и подъ какимъ номеромъ, дабы мнѣ можно было въ случаѣ, если я пріѣду въ дилижансѣ, придти къ тебѣ прежде, нежели я пойду къ матушкѣ; ибо если я пріѣду ночью, то пойду къ ней по-утру, а ночь проведу у тебя. Если же днемъ, то прямо къ ней. Да напиши, если знаешь, и квартиру матушки, то-есть, на какой улицѣ и чей домъ. Да поскорѣе, ибо только остается десять дней до моего отъѣзда, или оставь записку въ конторѣ дилижансовъ.

Вчера были мы въ Царскомъ Селѣ, и Сѣверинъ читалъ намъ прекрасный отвѣтъ Лавинья Ламартину. Онъ ѣдетъ отсюда 19-го въ Москву, а тамъ въ Пензу.

На оборотѣ: Его сіятельству князю Петру Андреевичу Вяземскому, въ Москвѣ.

Приписка А. Я. Булгакова.

Измѣнившему вчера итальянской оперѣ.

647.

Князь Вяземскій Тургеневу.

13-го августа. Остафьево.

Благодарю сердечно за доброе письмище отъ 5-го августа и спасибо за донесеніе о текущихъ дѣлахъ моихъ отъ 8-го. Сказалъ ли что Новосильцовъ обо мнѣ при этомъ случаѣ? Говорилъ ли ты съ нимъ о моей варшавской катастрофѣ, и можно ли еще говорить съ нимъ о чемъ-нибудь путномъ? Если можно, то при случаѣ заведи разговоръ и побереги его въ памяти своей до нашего свиданія, потому что я все еще истиннаго зерна загадки не раскусилъ. Я Новосильцова люблю; его Польша доѣхала, но

подъ дрожжами было у него что-то такое хорошаго. Я точно пріѣхалъ къ его разрушенію: при мнѣ началъ онъ расклеиваться. Впрочемъ, трудно было уцѣлѣть на его мѣстѣ; надобно было оставить мѣсто; но, остававшись на немъ, должно было неминуемо рости въ землю и заживо погребстись. Такъ и было! Я никогда не забуду, что у него узналъ я, что такое истинный ростбифъ и истинный рейнвейнъ Іоаннисберга, который поганятъ теперь недостойныя рыла Меттерниха и Татищева. Легкомысленные и неблагодарные желудки не поймутъ меня, но ты оцѣнишь эту черту признательности. Варшаву также я люблю: въ ней родилась и погасла эпоха дѣятельности моего ума. Всѣ интеллектуальныя поры мои были растворены; я точно жилъ душою и умомъ. Теперь половина меня заглохла и отнялась. Я не умѣю жить посреди смерти: мнѣ должно заимствовать жизнь. А здѣсь гдѣ ее взять тому, у кого нѣтъ въ себѣ ключа живой воды? Мнѣ скажутъ: Карамзинъ! Конечно, онъ всѣхъ живущѣе у насъ; онъ одинъ истинно живущій; но такъ ли бы онъ жилъ еще въ другой сферѣ, подъ другими градусами? Умнѣйшіе изъ насъ, дѣльнѣйшіе изъ насъ, болѣе или менѣе, а все вывихнуты: у кого рука, у кого языкъ, у кого душа, у кого голова въ лубкахъ.

Твое *письмище* точно и мнѣ даетъ мысль, что ты долженъ бы писать свои *воспоминанія*. Я всегда замѣчалъ, что твое перо умѣетъ залучить къ себѣ и мысль, и чувства твои удачнѣе языка, на которомъ они не держутся. Ты такой обжора, что глотаешь и мысли свои, и чувства; шутки въ сторону: ты рѣдко договариваешь. Впрочемъ, и со мною то же: перо развязываетъ у меня языкъ ума и сердца. Причина этому, вѣроятно, та, что мы не имѣемъ привычки говорить. И гдѣ могли бы мы наторить свой языкъ? Арзамасъ разсѣянъ по лицу земли, или, правильнѣе, по — — земли, а въ обществахъ халдейскихъ развѣ можетъ откликнуться умъ души?

Послѣднее письмо жены моей наполнено сѣтованіями о жребіи несчастнаго Пушкина. Онъ отъ нея отправился въ свою ссылку; она оплакиваетъ его, какъ брата. Они до сей поры не знаютъ причины его несчастія. Какъ можно такими крутыми мѣрами поддразнивать и вызывать отчаяніе человѣка! Кто творецъ этого

безчеловѣчнаго убійства? Или не убійство—заточить пылкаго, кипучаго юношу въ деревнѣ русской? Правительство вѣрно было обольщено ложными сплетнями. Да и что такое за наказаніе за вины, которыя не подходятъ ни подъ какое право? Неужели въ столицахъ нѣтъ людей болѣе виновныхъ Пушкина? Сколько вижу изъ нихъ обрызганныхъ грязью и кровью! А тутъ за необдуманное слово, за неосторожный стихъ предаютъ человѣка на жертву. Это напоминаетъ басню „Моръ звѣрей". Только тамъ глупость. въ видѣ быка, платитъ за чужіе грѣхи, а здѣсь—умъ и дарованіе Да и постигаютъ ли тѣ, которые вовлекли власть въ эту мѣру, чтò есть ссылка въ деревнѣ на Руси? Должно точно быть богатыремъ духовнымъ, чтобы устоять противъ этой пытки. Страшусь за Пушкина! Въ его лѣта, съ его душою, которая также *кипучая бездна огня* (прекрасное выраженіе Козлова о Бейронѣ), нельзя надѣяться, чтобы одно занятіе, одна дѣятельность мыслей удовольствовали бы его. Тутъ поневолѣ примешься за твое геттингенское лѣкарство: не писать противъ Карамзина, а пить пуншъ. Признаюсь, я не иначе смотрю на ссылку Пушкина, какъ на coup de grâce, что нанесли ему. Не предвижу для него исхода изъ этой бездны. Неужели не могли вы отвлечь этотъ ударъ? Да зачѣмъ не позволить ему ѣхать въ чужіе краи? Изданіе его сочиненій окупитъ будущее его на нѣсколько лѣтъ. Скажите, ради Бога, какъ дубинѣ Петра Великаго, которая не сошла съ нимъ во гробъ, бояться прозы и стишковъ какого-нибудь молокососа? Никакіе вирши (tout *vers* qu'ils sont) не проточатъ ея! Она, православная матушка наша, зеленѣетъ и *дебелѣетъ* себѣ такъ, что любо! Хоть приди Орфей возмутительныхъ пѣсней, такъ никто съ мѣста не тронется! Какъ правительству этого не знать? Какъ ему не чувствовать своей силы? Всѣ поэты, хоть будь они тризѣвные, надсадятъ себѣ горло, а никому на уши ничего не напоютъ. Мнѣ кажется, власти у насъ такъ же смѣшно отгрызаться, какъ нашему брату—шавкѣ смѣшно скалить зубы. Во Франціи, въ другихъ земляхъ,—дѣло другое, on en vient aux mains avec l'autorité; въ подобной схваткѣ все увѣчье! У насъ необозримое, мало того что непроходимое, разстояніе раздѣляетъ власть отъ насъ.. Elle est non seulement inviolable de droit, comme partout,

mais elle l'est aussi de fait. De sa nature elle est hors de toute atteinte. Я увѣренъ, что если государю представить это дѣло въ томъ видѣ, въ какомъ я его вижу, то плѣненіе Пушкина тотчасъ бы разрѣшилось. Les Titans n'ont pas chansonné les dieux, quand ils ont voulu les chasser du ciel.

Эпиграмма можетъ пронять нашего брата, какъ ни будь онъ окованъ въ звѣзды и препоясанъ лентами, но „сатиры и эпиграммы должны преклонить колѣна“ (какъ говорилъ Максимъ Невзоровъ въ „Другѣ Юношества“ о нашихъ эпиграммахъ на Боброва) передъ неуязвляемостью власти. У меня въ головѣ проскакиваетъ глупая шутка, но такъ и быть: вотъ она. Я вспомнилъ о неуязвляемости Ахиллеса. Про него можно сказать, что *душа у него была въ пяткахъ*, даромъ, что онъ былъ не трусъ. Сообщи это Екатеринѣ Николаевнѣ, музѣ моихъ глупостей. Какой скачекъ отъ политической метафизики до лубочной шутки! Да, впрочемъ, пора мнѣ было соскочить: я ходилъ по скользкому мѣсту.

Я видѣлъ Волконскихъ, мать и дочь, и съ перваго раза полюбилъ ихъ сердечно. Мать везетъ тебѣ книгу. Завтра хочу къ нимъ ѣхать въ Суханово и повезу твои брошюры. Я что-то сомнѣваюсь въ законности произведенія Moor'a: я думаю, это парижскій подкидышъ. Стихи Masson также неважны; у меня есть отвѣтъ Casimir Lavigne Ламартину гораздо превосходнѣйшій. Волконская дала мнѣ читать Пукевиля „La régénération de la Grèce“. Это эпопея, то-есть, по содержанію своему, а не по силѣ эпопейщика, хотя есть въ немъ жаръ и живопись. Что говоритъ объ этой книгѣ Дашковъ? Можно ли во всемъ вѣрить Пукевилю? Жаль, что долженъ прочесть его наскоро: голова кружится отъ собственныхъ именъ людей, городовъ, чиновъ. Что за діаволъ этотъ Али-паша? Есть ли переводъ надгробной рѣчи патріарху, убитому въ Царьградѣ, говоренной въ Одессѣ? Дай мнѣ ее!

Лобанова элегія пахнетъ перстенькомъ. Въ восьми стихахъ Плетнева во сто разъ болѣе поэзіи. Читалъ ли ты глупое извѣстіе Греча объ этой элегіи въ 31-мъ номерѣ? Я люблю, что Лобановъ въ утѣшеніе Шувалову говоритъ ему: *стенаю и я*! Пришли „Звѣзду“ Боратынскаго! И конечно: *очесъ* — не хорошо. Да что же дѣлать съ нашимъ языкомъ, можетъ быть, поэтическимъ, но вовсе не сти-

хотворческимъ. Русскими стихами (то-есть, съ риѳмами) не можетъ изъясняться свободно ни умъ, ни душа. Вотъ отчего всѣ поэты наши дѣтски лепетали. Озабоченные побѣжденіемъ трудностей, мы не даемъ воли ни мыслямъ, ни чувствамъ. Связанный богатырь не можетъ дѣйствовать мечемъ. Неужели Дмитріевъ не во сто разъ умнѣе своихъ стиховъ? Пушкинъ, Жуковскій, Батюшковъ въ тайникѣ души не гораздо сочнѣе, плодовитѣе, чѣмъ въ произрастеніяхъ своихъ? — — — —

Что скажешь ты объ этомъ письмѣ? Оно превосходно! Это пиндарическая ода! Чего хочешь, того просишь. Это въ своемъ родѣ Child-Harold, „volcan tari qui ne lançait plus que des laves brulantes ou des cendres amères“ (Thomas Moore). Анъ, я и въ самомъ дѣлѣ volcan tari!

Ты развѣ не понялъ письма моего о службѣ? Я точно согласенъ съ тобою. Гдѣ мнѣ служить? Я говорилъ тебѣ, что могъ бы служить за деньги, но что знаю, что денегъ мнѣ не дадутъ, да и не за что. Ты развѣ забылъ, что я узналъ Воронцова лѣтомъ въ Петербургѣ? Такое знакомство одинъ разъ навсегда. Если не было бы поздно, то я выписалъ бы тебѣ изъ письма жены то, что относится до образа жизни въ Одессѣ. О веселіяхъ и пріятностяхъ общежитія и въ поминѣ нѣтъ; напротивъ, она мнѣ настоятельно говоритъ, чтобы, ѣхавши туда, отказался бы я отъ помышленія о свѣтскихъ развлеченіяхъ, которыхъ тамъ нѣтъ. Но тамъ есть солнце и море, а душа моя ихъ жаждетъ. Можетъ быть, тамъ она оживетъ. Москва меня сушитъ: я не долженъ въ ней жить! Я не властенъ въ ней жить! Я не буду въ ней жить! А, кромѣ Москвы и юга, я на Руси не знаю доступнаго угла.

Итакъ, ты скоро сюда будешь. Радуюсь заранѣе. Куда ты это собираешься на Макарьевскую ярмонку изъ Москвы? Развѣ для тебя сызнова начнутъ? Вѣдь это не обѣдня. Да и обѣдня то уже для тебя отошла. Прости, мой милый разстрига! Покажи это письмо Жуковскому; 1200 рублей—за виды Павловскаго и за проданные экземпляры его сочиненій: я тебѣ толковито писалъ. Счеты ему пришлю послѣ.

648.

Тургеневъ князю Вяземскому.

18-го августа. [Черная Рѣчка].

Письмо твое получилъ, отвѣчать не успѣю, ибо теперь уже за-полночь, а завтра я ѣду въ Царское Село. Выѣду, вѣроятно, 29-го августа, ибо 23-го не успѣю. У Новосильцова былъ сегодня, но онъ завтра ѣдетъ и сегодня былъ въ банѣ. Я видѣлъ его только при другихъ и при неотступномъ Байковѣ, и ни разу не удалось завести рѣчи о тебѣ, сколько ни желалъ.

Я хотѣлъ послать тебѣ отвѣтъ Лавинья. Сѣверинъ уѣзжаетъ завтра и тебя увидитъ.

Новосильцову знаки Александра, 50000 и попечителемъ на мѣсто Лаваля. А Лаваль пишетъ ко мнѣ изъ Карлсбада и сбирается управлять просвѣщеніемъ литовско-гродненскимъ и для этого жертвуетъ своимъ хилымъ здоровьемъ, не желая остаться на другой курсъ. Авось, этотъ ударъ спасетъ его отъ явной гибели и отъ.... [1]), но спасетъ ли отъ Сената?

Пришлю или привезу отвѣтъ на твою вылазку за П[ушкина]. Завтра прочту Жуковскому письмо твое.

649.

Князь Вяземскій (съ С. П. Жихаревымъ) Тургеневу.

18-го августа. [Москва].

Рукою Жихарева: Матушка проситъ васъ, а мы молимъ, чтобы вы взъѣхали къ намъ по пріѣздѣ вашемъ въ Москву. „Пріѣздъ нечаянный Александра чрезвычайно меня растревожитъ“, говоритъ она. Ей хочется, чтобы ее предувѣдомили. Впрочемъ, да будетъ воля ваша. Мое дѣло—написать, что приказано. Еще про-

---

[1]) Точки въ подлинникѣ.

сила меня напомнить вамъ, чтобы вы не забыли взять съ собою мундира.

Рукою князя Вяземскаго: и шпагу. Да, сдѣлай милость, и звѣзды не забудь; да нельзя ли формата побольше, а то нельзя тебѣ будетъ и глазъ показать москвичамъ.

Рукою Жихарева: Это уже я не знаю для чего. Живемъ мы подъ Новинскимъ, противъ церкви Іоанна Предтечи, въ Кречетникахъ, въ домѣ Воейковой. Скоро ли то васъ дождемся? Пріѣздъ вашъ, нелицемѣрно сказать, для насъ праздникъ. Сергѣя обнимаю. Вѣрный и преданный С. Жихаревъ.

Рукою князя Вяземскаго: Сейчасъ получилъ письмо отъ жены. Одесскіе наши планы, кажется, перемѣнились, и въ сентябрѣ возвратится она съ дѣтьми сюда. Смерть семилѣтней дочери Гурьевой, которая умерла жертвою невѣжества одесскихъ докторовъ, не понявшихъ ея болѣзни и лѣчившихъ ее отъ другой, напугала жену, тѣмъ болѣе, что докторъ Воронцовыхъ, искусный и ученый, можетъ быть, не возвратится на зиму въ Одессу. Сообщи это все Карамзинымъ. Я пріѣхалъ сюда на минуточку. Въ Остафьевѣ у меня здорово.

На оборотѣ рукою Жихарева: Его превосходительству, милостивому государю Александру Ивановичу Тургеневу. Въ С.-Петербургѣ.

650.

Тургеневъ князю Вяземскому.

22-го августа. [Черная Рѣчка].

Я все еще не знаю, выѣду ли 29-го августа или 2-го сентября. Переѣздъ на другую квартиру удерживаетъ меня, да и Карамзины желаютъ, чтобы 30-е августа провелъ я съ ними въ Царскомъ Селѣ, а какъ отказать имъ въ возможномъ? Впрочемъ, все еще думаю и надѣюсь выѣхать 29-го, отправивъ 26-го балы у всѣхъ Наталій на Черной Рѣчкѣ, на островахъ и въ городѣ у князя Ал[ексѣя] Куракина.

Письмо твое прочелъ во вторникъ Жуковскому и Карамзи-

нымъ; смѣялись тому, что для меня отошла обѣдня такъ, что Софья Н[иколаевна] едва не захлебнулась отъ смѣха. Посылаю „Звѣзду“, самимъ авторомъ написанную. Дѣло его все еще длится. Хлопочу и въ Финляндіи, и здѣсь, и въ пути, но не знаю еще, будетъ ли путь въ хлопотахъ нашихъ. Надежда однако жъ есть.

Измайлову выпросилъ Карамзинъ пенсію (1200). Хлопочу объ указѣ, но еще не получилъ.

Пукевиль у меня есть и достать могу. У меня осталось твоихъ 45 рублей, а это точно цѣна ему. Хочешь ли? Или что другое? Пришлю счетъ всему, или вотъ онъ:

1200 — Жуковскому
945 — Новосильцову
4310 — Карамзину
6455

а получилъ отъ тебя 6500, слѣдовательно 45 въ остаткѣ.

Дашковъ читалъ книгу. Вотъ его мнѣніе и тѣхъ, кто знаетъ дѣла, какъ-то: Катакази и братъ. Все, что объ островахъ, о Греціи внутренней, — почти все справедливо; о происшествіяхъ и о лицахъ въ самомъ Царьградѣ — много ложнаго, ибо Пукевилю не могло быть все извѣстно, что тамъ происходило. Отыми декламаціи — и книга прекрасная, но писана скверно. Нужно многое исправить.

Пришлю тебѣ надгробную рѣчь съ переводомъ, очень хорошимъ, Ѳеофила. Неужели я въ свое время не послалъ тебѣ? Мы напечатали ее въ Синодѣ и отъ Синода.

Въ „Онѣгинѣ“, жалуясь на жестокость петербургскихъ дамъ, Пушкинъ говоритъ:

И на бровяхъ ихъ надпись ада:
„Оставь надежду навсегда“.

Остальное при свиданіи. Впрочемъ, ты видѣлъ уже теперь Сѣверина, и онъ все объяснитъ тебѣ.

Новосильцовъ уѣхалъ, и я не могъ и проститься съ нимъ, ибо въ этотъ день былъ въ Царскомъ Селѣ, а наканунѣ не за-

сталъ его. Онъ будетъ попечителемъ Виленскаго университета. Это убьетъ Лаваля; развѣ

Утѣшитъ свѣтъ звѣзды
Разставшихся друзей?

Напиши мнѣ еще что-нибудь о княгинѣ Софьѣ и объ Алинѣ, когда и гдѣ ждать ихъ? Или найду ихъ еще въ Москвѣ?

Сегодня графъ Потоцкій, младшій братъ Ольги, даетъ намъ фейерверкъ въ 3000 рублей, съ двумя букетами: дороже Шереметевскаго.

Знаешь ли ты по-нѣмецки, то-есть, можешь ли понимать хотя прозу возвышенную? Мнѣ пришло на мысль выписать хоть кому-нибудь прекрасную страницу Гердера о языкѣ. Братъ въ городѣ, я одинъ въ кабинетѣ и прочесть не кому, а прелесть! Чувствую правду стиха:

Желаешь для себя, а ищешь раздѣлить.

Да ты, вѣрно, не раздѣлишь со мною нѣмецкаго наслажденія! И сосѣда Греча нѣтъ, онъ также въ городѣ

Блаженствуетъ въ отставкѣ подъ судомъ

(стихъ Измайлова) вмѣстѣ съ Поповымъ, Бируковымъ, Яковкинымъ и еще другими, отданными за книгу Госнера въ Уголовную палату. Для чего нѣтъ у насъ русской академіи, ибо собраніе корнекопателей, переводчиковъ Тита Ливія и прочее я не называю академіей для изслѣдованія философіи и для умноженія богатства языка? Написалъ бы рѣчь о природномъ, то-есть, не только русскомъ, но о дарѣ слова, которое наши безсловесные все смѣшиваютъ съ результатомъ онаго. Не знаю богатѣе и обильнѣе предмета, давно любимаго моего. Въ немъ вся исторія и вся ея философія. Всякій разъ, когда передумываю объ этомъ предметѣ, бросаюсь на тѣ же книги и всякій разъ загораюсь отъ нихъ, чтобы черезъ часъ потухнуть.

Писалъ бы еще, но ни одно перо не пишетъ, а это останавливаетъ и ходъ мыслей.

И Блудовъ пишетъ, что Батюшкову лучше. Онъ также видѣлъ его доктора. Выѣду, вѣроятно, 2-го сентября.

651.

Тургеневъ князю Вяземскому.

25-го августа. [Черная Рѣчка].

Ѣду 4-го или 6-го сентября отсюда, не прежде, ибо хлопотъ безъ числа. Вчера былъ у Кар[амзина] съ Дашковымъ.

652.

Князь Вяземскій Тургеневу.

28-го [августа. Москва].

Да купи мнѣ Пукевиля! Кн[ягиня] Софья Волконская ѣдетъ сегодня въ Петербургъ, но по дорогѣ заѣдетъ къ Тутолминой. Нессельроде съ компаніей выѣхалъ.

Показывалъ ли Карамзину мои строчки въ письмѣ Жихарева, и знаютъ ли, что мы въ Одессу уже не ѣдемъ? Обнимаю и ожидаю.

653.

Тургеневъ князю Вяземскому.

2-го сентября. [Петербургъ].

Пукевиля для тебя купилъ. Въ субботу, то-есть, 6-го сентября, непремѣнно выѣзжаю. Оставь мнѣ записку въ конторѣ дилижансовъ, гдѣ ты живешь; если княгини еще нѣтъ съ тобою, то я взъѣду къ тебѣ на одну ночь или, если до обѣда пріѣду, то на одинъ вечеръ, чтобы, увидѣвъ прежде матушку, къ ней переѣхать; а если у тебя мѣста нѣтъ, или тебя не будетъ въ городѣ, то взъѣду въ трактиръ. Скажи только, въ который?

Карамзинымъ сказывалъ объ Одессѣ. Я провелъ съ ними 30-е; спектакль и балъ въ китайской ротондѣ. Дѣти прекрасно играли. Прости!

654.

Князь Вяземскій Тургеневу.

Пятница, 10 часовъ утра. [12-го сентября. Москва].

Я тебя ждалъ до десяти часовъ и сейчасъ сажусь въ коляску спать, потому что я еще спать не ложился.

Таковъ, Тургеневъ, я развратенъ,
Но на меня и ты похожъ!

Если сегодня жена въ Остафьевѣ не будетъ, то завтра отправляюсь къ ней на встрѣчу до Тулы или далѣе, потому что я обуреваемъ нетерпѣніемъ и безпокойствіемъ. Впрочемъ, 17-го будемъ, вѣроятно, уже соединены; кромѣ какого-нибудь несчастія, не предвижу причины, которая могла бы замедлить ея пріѣздъ. Въ случаѣ ея прибытія надѣюсь и на тебя къ 17-му числу; впрочемъ, мы до 17-го обошлемся или обозримся. Обнимаю.

Вотъ тебѣ твои двѣ бумаги, а „Messéniennes“ отдай подателю, чтобы ее списать.

655.

Князь Вяземскій Тургеневу.

15-го [сентября]. Остафьево.

Жена здѣсь, стало и вы здѣсь 17-го, не такъ ли? То-есть, ты и Жихаревъ. Сдѣлай одолженіе, повидайся съ Иваномъ Ивановичемъ Дмитріевымъ и скажи ему, что жена пріѣхала. Не смѣю звать его; не смѣю даже и напомнить обѣщаніе пріѣхать въ Остафьево на именины жены, но, разумѣется, будемъ ему черезмѣрно рады и почтемъ его посѣщеніе за особенное благоволеніе, за особенное удовольствіе. Скажи и Булгакову, если будешь.

Прощай! Сейчасъ возвращаюсь изъ Тулы, гдѣ встрѣтился съ женою. Сообщи Ивану Ивановичу одесскій гостинецъ.

На трагедію графа Хвостова, изданную съ портретомъ актрисы Колосовой.

Подобный жребій для поэта
И для красавицы готовъ:
Стихи отводятъ отъ портрета,
Портретъ отводитъ отъ стиховъ.

Не забудь, что 17-е въ среду.

На оборотъ: Александру Ивановичу Тургеневу. *Рукою Тургенева прибавлено:* С. П. Жихареву. Нужное.

656.

Князь Вяземскій Тургеневу.

Понедѣльникъ. [Конецъ сентября. Москва].

Не поѣдешь ли къ Серебрякову сегодня утромъ? Онъ живетъ на Солянкѣ, въ домѣ Свиньина, гдѣ Комитетъ суконныхъ дѣлъ, проѣхавъ Воспитательный домъ, налѣво, въ переулкѣ. Я подалъ прошеніе 1-го сентября на 30000 аршинъ: половину отдѣланнаго сукна, половину суровья. Во всѣ прежнія поставки я всегда былъ исправенъ; нынѣ я еще усовершенствовалъ свою фабрику значительными издержками. Всегда получалъ назначеніе самое малое, то-есть, малую поставку, несоразмѣрную съ количествомъ сукна, у меня выдѣлываемаго. Попроси, чтобы нынѣшній разъ вознаградили меня за прежнія и дали хорошую поставку.

Что же, берешь ли ты меня съ собою обѣдать? Я радъ ѣхать съ вами. Что дѣлаешь утромъ? Сойдемся около второго часу или двухъ часовъ въ Кремлевскомъ саду. Говорятъ, тамъ много гуляютъ.

На оборотъ: А. И. Тургеневу.

657.

Тургеневъ князю Вяземскому.

20-го октября. [Петербургъ].

Я узналъ здѣсь, что назначеніе значительнѣйшаго количества сукна поставщику зависитъ не столько отъ Сер[ебрякова], какъ отъ департамента здѣшняго и потому просилъ бывшаго директора Карнѣева уговорить Михаила Кайсарова увеличить число аршинъ на твою поставку. Онъ обѣщалъ мнѣ немедленно похлопотать о семъ. Между тѣмъ не худо бы узнать въ Москвѣ, послано ли сюда распредѣленіе и сколько тебѣ назначено. Я не знаю, въ Москвѣ ли ты, и для того пишу сіе письмо на имя княгини. Я писалъ уже два раза Дмитріеву и сообщилъ ему кой-какія литературныя произведенія и сплетни и просилъ его сообщить тебѣ сіе письмо, если ты еще въ Москвѣ. Письма твои князю Волконскому, Жуковскому и Грибоѣдову доставилъ.

Я живу покуда въ Итальянской слободкѣ, въ домѣ Путятина, въ комнатахъ, въ коихъ нѣкогда, то есть, за 14 лѣтъ, безпечно зябнулъ, не имѣя часто дровъ, и угощалъ бывшихъ пріятелей—Уварова и еще настоящихъ—Булгакова и прочихъ, и прочихъ чаемъ въ стаканахъ, за неимѣніемъ чашекъ. Это напомнило мнѣ все прежнее и переходчивость времени. Не придется ли и опять въ Тургенево, на пепелище отцовское возвратиться или въ Геттингенъ? Впрочемъ, квартиру мою въ Коммиссіи отдѣлываютъ, но прежде четырехъ или шести недѣль я не надѣюсь тамъ поселиться, а укорениться еще не думаю и долѣе.

Благодарю княгиню за дружбу и за ея ласки. Поручилъ Жихареву поцѣловать вашу милую ручку.

Что же вы думаете въ пользу Четвер[тинскаго]? Если вамъ нужны справки, то я въ вашихъ повелѣніяхъ.

Каковы больныя дѣти? Поцѣлуйте толстенку, но не того, который женатъ на Калашниковой, а вашего милаго и на Вяземскаго похожаго.

Кар[амзины] не могли отъ меня никакого толку добиться, ибо я отъ васъ никакого самъ не могу добиться.

Жуковскаго еще не видѣлъ. Онъ въ Гатчинѣ. Что Василій Львовичъ? Съ сестрою ли еще или по ней плачетъ? Кланяйтесь Тимирязеву.

21-го октября.

Сейчасъ ѣду въ Царское Село. Простите и не забывайте меня въ вашихъ вечернихъ бесѣдахъ.

На оборотѣ: Ея сіятельству милостивой государынѣ княгинѣ Вѣрѣ Ѳедоровнѣ Вяземской, въ Чернышевомъ переулкѣ, въ собственномъ домѣ, въ Москвѣ.

658.

Князь Вяземскій Тургеневу.

27-го [октября. Москва].

Карамзины не могли добиться отъ тебя толка, потому что ты отъ насъ добиться толка не могъ? Да какого хотите толка? Развѣ не сказывалъ я тебѣ, что на мнѣ остается 150000 казеннаго долга, что я рѣшился новыхъ долговъ не наживать; развѣ ты не видалъ дѣтей и невозможности жить съ ними въ деревнѣ, потому что имъ необходимо нуженъ непосредственный надзоръ доктора; развѣ въ дилижансѣ не говорилъ я тебѣ, на какихъ условіяхъ соглашаюсь пойти въ кабалу? Чего же больше хотите отъ меня? Я еще не сенаторъ Кашкинъ и не умѣю пускать словъ въ самъ-пятьсотъ. Ты хотѣлъ, чтобы сущность трехъ словъ развелъ я въ изустномъ in-folio. Того ли хотѣлъ ты отъ меня? Охота же!

Въ Петербургъ уже доставлена роспись назначеніямъ по суконной поставкѣ. Тамъ скорѣе и вѣрнѣе узнаете; здѣсь все таятъ. Я просилъ всего 30000 аршинъ. Это и такъ немного. Пускай дадутъ 25 или 20.

Гдѣ этотъ „Courrier de Londres", изъ котораго выписаны статьи о Дмитріевѣ и Жуковскомъ? *Между нами*: скажи Жуков-

скому, чтобы онъ не очень спесивился европейскою извѣстностью своею. Тотъ ли „Courrier“, что издаетъ Pelletier, бывшій издатель „L'Ambigu“? И какъ это въ „Courrier“: извлеченіемъ ли изъ другого журнала, или въ числѣ сообщенныхъ статей отъ корреспондента? Мнѣ любопытно знать все это навѣрное: разскажи.

Воля твоя, у Воейкова честному человѣку печататься нельзя: прочти его „Астрахань“. Онъ не завидуетъ тѣмъ, которые видѣли Байрона, Benjamin Constant, потому что надѣвалъ *на лицо свое сѣтку, дегтемъ обмазанную*. Карамзина выставилъ обжорою! За одно спасибо: назвалъ Каченовскаго извергомъ. Воронцовъ у него—любимцемъ русскаго народа!

Совершенная безпутица не даетъ мнѣ ѣхать въ Кострому. Вѣроятно, должно будетъ дождаться перваго снѣга. У тебя мои парижскія брошюры: возврати. Дмитріевъ сообщилъ мнѣ два твои письма къ нему. Отдай приложенную записку Никитѣ Волконскому да скажи ему, чтобы онъ скорѣе возвратился къ намъ: тоскую по немъ и по его наемной каретѣ.

На дняхъ видѣлъ я феноменъ на русской сценѣ: дѣвицу Колосову. Европейская актриса во всей силѣ слова! Я не полагаю въ ней возвышеннаго дарованія; она не создастъ роли, но образованностью своею она точно созданіе на русской сценѣ комической. Мы видѣли ее только въ Селименѣ „Мизантропа“; завтра увидимъ въ Аменаидѣ. Итальянской оперы еще не имѣемъ. Прости!

Ты говоришь о *нашихъ вечернихъ бесѣдахъ*: онѣ прекратились съ тобою или съ вами. Обыкновенно изъ ложи переходимъ въ ложе, то-есть, изъ театра въ постель. Сегодня балъ у князя Дмитрія Владиміровича. Обнимаю тебя. Каковъ Сергѣй Ивановичъ? Что слышно о Батюшковѣ? Не забудь моего сукна.

Я сейчасъ получилъ письмо отъ поэта Пушкина. Онъ жалуется на грабительство Ольдекопа и проситъ меня вступиться въ это дѣло. Научи, что дѣлать, къ кому писать: къ Милорадовичу ли, Шишкову? А лучше всего самъ похлопочи, только поскорѣе. Теперь у Пушкина только и осталось, что деревенька на Парнассѣ, а если и ее разорять станутъ, то что придется ему дѣлать? Вотъ письмо и отъ Сергѣя Львовича, которое растолкуетъ тебѣ всю сущность дѣла. Неужели нѣтъ у насъ законной управы на

такое грабительство? Остановить продажу мало: надобно, чтобъ Ольдекопъ возвратилъ уже вырученныя деньги за проданные экземпляры. Напримѣръ, знаю, что онъ московскимъ книгопродавцамъ продалъ до двухсотъ. Повидайся съ Дельвигомъ, который также знаетъ это дѣло, и пускай напишетъ онъ Пушкину, что оно къ тебѣ перешло.

Пушкинъ прислалъ мнѣ прелестные стихи: „Прощаніе съ моремъ". Жена ихъ спишетъ для тебя, хотя ты того и не стоишь, умничая со мною. Пока она тебѣ кланяется. Вчера видѣлъ я твою матушку у Голицыныхъ. Балъ былъ блестящій.

Сдѣлай милость, управься скорѣе и рѣшительнѣе съ Ольдекопомъ. Что Безобразова? Проѣдетъ ли она черезъ Москву? Кланяйся ей.

659.

Тургеневъ князю Вяземскому.

31-го октября. [Петербургъ].

Узнавъ вчера, что Серебряковъ здѣсь, я былъ сегодня у него и повторилъ ему просьбу объ увеличеніи поставки сукна съ твоей фабрики, поручивъ вчера же и Дружинину просить его о томъ же, равно и Кайсарова, отъ котораго теперь это болѣе зависитъ. Авось, общая просьба удастся.

Карамзины еще въ Царскомъ Селѣ и будутъ сюда, вѣроятно, къ 10-му ноября.

Сію минуту приносятъ твое письмо. Какъ жаль, что не имѣлъ его за два часа предъ симъ. Зная уже количество сукна, тебѣ нужное, иначе бы говорилъ съ Серебряковымъ. Побываю еще у Дружинина. Пошлю за Дельвигомъ и спрошу его, что сдѣлано уже противъ Ольдекопа; хотя мнѣ и неловко хлопотать противъ него, ибо былъ вѣчнымъ, но неудачнымъ его протекторомъ противъ нищеты, но постараюсь унять его, если буду имѣть къ тому средство.

Жаль, очень жаль, что не зналъ сегодня по утру, что ты еще въ Москвѣ. Князя Никиту увижу завтра у сестры его. Что за умная прелесть Алина, его племянница! Я повадился къ нимъ

снова ѣздить и съ однимъ умнымъ австрійцемъ Гумельауеромъ восхищаюсь умомъ и просвѣщеніемъ, и добродушіемъ Алины. Ее прямо можно послать посольшею въ Парижъ, и лицомъ въ грязь не ударитъ.

Статьи я списалъ изъ газеты, какъ нашелъ ихъ. Безобр[азова] здѣсь еще. Черезъ Москву поѣдетъ, вѣроятно, по первому пути; впрочемъ, кто знаетъ?

О Батюшковѣ отъ сестры получено грустное извѣстіе, но какое, еще не знаю. Увижу Муравьеву и тебѣ скажу. Брошюры послалъ вчера.

Не Карамзина, а меня выставилъ Воейковъ обжорою. Да на то время и не ошибся. Я ему давалъ письмо къ Гаію. То ли онъ сбирался написать? Впрочемъ, я знаю его піесу только по его словамъ. Прочту. Здѣшніе журналисты огадились совершенно. Нельзя откровеннѣе ругать, какъ я ругалъ пріятеля Булгарина, а ему—все Божья роса. Клевещетъ на Ѳедорова, трусить полиціи, подтруживается Шишкову, храбрится передъ Воейковымъ, и все это на счетъ читателей, коимъ угрожаетъ обратиться къ *лицу* того, кто усомнится etc. Плоское и подлое подражаніе твоему Толстому, и все это мы читать и терпѣть должны, а сердиться на него невозможно.

Приложенной записки къ Ник[итѣ] Волк[онскому] ты не приложилъ, а только письма Сергѣя П[ушкина].

А мы и не будемъ имѣть итальянской оперы. Не хотѣли пѣвицы замерзнуть за тѣ же деньги у насъ, за которыя могутъ грѣться въ Вѣнѣ. Сережа выздоровѣлъ и ходитъ безъ костыля. Я былъ боленъ, но исправился. Пришли поскорѣе піесу Пушкина и поцѣлуй милую ручку у милой жены. Обними дѣтей.

Парижскія новости: „Qu'est-ce qu'on a vu sous Charles X ce qu'on n'a jamais vu sous Louis XVIII?"—Un cheval.—Les français ne s'entendront plus: ils ont perdu Louis.—Le commerce sera protégé: le roi est marchant(d)" и пр., и пр.

Старина: Finot dit que la plaine la plus haute qu'il connaisse est la pleine lune.—Une jeune et jolie fille demandait de la bierre à un garçon de café. Celui-ci répondit: „Je n'en ai pas, mademoiselle, mais si vous voulez que *je vous embrasse*".

— Un joueur qui venait de perdre au tric-trac, dit en se levant avec dépit: „Laissons la Medée et Jason“.—Notre choix l'a fait maire, et l'amour l'a fait père. Quel triomphe en un jour de se voir père et mère!

— M-r Taxe dit à Barbe que la lettre charmante, qu'elle lui a écrite, sera toujours gravée au fond de son coeur. Barbe lui répond: „Je m'y croyais gravée avant la lettre“.—On dit que les journalistes doivent craindre l'automne, parce que c'est dans cette saison que les *feuilles* tombent.

660.

Тургеневъ князю Вяземскому.

1-го ноября. [Петербургъ].

„Votre lettre est venu trop tard pour communiquer au docteur Pinitz l'observation de madame Mouravieff. La maladie de peau est enfin inoculée. Grand Dieu! Quel en sera le resultat? On avait voulu que j'écrivisse à mon malheureux ami; je l'ai fait: il a reçu ma lettre, et fixant l'écriture il a cherché aussi à fixer un souvenir. Puis il a mis ma lettre de côté, disant: „*Qu'est ce que l'on me veut?*“ Ensuite il l'a reprise, il l'a luc, mais hélas! il n'y a point répondu. Tout ce temps il a eté calme, ce cher malade. Il faut attendre à présent l'effet du remède, qu'on vient d'employer. J'attends sa soeur après-demain; bonne et excellente crèature! Sa santé s'en va, elle souffre surtout de ne recevoir aucune nouvelle de son pays. Quand elle est avec moi, nous parlons et nous pleurons ensemble; mais enfin je parviens à la distraire et vers la fin de la journée elle se sent infiniment plus calme. Si elle pouvait se décider à loger avec moi à Dresde! mais elle n'entend pas raison là-dessus. Sans le lui dire, je la conçois. Dresde. 30 octobre.

Вотъ что пишетъ Пушкина къ брату о Батюшковѣ въ отвѣтъ на его письмо, въ которомъ братъ остерегалъ ее отъ прививанія Батюшкову чесотки; ибо онъ и здѣсь опасно страдалъ отъ сей болѣзни.

Сейчасъ былъ у меня Дельвигъ. Онъ опять поѣдетъ къ Ольдекопу и будетъ требовать вознагражденія. Я поручилъ ему постращать его жалобою начальству, если онъ гдѣ служитъ и если онъ, хотя экземплярами, не согласится заплатить за убытокъ. Ольдекопъ самъ нищій. Что̀ съ него взять? Я велѣлъ сказать ему, что буду на него жаловаться. Авось страхъ подѣйствуетъ тамъ, гдѣ молчитъ совѣсть.

Въ „Сѣверныхъ Цвѣтахъ“ будетъ много прекраснаго и любопытнаго. Одинъ сѣверный цвѣтокъ, и прекраснѣйшій, вчера сорванъ графомъ Завадовскимъ. Баронесса Строганова умираетъ или умерла въ Дрезденѣ. Два сына, графъ и баронъ Александръ, третьяго дня туда поскакали. Прости! Я сегодня писалъ уже къ тебѣ.

На оборотѣ: Его сіятельству князю Петру Андреевичу Вяземскому. Въ Москвѣ, въ Чернышевомъ переулкѣ, въ собственномъ домѣ.

661.

Тургеневъ княгинѣ В. Ѳ. Вяземской.

Le 6 novembre, midi. [Петербургъ].

Je n'ai pas le temps de répondre en bonnes et dûes formes à votre charmante lettre, encore moins d'exhaler toute ma furie contre la répartition égale des tendresses entre Sev[erine] et moi! Je laisse cela pour de moments calmes, car j'ai à peine celui de vous dire que j'arrive à l'instant même au Conseil, que j'y trouve Miloradovitch avec le comte Araktcheieff, que je prends le premier de côté, que je lui parle à la hâte sur Tchert. A peine je l'ai nommé, qu'il me demande: „Какой это?“ Je lui réponds: „Votre compagnon d'armes et père de 9 enfants et mari d'un ange de douceur et de conduite“. Il s'écrie: „Ah, это мой другъ! Знаю, все знаю; онъ хочетъ быть при почтѣ?“ — „Нѣтъ“, отвѣчаю я, „хочетъ служить для того, чтобы не жить въ праздности и воспитывать дѣтей, коихъ теперь едва питать можетъ“. — „Сдѣлайте мнѣ за-

писку; я покажу государю, буду просить на колѣняхъ“ etc., etc.— tout cela en fuyant et en cherchant les regards du c[omte] Ar[aktcheieff] qui nous fixait et peut-être nous entendait. Je finis de mon mieux en lui promettant de lui apporter la note! Mais je ne sais, si je trouverai son послужной списокъ. Je ferai mon possible, et cela sans le moindre délai.

Je suis pressé. On m'attend au Conseil. Je baise vos deux jolies mains et j'embrasse votre mari. Ah! quels vers!

Глубокъ, могущъ и мраченъ... неукротимъ!

Adieu, après-demain je vais avec Sev[erine] à Zarskoé-Selo. Adieu!

Каковы дѣти? Для чего ни слова о нихъ? Я развѣ не люблю васъ всѣхъ?

На оборотѣ: Ея сіятельству милостивой государынѣ княгинѣ Вѣрѣ Өедоровнѣ Вяземской. Въ Москвѣ, въ Чернышевомъ переулкѣ, въ собственномъ домѣ.

662.

Тургеневъ княгинѣ В. Ө. Вяземской.

7-го ноября 1824 г. С.-Петербургъ.

Всеподданнѣйшій отчетъ ея сіятельству княгинѣ Вѣрѣ Өедоровнѣ Вяземской, урожденной княжнѣ Гагариной, отъ вѣрноподданнаго Алексашки Тургенева.

Отправивъ къ вашему сіятельству наскоро и подъ шумокъ Государственной канцеляріи, въ Зимнемъ дворцѣ его императорскаго величества писанное донесеніе, я къ вечеру началъ обдумывать планъ новой атаки на генерала графа Милорадовича, и вслѣдствіе принятой мною резолюціи составилъ я прилагаемую у сего въ черновой копіи, краткую и терпѣнію его сіятельства сообразную записку, которую и намѣренъ былъ сегодня поутру вручить ему. Изъ Итальянской слободки отправился я по образу пѣшаго хожденія въ Морскую или на Мойку къ его сіятельству,

но ужъ выходя изъ Литейной на Фонтанку, остановленъ былъ разлившейся изъ береговъ своихъ Фонтанкой, а переправившись чрезъ Симеоновскій мостъ, принужденъ былъ взять *Ивана извощика* и доплыть на дрожкахъ до графа Нессельроде, ибо вся набережная по обѣимъ сторонамъ, улица передъ Михайловскимъ садомъ и Садовая залиты водою, и отъ шумящаго сильнаго вѣтра наводненіе и теперь ежеминутно умножается. Но ни вѣтры („Honni soit qui mal y pense!“), ни волны не могли остановить стремленія моего въ исполненіи предписаній вашего сіятельства, и я снова отъ одного графа началъ перебираться поверхъ залитыхъ водою погребовъ къ другому, какъ вдругъ узнаю, что и Морская, мѣсто его жительства, и набережная Мойки наводнены, и что нельзя иначе, какъ на ходуляхъ или на лодкѣ добраться до его сіятельства. Сіе противоборствіе и волненіе матери-природы не остановило меня. Черезъ наводненную уже Невскую перспективу и Литейную побрелъ я домой за экипажемъ, но и тутъ новое дьявольское навожденіе, которое доказало, впрочемъ, что

Ни вихрь, ни вѣтръ не сломитъ быстротечный,
Ни кирпичей полетъ меня не сокрушитъ.

Отъ дома В. С. Шереметева вдругъ сорвало (съ кровли или съ трубы, въ точности донести не умѣю) груду кирпичей, кои, ударившись объ мою шляпу (къ счастью она была поношеная), то-есть, о конецъ оной, нагнули ее на мои красныя очи, и потомъ ингерманландскій зефиръ, въ ту минуту неосторожно подувшій, свѣялъ ее въ черную грязь (не въ ту, что̀ близъ Бѣлокаменной и слѣдовательно Чернышева переулка: тогда бы я ей позавидовалъ), но въ ту, что въ Литейной, и заставилъ меня бѣжать за нею до самаго будущаго законодательнаго жилища моего, предъ которымъ и вѣтръ, и шляпа остановились, какъ труды самой Коммиссіи. Смиренно очистивъ грязь съ шляпы и остерегая народъ, какъ волны стремившійся смотрѣть другія волны, отъ кирпичей Шереметева или его сосѣда, я опять побрелъ на свой бивуакъ въ Итальянской слободкѣ. Но здѣсь, или еще дорогой, узналъ, не скажу какъ и чрезъ кого, что домогательство наше объ одесскомъ градоначальствѣ должно пока отложить, а искать кое-чего дру-

гого, о чемъ въ теченіе сего дня и буду стараться, для чего и открою чрезъ часъ новую кампанію, а вамъ буду имѣть честь о послѣдствіи оной донести.

Помня правило пословицы: „Мѣшай дѣло съ бездѣльемъ“ и привычку моего почтеннаго начальника не писать и записки безъ пословицы, честь имѣю вслѣдствіе оной приложить у сего для вашего супружника двѣ піесы слѣпца-поэта: первое, посвященіе „Чернеца“ его, котораго Жуковскій называетъ прекраснымъ, женѣ своей, и исправленную его же „Ирландскую пѣсню“. А. Тургеневъ.

2½ часа по-полудни.

Вода усиливается. Аничковскій мостъ залитъ. Въ Литейной изъ нижнихъ этажей убираются. Нельзя доѣхать и до Англійскаго клоба: къ счастью, у людей моихъ славныя щи! Не знаю, какъ отправить и это письмо, ибо венеціанскихъ гондолей не успѣли завести, а иначе, то-есть, по сухому пути, до почты не доберешься.

Князь Никита Волконскій три дни уже какъ уѣхалъ въ Кіевъ. Недѣль черезъ пять будетъ въ Москвѣ.

Въ Михайловскомъ замкѣ, ci-devant, лошади едва выплыли; едва ли не было хуже. Но я пишу еще изъ своего ковчега въ Итальянской слободкѣ и знаю чужую бѣду только еще по слуху.

Четыре часа по-полудни.

Сейчасъ возвратился отъ Аничковскаго моста. Далѣе ни на лошади, ни пѣшкомъ нельзя, и только двѣ или три лодки плаваютъ вдоль по перспективѣ, совершенно покрытой водою. Будку и караульню у Аничковскаго дворца снесло. По Фонтанкѣ, на набережной, и перилъ не видно. Нижніе этажи всѣ залиты. По Фонтанкѣ и по перспективѣ плаваютъ дрова, овесъ, и ловятъ яйца съ барокъ. Сказываютъ, что во дворцѣ дошло до втораго этажа. Теперь направленіе вѣтра перемѣнилось, и оттого мы дошли до моста, но прежде и онъ, и за нимъ было въ водѣ. Отважные мореходцы пускались по тротуарамъ перспективы, но не всегда удачно. Увы, какой обѣдъ въ Англійскомъ клобѣ, и я долженъ

довольствоваться изъ Невской ресторацiи! Это письмо пойдетъ къ вамъ, вѣроятно, уже завтра и о послѣдствiи потопа, такъ какъ и о голубѣ съ масличною вѣтвью, узнаете уже вы отъ другихъ. Нижнiй этажъ прежняго моего жилища потопленъ. Издали Фонтанка съ набережными кажется Невою. Екатерина Өедоровна Муравьева также въ водѣ. И сколько водяныхъ разговоровъ и у насъ, и у васъ послѣ сего потопа! Et pourtant on ne fera que de l'eau clair и послѣ.

1825.

663.

Тургеневъ князю Вяземскому.

17-го февраля. [Петербургъ].

Третьяго дня, въ седьмомъ часу вечера, пріѣхали мы сюда, слѣдовательно, менѣе, нежели въ трое сутокъ. Ввечеру въ тотъ же день былъ я у Жуковскаго и пилъ чай у Карамзиныхъ. Главнымъ предметомъ бесѣды нашей были вы. Вчера уговорились мы съ Сѣверинымъ и пріѣхали къ Карамзину по утру толковать о предметѣ письма моего къ нему. С[ѣверинъ] не ѣдетъ никуда, да и рѣчи о семъ не было. Поручатъ поздравленіе, вѣроятно, Штакельбергу. Сестра его сказывала мнѣ вчера же, что онъ будетъ скоро въ Москву. Вообще о службѣ въ Иностранной коллегіи говорили много. О семъ послѣ болѣе. Ввечеру опять рѣчь была о тебѣ же. Карамзинъ хочетъ самъ писать къ тебѣ. Онъ готовъ всѣхъ и одного просить, но надобно чтобы ты рѣшилъ, чего желать и домогаться. Мы разбирали многое, ни на чемъ остановиться не могли.

Подумай самъ и пиши ко мнѣ или къ Карамзину. Другихъ порученій твоихъ еще не успѣлъ исполнить. Постараюсь сегодня, хотя спѣшу въ Совѣтъ и къ Олен[ину], котораго вчера не видѣлъ. Передо мною рукопись „Онѣгина“. Братъ поэта сказывалъ мнѣ, что завтра будетъ онъ весь отпечатанъ. Пришлю. Ко мнѣ есть письмо старое. Сегодня получу.

Беру съ собою твою памятную записку и въ среду надѣюсь увѣдомить, что сдѣлалъ и кого видѣлъ.

О князѣ Четв[ертинскомъ] спрашивалъ князя Гол[ицына]. Ему еще ничего о семъ неизвѣстно, но вѣроятно, что пойдетъ прочь, ибо К. Д. на него жаловался особымъ письмомъ къ государю за его отлучку изъ Москвы безъ позволенія К. Д. (между нами). Если увижу Мил[орадовича], то переговорю съ нимъ, не говоря о томъ, что слышалъ въ Москвѣ, а какъ бы желая навѣдаться по прежней моей просьбѣ.

Здѣсь Евгеній. На мѣсто князя Якова Лобанова президентомъ моего департамента—Пашковъ, а Лобановъ просто членъ общаго собранія et pour cause.

Княгинѣ свидѣтельствую душевную привязанность и благодарю за пріятныя минуты въ Москвѣ, особливо въ первую половину нашего тамъ житья.

Софьѣ Н[иколаевнѣ] говорилъ о платьѣ: ношеное ею еще для нея дороже — вотъ отвѣтъ.

Дѣтей обнимаю братски и Павлуху цѣлую во всю его милую рожицу.

Братъ будетъ писать къ вамъ послѣ. Кланяйся Велгурскому; доставь записку Дмитріеву, также Тимирязеву, графу Толстому, Пушкину (Сергѣй Львовичъ ѣдетъ завтра въ Москву) и Давыдовымъ и всѣмъ, кто вспомнитъ, и княгинѣ Зенаидѣ. Прости! Грустно по Москвѣ, особливо, когда думаю о васъ:

Не тамъ ли я въ былые годы
Провелъ въ бездѣйствіи, въ тиши,
Мои счастливѣйшіе дни. („Онѣгинъ").

Читалъ ли „Наводненіе" Хвостова? Стариной тряхнулъ.

С. И. Тургеневъ княгинѣ В. Ѳ. Вяземской.

Le 18 février 1825. Moscou.

Madame, je m'empresse de vous rendre compte des commissions dont vous avez bien voulu me charger. La première et la plus importante a manqué completement! La demoiselle de l'Institut

de 1812 s'est engagée à entrer chez madame Karamsine, par autorisation spéciale de l'impératrice. Je tiens ceci de Екатерина Андреевна elle même. Quant à d'autres demoiselles du même Institut, il n'en sortira que dans un an d'ici. Ce n'est donc qu'alors que l'on pourra s'occuper de cette affaire. Je crois devoir vous prévenir cependant, qu'il doit y avoir bientôt une sortie des demoiselles du Couvent Smolnoï et que l'on pourrait peut-être en trouver une qui vous convienne. Je regrette infiniment d'avoir été dans l'impossibilité de contribuer à vous faire avoir une gouvernante; ce qui me tranquillise pour mon compte—c'est que la chose ne dépendait pas de moi. Passons aux commissions, que je pouvais faire à moi seul. Hier j'ai remis au banquier Molvo la somme de 1500 roubles pour être envoyée à m-r votre frère, ensemble avec votre petite lettre pour lui. J'en ai pris un reçu que je garderai chez moi. Je ferai également partir ces jours-ci votre lettre pour m-me Pouschkine. Les touffes sont aussi commandées à Charles et seront prêtes pour samedi prochain. Je vous les enverrai lundi. Je finie, madame, par vous prier d'agréer mes remercîments les plus sincères pour la bonté dont vous avez bien voulu m'honorer pendant mon dernier séjour à Moscou; leur souvenir ne s'effacera jamais de mon coeur reconnaissant. Veuillez également les offrir de ma part au prince, dont l'amitié sera toujours pour moi l'un de mes biens les plus précieux. Il n'y aura pas d'indiscrétion non plus, je crois, à vous supplier de me rappeler au souvenir de votre aimable societé, et particulièrement à celui de monsieur le comte Michel Welehorsky. Je regarde comme une véritable conquête la connaissance, que j'ai faite de cet homme éminemment distingué sous tous les rapports. Recevez, madame, l'hommage de mes respects et de mon entier dévouement S. Tourgueneff.

664.

Тургеневъ князю Вяземскому.

20-го февраля. [Петербургъ].

Третьяго дня видѣлъ я Закревскаго и говорилъ о Каменскомъ. Онъ знаетъ о его положеніи во всей подробности; съ чувствомъ говорилъ о немъ, но теперь не можетъ помочь ему; нѣсколько разъ сбирался просить за него, но никакъ не могъ приступить; получая о немъ регулярно извѣстіе и зная о приговорѣ, судомъ надъ нимъ сдѣланномъ, онъ хотѣлъ прибѣгнуть къ разнымъ средствамъ, но ни на какое не могъ рѣшиться. Не въ доброй волѣ и не въ сердечномъ расположеніи недостатокъ: „Tempora mutantur"!

О Боратынскомъ несетъ онъ самъ записку и будетъ усиленнѣйшимъ и убѣдительнѣйшимъ образомъ просить за него. Нельзя болѣе быть расположеннымъ въ его пользу. Въ этомъ я какую-то имѣю теперь надежду на успѣхъ. Пишу къ Боратынскому сегодня и прошу стиховъ для „Телеграфа". Дельвигъ уѣхалъ къ П[ушкину]. Не печатай въ немъ восьми стиховъ Жуковскаго, кои тебѣ прежде доставилъ: онъ никакъ не хочетъ; пришлетъ другіе. Онъ мнѣ далъ вчера два посланія: одно къ Тутолмину о каретѣ, а другое къ фрейлинѣ графинѣ Комаровской, которая нарочно захромала, чтобы освободить больную мать отъ поѣздки съ нею на балъ.

Et garde-toi de rire à ce grave sujet!

Я на дняхъ подаю въ отставку отъ службы, то-есть, отъ всѣхъ мѣстъ, и вѣрно не удержатъ. Здѣсь никому, кромѣ Карамзина, о семъ не говорю. Карамзинъ старается отговорить, но Екатерина Андреевна напротивъ. Довольно: я исполнилъ разъ долгъ дружбы и дождался новой непріятности. Je demande le congé, *sans phrases*, то-есть, безъ предварительнаго письма. Не говори объ этомъ никому.

Два часа по полудни.

Сію минуту получаю письмо ваше по дѣлу князя Гагарина. Готовъ исполнять всѣ ваши порученія, но къ этому и

приступить не умѣю. Кто такой Э[льнертъ]? Черезъ кого дать знать ему о моемъ предложеніи? Ума не приложу. Самъ я никогда въ этихъ дѣлахъ не обращался; и какъ сказать человѣку прямо въ лицо, чтобы онъ взялъ менѣе, нежели ему по закону слѣдуетъ? Не знаю еще съ кѣмъ и посовѣтоваться въ этомъ дѣлѣ! Не придумаю ни одного знакомаго лица въ семъ училищѣ, кромѣ графа Сиверса, начальника онаго, но ему и говорить о семъ дѣлѣ нельзя. Поѣду на всякій случай въ Англійскій клубъ. Не найду ли тамъ кого? Буду дѣйствовать скоро, но не отвѣчаю за успѣхъ. Къ княгинѣ самой писать теперь некогда. Буду отвѣчать, когда сдѣлаю что-нибудь по дѣлу. Дѣтей обнимаю.

665.

Тургеневъ князю Вяземскому.

26-го февраля 1825 г. [Петербургъ].

Письмо Булгакова огорчило и испугало меня тобою. Я надѣюсь, что тебѣ уже лучше. Карамзинымъ не сказывалъ о твоей болѣзни, а скажу, когда получу удостовѣреніе о выздоровленіи. Побереги себя первые дни, по крайней мѣрѣ, и слушайся княгини. Ожидаю съ нетерпѣніемъ вѣсти о тебѣ, или хотя строчки отъ тебя.

Вчера родилась у великой княгини Елены Павловны, въ десять часовъ вечера, дочь, и вчера же пріѣхала великая княгиня Александра Ѳедоровна. При семъ вспомнили, что и Елена Павловна пріѣхала въ день родинъ Александры Ѳедоровны, но только тогда она выкинула.

Жуковскій получилъ отъ возвратившейся своей ученицы прекрасный экранъ съ побѣдоносцемъ Георгіемъ, а отъ брата ея, кронпринца, портфель великолѣпный съ дружескою надписью. Пріѣзжихъ съ нею, какъ-то любезной Варвары Павловпы Ушаковой, еще не успѣлъ видѣть.

Два раза уже слышалъ „Цыганъ“ Пушкина и два раза восхищался ими. Не мнѣ одному кажется, что это лучшее его произведеніе. Съ брата, который читаетъ ихъ наизусть, взялъ авторъ честное слово, что онъ списывать ни для кого не будетъ; иначе

бы я тебя побаловалъ и прислалъ бы тебѣ „Цыганъ“ его вмѣсто крѣпкаго бульона па тощій, если уже не больной, желудокъ. Боратынскій прислалъ мнѣ свою „Эду“. Прекрасная повѣсть! Я выписалъ нѣсколько стиховъ въ письмѣ къ Жихареву, которые можешь прочесть. Вотъ еще. Когда гусаръ-обольститель оставилъ бѣдную финку въ добычу грусти и отчаянія, она:

Очнувшись, долго грустный взоръ
Кругомъ себя она водила:
Не утѣшительный позоръ!
За лѣтомъ осень наступила;
Тяжелая, сѣдая мгла
Нагія скалы обвила.
Все мертво было; листъ дубравный
Крутилъ ужъ вихорь своенравный.
Съ природой вмѣстѣ расцвѣла
Ты для любви, младая дѣва!
Жила въ ея восторгахъ ты:
Вся отлетѣла, какъ со древа
Летятъ поблеклые листы!
Жестоко сердце обманула
Любви коварная мечта!
Какъ дней весеннихъ красота,
Тебѣ на мигъ она блеснула:
Исчезло все - земля пуста!
Силъ на роптанье не имѣя,
Вошла бѣдняжка въ уголъ свой
И зритъ письмо передъ собой,
Письмо отъ милаго злодѣя.
„Прости“, несчастный пишетъ ей,
„Прости! Быть можетъ, сонъ мятежный,
„Что ты была въ любви своей,
„А не казалась прямо нѣжной;
„Что съ Эдой счастливъ былъ бы я,
„Когда бъ умѣлъ я въ счастье вѣрить...
„Богъ намъ обоимъ судія!
„Вашъ полъ умѣетъ лицемѣрить!
„Меня зоветъ кровавый бой;
„Не знаю самъ, куда судьбой
„Я увлеченъ отселѣ буду;
„Но ты была любима мной,

„Но ввѣкъ тебя я не забуду.
„Забудь меня; въ душѣ своей
„Любовь другую возлелѣй.
„Всякъ будетъ плѣнникомъ послушнымъ
„Твоей цвѣтущей красоты.
„Легко воспользуешься ты
„Моимъ совѣтомъ добродушнымъ
„Легко... но если изъ очей
„Слезу уронишь въ самомъ дѣлѣ
„Ты на листокъ завѣтный сей,
„Утѣшься: жребій мой тяжелѣ
„Судьбины бѣдственной твоей".

Кто изъ насъ, тяжеле или легче, не вздохнетъ съ грустнымъ воспоминаніемъ и съ укоромъ совѣсти при этомъ окончаніи! Оно мнѣ нравится, ибо я нахожу въ немъ *быль*, а не сказку.

Теперь опять къ прозѣ. Я нашелъ, наконецъ, умнаго человѣка, который взялся побывать у Эльнерта. Онъ просилъ у меня на эту негосіяцію два или три дни. Ожидаю сегодня или завтра отвѣта и тогда увѣдомлю княгиню о послѣдствіи предложенія.

У Булгакова вчера кончалась и, вѣроятно, скончалась тетка, Мавра Ивановна Приклонская, да и самъ онъ съ глазной болѣзнью и ставитъ піявки къ ушамъ. Поклонись его брату и поблагодари за увѣдомленіе. Буду писать къ нему.

Братъ посылаетъ княгинѣ кудри ея и проситъ подробнѣе извѣстить его о Алексѣѣ Михайловичѣ Пушкинѣ.

Съ Дашковымъ вчера обѣдалъ у графа Сергѣя Петровича Румянцева, но забылъ выпросить прозы или стиховъ для „Телеграфа". У Жуковскаго ничего готоваго нѣтъ.

Пошли сказать Мерзлякову отъ меня, что Шишковъ докладывалъ о его книгѣ государю, и что его величество принимаетъ посвященіе. Жуковскій также сбирался писать къ нему, но теперь его замыкаютъ въ первые дни пріѣзда одной ученицы и разрѣшенія отъ бремени другой.

Участь Московскаго университета еще не рѣшена, хотя, кажется, и была рѣчь объ отставкѣ к[нязя] О[боленскаго].

Кланяйся пріятелямъ и пріятельницамъ и перецѣлуй дѣтей и почтительно пожми пухлую ручку у княгини. Поскорѣе пиши о себѣ.

666.

Тургеневъ князю Вяземскому.

3-го марта. [Петербургъ].

Только вчера, въ десять часовъ вечера, были мы спокойны и въ полной радости. Я уже былъ и на почтѣ, и у Булг[акова] и возвратился домой, куда пришелъ ко мнѣ за вѣстьми о тебѣ и Жуковскій съ грустью и съ нетерпѣніемъ, какъ вдругъ приносятъ письма отъ добраго Велеурскаго и Давыдова. Катерина Андреевна за мной уже присылала. Я догадался, что она узнала о твоей болѣзни, и ждалъ почты, а къ ней не пошелъ. Получивъ письма, поскакалъ къ Карамзинымъ съ Жуковскимъ и на дорогѣ увидѣлъ великолѣпный пожаръ театра, перевезеннаго изъ Петергофа, освѣщавшій всю перспективу и Михайловскій зáмокъ, на которомъ ярко отсвѣчивались золотыя буквы фронтона. Мы поздравили и успокоили Карамзиныхъ, но не совсѣмъ. За часъ передъ тѣмъ они получили письмо княгини и теперь и за нее безпокоятся. Я все прочелъ имъ, и Катерина Андреевна съ чувствомъ и со слезами на глазахъ поручила мнѣ благодарить Давыдова и Велеурскаго за письма ихъ. Катенька не могла долго успокоиться и все жалѣла, что не съ вами. Я скрывалъ отъ нихъ все съ величайшею осторожностью и хорошо дѣлалъ: они занемогли бы отъ безпокойства и безъ пользы. Теперь мы плаваемъ въ радости. Давно такъ тяжело не было. Я передавалъ Жуковскому и другимъ черныя вѣсти, и самъ ежедневно два раза ѣздилъ за ними къ Булгакову. Спасибо и Александру. На ту бѣду и Константинъ занемогъ глазами и не могъ читать московскихъ писемъ, да и тетка его занемогла смертью и скончалась. Я вру отъ радости, а завтра, то-есть, сегодня посылаю тебѣ апельсиновъ въ благодарность за то, что ты выздоровѣлъ. Братъ также грустилъ, страшился и болѣлъ за тебя. Я ужъ и досадовалъ, что уѣхалъ изъ Москвы; ругалъ Скюдери (да проститъ онъ мнѣ) и вѣрно бы остался ухаживать за тобою, если бы зналъ, что ты безъ меня окушаешься. Завтра и Муханову (Александру Алексѣевичу) дамъ знать о твоемъ здоровьѣ. Онъ сокрушался со мною по тебѣ вчера.

Теперь къ дѣлу. Эльнертъ отыскивается, но только не въ Инженерномъ корпусѣ, а еще не знаю гдѣ. Цѣлую ручки у княгини. Спасибо за службу тебѣ вѣрой, правдой и любовью. Авось, и ты ее потѣшишь воздержностью, хотя до Страстной недѣли, мой кормилецъ. Спасибо и за каламбуръ, во-время сказанный. Закажу стихи на твое выздоровленіе, да не знаю еще кому заказать. Развѣ Хвостову?—да ты впередъ не выздоровѣешь. Ивану Ивановичу посылаю портретъ Вольтера въ честь твоего здоровья. Хочется писать къ Давыдову и Велеурскому и выразить имъ, какъ умѣю, мою благодарность за добрую вѣсть. Но я теперь самъ въ горячкѣ и прошу ихъ подождать, а между тѣмъ прочесть сіи строки въ доказательство, что я никакъ не могу писать къ нимъ. Надѣюсь, что Давыдовъ уже выспался.

Дѣтей обнимаю отъ всего сердца, за нихъ трепетавшаго.

667.

Тургеневъ князю Вяземскому.

11-го марта. [Петербургъ].

Скажу тебѣ только два слова: мы счастливы твоимъ выздоровленіемъ и еще не нарадуемся каждымъ о тебѣ добрымъ извѣстіемъ. И здѣсь, какъ у васъ въ доброй Москвѣ, участіе было сердечное и общее. Строки о тебѣ графини Велеурской въ письмѣ къ Вилламову меня утѣшили. Спасибо Жихареву за ежедневное увѣдомленіе.

Пріѣзжай, когда хочешь, но укрѣпившись совершенно. Жить будешь у меня покойно въ большой комнатѣ, но заставленной книгами. Если и Жихаревъ будетъ, то раздѣлю васъ въ той же комнатѣ шкафами. Пріемная будетъ у насъ общая, и будемъ принимать всѣхъ, кромѣ журналистовъ. Кстати: я читалъ твою статью въ четвертомъ „Телеграфѣ“ и посмѣялся до сыта. Спасибо и за Жуковскаго. Онъ тронутъ твоимъ вниманіемъ; но говоритъ, что не надобно было связываться. На сей разъ я не совсѣмъ такъ думаю. Карамзины здоровы, но все еще желаютъ получать о тебѣ вѣрные и ежедневные бюллетени. Обними княгиню; мы и за нее

страдали. Скажи Ивану Ивановичу Дмитріеву, что сегодня везетъ къ нему Вольтера отъ меня московскій профессоръ Давыдовъ. Братъ не пишетъ, потому что давно страдаетъ сильнымъ флюсомъ; но больше страдалъ за тебя.

Петръ Новос[ильцовъ], котораго опять видѣлъ у Карамзина, съ чувствомъ велѣлъ мнѣ благодарить тебя за доставленное знакомство съ Карамзинымъ; il en est enchanté et cela lui fait honneur.

668.

Тургеневъ князю Вяземскому.

[Первая половина марта. Петербургъ].

Скажи Дмитрію Дав[ыдову], что дѣло его поступило; что производитель находитъ его правымъ по существу дѣла; что онъ полагаетъ также и С. неправымъ, что задумалъ ему дѣлать выговоръ, но что ничто еще и нигдѣ не размотрѣно. Я поручилъ его особенному вниманію производителя и послѣ займусь имъ самъ. Изорви это непремѣнно, а В[асилію] Л[ьвовичу] отдай росписку въ шали. Я получилъ мерзкое письмо со вложеніемъ отъ племянника. Прости! Писалъ къ тебѣ рано по-утру. Прости! Все изорви непремѣнно. Княгинѣ низко кланяюсь.

На оборотѣ: Его сіятельству князю П. А. Вяземскому.

669.

Тургеневъ княгинѣ и князю Вяземскимъ.

15-го марта, то-есть, воскресенье. [Петербургъ].

Письмо ваше и незаслуженный выговоръ получилъ; но на радостяхъ выздоровленія и развеселенія все вамъ прощаю и позволяю и впредь журить меня, сколько душѣ угодно. Спасибо и за ваше горе, и за вашъ страхъ. То же и намъ скажите.

Присылайте сюда Вяземскаго, но не иного, какъ совершенно выздоровѣвшаго и укрѣпившагося. Спѣшить теперь не для чего. До отъѣзда государя говорить уже не будутъ имѣть случая, да и

не должно, а почему — скажу при свиданіи; а къ началу іюня успѣемъ все обдумать, обговорить и рѣшиться. Мысли и проекты у насъ *за васъ* разные. Самъ Вяземскій долженъ рѣшить, хотя мы и не очень надѣемся на его рѣшительность. Я и самъ сбираюсь съ братомъ въ Москву и далѣе, то-есть, въ Нижній лѣтомъ. Здѣсь оставаться не для чего. Плетью обуха не переломишь, а лучше ловить жизнь тамъ, гдѣ она пріятнѣе, то-есть, съ вами и на большой дорогѣ. Привезу къ вамъ Вяземскаго отсюда въ цѣлости. Такъ мечтаю: не знаю, сбудется ли?

Сѣверинъ женится на графинѣ Мольтке. Маленькая, пригожая нѣмочка, съ умомъ и съ любезностью, живущая во дворцѣ въ категоріи фрейлинъ и пріѣхавшая сюда съ Еленой Павловной. Жаль, что не богата; но Сѣверинъ прокормитъ и ее, и себя, и потомство, если будетъ. Сестра его выходитъ за Лелли, чиновника цареградской миссіи, сына бывшаго нашего контръ-адмирала изъ грековъ, съ небольшимъ достаткомъ.

Графъ Шуваловъ, гусаръ, женится на княжнѣ Софьѣ Ал[ександровнѣ] Салтыковой. Сейчасъ входитъ офицеръ Сабуровъ. Нѣтъ, не офицеръ, а полковникъ, братъ московскаго франта. Ушелъ.

Князю:

Читалъ ли „Некрологію“ Уварова, Бехтѣевымъ сочиненную? Прелесть! Авторъ теперь въ Коллегіи иностранныхъ дѣлъ и, сказываютъ, находитъ переводъ грамотъ Блудова неисправнымъ. Мы читали твою піесу въ 4-мъ „Телеграфѣ“. И Карамзину очень понравилась. Англичанку отыщу сегодня и передамъ твое порученіе.

Сережа все еще не выходитъ изъ комнаты отъ бывшаго флюса. Тебя обнимаетъ. Скажи Велеурскому, что вчера восхищалъ насъ Ромбергъ, и дочь его пѣла арію графа Михаила. Его оглушили рукоплесканіями. Скажи Дмитрію Давыдову, что письмо и приложенія его получилъ. Дѣло еще не разсмотрѣно, хотя и поступило. Я уже просилъ, кого надобно, а объясненія его завтра доставлю. Отвѣчать буду послѣ.

Скоро вышлемъ къ вамъ „Чернеца“, сочиненіе Козлова, который издаемъ по подпискѣ. Гнѣдичъ отпущенъ на Кавказъ на четыре мѣсяца.

Пожалуйста, уйми „Телеграфа“ и запрети печатать имя или буквы изъ имени Бор[атынскаго]. Какъ имъ не совѣстно губить его изъ одного любостяжанія! Я уже писалъ объ этомъ. Ни въ скобкахъ, ни подъ піесой, ни подъ титлами, ни in-extenso имени его подписывать не должно. Скоро можетъ рѣшиться его участь.

Возвратился ли Американецъ? Получилъ ли Иванъ Ивановичъ Вольтера съ Давыдовымъ. Жуковскій обнимаетъ тебя. Онъ, право, сдѣлался великимъ педагогомъ. Сколько прочелъ дѣтскихъ и учебныхъ книгъ! Сколько написалъ плановъ и самъ обдумалъ нѣкоторые! Выучился географіи, исторіи и даже ариѳметикѣ. Шутки въ сторону: онъ вложилъ свою душу даже въ грамматику и свое небо перенесъ въ систему міра, которую объясняетъ своему малюткѣ. Онъ сдѣлалъ изъ себя какого-то дѣтскаго Аристотеля и знаетъ теперь все, чему *прежде* учился; но знаетъ по-своему и передаетъ сіи знанія также по особеннымъ, имъ изобрѣтеннымъ или найденнымъ въ другихъ, методамъ. Я собираюсь учиться у него, между прочимъ, астрономіи.

16-го марта.

У насъ снова зима. Простите! Пора въ Совѣтъ. Отъ брата Николая не имѣемъ ни слова изъ Сициліи. Послѣднее извѣстіе о немъ получилъ еще въ Москвѣ, и то только объ отъѣздѣ его въ Сицилію. Сію минуту получилъ письмо отъ Ивана Ивановича съ прелестно-каррикатурнымъ описаніемъ засѣданія Общества любителей словесности.

670.

Князь Вяземскій Тургеневу.

17-го [марта. Москва].

Въ самомъ пылу болѣзни моей получилъ я отъ тебя какіе-то стихи, кажется, твоего Козлова и, кажется, для моего „Телеграфа“; теперь ихъ не отыщу: пришли же новый списокъ и пришли еще что-нибудь Боратынскаго, Языкова. Сейчасъ нашелъ балладу „Разбойникъ“ и отдамъ въ „Телеграфъ“. Не такъ ли? А не то беру

на свою совѣсть разбойничій или Воейковскій грѣхъ. Ради Бога, упроси его, чтобы онъ моего старья не перепечатывалъ. Вѣдь, право, терпѣнья нѣтъ!

Мнѣ лучше, но все еще нехорошо; только, чтобы не сбылась поговорка: „Le mieux est l'ennemi du bien". У меня три горячки были на шеѣ; вотъ новое доказательство, что Богъ Троицу любитъ. Обнимаю васъ всѣхъ, немногихъ.

Что скажешь ты о томъ, какъ въ Москвѣ проводятъ и убиваютъ время? Неужели и это злодѣйство будетъ утушено ради нѣкоторыхъ уваженій? Неужели у насъ одни Катенины и Пушкины будутъ служить неминуемыми цѣлями для ударовъ карающей власти? Вообрази, что здѣшнія бабы обоего пола впутали въ эту исторію и въ анекдотъ Лаваля и Толстого, который въ оба эти похода былъ въ Могилевѣ. Немудрено, чтобы эти слухи дошли и до Петербурга, то сдѣлай одолженіе, зажимай ротъ клеветникамъ вольнымъ и невольнымъ. По многимъ вѣроятнымъ соображеніямъ должно полагать, что губка начальства смоетъ кровавыя пятна этого душегубства. Но по крайней мѣрѣ общественное мнѣніе сильно вопіетъ о мести. Я замѣчалъ во время болѣзни, что ни одно радостное, сердцеутѣшительное, благорастворяющее извѣстіе не доходило до моего слуха, а все однѣ вѣсти о сумасбродствахъ, подлостяхъ и преступленіяхъ собратій моихъ по Адаму или Іисусу Христу и, право, съ уныніемъ и совершеннымъ упадкомъ духа смотрѣлъ на возвращеніе свое къ жизни. Это чувство меня тяготило.

Приписка Е. Н. Карамзиной.

Maman vous demande excuse de son indiscrétion: elle a décacheté votre lettre pour savoir un peu plus de détails que ceux que Wiasemsky nous donne. Comment va la santé de m-r votre frère? Dites-nous, je vous prie, quelques mots là-dessus. C. Karamsine.

На оборотѣ: А. И. Тургеневу.

671.

Тургеневъ князю Вяземскому.

21-го марта, суббота. [Петербургъ].

Сію минуту получилъ твое письмо. Не помню, для „Телеграфа“ ли прислалъ я тебѣ стихи Козлова. Справлюсь сегодня и послѣ завтра напишу къ тебѣ. Подожди отдавать въ журналъ.

О дѣлѣ графа Ѳедора Толстого спроси у него самого. Онъ все подробно знаетъ, что здѣсь о немъ происходило, но, ради Бога, никому болѣе не сказывай: можешь повредить. Скажи ему, что и къ тебѣ я не писалъ о семъ, но что ты спросилъ у меня, и я тебѣ сослался на него. Игроковъ уймутъ.

Мухановъ, адъютантъ Закревскаго, у меня. Дѣло Бор[атынскаго] еще не совсѣмъ удалось. Очень тяжело и грустно, но впрочемъ авось! Отдай письмо Жихареву. Завтра крестины великой княжны. Прости! Долженъ спѣшить. Братъ все еще боленъ, но Николай пишетъ изъ Неаполя, что ему гораздо лучше.

На оборотѣ: Его сіятельству князю Петру Андреевичу Вяземскому, въ Чернышевомъ переулкѣ, въ собственномъ домѣ, въ Москвѣ.

672.

Князь Вяземскій Тургеневу.

23-го марта. [Москва].

Сдѣлай одолженіе, доставь это нужное письмо служащему при англійской миссіи Bankhead; а если онъ уже уѣхалъ, то поручи судьбу письма кому-нибудь изъ его товарищей. Мнѣ лучше. Я начинаю по утрамъ прокатываться. Обними Карамзиныхъ и всѣхъ немногихъ. Каковъ твой братъ? Писать опоздалъ. Да пиши же чаще!

673.

Князь Вяземскій Тургеневу.

25-го [марта. Москва].

Прошу вручить Жуковскому прилагаемое. Ты, говорятъ, на воды ѣдешь. Не вѣрю! Какъ тебѣ разстаться съ Черною Рѣчкою, съ Булгаринымъ и прочимъ? Въ „Дамскомъ Журналѣ“ напечатаны стихи:

Хвостовъ на Пиндѣ—соловей,
Въ Сенатѣ—истины блюститель
Въ семействѣ—геній-покровитель
И нѣжный всюду другъ ушей.

Вотъ какъ я ихъ вчера передѣлалъ при Дмитріевѣ:

Хвостовъ на Пиндѣ—соловей,
Но только соловей-разбойникъ,
Въ Сенатѣ онъ живой покойникъ,
И духъ нечистый средь людей,

то-есть, вонючій.

Что сказала княгиня Софья Волконская о газетахъ? Потерялъ ли я нѣсколько номеровъ или нѣтъ? Lisez-moi la chose au clair. Сегодня получилъ я твое письмо и отослалъ приложенное Жихареву, который каждый вечеръ говоритъ у меня по цѣлымъ часамъ Хвостовскими стихами. Дай Богъ успѣху Закревскому! Прости, простите!

Алексѣю Михайловичу лучше, но Скюдери все еще не увѣренъ въ будущемъ.

674.

Князь Вяземскій Тургеневу.

Четвергъ на Ѳоминой. [9-го апрѣля. Москва].

„Pends-toi, brave Crillon!“ Сегодня былъ у тетки Викентьевой; и я туда званъ, вѣроятно, потому, что ты за нею волочился. Ты знаешь или не знаешь, что оберъ-прокуроръ Лобановъ женатъ на

Киндяковой, но что она, говорятъ, не замужемъ. На дняхъ онъ получилъ 3-го Владиміра и посылаетъ тещѣ своей сказать: „Поздравьте меня: я кавалеръ!“ „Слава Богу“, восклицаетъ она, „стало и дочь моя будетъ дама!“ C'est un mot charmant! Я перенесъ бы еще пять горячекъ, чтобы быть творцомъ этой прелести! Алексѣй Пушкинъ, когда сказали ему, что Сонцовъ дородству своему обязанъ за ключъ, сказалъ: „Онъ взялъ его брюхомъ“, а Нѣловъ положилъ эту мысль на стихи:

Чрезъ дѣда, брата или друга
Иной по службѣ дастъ прыжокъ;
Иного вытащитъ сестра или подруга,
А онъ такъ камергеръ чрезъ собственный пупокъ.

Я, говоря, что Сонцову ключъ очень къ лицу, прибавилъ, что онъ не только сановитъ, но и слоновитъ. Но вѣнецъ всему есть Анна Гедеоновская. Нашли способъ воскресить ее. Она такъ была затаскана, что уже никто и не говорилъ объ Аннѣ: теперь только и рѣчей, что объ ней. Два раза нашли случай обратить на нее общее вниманіе: въ первый, когда надѣли ее на Карамзина, во второй — на Гедеонова. Довольно ли съ тебя кумовства? Перейдемъ къ другому.

Выписка изъ письма: „По моложавости и малому росту забракованъ въ академики и даже не удостоенъ экзамена Михайло Доримедонтовичъ Быковскій“, который къ тебѣ явится отъ моего лица. Рекомендуй его Оленину или кому слѣдуетъ. Онъ свѣдущъ въ архитектурѣ и лучшій ученикъ лучшаго московскаго архитектора Жиларди. Если ты съ Оленинымъ не очень нѣженъ, то попроси Карамзина или Гнѣдича, или Крылова, или кого хочешь, только не упусти случая сдѣлать доброе дѣло.

Скажи Жуковскому, что я получилъ его грозное письмо и, несмотря на его христоманію, буду бить его именемъ и всякимъ другимъ, когда придетъ охота, Булгарина и всѣхъ, на кого рука зачешется. Я вовсе не рыцарствовалъ изъ дружбы, а говорилъ о немъ, потому что авторъ,

Какъ — —, въ томъ спора нѣтъ, есть общее имѣнье.

Утѣшь его однако же тѣмъ, что отвѣчать не буду на обѣщанный отвѣтъ Булгарина и въ споръ связываться не буду, а просто буду бить отъ времени до времени. Ударю, да и полно, а они мнѣ въ слѣдъ пускай мечутъ ругательства.

Прости! Обѣдаю сегодня съ Дашковымъ у подагрика Пушкина. Обними Карамзиныхъ. Поѣзжай со мною въ Ревель, или пожалуй я поѣду съ тобою въ Карлсбадъ. Пришли мнѣ конвертовъ четвероугольныхъ. Что же стиховъ Козлова для „Телеграфа“?

675.

Тургеневъ князю Вяземскому.

10-го апрѣля. [Петербургъ].

Вчера ввечеру только принесъ ко мнѣ Барбери письмо твое и 1125 рублей, которые отослалъ сегодня Жуковскому. Вотъ и записка его. Княгиня Софья Григорьевна ничего не говорила мнѣ о номерахъ газеты, слѣдовательно и потери нѣтъ.

На водахъ Черной Рѣчки я въ это лѣто не буду: или въ Москвѣ, или въ дорогѣ проведу его. Я точно ѣду къ водамъ, но еще не знаю когда. Мое путешествіе зависитъ отъ увольненія Сергѣя, а его просьба доложится въ Варшавѣ. Онъ просится къ водамъ. Если бы мы оба вдругъ просились, то почли бы за стачку, и моя просьба повредила бы Сережиной. Такъ какъ ни ему, ни мнѣ нельзя выѣхать, не устроивъ дѣлъ въ Москвѣ, то я и рѣшился отложить просьбу объ увольненіи до возвращенія государя, а тамъ подамъ непремѣнно, и если не пустятъ или сдѣлаютъ новую непріятность, то и въ чистую. Мы надѣялись до пріѣзда государя побывать въ Москвѣ, но болѣзнь моя да и брата помѣшала. Послѣ того узнали мы о предложеніи брату Николаю директорства по высочайшему повелѣнію и о томъ, что далѣе поздней осени Канкринъ ждать его не будетъ, и это опять привело насъ въ раздумье на счетъ времени отъѣзда. Николай сбирался еще два лѣта провести у водъ, а мы къ нему сбирались; но если онъ сюда будетъ осенью, что еще весьма невѣрно, то можетъ быть надобно подождать его. Но твердое намѣреніе Сергѣя — не

быть здѣсь ни осенью, ни зимою, а мое—и никогда, если можно. Мнѣ также надобно пополоскать себя. И Реманъ то же совѣтуетъ. Вотъ тебѣ моя исповѣдь. Брату Николаю предлагаютъ быть директоромъ мануфактуръ и торговли съ тѣмъ, чтобы и по особымъ порученіямъ министра финансовъ заниматься, а государь потребовалъ, чтобы онъ оставался и въ Совѣтѣ. Министръ самъ писалъ къ нему, и мы послали письмо. Это не секретъ, но я бы не желалъ, чтобы отъ моего имени о семъ разглашали. Мы получили отъ него письмо изъ Палермо и Неаполя. Онъ объѣхалъ Сицилію и чувствуетъ себя совершенно здоровымъ, какъ во время оно. Давно онъ насъ такъ не радовалъ. Тѣмъ страшнѣе принять мѣсто, которое снова закабалитъ его на сидячую жизнь и не позволитъ довершить третьяго курса.

Алексѣй Перовскій получилъ мѣсто куратора Харькова, какъ, узнаемъ послѣ. Вчера былъ у меня кандидатъ на всѣ мѣста Лаваль и брызжетъ негодованіемъ.

Жаль, что я не догадался послать къ тебѣ и нашу передѣлку того же катреня графа Хвостова. Мы втроемъ съ Жуковскимъ, прочитавъ „Дамскій Журналъ“, передѣлали тоже.

Я привожу теперь въ порядокъ или только еще разбираю на досугѣ старыя бумаги мои. Сколько сокровищъ, сколько для меня воспоминаній! Какая наука жить и цѣнить людей и вещи! Сколько пріятелей, друзей, коихъ почерки забыты! Какая очистка совѣсти! Сколько стиховъ, прозы и особливо посланій! Какая бы покормка для тебя! Если будешь здѣсь, то попотчиваю тебя нѣсколькими кипами, но только oculis, non manibus.

Вообрази себѣ, что по сію пору не имѣю никакого свѣдѣнія объ успѣхѣ дѣла Бор[атынскаго]. Мухановъ, адъютантъ Закр[евскаго], также боленъ. Дибичъ уѣхалъ, а я уже три недѣли не выѣзжаю. Многому повредила моя сидячая трехнедѣльная жизнь. Послѣ 25-го я ни строки отъ тебя не получилъ.

Братъ вчера въ первый разъ выѣхалъ къ княгинѣ Зенеидѣ и къ графу Воронцову. Первая скоро сбирается выѣхать отсюда; но я не думаю, чтобы дѣло ея скоро могло кончиться.

Хочется мнѣ послать вмѣсто краснаго яичка Ивану Ивановичу Дмитріеву краснаго Тальму въ одномъ слѣпкѣ съ Наполео-

номъ. Оба похожи, но еще жаль разстаться. Что княгиня? Что дѣти? Поздравь Жихарева съ превосходительствомъ.

676.

Тургеневъ князю Вяземскому.

15-го апрѣля. [Петербургъ].

Любезную твою грамотку получилъ вчера и что могъ вчера же сообщилъ Карамзинымъ, у которыхъ провелъ вечеръ, и Жуковскому, который провелъ у меня полъ вечера. Но выѣзды мои еще не далѣе Карамзиныхъ: возвращаюсь, какъ разслабленный. Шутишь или нѣтъ Ревелемъ? И когда, и чрезъ Петербургъ ли ѣдешь? Дѣвицы Карамзины не велятъ мнѣ ѣздить за тобою, а тебя зовутъ скорѣе сюда. Сдѣлай же такъ, чтобы мы не разъѣхались. Вѣроятно, къ половинѣ мая мнѣ можно будетъ выѣхать въ Москву; прежде не смогу, а послѣ не могу; ибо къ половинѣ іюня должно быть здѣсь, чтобы проситься въ большой отпускъ; но и не устроивъ дѣлъ въ Москвѣ и не поклонившись праху прошедшаго и вамъ всѣмъ настоящимъ и прошедшимъ, также грустно будетъ уѣхать надолго. Разочти и скажи, что сдѣлаешь.

Быковскаго еще не получалъ; вѣроятно, онъ не больше президента и, слѣдовательно, не долженъ бы огорчать его своимъ ростомъ. Примусь за него, какъ за брошюру. Буду всѣхъ просить за него, кого надобно, не исключая и Оленина, ибо мы съ нимъ ни дурно, ни хорошо. Дамъ ему слова два и къ академическому унтеръ-штабу. Жуковскій не совѣтуетъ тебѣ отбраниваться, развѣ эпиграммами и письмами, напримѣръ, ко мнѣ или къ нему; но въ печать не отдавайся.

Былъ ли у тетушки на балѣ? Замолвилъ ли за меня слово? Ахъ, болѣзнь! Давно бы таскался съ тобою по Москвѣ! Подари племянницѣ отъ меня, „Чернеца", экземпляръ, Козлова.

Вы нашутите мнѣ шутку брюхомъ Сонцова. Онъ подумаетъ, что я разгласилъ объ условіи его камергерства, и что было ключомъ къ ключу его.

Жуковскій прислалъ мнѣ для тебя 50 экземпляровъ „Чер-

неца". Не знаю, сколько пошлю сегодня; вѣроятно, не больше десяти и одиннадцатый, отъ меня, В[икентьевой]. Предисловіе— Жуковскаго, и самъ же себя онъ и цитуетъ. Не худо бы въ „Телеграфѣ" порядочно разобрать, то-есть, похвалить поэта. *Она*— послѣ Свѣтланы,—княгиня Голицына, урожденная Суворова, которая пѣвала и утѣшала пѣвца нѣкогда, когда еще онъ былъ въ модѣ только у Жуковскаго и у меня. Теперь онъ бываетъ у графа Строганова, часто у Муравьева И[вана] Матв[ѣевича], у Оленина, и рой литераторовъ около его постели кружится. Прости, моя радость, прежняя и настоящая; не знаю, надолго ли и будущая.

Слышалъ ли о французскомъ изданіи Крылова 82-мя славнѣйшими литераторами Франціи и съ портретомъ? И для Библіи Птоломеи нашли только 70 толковниковъ. Каковъ графъ Орловъ! Каковъ нѣкогда Гриша, нынѣ авторъ, меценатъ, издатель и писатель, но все ли едва ли и читатель! Онъ, слышно, у васъ? Поклонись ему отъ меня въ такомъ случаѣ, если обѣщаетъ экземпляръ французскаго Крылова; а долженъ онъ мнѣ за то, что я былъ пересыльщикомъ листовъ его „Неапольской исторіи", нѣкогда изъ Мобёжа въ Петербургъ посылавшейся.

Совѣстно послать болѣе шести экземпляровъ; то-есть, для тебя только пять.

677.

Князь Вяземскій Тургеневу.

22-го [апрѣля. Москва].

Я восхищаюсь „Чернецомъ": въ немъ красоты глубокія, и скажу тебѣ на ухо—болѣе чувства, болѣе размышленія, чѣмъ въ поэмахъ Пушкина. Съ удовольствіемъ написалъ я о немъ журнальную статью для „Телеграфа", которая выйдетъ въ восьмомъ номерѣ. Викентьевой отослалъ, но не имѣю еще отвѣта. Присылай скорѣе поболѣе экземпляровъ для подписчиковъ: со всѣхъ сторонъ просятъ.

И, разумѣется, не буду отвѣчать Булгарину. Что за ералашъ онъ намололъ! Денису Давыдову говорятъ, que le prince André Gortschakoff a maigri; „Non", dit-il, „mais il s'est rabougri".

Сдѣлай милость, возьми у Полетики записки Genlis и Ségur, привезенныя Ломоносовымъ, и доставь ихъ мнѣ. Онъ проситъ ихъ для меня. А Байрона англійскаго, принадлежащаго Полетикѣ, отдалъ я Ломоносову для доставленія. Жена внесла Жихареву 1500 рублей, должные Сергѣю Ивановичу. Она поѣхала къ сестрѣ Четвертинской, которая родила десятаго.

Прости! Обнимаю васъ малую толику. Дмитріевъ ждетъ Тальма безъ ума. Обойми Карамзиныхъ. Сейчасъ сбирался къ нимъ писать, и навязалось дѣло.

678.

Тургеневъ князю Вяземскому.

23-го апрѣля. [Петербургъ].

Отдай приложенную табатерку Мерзлякову. Ты замолчалъ, и моя арфа не бренчитъ или только вполголоса. Будешь ли сюда? Мы сбираемся къ половинѣ мая быть у васъ, но не знаемъ еще, какъ это устроить. Къ половинѣ іюня должны возвратиться сюда или даже еще къ десятому. Гдѣ же встрѣтимся?

Сергѣй уже отпущенъ въ чужіе краи. Я ожидаю возвращенія государя, чтобы просить увольненія въ отпускъ. Хочется успѣть въ августѣ напиться водъ или накупаться и прокатиться по Рейну; въ туманную Швейцарію будетъ уже поздно на этотъ годъ. Проберемся въ мѣстечко Парижъ или въ Италію, а тамъ опять или къ водамъ, или прежде въ Швейцарію.

Вчера кончилъ разборъ твоихъ писемъ, стиховъ, прозы; нагрузилъ ими три портфеля, кромѣ того, что хранится въ тихвинскомъ уѣздѣ; тамъ главное. Лучшее твое безсмертіе въ моихъ рукахъ. Въ печати ты самъ себя не стоишь. Портфель съ письмами Карамзина, Дмитріева, Батюшкова, Жуковскаго также vaut son pesant d'or. Со временемъ издамъ „Manuel du style épistolaire“. Жаль, что нельзя взять этого съ собою! Боюсь зажиться тамъ, а грустно безъ дружбы и любви скитаться по земли.

Напиши похвалу старости: вчера видѣлъ въ первый разъ князя Лопухина. И слѣдовъ горести не осталось: и ея, какъ дочери, какъ будто не бывало.

679.

Тургеневъ князю Вяземскому.

26-го апрѣля. [Петербургъ].

Письмецо твое получилъ и Козлову твое мнѣніе сообщилъ. Онъ въ восхищеніи отъ успѣха „Чернеца". И денегъ Жуковскій собралъ кучу. Перстень, табатерку, по 500 рублей отъ государыни и великихъ князей получилъ, и даже Уваровъ подписался на сто экземпляровъ. А сколько посѣщеній дамскихъ! И даже святой отецъ Магницкій пришелъ, но съ критикою на смерть Чернеца. Желая отомстить ему, Козловъ началъ хвалить меня, но не тутъ-то было. Магницкій перещеголялъ его дружбу въ похвалахъ: и онъ не знаетъ ничего въ сравненіи со мною! Между тѣмъ, сказываютъ, уѣзжаетъ въ Казань. Экземпляровъ нѣтъ уже ни одного: довольствуйся тѣмъ, что имѣешь. У Полетики возьму книги, если отдастъ. Отъ брата получилъ еще письмо изъ Неаполя: онъ перемѣнилъ вегетабильную діэту на другую, и здоровье опять нѣсколько перемѣнилось на худшее, и онъ опять принялся за зелень. Вотъ какъ невѣрно выздоровленіе, и, слѣдовательно, скорое его возвращеніе сюда. Нѣтъ, скорѣе „Dahin, dahin, wo die Citronen und die Gesundheit blühen"! Выѣдемъ отсюда, вѣроятно, 5-го мая, но можетъ быть и позже. Прости, до завтра! Отдай Ивану Ивановичу приложеніе и полюбуйся скромностью директора Ассигнаціоннаго банка на концѣ диссертаціи. Дрянь и въ душѣ, да и въ умѣ. Получили ли письмо брата къ Ломоносову?

680.

Тургеневъ князю Вяземскому.

28-го апрѣля. [Петербургъ].

„Waesemsky has the force of proverbs in most of his compositions. He has had the boldness to create, and the success to introduce many new words and new forms of language" („The West-

minster Review", № 1, 1824 г., стр. 98). Вотъ что о тебѣ, благодаря „Полярной Звѣздѣ" прошедшаго года, пишутъ въ Англіи.

Мы сбираемся отсюда къ вамъ 5-го или 6-го мая, но это еще не такъ вѣрно, какъ то, что Булгаринъ—паяцъ литературы. Видѣлъ ли ты, чего онъ требуетъ отъ исторіографа? Вынь да положь великихъ людей въ старой Россіи! Карамзинъ не сердится и не можетъ на него сердиться, но за публику нашу огорчается; но полякъ этого знать не долженъ. Ему то и на руку.

Я читаю пять или шесть англинскихъ Review. Много о Россіи, но всѣ *прадтствуютъ*, всѣ страшатъ нами; одинъ только догадался и хотя много вретъ въ сужденіяхъ, но заключеніе о могуществѣ Россіи довольно справедливо.

Очень ты меня обрадовалъ строками о стихахъ Козлова, и я тотчасъ ему ихъ передалъ; но съ тобой несогласенъ. Въ нихъ, конечно, много глубокаго чувства, но развѣ это не трое въ одномъ, то-есть, Жуковскій, Пушкинъ и Байронъ въ Козловѣ, или лучше онъ изъ нихъ, а тѣ самостоятельны. Замѣчаніе сіе не мѣшаетъ Козлову имѣть гораздо больше истинной чувствительности и души, нежели въ Пушкинѣ, но воображенія меньше. Тѣ творятъ; онъ кроитъ изъ готоваго, то-есть, изъ нихъ, хотя съ примѣсомъ, и большимъ, своего. Похваливъ талантъ Пушкина, я не меньше, особливо съ нѣкотораго времени, чувствую омерзеніе къ лицу его. Въ немъ нѣтъ никакого благородства. По душѣ онъ для меня хуже Булгарина. Этотъ полякъ безмозглый, да и только; чего отъ него требовать, и почему Карамзинъ долженъ быть для него священъ? Чѣмъ болѣе возвышаетъ онъ собою Россію, тѣмъ болѣе долженъ бѣсить польскаго паяца. Но Пушкинъ учился читать по страницамъ Карамзина, но Пушкинъ плакалъ, и не разъ, за столомъ его, но Карамзинъ за него рыцарствовалъ. Я ни слова не сказалъ о Карамзинѣ, просвѣтителѣ Россіи въ нѣкоторомъ смыслѣ; ибо Пушкинъ щеголяетъ не русскимъ чувствомъ и думаетъ, что сердце у него не лежитъ къ Россіи. Ему хочется быть и въ этомъ Байрономъ, но и Байронъ имѣлъ друзей въ Англіи; онъ любилъ Мура, а Пушкинъ поднялъ руку на отца по крови и на отца-Карамзина. Все это между нами совершенно: вырвалось изъ души, которой не вижу ни въ стихахъ, ни въ душѣ Пушкина.

Хотѣлось бы вырваться поскорѣе къ вамъ, но *думу* думаю, а какую?—Вашу и нашу, и симъ заключу законодательное мое поприще, устроивъ *огромную, но распавшуюся храмину* купечества, какъ сказалъ Петръ I о своемъ городовомъ положеніи.

Къ Полетикѣ напишу сейчасъ о книгахъ. Прости! Получилъ ли съ Волконскимъ табатерку для Мерзлякова?

Вотъ заглавіе рукописи, которое я нашелъ въ каталогѣ рукописей графа Воронцова, въ Одессѣ находящихся: „Чистосердечное признаніе въ дѣлахъ моихъ и помышленіяхъ" („Безъ подписи, но по содержанію видно, что Фонвизина, безъ конца"). Это замѣчаніе сдѣлано тѣмъ, кто дѣлалъ каталогъ; кажется, Туманскимъ молодымъ, что при графѣ Воронцовѣ. Можешь чрезъ графиню выпросить рукопись, то-есть, копію. О Боратынскомъ Дибичъ взялъ докладъ въ Варшаву. Вотъ отвѣтъ Полетики.

Сію минуту узнаю о гнѣвѣ на насъ княгини и придумать не можемъ, чѣмъ его заслужили. Пожалуйста, объясни. Какою-то сухостію брата Сергѣя? Да онъ никогда и ни съ кѣмъ иначе не бываетъ по наружности, а въ душѣ не менѣе моего любитъ княгиню; а я, право, люблю ее и даже въ мысляхъ не думалъ ее оскорблять. Пусть оправдывается Сережа, а мнѣ и грустно, и смѣшно, и некогда оправдываться. L'amitié que je lui parte rend mes torts imaginaires, impossibles. Не кумовство ли ужъ какое? Оно меня и отъ Москвы отучитъ.

681.

Князь Вяземскій Тургеневу.

29-го [апрѣля. Москва].

Начнемъ съ важнѣйшаго: Викентьева велѣла поблагодарить тебя за „Чернеца", но благодарность ея была словесная, и потому доношу о ней только письменно, а не фактомъ. Теперь, какъ нашему Гримму, сообщаю тебѣ наши московскія рѣдкости—ордера Степана Степановича Апраксина. Я люблю, что глупость никогда не оставляетъ насъ въ торжественныхъ случаяхъ. Апраксинъ не что иное въ настоящемъ дѣлѣ, какъ дворецкій Благороднаго собранія,

избранный членами для домашняго порядка, понукаетъ сенаторами и прочее.

Что же „Чернеца"? Меня, наконецъ, почтутъ за черняка, потому что я со многихъ взялъ деньги, а книги не даю. Въ слѣдующемъ „Телеграфѣ" будетъ моя рецензія, а между тѣмъ и объявленія, что книга у меня продается: со всѣхъ сторонъ нахлынутъ, а у меня ничего нѣтъ. Поторопитесь! Да что же Козловъ ничего не присылаетъ въ „Телеграфъ"? А ты не вытащишь ли чего-нибудь изъ котомки своей годнаго для журнала? Давай!

Прощай, душа! Поѣдемъ въ Ревель, въ Либаву, куда-нибудь, гдѣ есть соленая вода; ты скажешь: „Зачѣмъ? Намъ и здѣсь солоно". Это такъ, не спорю, но все поѣдемъ. Сергѣю Ивановичу мой дружескій поклонъ. Онъ отпущенъ?

Непремѣнно благоволи (апраксинскій слогъ) попросить сенатора Полетику, чтобы онъ непремѣнно благоволилъ мнѣ прислать для прочтенія книги, привезенныя Ломоносикомъ. У меня его, то-есть, Полетики, „Разговоры" Байрона въ цѣлости и возвращены ему будутъ исправно. Александръ Пушкинъ пишетъ мнѣ, что онъ велѣлъ Льву-брату выслать стихи ко мнѣ; благоволи непремѣнно напомнить ему о томъ и сказать, что жду не дождусь.

682.

Тургеневъ князю Вяземскому.

2-го мая. [Петербургъ].

Читалъ твое письмо къ Карамзину, вчера полученное, и старо-французское къ княгинѣ Софьѣ Григорьевнѣ. Перестань переписываться съ Пушкинымъ: и себѣ, и ему повредить можешь. Онъ не унимается: и сродникамъ и пріятелямъ—всѣмъ достается отъ него. Прислалъ вторую часть „Онѣгина". Говорятъ, лучше первой.

Вотъ что пишетъ о тебѣ Боратынскій въ письмѣ къ —: [1]).

„Всего досаднѣе Вяземскій. Онъ образовался въ безпокойныя

[1]) Фамиліи не означено.

времена междоусобій Карамзина съ Шишковымъ, и военный духъ не покидаетъ его и нынѣ.

Войной журнальною безчеститъ безъ причины
Онъ дарованія свои.
Не такъ ли славный вождь и другъ Екатерины —
Орловъ еще любилъ кулачные бои?

Это—impromptu. „Чернеца“ нѣтъ. Объявили о второмъ изданіи, но не спросясь автора и издателей.

Надѣемся выѣхать послѣ завтра въ ночь или во вторникъ. Вчера въ Сенатѣ судили Попова; графъ Хвостовъ присталъ къ мнѣнію Сумарокова, исчадію невѣжества, глупости, подлости, и у насъ неслыханныхъ. Къ Муравьеву пристало большинство.

Если княгиня перестала на насъ гнѣваться, то поцѣлуй у ней нѣжно ручку; если же нѣтъ, то прости.

683.

Князь Вяземскій Тургеневу.

2-го мая. [Москва].

Хороши вы будете, если оставите меня безъ „Чернеца“. Вѣдь я писалъ Жуковскому, чтобы онъ доставилъ мнѣ сто экземпляровъ, по крайней мѣрѣ. У меня на столько есть подписчиковъ, да и часть денегъ уже у меня. Какъ хотите, выводите меня скорѣе изъ бѣды. Напримѣръ, Уваровъ подписался, какъ ты говоришь, на сто экземпляровъ: дайте ему теперь пятьдесятъ, а остальные мнѣ; такимъ образомъ отберите и у другихъ. Мнѣ непремѣнно нужно экземпляровъ до шестидесяти. Не стыдно ли Жуковскому такъ вѣтреничать! Поди, послѣ связывайся съ нимъ! Благодари Сергѣя Ивановича за письмо: все сдѣлано.

Вся Москва на ногахъ, а многіе изъ бояръ и на брюхѣ; нашлись бы и женщины, которыя ужъ мысленно — —. Вчера утромъ на Прѣсненскихъ прудахъ князь татарскій давалъ принцу праздникъ *въ нашемъ родѣ*: цыганки восплясывали и воспѣвали. Гулянье вечеромъ было пыльное и холодное, но многочисленное, потому что

Герой отъ росскихъ чреслъ во вѣкъ не оскудѣетъ.

Сегодня музыкальная вечеринка у княгини Зенеиды. Получила ли княгиня Софья мое письмо? Обними Карамзиныхъ и спроси у него, получилъ ли онъ письмо отъ Набокова отъ 2-го марта? Мнѣ нужно это знать. Табатерку отдалъ Мерзлякову. Зачѣмъ не кубокъ? Онъ табаку не нюхаетъ. Пришли мнѣ пакетовъ покроя поболѣе.

684.

Тургеневъ князю Вяземскому.

4-го мая. [Петербургъ].

Боратынскій — офицеръ: вчера получилъ варшавскій приказъ отъ 21-го апрѣля. Давно такъ счастливъ не былъ. Съ нимъ и Абаза. Въ томъ же приказѣ и князь Голицынъ за *непристойный отзывъ* корпусному генералу отставленъ. Письмо и афиши получилъ. Полетикѣ выписку о книгахъ сообщилъ. Жуковскій печатаетъ второе изданіе „Чернеца" и тебѣ экземпляры доставитъ.

Пушкинъ написалъ вторую часть „Онѣгина", которую сегодня буду слушать. Гнѣвъ мой на него смягчился, ибо я узналъ, что стихи, за кои я на него сердился, написаны за пять или шесть лѣтъ предъ симъ, если не прежде. Пришлю его сравненіе въ стихахъ Байрона съ графомъ Хвостовымъ: прелесть! Льву скажу сегодня твое порученіе. Козловъ пришлетъ отрывокъ изъ „Абидосской невѣсты" для „Телеграфа".

Вчера былъ на освященіи дома и церкви въ Женскомъ патріотическомъ обществѣ. Государыня Елизавета была съ нами, ласкала дѣтей и угостила насъ завтракомъ. Давно я не видѣлъ ее и былъ пораженъ худобою лица ея, между тѣмъ, какъ другіе радовались, что ей лучше съ нѣкотораго времени. Что же было, думалъ я. На лицѣ осталась только прежняя ангельская улыбка доброты; остальное измѣнилось. Въ душѣ моей осталось впечатлѣніе отъ этой перемѣны. Она подарила намъ запрестольную картину „Снятія со креста", Егорова. Лицо юнаго Іоанна, смотрящаго на своего Друга-Наставника, прозрачно умиленіемъ и горестію; Марія падаетъ въ обморокъ; другіе не плачутъ, но поражены страдальческимъ сокрушеніемъ. Вдали городъ, въ кото-

ромъ скоро камени разсядутся и завѣсы церковныя раздерутся. Домъ нашъ отдѣланъ просто, но удобно и съ наблюденіемъ всей роскоши благотворенія. Онъ обязанъ бытіемъ своимъ славнымъ бѣдствіямъ отечества, и я всегда называлъ его учрежденіемъ 1813-го года. Въ немъ пашли пріютъ наши круглые сироты, которыхъ судьба въ то время изъ разоренныхъ провинцій забросила къ намъ. Княгиня Репнина прежде всѣхъ вздумала призрѣть ихъ.

Я все еще не знаю, когда ѣду и даже ѣду ли? Дѣло за дѣломъ и хлопоты отнимаютъ время и сокращаютъ дни, назначенные московскимъ пріятелямъ. Пиши ко мнѣ сюда. Если и безъ меня получится, то коллекціи писемъ твоихъ не минетъ. И твой пріѣздъ сюда погружаетъ меня въ раздумье. Прости!

Сію минуту получаю письма отъ И. И. Дмитріева и Алексѣя Михайловича Пушкина. Отвѣчать сегодня не успѣю. Скажи послѣднему, что справлюсь и попрошу.

685.

Тургеневъ князю Вяземскому.

6-го мая, вторникъ. [Петербургъ].

Увы, я въ Москвѣ не буду! Пріѣзжай сюда скорѣе утѣшать меня. Грустно и досадно! Но тронуться отсюда не могу по разнымъ причинамъ. Братъ ѣдетъ въ субботу въ дилижансѣ. Карамзины переѣзжаютъ черезъ недѣлю, то-есть, во вторникъ; но ты долженъ пріѣхать прямо ко мнѣ и жить въ комнатѣ брата. Будемъ ѣздить, сколько угодно, въ Царское Село. Сію минуту получаю твое письмо отъ 2-го мая. Посылаю пакетовъ, а къ Карамзину за отвѣтомъ о письмѣ Набокова. Мы давно о немъ здѣсь хлопотали, и Булг[аковъ] писалъ къ Рушк[овскому], и полученъ отвѣтъ, и Карамзинъ, кажется, отвѣчалъ ему или писалъ къ Руш[ковскому]; но врядъ ли и Набоковъ знаетъ, о чемъ мы хлопочемъ.

„Чернеца" новаго скоро пришлютъ, но врядъ ли до твоего отъѣзда. Поручи другому и пріѣзжай ко мнѣ. Грустно, тошно по Москвѣ! Уваровъ подписался на сто, но получилъ только десять экземпляровъ.

Пушкину о стихахъ, тебѣ принадлежащихъ, говорилъ. Онъ все тебя сюда дожидался; я сказалъ, чтобы непремѣнно прислалъ къ тебѣ. Но кто принудитъ эту невзнузданную молодежь!

О письмѣ кн[ягинѣ] Вол[конской] я писалъ къ тебѣ. Мы обѣдали у Воронцова. Глаза его худо поправляются, но столъ и вино отъ этого не хуже. Онъ отправляется въ воскресенье, если глаза позволятъ. Кланяйся Зенеидѣ и скажи, что люблю ее очень.

686.

Тургеневъ князю Вяземскому.

8-го мая. [Петербургъ].

Завтра, то-есть, въ субботу, братъ отправляется къ вамъ. Грустно, что и я не съ нимъ! Здѣсь душно. Пріѣзжай скорѣе! Вторую часть „Онѣгина“ хотѣлъ Дельвигъ и Левъ Пушкинъ послать къ тебѣ съ братомъ. Не знаю, успѣютъ ли? Лучше первой. Тутъ же получишь и оду на графа Хв[остова], и Бейрона съ примѣчаніями. „Чернеца“ печатаютъ. Черезъ двѣ недѣли будетъ готовъ.

Вчера слушалъ у княгини Голицыной (Измайловой) комедію Грибоѣдова. Всѣмъ вамъ досталось. Много остроты въ нѣкоторыхъ стихахъ, особливо въ негодованіи Чацкаго, но піеса нехороша и интрига подлая. Есть сатирическія черты и вѣрные портреты московскихъ оригиналовъ, но нѣтъ комедіи. Княгиня бѣсила меня вздорными замѣчаніями своими на піесу и на стихи, коихъ не понимала. Небесная физика совсѣмъ исказила умъ ея и даже небесное ея личико. Все говоритъ о точкѣ, о протяженіи, о движеніи, а умъ при ней и отъ ея слушателей ни съ мѣста. Не только тяжело, но и грустно ее слышать. Съ мужемъ была бы она иначе.

Волконская писала къ тебѣ. Пріѣзжай же! Лаваль въ деревнѣ застрѣлился. Скажи Жихареву объ отъѣздѣ Сергѣя.

687.

Князь Вяземскій Тургеневу.

Понедѣльникъ. [11-го мая. Москва].

Спасибо за Хвостовщину; все передалъ Ивану Ивановичу, яко великому канцлеру подобныхъ грамотъ. Пришли какіе-нибудь стихи. Спасибо за „Чернеца". Буду писать тебѣ болѣе завтра или послѣ завтра и Карамзинымъ: теперь нѣтъ времени. Въ теченіе мая, то-есть, къ концу, буду въ Петербургѣ и поѣду въ Ревель купаться въ морѣ, чтобы посолить въ прокъ свои нервы: дураки на нихъ имѣютъ бѣдственное вліяніе. Вчера обѣдалъ я у Жихарева съ нашимъ губернаторомъ и долженъ былъ поздравить его съ звѣздою.

688.

Тургеневъ князю Вяземскому.

13-го мая. [Петербургъ].

Накуралесилъ ты мнѣ стихами Козлова въ „Телеграфѣ"! Они имъ отданы были Дельвигу, а напечатаны не только безъ его позволенія, но и не смотря на запрещеніе. Я тебѣ писалъ, что онъ пришлетъ другое; вымаралъ въ твоей копіи посвященіе и указалъ двусмысленность смѣшную, а тебѣ все надобно было отдать ихъ „Телеграфу". Впередъ буду осторожнѣе.

Видѣлъ вчера графа Лаваля: глубоко грустенъ, но не безъ разсѣянія. Мать больше убита, какъ сказываютъ. Бабка не знаетъ, *какъ* умеръ.

Я получилъ письмо отъ Боратынскаго, и до слезъ прошибла меня его радость и выраженіе этой радости. Совѣстно послать письмо, но не совѣстно похвалить себя за другое. Вчера ввечеру Карамзинъ сказываетъ мнѣ, что графъ Ѳедоръ Анд[реевичъ] Толстой былъ у него, и что онъ дѣлаетъ свой портретъ въ 4000 рублей, съ мѣхомъ; но просилъ совѣта, не въ мундирѣ ли написаться?

Я па это отвѣчалъ ему: „Все-таки портретъ будетъ *смѣхомъ*". Каковъ? Сообщи это племянпичку при моемъ поклонѣ.

Статьи твоей еще не читалъ. Прочту сегодня. Карамзины переѣзжаютъ послѣ завтра, и я остапусь круглымъ сиротою. Пріѣзжай скорѣе. Скажи княгинѣ, что я читалъ ея отвѣтъ Сережѣ. Онъ похожъ на нашу весну: холоденъ, особливо для меня. Пора въ Совѣтъ, на обѣдъ и на биржу. Прости! Рѣчи польскія — въ нашей французской газетѣ.

Потѣшить ли тебя двумя строфами изъ второй части „Онѣгина"? Но вся пѣснь тебѣ принадлежитъ, а добиться не могъ. Если же получилъ, то пришли сюда: у меня нѣтъ. И ода гр[афу] Хвос[тову] + лордъ Бейронъ для тебя же имъ списаны.

689.

Тургеневъ князю Вяземскому.

18-го мая. [Петербургъ].

Два письма твои получилъ. Княгиня Голицына велѣла тебѣ сказать (ибо отъ твоего имени было послапо), что ей немного лучше. О Ревелѣ разспрашивалъ Ал[ексѣя] Ал[ексѣевича] Оленина, который тамъ былъ и купался. Надобно ѣхать въ началѣ іюня, но можно и позже, хотя чѣмъ ранѣе начнешь, тѣмъ лучше, ибо надобно выгадать шесть недѣль на купанье; въ послѣднихъ числахъ августа уже поздно, хотя и можно еще купаться. Располагай по сему и выѣзжай скорѣе. Впрочемъ, можно и позже. Булг[аковъ] писалъ, что ты ѣдешь скоро съ Вел[гурскимъ] и княземъ Щербатовымъ. Правда ли?

Гогеля знаю и просить буду или самъ, или чрезъ другихъ. Къ выпуску назначены были многіе, но Дибичъ при докладѣ перемѣнилъ и убавилъ число офицеровъ. Многіе лишились чрезъ сего чиновъ, коихъ надѣялись, и сшили уже мундиры. Вѣроятно, и графъ Вас[ильевъ] подпалъ сей же участи. Впрочемъ, узнаю и увѣдомлю.

Козловъ доволенъ твоимъ разсмотрѣніемъ, исключая одного замѣчанія, о которомъ послѣ: теперь некогда. Пріѣхалъ поздно

отъ французскаго посла, гдѣ балъ былъ блистательный освѣщеніемъ, туалетами и цвѣтами. У каждой дамы по букету у куверта. Жаль, что не наканунѣ бала: онѣ могли бы на сихъ цвѣтахъ уронить слезки три, зѣвая, слушая молебенъ.

Письмо Вол[конской] отдалъ. Вчера былъ и на гуляньѣ. Многихъ не было, извѣстныхъ по экипажамъ своимъ; напримѣръ, Ал[ексѣй] Орловъ съ графиней Орловой—на освященіи храма при штабѣ военныхъ поселеній; тамъ же: Татищевъ, Левашовъ, Сперанскій и еще нѣкоторые приглашенные. Освящалъ Фотій.

690.

Тургеневъ князю Вяземскому.

21-го мая. [Петербургъ].

Я справлялся о пажахъ у директора Бибикова лично, и вотъ отзывъ его: никто не виноватъ, что мало выпущено. Самъ государь отмѣчалъ и назначилъ только тѣхъ, которые имѣли *не меньше* шаровъ противъ самаго меньшаго количества выпущенныхъ въ прошломъ годѣ; но тѣ, кто имѣли равное съ выпущенными, имѣвшими самое меньшее число шаровъ, выпущены. Даже родственникъ Дибича остался въ корпусѣ. Государь самъ расчисляетъ. И это сущая правда, да и справедливо; такъ было и при князѣ Голицынѣ; я это помню.

Возвратился сегодня изъ Царскаго Села, гдѣ все цвѣтетъ. Совралъ: липы и дубы черны какъ... [1]) Прости! Спѣшу обѣдать къ Воронцову. Скажи графу Толстому, что завтра буду писать о швейцаркѣ для его дочери.

22-го мая.

Не успѣлъ отправить вчера письма. „Чернецъ“ дни черезъ четыре будетъ готовъ. На твое ли имя присылать экземпляры для Москвы и сколько? Отъ кого получать деньги? Жуковскій требуетъ отвѣта на сіи пункты. Французская статья о „Чернецѣ“ въ „Gazette de Pétersbourg“—Улыбышева.

---

[1]) Точки въ подлинникѣ.

Сегодня надѣюсь выправиться въ самомъ корпусѣ о графѣ Васил[ьевѣ]. Но, безъ сомнѣнія, до слѣдующаго года нельзя думать о производствѣ. Впрочемъ, узнаю подробно и тебя увѣдомлю. Кутузовъ въ Варшавѣ.

На оборотѣ: Князю Вяземскому.

691.

Тургеневъ князю Вяземскому.

22-го мая. [Петербургъ].

Я узналъ себя въ Бабослужкинѣ, и этимъ почетнымъ ругательствомъ обязанъ тебѣ, вотъ почему: получивъ отъ тебя порученіе вытолкать въ шею Булгарина, я не могъ этого исполнить, ибо онъ у меня не былъ; но, встрѣтивъ его на Полицейскомъ мосту и обезчещенный въ присутствіи брата его дружескими ласками, я вспомнилъ на ту минуту похвалы его Шишкову и ругательства Карамзину и сказалъ ему, что онъ подлецъ, что онъ обезчестилъ и Греча своимъ товариществомъ (все это онъ самъ послѣ пересказалъ Жуковскому), и что я удивляюсь его безстыдству и храбрости Греча. Я часто говаривалъ ему подобное, но на этотъ разъ онъ разгорячился и съ жаромъ отвѣчалъ: „Вы мнѣ этого въ другой разъ не скажете“, а я ему: „Будетъ и одного“ — и уѣхалъ. Прочитавъ статью его и вспомнивъ его поступокъ, я сказалъ: „Конечно, я Бабослужкинъ; я и тебѣ, подлецъ, служилъ.“ Не въ укоръ будь мнѣ сказано, было время, что Булгаринъ надоѣдалъ мнѣ своимъ ласкательствомъ письменно и словесно и душилъ меня письмами, записками и комплиментами. Напримѣръ, говоря объ насъ, онъ безпрестанно повторялъ: „Это прекрасная книга въ трехъ частяхъ“ и пр. Я служилъ ему по сенатскому дѣлу и прочимъ и, слѣдовательно, заслужилъ имя его, но не заслуживаю быть въ одной категоріи съ Карамзинымъ и Жуковскимъ. И Булгаринъ правъ, и мнѣ по-дѣломъ! Но какъ Иванъ Ивановичъ Дмитріевъ можетъ тѣшиться, какъ слышу, мерзкою эпиграммою на чистаго и чувствительнаго Жуковскаго! Зачѣмъ доставляетъ

онъ торжество врагамъ всего прекраснаго, изящнаго и высокаго! Къ чему довела его страсть ко всему мелкому! Желаю, чтобы слышанное мною здѣсь было неправда. Иначе, хоть съ горемъ пополамъ, но разстанусь съ насмѣшникомъ надъ Жуковскимъ. У насъ немного ему подобныхъ, и если друзья Карамзина будутъ радоваться мнимымъ поруганіямъ Жуковскаго, то что же останется для Воейкова, который также съ торжествомъ поспѣшилъ первый прочесть эту эпиграмму Жуковскому за то, что онъ первый упросилъ Карамзина сохранить ему „Инвалида" и слѣдовательно кусокъ хлѣба. Но если слухи ложные, то и я не перестану любить и уважать Дмитріева: si non—non.

Сенъ-Флоранъ прислалъ ко мнѣ двѣ части, tome 6-me et 7-me, съ картинами особо, des „Mille et une nuits". Я не помню, для кого я ихъ бралъ. Кажется, для тебя. Деньги давно уже заплачены и за сіи части. Если же не для тебя, то спроси у брата, для кого? Пришлю, какъ скоро увѣдомишь. Алина получила отъ отца кое-что новое, напримѣръ, Мартиновы стихи о Бейронѣ, но отдала по рукамъ, и ко мнѣ дойдетъ развѣ завтра. Козловъ сбирается писать къ тебѣ и благодарить за рецензію; французская — Улыбышева. Мы предлагаемъ ему, по желанію посла, перевести самому на французскій; напечатали бы въ Парижѣ въ его пользу. Дельвигъ обѣщалъ послать стихи: напомню ему. Онъ сегодня возвратился только изъ Царскаго Села.

Съ нѣжностью цѣлую ручку у милой *сестры милосердія* и жалѣю, что былъ въ водяной прежде, нежели знакомъ съ нею.

692.

Князь Вяземскій Тургеневу.

27-го [мая. Москва].

Благодарю тебя, усердный исполнитель, за пажескія свѣдѣнія; ожидаю дальнѣйшихъ и индивидуальныхъ.

Можете прислать смѣло сто экземпляровъ „Чернеца" въ мой домъ, на имя коммиссіонера моего Андрея Иванова. Деньги привезу съ собою, а если соберу, то и прежде. Бояться нечего.

Добрый и любезный нашъ Пушкинъ скончался третьяго дня вечеромъ тихо и безъ страданія. По настоящему, умеръ онъ за десять дней до кончины своей. Сердечно его жаль и за него лично, и за окружающихъ. Въ тотъ же день умеръ и мужъ сестры Елены Григорьевны, Бибиковъ, который изъ бѣдности былъ исправникомъ и оставилъ семь дѣтей.

Что же стихи Пушкина? Книгу Полетикѣ отправилъ я съ полярнымъ Бестужевымъ. Обнимаю! Дашковъ здѣсь.

693.

Тургеневъ князю Вяземскому.

28-го мая. [Петербургъ].

Записку твою получилъ и письмо Bankhead'у доставилъ: вотъ и росписка. Курьеръ, полагая, что письмо отъ Карамзина, назвалъ его вмѣсто тебя. Самъ я не видѣлъ его, ибо не выѣзжаю за болѣзнію и только поздній вечеръ провожу у Карамзина. Братъ также все еще съ подвязкой ходитъ, то-есть, съ флюсомъ. Не услышу завтра и громкаго: „Христосъ воскресе“ во дворцѣ. Вчера обѣдалъ у насъ Жуковскій, и мы выпили за мое почти сорокалѣтнее здоровье, которое однако же нездорово.

Теперь уже вѣрно ты получилъ „Полярную Звѣзду?“ Каковъ Бестужевъ? Смѣшнѣе прошлогодняго. Строки о Грибоѣдовѣ прелестны. И, описавъ наше ничтожество, увѣряетъ, что врядъ ли журналы наши уступаютъ иностраннымъ, и что нѣмцы живутъ однимъ Ольдекопомъ: далѣе нельзя. Изъ французскихъ журналовъ назвалъ онъ сноснымъ только одинъ, и именно несносный своею мелочною литературою, своими бездушными исчисленіями всѣхъ мелкотравчатыхъ авторовъ во всѣхъ языцѣхъ. Но наши звѣздочеты и литераторы-журналисты знаютъ кому покадить. Здѣсь скажетъ словцо-другое Булгаринъ, тамъ „Revue“ впишетъ въ число свѣтилъ сѣверныхъ. И я долженъ былъ прочесть этотъ приговоръ нѣмцамъ въ такую минуту, когда предо мною лежатъ классическіе ихъ журналы съ глубокомысленными и блистательными разсужденіями о всѣхъ предметахъ словесности и просвѣщенія вообще.

Не успѣваю выписывать то, что поражаетъ меня истиною, тонкостью и смѣлостью замѣчаній, и радуюсь заранѣе, что подышу скоро тамошней атмосферой. Я бы могъ указать ему на любую журнальную нѣмецкую статью, въ которой больше ума и даже вкуса, нежели во всѣхъ отечественныхъ нашихъ бредняхъ и хвастовствахъ. Приговоръ, который Бестужевъ дѣлаетъ Полевому, можно справедливѣе отнести къ приговаривающему: „Неровный слогъ, самоувѣренность въ сужденіяхъ" и пр., и пр. Но развѣ слогъ его, то-есть, Бестужева только неровенъ? Это галиматья двойная, въ которой, однако же, иногда есть что-то похожее на мысль или даже на правду. Впрочемъ, нельзя не сказать и спасибо вообще за эту книжку: въ стихахъ и въ прозѣ много есть прекраснаго. Номенклатура участниковъ блистательная: отрывки Пушкина, нѣсколько страницъ Жуковскаго, твой третій куплетъ изъ стиховъ „Гр[афинямъ] Черныш[евымъ]", Боратынскій, Глинка, проза другого Бестужева, анекдотъ о Петрѣ I, стихи Козлова и Нечаева — украсили бы и европейскій журналъ, и, наконецъ, — басни нашихъ ветерановъ! Я очень доволенъ стихами Нечаева: они полны мыслей и чувства. Языкъ чистый и благозвучный, какъ говорятъ наши профессоры. Сколько изъ благодарности за письмо издателей, столько и за экземпляры подаренные, я отвѣчалъ имъ похвалою вообще за изданіе, сказавъ что „Звѣзда" ихъ становится съ каждымъ годомъ блистательнѣе; что надобно желать, чтобы она долго еще разливала пріятный свѣтъ свой на горизонтѣ нашей словесности и что немерцающая слава *трехъ звѣздочекъ* (И. И. Дмитріевъ) и нѣкоторыхъ другихъ свѣтилъ вѣрною порукою въ успѣхѣ и прочее. Личныхъ комплиментовъ не могъ послать; хотя уважаю Рылѣева, какъ автора и человѣка, но піеса Бестужева сковала мнѣ руки, взорвавъ досадою за нѣмцевъ и даже за французскихъ журналистовъ.

Каковъ Булгаринъ въ новой выходкѣ на Карамзина! Мы читали эту стутью вмѣстѣ, то-есть, съ Карамзинымъ, а не съ Булгаринымъ, ибо я исполнилъ слишкомъ вѣрно твое завѣщаніе на счетъ послѣдняго, и Карамзинъ радуется его критикою, особливо тамъ, гдѣ онъ сомнѣвается въ чистой нравственности исторіографа. Неужели и Ивана Ивановича это не потѣшитъ?

Дашковъ уже въ дорогѣ; поклонись ему отъ насъ; я извинилъ его предъ Карамзинымъ.

Аренда, данная Сѣверину въ 1000 рублей серебромъ, но могущая приносить 2500 рублей серебромъ, оставлена у Сѣверина съ тѣмъ, что до полученія оной онъ будетъ получать 2500 рублей серебромъ изъ Казначейства. Онъ надѣется имѣть всего до 25000 годового дохода. Матусевичу—2-го Владиміра.

Шуми же ты, шуми, огромный океанъ!
Развалины на прахѣ строитъ
Минутный человѣкъ, сей суетный тиранъ,
Но море чѣмъ себѣ присвоитъ!
Трудися, созидай громады кораблей...

Вотъ отрывокъ изъ стиховъ Батюшкова, который сохранился въ памяти Блудова. Батюшковъ опять сталъ исправно лѣчиться, и есть надежда къ улучшенію.

694.

Тургеневъ князю Вяземскому.

7-го іюля. Вторникъ. С.-Петербургъ.

Третьяго дня ввечеру поѣхалъ я съ Жуковскимъ въ Царское Село, ночевалъ тамъ и вчера провелъ весь день. Павлуша здоровъ, милъ и веселъ. Къ тебѣ ничего не хотѣлъ приказать, потому что ты не въ Петербургѣ. Всѣ тебѣ кланяются. Катенька вчера учила чему-то Павлушу. Я разстался съ Карамзиными, какъ съ родными, самыми близкими сердцу. Не могу думать о нихъ безъ грусти и благодарности. Въ нихъ нашелъ я вѣрную дружбу за послѣднія минуты.

Я получилъ записку отъ княгини о бѣдномъ мальчикѣ, котораго ей хотѣлось бы помѣстить въ гимназію на казенное содержаніе; но этого содержанія тамъ нѣтъ, и теперь уже князь Голицынъ ничего не можетъ. Къ отцу вашей дамы посылалъ и писалъ къ нему; просилъ, чтобы далъ о себѣ знать дочери; но еще отвѣта не имѣю.

Завтра выѣзжаемъ. Надѣемся въ Ригѣ найти отъ тебя письмо. Всѣ тебя обнимаютъ. Прости!

695.

Тургеневъ князю Вяземскому.

12-го іюля. Рига.

Сегодня, въ четвертомъ часу утра, мы сюда пріѣхали. Чинимъ коляску, устраиваемъ денежныя дѣла и пишемъ въ Петербургъ, а во второмъ часу отправляемся въ путь. Изъ Мемеля въ Кенигсбергъ поѣдемъ водою, но здѣсь запаслись виномъ. Письмо твое развеселило на минуту грусть мою. Спасибо! Авось, гдѣ-нибудь свидимся. Я давно такъ не грустилъ по тебѣ, какъ проводивъ изъ Петербурга. Пиши къ Жуковскому и къ женѣ и скажи имъ все, что богъ дружбы тебѣ на сердце положитъ. Былъ сегодня у двухъ русскихъ и у нѣмецкой обѣдни. Братъ обнимаетъ тебя. Книгъ пришлю, если случай будетъ. Изъ Дрездена напишу.

696.

Тургеневъ князю Вяземскому.

10-го ноября / 29-го октября 1825 г. Парижъ.

Сію минуту узналъ отъ посла объ отъѣздѣ курьера, но не фельдъегеря, въ Петербургъ и спѣшу хоть нѣсколькими строками напомнить вамъ о себѣ, молчаливые друзья мои, и послать тебѣ, нѣкогда велерѣчивый другъ мой, новѣйшее сочиненіе въ прозѣ и новѣйшее въ стихахъ. Послѣднее для тебя очень кстати. Ив. Ив. Дмитріеву посылаю листокъ, сорванный вчера съ могилы Лафонтена, а графу Ѳедору Толстому—карту обѣдовъ и завтраковъ за два и за полтора франка, то-есть, менѣе двухъ рублей съ персоны. Suum cuique! Больше ничего послать нельзя, ибо этотъ курьеръ везти не возьмется. Книги сіи посылаю чрезъ Карамзина. Два раза отыскивалъ князя Федора Гагарина и не отыскалъ;

наконецъ, вчера встрѣтилъ его въ Palais Royal съ другимъ княземъ, Ник[олаемъ] Гагаринымъ и узналъ номеръ дома (улицу давно зналъ). Обѣщали другъ другу видѣться. Я пойду къ нему; не знаю, сдержитъ ли онъ слово? Его напугали моими ранними выходами. Въ этомъ есть и правда: вотъ мѣсяцъ ровно, какъ я въ Парижѣ, и еще не успѣлъ образумиться.

Я описывалъ Карамзинымъ мои похожденія по тюрьмамъ, богадѣльнямъ и больницамъ, прибавлю—и по бойнямъ Парижа, ибо вчера видѣлъ первую бойню въ свѣтѣ, первымъ мясникомъ въ мірѣ, блаженнымъ Наполеономъ, устроенную: 1200 быковъ, 250 коровъ, 4,500 овецъ и пр., и пр. въ недѣлю! Обществъ здѣшнихъ, кромѣ Гизо и Cuvier, еще не знаю. Едва поспѣваю два или три раза въ недѣлю къ Тальмѣ и въ итальянскую оперу, и то усталый. Изъ русскихъ бываю иногда у графини Бобринской и княгини Гагариной. Съ послѣдней ѣздилъ къ обѣду церемоніальному короля и видѣлъ все великолѣпіе здѣшняго двора, уступающее нашему; но народный праздникъ шумнѣе и многолюднѣе нашего подновинскаго, хотя въ семъ году въ день св. Карла и мало оказывали веселья и любви къ королю, который угащивалъ народъ колбасами и хлѣбомъ, и виномъ, изъ двѣнадцати домиковъ лившимся въ Елисейскихъ поляхъ и, наконецъ, всѣми театрами Парижа, куда безденежно пускали всю публику. Я шатался цѣлый день по гуляньямъ и во дворцѣ; вездѣ видѣлъ толпы народа; но даже и при появленіи короля у окна въ Тюльери едва слабый „Vive le roi“ услышали мы въ разныхъ пунктахъ сада, вѣроятно, наемными радующимися уставленнаго. Въ письмѣ къ Карамзину описалъ я мое здѣшнее житье-бытье: вытребуй, если желаешь, и прочти; повторять не хочется. Мы, то-есть, братъ Николай и я осматриваемъ все и проводимъ все утро большею частію въ мѣстахъ ужаса и страданія. Рѣдко удается отдохнуть, напримѣръ, на кладбищѣ Лашеза, гдѣ возвышаются кипарисы и памятники маршаламъ или скромныя урны надъ современниками Лудвига XIV и славы его. Населеніе кладбища не уступаетъ парижскому; все усѣяно гробами, а гробы—цвѣтами и гирляндами: прекрасный обычай, который намъ перенять трудно. На сихъ дняхъ начну ходить въ Palais de Justice слушать адвокатовъ и судей и учиться

практической юриспруденціи. Сегодня былъ тамъ въ первый разъ, но не пустили въ Уголовный судъ, ибо судили за прелюбодѣяніе и, слѣдовательно, не публично; но я видѣлъ отправляемыхъ въ загородныя тюрьмы преступниковъ: ихъ сажаютъ въ фуры на рессорахъ и запираютъ, безъ цѣпей, съ однимъ проводникомъ. Тюрьмы, впрочемъ, немного лучше нашихъ: богадѣльни и больницы подъ смотрѣніемъ орденскихъ женщинъ („Soeur de la charité", „Les visitandines", „Les filles de St.-Thomas") прекрасны. Все чисто и человѣколюбиво. Часто, очень часто думаю о тебѣ и желаю, чтобы ты попалъ сюда, то-есть, не въ тюрьму, а въ Парижъ, хотя, впрочемъ, неимовѣрная разсѣянность врядъ ли бы даже и тебѣ понравилась. Безъ плана занятій здѣсь ничего не увидишь порядочно и не узнаешь Парижа. Это—малый міръ, и одна часть свѣта часто не знаетъ о другой. Тальма, Тальма! Вотъ твое наслажденіе! Но и онъ часто слишкомъ играетъ въ піесахъ Soumet и Arnault; сегодня—въ „Fille d'honneur"; но я званъ къ переводчику Шекспира—Гизо, коего и жена авторъ, на вечеръ и увижу тамъ въ хозяинѣ дома бѣдность и благородство души. Русскихъ мало вижу; съ С. П. Свѣчиной, уѣхавшей до генваря въ деревню, переписываюсь. Она пріѣзжала сюда для меня недѣли на двѣ и возвратилась къ madame Ségur. Вѣроятно, вмѣсто Англіи, съ братомъ Николаемъ я поѣду въ Италію къ Сергѣю, ибо чувствую, что я еще не созрѣлъ для Англіи, а въ Италіи нужны только глаза, воспоминанія и Винкельманъ. Григорій Гагаринъ приглашаетъ меня жить къ себѣ (жена его уѣхала въ Сіэнну), но я буду жить съ братомъ Сергѣемъ, на сихъ дняхъ изъ Лозанны въ Парижъ отправившимся. Изъ Италіи—опять сюда и потомъ, уже соединившись въ южной Франціи съ обоими братьями, въ Англію.

697.

Тургеневъ князю Вяземскому.

20/8-го ноября 1825 г., послѣ обѣда. [Парижъ].

По приглашенію Жюльена, мы были въ годичномъ собраніи Филотехническаго общества. Секретарь онаго, Villeneuve, прочелъ

исторію прошедшаго года, которая могла бы быть короче. Съ утомительною подробностію исчислялъ онъ труды каждаго члена Общества, между коими есть уже и умершіе, не только труды но и надежды; напримѣръ, желая уколоть Монморанси, который занялъ, вопреки справедливости, академическія кресла, надъ чѣмъ всѣ газеты смѣются, секретарь сказалъ объ одномъ изъ своихъ сочленовъ: „Онъ бы занялъ мѣсто въ Академіи, если бы Монморанси не предупредилъ его"; объявилъ о путешествіи въ Италію Лавинья и объ изданіи графомъ Орловымъ басенъ Крылова и пр. Я почти ничего не удержалъ изъ его отчета, кромѣ того, что онъ сказалъ о моральномъ характерѣ Гельвеція. „Ses actions avaient refuté son livre", и стихи Жюльена:

Le pouvoir absolu n'est jamais légitime.

Febré читалъ три басни: „La girouette et le paratonnerre", „Le menteur et le faux monnayeur" и „L'ignorance conduite par l'habitude, ou Les deux vieilles". Двѣ послѣднія очень замысловаты и хорошо написаны. Японскій самодержецъ изъ двухъ преступниковъ, изъ коихъ онъ можетъ простить только одному, прощаетъ не лгуну, а дѣлателю фальшивой монеты; ибо лгунъ-ласкатель искажаетъ нравственность людей и особенно царей, между тѣмъ, какъ другой лишаетъ ихъ только того, что̀ легко пріобрѣсть можно. Мысль напоминаетъ басню Крылова о Вольтерѣ.

Courtisans, n'allez pas à la cour de Japon,

кончитъ авторъ. Басня о кривой и слѣпой старухѣ—самая либеральная; и кривая представляетъ собою тѣхъ, кто преслѣдуетъ всякое новое открытіе, новое усовершенствованіе старыхъ методъ, какъ она мѣшаетъ слѣпой старухѣ прозрѣть съ помощію искуснаго оператора. Французы на словахъ иногда очень либеральничаютъ, но хвастаютъ еще больше. Не разъ слышали мы въ этомъ засѣданіи, что Франція à la tête de la civilisation! Гдѣ же Англія? Lenoir, gardien des tombeaux de St.-Dénis, où les pierres sont des souvenirs et le marbre de l'histoire, читалъ описаніе египетскихъ древностей, недавно привезенныхъ сюда par m-r Passalaqua. Я еще не успѣлъ видѣть сіи древности, хотя онѣ,

какъ увѣряютъ, очень примѣчательны. Naudet читалъ элегію „Le dissipateur mourant“, гладкими, но не рѣзкими стихами писанную, и одинъ только я запомнилъ:

Sur cette terre de passage je fus riche un moment;

виноватъ, вспомнилъ и другой:

Seul au monde—il est temps d'en sortir.

Президентъ общества, de-Ladoucette, хотѣлъ прочесть двѣ басни, но не успѣлъ. За то Naudet прочелъ свой „Le Cerf aux abois et le Juge du village“. Деревенскому судьѣ предлагаютъ наказать того, который смѣется надъ его глупостью, а онъ возражаетъ: „Если мы такъ строги будемъ къ тѣмъ,

qui dénoncent nos sottises,
Nous, comment nous punira-t-on?

Bouilly, авторъ дѣтскихъ сказокъ, котораго книги и въ Москвѣ во всѣхъ лавкахъ, прочелъ длинную сказку о царевичѣ Богданѣ (Dieudonné), котораго онъ воспитываетъ. Длина и плоскость сказки напомнили мнѣ чтеніе въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ и въ нѣкоторой Императорской Публичной Библіотекѣ. Она войдетъ во вторую часть, то-есть, сказка, а не библіотека, des „Contes aux enfants de France“. Баюкаетъ онъ славно. Villeneuve прочелъ заключеніе похвальнаго слова его недавно отъ оспы умершему Ласеподу, которое также напомнило мнѣ нѣкоторую Россійскую Академію. Примѣчательнѣйшее въ жизни и въ смерти его то, что, когда Ласепедъ былъ академикомъ, у него было три рубашки; а когда его сдѣлали президентомъ, то онъ сшилъ себѣ еще три. Симъ заключилъ авторъ панегирикъ и доказалъ, что предокъ его былъ родственникъ славному другу бѣдныхъ, St.-Vincent de Paul. M-r Viennet прочелъ пѣснь изъ „Филиппиды“, поэмы въ стихахъ. Ни хорошо, ни худо, но есть описаніе сраженій и пожара блистательное. Сбирались читать главу изъ романа, но время не позволило, и принялись за музыку, отъ которой я, однако жъ ушелъ въ Palais Royal обѣдать.

Спросите у Ив. Ив. Дмитріева, какой портретъ ему нуженъ? Я бы постарался прислать, хотя возможность отправленія и рѣдко случается. Здѣсь безпрестанно выходятъ новые портреты: теперь въ модѣ гаитскаго депутата. Поздравьте вдовушку-невѣсту, если дѣло уже въ шляпѣ, да, пожалуйста, пишите ко мнѣ чаще. Если случай будетъ, то пришлю вамъ и продолженіе процесса contre le „Constitutionnel“ и другой contre le „Courrier“, который, какъ полагаютъ, не такъ легко отшутится. Я сдружился съ адвокатами, подписался на ихъ газету. Между ними есть возникающіе таланты; но они дѣти въ сравненіи съ англійскими говорунами.

1826.

698.

Тургеневъ князю Вяземскому.

29-го марта. С.-Петербургъ.

Не думая еще ѣхать изъ Лондона, я получилъ отъ Шимановской для доставленія къ тебѣ письмо; до отъѣзда моего не могъ отправить и взялъ съ собою, но забылъ въ первые дни отправить его отсюда. Благодарю за твои три письма. Я всѣ получилъ и на одно постараюсь отвѣчать при случаѣ.

Карамзины ѣдутъ въ чужіе краи, но *какъ*—еще неизвѣстно. Жуковскій, вѣроятно, также поѣдетъ къ водамъ. По моему мнѣнію, это для него необходимо. Я останусь круглою сиротою въ Петербургѣ. Двѣ книги послалъ къ тебѣ съ Воейковымъ, сыномъ того, что живетъ въ домѣ князя Долгорукова, игрока: справься! Прости, мой милый! У княгини цѣлую ручки.

На другой день пріѣзда моего сюда узналъ я, что Сѣв[еринъ] послалъ князю Вас[илію] 3000; о четвертой тысячѣ не слыхалъ. Въ Парижѣ трудно найти денегъ; я нашелъ 4000 на пріѣздъ сюда, но и то съ трудомъ, посредствомъ одного пріятеля, къ которому писать теперь *не долженъ* и отвѣта не получу. Одинъ князь Ник[олай] Гагаринъ съ деньгами; напишите къ нему, объяснивъ средства и срокъ платежа: иначе врядъ ли дастъ. Я не рѣшился къ нему обратиться, хотя онъ и хотѣлъ за меня поручиться. Князь Василій Гагаринъ, кажется, не мотаетъ, да и нельзя: ему не до мотовства. Я уговаривалъ его и меньше

книгъ посылать тебѣ, и не дорогихъ; напримѣръ, на что тебѣ описаніе Парижа въ 18-ти томахъ? Если обстоятельства наши поправятся, то я со временемъ куплю у тебя эту книгу. Еще мысль: напишите къ графинѣ Бобринской. Повторяю: я писать не долженъ, хотя они и онѣ всѣ ожидаютъ моихъ писемъ о своихъ. Изъ Парижа не успѣлъ ничего почти взять съ собою, кромѣ того, что попалось въ день отъѣзда въ Palais-Royal. Оставилъ множество матеріаловъ тамъ и въ Лондонѣ. Но куда съ ними? И здѣсь нашелъ библіотеку въ подвалѣ. Жаль мнѣ себя! Путешествіе могло сдѣлать меня путнымъ человѣкомъ. Въ первый разъ вспомнилъ о себѣ и то думая о томъ, о которомъ еще и плакать не могу.

Обнимаю нѣжно Жихарева. Письма, чай и деньги получилъ. Сюда вы не должны ѣздить. Простите, милые!

699.

Тургеневъ князю Вяземскому.

3-го мая. [Петербургъ]. № 1.

Письмо твое получилъ и отдалъ Карамзинымъ, которые также твое получили. Я писалъ уже къ тебѣ чрезъ Жихарева, что Николай Михайловичъ ѣдетъ на фрегатѣ „Елена“, который готовъ будетъ къ 15-му мая или немного позже. Назначить времени отъѣзда нельзя; но имъ бы хотѣлось въ концѣ мая или въ началѣ іюня, если тепло установится, и силы его нѣсколько утвердятся. Но по сію пору онъ не подаетъ большой надежды, чтобы такъ скоро силы его возвратились: какой-то родъ лихорадочки продолжается, и съ кашлемъ выходитъ матерія. Ему лучше съ тѣхъ поръ, какъ началъ выѣзжать въ каретѣ, но въ семъ положеніи онъ не можетъ еще пуститься въ путь дальній, и Мюллеръ не говоритъ еще рѣшительно, когда можно будетъ выѣхать изъ Петербурга. Май долженъ рѣшить срокъ отъѣзда и самый отъѣздъ, хотя Карамзины и не сомнѣваются въ выѣздѣ и все продаютъ, и все готовятъ. Не пишу къ нимъ о моихъ сомнѣніяхъ. Дѣти обрадовались твоему намѣренію провожать ихъ, но Катерина Андреевна не сказала почти ни слова, когда я намекалъ ей объ

этомъ отъ себя, и думаетъ, кажется, что тебѣ не надобно оставлять своихъ. Жуковскій, такъ же, какъ и я, одобряетъ мысль твою, тѣмъ болѣе, что имъ нуженъ бы былъ кто-нибудь въ пути на всякій случай и кромѣ Тибо. Но этого безъ тебя рѣшить нельзя. Пріѣзжай сюда самъ и рѣши. Пріѣзжай, если можешь пріѣхать, не разстраивая дѣлъ твоихъ. Сегодня переѣзжаютъ они въ Тавриду. Если Сергѣй мой не пріѣдетъ, то ты можешь жить у меня; если пріѣдетъ, то у нихъ. Комнатъ во дворцѣ множество. Здѣсь удобнѣе будетъ рѣшить, можно ли тебѣ провожать ихъ. На фрегатѣ мѣста довольно, и изъ Бордо онъ возвратится прямо сюда. Можно дать чувствовать другимъ (что и справедливо будетъ), что ты ѣдешь для Карамзиныхъ, какъ необходимый провожатый ихъ. Все это устроится, когда здѣсь самъ будешь. Жуковскій уѣдетъ прежде. День отъѣзда его неизвѣстенъ. Сейчасъ иду къ Штиглицу хлопотать объ американскомъ кораблѣ для него. Завтра увѣдомлю, что̀ сдѣлаю. О себѣ не говорю: я стараюсь поддерживать себя и забываться; но есть ночь и минуты, въ которыя невозможно разсѣяніе. Прости! О Сережѣ справься у Жихарева. Я не виноватъ, что онъ не получилъ бумагъ Н[иколая]. Онъ перемѣнилъ маршрутъ. Князь Ал[ексѣй] Щербатовъ давно уѣхалъ отсюда. Когда братъ его пріѣдетъ изъ Парижа, то скажи ему, что не отвѣчалъ потому, что *не могъ*, а хлопоталъ по дѣламъ его.

700.

Тургеневъ князю Вяземскому.

3-го мая. [Петербургъ]. № 2.

Воспользовавшись свѣтлымъ утромъ и тѣлесною крѣпостью Николая Михайловича, я говорилъ съ нимъ о твоемъ желаніи провожать его. Онъ съ удовольствіемъ принялъ это. Мы разсуждали о средствахъ приступить къ исполненію. Онъ думаетъ, что ему надобно переговорить съ капитаномъ корабля Епанчинымъ, который долженъ снестись съ Моллеромъ, а сей съ государемъ. Опасается затрудненія въ послѣдней инстанціи; но я сказалъ Николаю Михайловичу, что надобно тебя предложить къ поѣздкѣ,

какъ о необходимомъ провожатомъ для него и семейства. Эта мысль ему понравилась, и онъ исполнитъ ее. Катерина Андреевна также не противорѣчитъ. Послѣ того я видѣлся съ чиновникомъ Морского министерства, объяснилъ ему дѣло; онъ думаетъ, что самъ Моллеръ можетъ разрѣшить твою поѣздку; обѣщалъ обо всемъ справиться и меня увѣдомить, а я письмо его покажу Николаю Михайловичу для убѣжденія. Во всякомъ случаѣ тебѣ нужно объявить себя въ газетахъ; но это можно будетъ сдѣлать здѣсь, ибо только нужно полторы недѣли на публикацію. Прости! Сегодня переѣдутъ въ Тавриду, ибо погода хотя и свѣжая, но солнце блеститъ и грѣетъ.

На оборотѣ: Его сіятельству князю Петру Андреевичу Вяземскому Въ Москвѣ, въ Чернышевомъ переулкѣ, въ собственномъ домѣ.

701.

Тургеневъ князю Вяземскому.

13-го мая. Утро. [Петербургъ].

Вчера получилъ письмо твое и читалъ его Карамзинымъ. Они съ нетерпѣніемъ тебя ожидаютъ; да и я также и совѣтую и прошу *спѣшить*, если это не разстроитъ снова твоего здоровья. Ты будешь жить у нихъ во дворцѣ, въ большой комнатѣ, съ частію дѣтей, окнами въ садъ. Пожалуйста, поспѣши! И для меня здѣсь ты нуженъ будешь. Я получилъ и отъ Жуковскаго изъ Кронштадта нѣсколько строкъ съ завѣщаніемъ; между прочимъ говоритъ и онъ: „Напиши отъ меня и отъ себя къ Вяземскому, чтобы спѣшилъ въ Петербургъ". Онъ вчера же, рано поутру, въ девять часовъ, пустился изъ Кронштадта въ открытое море. Калмыкъ его, у меня служащій, провожалъ его глазами. Вѣтеръ былъ попутный. Провожая его на пароходѣ, я смотрѣлъ на него и на спасительное море съ чувствомъ неизъяснимымъ, но понятнымъ; Не одного Жуковскаго ввѣрилъ я ему.

Статью 52-го номера давно читалъ, и сердце отлегло нѣсколько. Но каково находить въ этомъ утѣшеніе!

Сейчасъ возвратился отъ Карамзина и былъ у него въ спальней,

въ минуту его вставанія съ постели и одѣванія съ помощью твердой, но безпокойной Катерины Андреевны. Потомъ видѣлся съ Мюллеромъ. Что сказать тебѣ? Пріѣзжай! О средствахъ ѣхать съ ними подумаемъ здѣсь: тутъ поспѣшность не нужна. Въ настоящемъ положеніи онъ выѣхать не можетъ. Отъ Бога зависитъ будущее. Прости, мой милый! Надѣюсь скоро обнять тебя.

Кончина императрицы болѣе тронула, нежели поразила его. Онъ говорилъ о ней съ чувствомъ умиленія, но слабость спасла его отъ сильнаго потрясенія. Прости!

702.

Тургеневъ князю Вяземскому.

Суббота. [Конецъ мая. Петербургъ].

Въ запискахъ же Сергѣя черновыхъ о томъ, что прислать ему, стоитъ и твой портретъ. Желалъ бы показать тебѣ все это, но когда и какъ? Чтò изъ русскихъ книгъ взять съ собою? Запиши и пришли записку. Если Богъ устроитъ судьбу нашу, то мы долго не воротимся, а на чужбинѣ и дымъ отечества пріятенъ. Получилъ милое письмо отъ Свѣчиной. Молодая Бобринская умираетъ. Мать графа Бобринскаго ѣздила къ ней изъ Парижа въ Женеву.

Если будешь писать къ брату въ Дрезденъ, то пиши о себѣ, о Карамзиныхъ и дай ему подробное описаніе, какъ онѣ переносятъ свое несчастіе и какъ умиралъ незабвенный. Успокоивай его и насчетъ брата Николая, сказавъ, что не такъ дурно кончится, какъ предполагали; въ общихъ выраженіяхъ, что надобно еще лучшаго ожидать отъ будущаго, въ коемъ слабѣютъ предубѣжденія, и виновность уменьшается. Нужно, чтобы его душа была спокойнѣе. Опасаюсь дѣйствія печатныхъ бумагъ и окончанія суда.

703.

Тургеневъ княгинѣ В. Ѳ. Вяземской.

Le 14 juin. St.-Pétersbourg.

Je vous envoie une lettre de Wiazemsky. Il est parti avec les Karamsine hier à quatre heures après midi. Je les ai accompagné jusqu'à la porte de la ville. Mercredi ils pourront être à Reval. Je suis resté seul ici, et Pétersbourg pour moi est pire qu'un désert, car on ne voit personne sans un deuil et je vois ici tant de monde qui me rappelle mon malheur.

Je vous enverrai les étoffes par la première poste et par la première occasion sûre. Adieu! Que Dieu vous conserve ainsi seule. Votre A. T.

На оборотѣ: Ея сіятельству княгинѣ Вѣрѣ Ѳедоровнѣ Вяземской.

704.

Князь Вяземскій Тургеневу.

10-го іюля. [Москва].

Твои вчерашнія письма сильно огорчили насъ, любезный другъ. Не разгадываю ихъ тайны, но догадываюсь. Повторяю одно: въ жизни должно цѣнить и хорошее, и худое по сравненію. Въ самомъ горѣ найдешь ты побужденія къ утѣшенію, и многіе должны еще завидовать тебѣ. Не романизируй въ своей печали. Мы всѣ изгнанники и на родинѣ. Кто изъ насъ болѣе или менѣе не парія? А лучше же быть паріей подъ солнцемъ, чѣмъ подъ дождемъ и снѣгомъ.

Жаль мнѣ, что на такую разлуку не удается мнѣ проститься съ тобою, и не могъ я быть при тебѣ. Былъ сердцемъ и помышленіями, а иногда и досадою, что ты на прозаическую бѣду смотришь поэтическими глазами. Надобно имѣть для всего свое мѣрило, а не общее. Какъ нашъ академикъ—не академикъ и такъ далѣе, такъ и то, что сокрушаетъ тебя, было бы истиннымъ бѣдствіемъ не у насъ, а гдѣ-нибудь индѣ. Успокойся духомъ; ра-

доваться нечему, но цѣни, я сказалъ бы, свое неудовольствіе, но ты скажешь: свое несчастіе, по цѣнѣ его существенной, а не вымышленной, не придаточной. Такое несчастіе — ассигнація: оно имѣетъ ходъ дома, но за границами теряетъ всю свою цѣну и дѣлается бѣлою бумагою.

Пуще всего, застань брата Сергѣя здоровымъ; соединитесь вмѣстѣ, и жизнь можетъ вамъ принести еще нѣсколько вкусныхъ плодовъ. Плодовъ волшебныхъ ждать уже нечего: пора ихъ прошла. Драконы существенности поѣли всѣ гесперидскія яблоки нашей старины, и мы остаемся при одномъ яблокѣ, початомъ Евою, и котораго по сію пору не переварилъ еще желудокъ человѣческаго рода.

Встрѣтишься ли ты гдѣ-нибудь съ Жуковскимъ? Обойми его сердечно за меня. Какъ и куда писать ему? Я все поджидаю письма, которое онъ, вѣроятно, напишетъ къ Карамзинымъ. Надолго ли онъ поѣхалъ?

Соберемся ли опять когда-нибудь вмѣстѣ до общаго сборнаго мѣста? Но и тутъ радость встрѣчи помрачится печалью поминокъ. Ужъ, я думаю, лучше не встрѣчаться! Какъ мало единства, полноты во всѣхъ нашихъ жизняхъ по одиночкѣ и въ товариществѣ! Мы всѣ прожили и живемъ кое-какъ, клочками, урывками: нѣтъ общаго центра. Посмотришь, въ другихъ земляхъ въ другія времена всѣ были лучи одного свѣтлаго круга. Мы всѣ разбросаны, и какъ жиды держимся только одною внутреннею вѣрою, темными преданіями и какимъ-то чужестранствомъ, чужеязычіемъ въ толпѣ, которая насъ только что терпитъ; впрочемъ, вѣроятно, отъ того, что мы ее терпѣть не можемъ.

Прощай, мой странствующій жидъ и братъ по обрѣзанію! Желалъ бы гдѣ-нибудь и когда-нибудь встрѣтить тебя, хотя прежде и отказывался отъ встрѣчи, хотя и не на іорданскихъ берегахъ, а гдѣ поближе: на берегахъ Сены или Темзы. Обними братьевъ за меня, когда соединишься. Я не писалъ, потому что писать было нечего, да и не на чемъ. При случаѣ и въ добрый или нужный часъ не откажусь. Прощай, любезный другъ! Пускай цѣлебный воздухъ, спокойствіе и время залѣчатъ раны твоего сердца.

Люби и помни навсегда и всею душою тебѣ преданнаго Вяземскаго.

Приписка Е. Н. Карамзиной.

C'est du fond de mon coeur que je répète les voeux, que mon oncle forme ici, et quand tant de coeurs, pleins de vive et de sincère affection pour vous les adressent au ciel, cher monsieur Tourgueneff, espéront qu'ils seront exaucés, et qu'après toutes les épreuves que vous avez subies pendant votre séjour à Paris, vous goûterez encore de bien douces jouissances: une fois réuni à vos frères, éloignez le passé, ne fut ce que pour quelques instants, et donnez-vous tout entier au bonheur du *revoir* sur cette terre! C'en est un bien grand! Nous qui l'avons perdu, nous pouvons vous le dire.

Adieu, cher et bon monsieur Tourgueneff, en oubliant vos peines (si vous le pouvez) pensez toujours à celles qui les partagent sincèrement et qui sont impatientes de vous savoir plus tranquille, plus heureux. C. Karamsin.

705.

Тургеневъ князю Вяземскому.

26-го іюля. [Петербургъ].

Не могу найти Норова; и сундукъ, и пакетецъ твои еще у меня. Гдѣ онъ? О колраскахъ сегодня велю выправиться. Журналовъ оставить у тебя не могу. Въ нихъ документы для моего журнала, въ которомъ безпрестанныя на нихъ ссылки; ибо они заключаютъ все время моего пребыванія въ Парижѣ и Лондонѣ. Отошли ихъ къ Жихареву. Можетъ быть возьму ихъ и съ собою, ибо собрать ихъ и въ Парижѣ невозможно. А кто знаетъ, можетъ быть и я еще оживу для прошедшаго. Пожалуйста, не затеряй! Прочти и скорѣе пришли!

Прости! Что-то не можется и писать нѣтъ духа. Пусть Жихаревъ самъ пишетъ къ тебѣ о дѣлѣ твоемъ касательно выдачи денегъ на строеніе дома въ Москвѣ. Пиши къ Сережѣ и къ Николаю. Я къ послѣднему не писалъ ровно мѣсяцъ.

1827.

706.

Тургеневъ князю Вяземскому.

10-го марта 1827 г. Дрезденъ.

Письмо твое отъ 6-го января получилъ, но безъ приложеній; они пришлются послѣ. Я давно началъ къ тебѣ письмо, которое могло служить оправданіемъ на твой, впрочемъ справедливый, упрекъ въ безмолвіи нашемъ о Карамзинѣ. Я написалъ защиту его, противъ лейпцигскаго рецензента восьми частей нѣмецкаго перевода „Исторіи Государства Россійскаго“, въ которомъ переводчикъ сдѣлалъ анахронизмъ восьми столѣтій. Рецензентъ приписалъ оный автору. Я доказалъ по оригиналу, что совралъ переводчикъ, но что исторіографъ не только не могъ ошибиться такъ грубо, но и съ величайшею подробностью объяснилъ эпоху, въ незнаніи коей его обвиняютъ. Отвѣчалъ и на нѣкоторыя другія замѣчанія рецензента. Хотѣлъ послать все въ нѣмецкую „Литературную газету“, но, получивъ твое письмо, передумалъ, желая напечатать отвѣтъ мой прежде у тебя. Съ тѣхъ поръ—горе и хлопоты и безпокойство отъ неполученія ни строки отъ Жихарева, о коемъ не знаю даже пріѣхалъ ли въ Петербургъ, ибо только отъ Ѳедора Дмитріевича получилъ письмо о его выѣздѣ изъ Москвы.

Сережино положеніе лишаетъ меня духа заниматься серьозно чѣмъ либо инымъ, кромѣ моего несчастія. Безпокойство мое менѣе за Сережу, нежели за Николая, который, къ счастію, ни о чемъ не знаетъ. Недѣль черезъ пять отсюда выѣдемъ, вѣроятно вмѣстѣ

съ Жуковскимъ, на Лейпцигъ въ Парижъ; оттуда еще не знаю куда, но постараемся укрыться отъ жаровъ и не быть въ уединеніи, которое безъ Жуковскаго будетъ опасно. Его присутствіе для насъ благодѣтельно; безъ него одному мнѣ тяжело будетъ.

Поблагодари милую княгиню за письмо ея къ Пушкиной. Я всегда зналъ и чувствовалъ, что вы меня любите; но новое увѣреніе всегда какъ-то пріятно, а въ моемъ положеніи и утѣшительно. Напрасно пеняетъ за письма: развѣ то, что пишу и посылаю къ Жихареву не для васъ такъ же, какъ и для него? У меня давно и для княгини книжки, но посылаю только возможное. И теперь раздѣлилъ на два пакетца: въ одномъ это письмо и двѣ тетрадки, въ другомъ два тома Огинскаго, изъ коего много можно взять для журнала. Съ твоею оказіею пришлю для дѣтей того же автора, что послалъ къ Жихареву.

Князь Голицынъ получилъ вчера письмо отъ князя Василія Гагарина изъ Италіи. Мое письмо везетъ графъ Хвостовъ. Не знаю, все ли возьметъ и не смѣю и не могу теперь послать, ибо *вчернѣ* написано, съ попутчикомъ, хотя бы и кстати было, письма на рецензію нѣмецкую; пришлю послѣ, выкинувъ ученость, неумѣстную для русскаго журнала; для нѣмецкаго — иное дѣло! Но имени нигдѣ не должно быть.

Сію минуту прочелъ въ „Morning Chronicle", отъ 27-го февраля, статью, которую бы желалъ цѣликомъ перевести для тебя. Выписываю существенное; употреби въ дѣло, если не поздно будетъ. Наконецъ Вальтеръ Скоттъ объявилъ себя авторомъ своихъ сочиненій, единственнымъ — „total and undivided author" — въ статьѣ „Утренней Хроники": „Interesting theatrical dinner", подъ особымъ заглавіемъ: „Public avowal by sir Walter Scott of being author of the Waverley Novels". Извѣстіе сіе взято сокращеннымъ образомъ изъ „Эдинбургской Газеты", но и въ сокращеніи оно занимаетъ полторы колонны длинной англійской газеты. Все происходило за первымъ годичнымъ обѣдомъ эдинбургскаго театральнаго фонда, то-есть, вѣроятно, суммы, на которую содержится эдинбургскій театръ. Walter Scott предсѣдательствовалъ за обѣдомъ, то-есть, былъ Chairman, который обыкновенно для возглашенія тостовъ (здоровья) выбирается на весь обѣдъ. Это

называется быть на каѳедрѣ, to be in the chaire. The cloth being removed, то-есть, когда скатерть со стола снята, и дамы удаляются, а остается на столѣ одно вино и рюмки, и за *самою полною* чашею, такъ какъ предложилъ Walter Scott, восхвалялъ онъ драматическое искусство. По словамъ Walter Scott'а оно было первымъ наслажденіемъ его дѣтства, и любовь къ сему искусству росла вмѣстѣ съ нимъ, and even in the decline of life, nothing amused so much as when a common tale is well told. Walter Scott пробѣжалъ вкратцѣ въ рѣчи своей исторію драматическаго искусства у древнихъ и новѣйшихъ народовъ; осуждалъ вѣка, въ которые оно было презираемо и въ гоненіи, даже и отъ законодателей; но это, по его мнѣнію, было тогда же, когда и духовенству запрещено было жениться, а мірянамъ читать Библію. Упомянулъ о каждой блистательной для театра эпохѣ, въ особенности и о томъ, чѣмъ и кѣмъ каждая отличалась, и кончилъ тостомъ за „theatrical found". Гости (convives) отвѣчали троекратнымъ и трижды повореннымъ крикомъ: „With three times three!" Когда присутствовавшій за симъ же обѣдомъ лордъ Meadowbank, желая отплатить Вальтеръ Скотту за тостъ въ честь театральной компаніи, провозгласилъ здоровье „of the great unknown", какъ обыкновенно Скотта называютъ, онъ сказалъ въ рѣчи своей между прочимъ, что онъ предлагаетъ тостъ „for the great unknown, the mighty magician, the minstrel of our country (въ сію минуту восклицанія и англійское ура огласили всю залу) who had conjured up not the fantoms of departed ages, but realities", и кто „now stands revealed before the eyes and affections of his country". Вальтеръ Скоттъ отвѣчалъ ему и между прочимъ сказалъ:

„He was now before the bar of his country, and might he understood to be on trial before lord Meadowbank as an offender; yet he was sure, that every impartial jury would bring in a verdict of not proven. He did not now necessary to enter into the reasons of his long-silence. Perhaps he might have acted from caprice. He had now to say, howewer, that the merits of these works, if they had any, and their faults, were entirely imputable to himself (long and lound cheering). He was afraid to think on what he had done; „Look on't again, I dare not".

„He had thus far unbosomed himself, and he knew that it would be reported to the public. He meant, when he said, that he was the author, that he was the total and undivided author. With the exception of quotations, there was not a single word that was not derived from himself, or suggested in the course of his reading. The wand was now broken, and the rod buried“,—все это слова Вальтеръ Скотта. Теперь будутъ его называть и провозгласили: *The great known.* Вели себѣ изъяснить выраженія: trial (допросъ предъ судомъ), not proven и т. п., и цитату: *Look on't и* т. д. и переведи хорошенько. Жалѣю, что не успѣлъ болѣе выписать.

Узнавъ, что графъ Хвостовъ поѣдетъ отсюда на долгихъ или, по крайней мѣрѣ, долго пробудетъ въ дорогахъ, пошлю письмо по почтѣ, а книжки съ нимъ. Жаль, что не вмѣстѣ, ибо брошюра о Тальмѣ и афишка и билетъ, приглашающій тебя въ благотворительный здѣшній спектакль, было бы кстати къ обѣду театральной компаніи.

У меня было много проектовъ писемъ къ тебѣ; напримѣръ, о лекціи Гассе, съ посылкою цѣлой лекціи о слѣдствіяхъ христіанской религіи и о вступленіи изъ древней въ новую исторію. Перепишу и пришлю съ оказіей; но отвѣтъ на рецензію занялъ меня, а горе и безпокойство отвлекли и отъ него. На свѣтъ Божій, который у насъ опять расцвѣлъ, смотрѣть не хочется. Описалъ бы и пари здѣшнихъ модниковъ. Одинъ бился объ закладъ, что проѣдетъ часъ по улицамъ въ саняхъ (NB у насъ лѣто или весна) съ помпою зимнею, но пробилъ. Другой, нервый дрезденскій fashionable, баронъ Мальцанъ, бился за сто луидоровъ, что одинъ мѣсяцъ и одинъ день будетъ ходить *всюду* въ розовомъ платьѣ, въ розовыхъ сапогахъ и въ розовой шляпѣ или какого другого цвѣта по назначенію противной стороны. Завтра выѣзжаетъ въ свѣтъ въ семъ нарядѣ, но жена его, англичанка, не очень довольна симъ нарядомъ. Будетъ на всѣхъ вечеринкахъ и у себя всѣхъ принимать въ семъ нарядѣ, и даже шлафрокъ розовый. Всѣ наряды его на счетъ другой партіи, если онъ условленное время выноситъ, не надѣвая ни платка другого цвѣта.

Сережа хотѣлъ написать для тебя статью о Вальтеръ Скоттѣ; началъ, но не успѣлъ кончить и приложить къ книгамъ. Голова

его еще слаба. Не могу смотрѣть и думать о немъ безъ тяжелой грусти. Одинъ онъ меня безпокоитъ за будущее; въ другомъ отношеніи спокоенъ, какъ *праведникъ*. Вѣрьте мнѣ, я спокоенъ, и вы бы были на моемъ мѣстѣ. Но чѣмъ возвратятъ намъ здоровье?

Увѣдомьте поскорѣе о Жихаревѣ. Для дѣлъ это великую разницу намъ составляетъ; но объ этомъ я не думаю, лишь бы онъ былъ здоровъ. Не постигаю его молчанія. Дай ему знать о моемъ безпокойствѣ и скажи, что и отъ княгини Репниной ни слова, а деньги ея нужны тому, у кого она заняла ихъ и въ какое время: неаккуратность!

Книги вытребуй отъ Булгакова. Я все посылаю на твое имя, надписавъ твое имя на книгахъ, а на пакетѣ его адресъ. Напиши и къ Карамзинымъ. Почему не пишу къ нимъ? Грустно, но думаю о нихъ безпрестанно. Пусть прочтутъ мою любовь къ нимъ и къ незабвенному въ моемъ отвѣтѣ на рецензію. Въ какія минуты я думалъ о его исторической безгрѣшности: когда вся душа наполнена была страхомъ, и я трепеталъ не за себя, не получая долго ни откуда писемъ и по сію пору отъ Жихарева. Простите! Кланяйся И. И. Дмитріеву.

Братъ не посылаетъ своей статьи, ибо не успѣлъ кончить ее. Жуковскій здоровъ, но теперь занятъ. Батюшкову не лучше. Въ морозы наши было ему хуже. Пушкина будетъ отвѣчать сама. Попроси Карамзиныхъ, чтобы писали ко мнѣ. Обнимаю тебя, княгиню и дѣтей. Дайте знать обо мнѣ Жихареву и о моемъ мучительномъ безпокойствѣ, а чрезъ нихъ и Нефедьевой. Давно ни отъ кого ни слова; только парижскія пріятельницы не забываютъ меня. Дайте знать Жихареву, когда выѣзжаемъ изъ Дрездена: черезъ пять недѣль. Напишу ему о присылкѣ денегъ можетъ быть прямо въ Парижъ, если прежде ничего не получу отъ него. Графъ Хвостовъ не взялъ Огинскаго, а только брошюры.

Выпишу еще, что успѣю, изъ статьи о Вальтеръ Скоттѣ. Послѣ тоста перваго, въ честь короля и второго, герцогу Кларенскому, the chairman Walter Scott предложилъ тостъ оплакиваемому всѣми Іоркскому герцогу, „which he wished to be drank in solemn silence“; онъ удѣлялъ досугъ свой театру; въ память его выпито въ торжественномъ молчаніи. Потомъ уже Walter Scott

предложилъ: „That gentleman would fill a bumper as full as it would hold“, и тутъ говорилъ онъ о театрѣ во всѣ времена. Pendant къ сей рѣчи можно развѣ найти въ прологѣ Шиллера, напечатанномъ передъ „Валленштейномъ“, объ искусствѣ мимики и въ предисловіи Тальмы къ Лекеню. Лордъ Meadowbank, въ исчисленіи заслугъ Walter Scott'a, сказалъ: „It has been left for him by his writings to give his country an imperishable name. He had done more for his country by illuminating his annals, by illustrating the deeds of its warriors and statesmen, than any man that ever existed or was produced, within its territory. He has opened up the peculiar beauties of this country to the eyes of foreigners. He has exhibited the deeds of those patriots and statesmen, to whom we owe“ etc.

Не знаю, разберешь ли все, что я въ заключеніи письма выписалъ о Вальтеръ Скоттѣ въ пополненіе статьи; но все это русскіе могутъ, должны сказать о Карамзинѣ, и я сказалъ.

На оборотѣ: A monsieur, monsieur le prince Pierre Wiazemsky, à Moscou (Russie). Его сіятельству князю Петру Андреевичу Вяземскому. Въ Москвѣ, въ Чернышевомъ переулкѣ, въ собственномъ домѣ.

707.

Тургеневъ князю Вяземскому.

[Конецъ марта] 1827 г. Дрезденъ.

„Наконецъ и ты правъ, Вяземскій, и негодованіе твое справедливо. Вотъ уже скоро годъ, какъ не стало Карамзина, и никто не напомнилъ русскимъ, чѣмъ онъ былъ для нихъ. Журналисты наши, исчисливъ кратко, впрочемъ не безошибочно, труды его и лѣта жизни, возвѣстивъ Россіи, что наставника, дѣеписателя, мудреца ея не стало, исполнили долгъ современныхъ некрологовъ, но не умѣли или не хотѣли воспользоваться правомъ своимъ возбуждать народное вниманіе, народное чувство къ важнымъ событіямъ въ государствѣ. Конечно, въ числѣ особенностей нашей словесности можно поставить и судьбу ея преобразователя, единственнаго полнаго представителя не нашего, какъ ты полагаешь, но

европейскаго просвѣщенія въ Россіи, соединеннаго въ немъ съ познаніемъ всего отечественнаго, съ познаніемъ, коему можно уподобить только одну любовь его къ отечеству. И сей великій сынъ Россіи, любившій судьбу ея и въ первомъ мерцаніи нашей славы воинской при Игорѣ и Святославѣ, и въ годину искушенія при Ольговичахъ и татарахъ, и въ эпоху внутреннихъ преобразованій при Годуновѣ и Петрѣ, и въ лучезарный вѣкъ Екатерины и Александра, и, наконецъ, умиравшій съ любовію въ сердцѣ и съ вѣрою въ будущее постепенное возрожденіе имперіи, Карамзинъ не имѣетъ еще цѣнителя ни главнаго труда его, ни другихъ, безсмертныхъ его заслугъ, оказанныхъ Россіи и языку ея. По сію пору одинъ государь, представитель народной благодарности, указалъ Карамзину мѣсто его въ храмѣ славы и безсмертія. Между тѣмъ какъ во Франціи часть населенія Парижа подвиглась на погребеніе генерала-оратора; въ Англіи, въ журналахъ оппозиціи и министерскихъ, ежедневно извѣщаютъ публику (письмо сіе писано во время болѣзни Каннинга) объ успѣхахъ выздоровленія министра, у насъ кто толпился за гробомъ Карамзина по пустыннымъ улицамъ Петербурга? Кто по сію пору прервалъ гробовое о немъ молчаніе? Кто изъ насъ положилъ цвѣтокъ на уединенную могилу его? Мы, жившіе его жизнью, страдавшіе его страданіями, мы, одолженные ему лучшими благами души и сердца, что̀ мы сдѣлали? Опустили его въ могилу, бросили горсть земли на землю его и смолкли, какъ умершіе. Ты обвинялъ меня въ бездѣйствіи въ самое то время, когда я сбирался послать въ нѣмецкія ученыя вѣдомости написанное мною возраженіе на одну рецензію, въ „Лейпцигской ученой газетѣ“ напечатанную, въ которой Карамзина хвалили за его „Исторію“ и хулили за *чужія* ошибки. Жалѣю о Карамзинѣ и о друзьяхъ славы его, что не имъ, а мнѣ досталось защищать его. Уступилъ бы имъ охотно и *суму крохобора* и остался бы при единственномъ сокровищѣ, котораго у меня, какъ у Карамзина славы, никто не отниметъ: остался бы при моей любви къ его памяти, при моей къ нему благодарности, при воспоминаніи о послѣдней, тихой минутѣ его жизни...“

5-го мая. Лейпцигъ.

По сіи точки ты можешь напечатать письмо мое, которое написано давно, въ Дрезденѣ, въ минуты, въ которыя я въ силахъ былъ опомниться въ моемъ положеніи. Самую рецензію или отвѣтъ на рецензію я пришлю тебѣ съ Свуратовымъ, а если не успѣю, то изъ Парижа. Теперь не въ силахъ и не имѣю минуты свободной. И душа, и сердце страдаютъ при видѣ Сережи и при мысли о другомъ. Но пришлю непремѣнно, и тогда напечатай все съ письмомъ моимъ къ тебѣ. Часть моего возраженія переводится теперь на нѣмецкій и, вѣроятно, здѣсь напечатается. И письмо, и рецензія были пространны, но Жуковскій въ письмѣ вымаралъ всѣ выпалки на лужницкихъ выходцовъ и все Карамзина недостойное. Да святится память его и въ каждомъ движеніи нашего сердца, и въ каждой строкѣ о немъ! Чѣмъ инымъ можемъ доказать нашу любовь къ нему, какъ не жизнью, его достойною, какъ не чувствами, подобными тѣмъ, кои самъ питалъ онъ и къ друзьямъ, и къ недругамъ, ненавидя порокъ, но любя и прощая всѣхъ.

Жуковскій, прочитавъ эти строки, велѣлъ тебѣ сказать, что онъ написалъ бы къ тебѣ то же и проситъ принять это мнѣніе отъ насъ обоихъ. Это товарищество легко поможетъ забыть злобныя насмѣшки и критику, которыя отбросилъ я, по желанію товарища въ любви къ Карамзину и въ дружбѣ къ тебѣ, въ счастіи и въ несчастіи моей жизни, товарища въ нѣжныхъ попеченіяхъ о братѣ, который теперь сидитъ подлѣ меня, но безъ участія въ изліяніяхъ сердца, ибо всякое движеніе души ему опасно. Мы все почти должны скрывать отъ него, даже и то, что могло бы его живо обрадовать. Прости! Я не могу ни о чемъ иномъ ни думать, ни писать. Обними жену и дѣтей и кланяйся всѣмъ, кто насъ вспомнитъ.

Сказываютъ или, лучше сказать, писали въ Дрезденъ, что ты много пустого, незначущаго напечаталъ изъ писемъ моихъ и поставилъ: *Э. А.* Изъ Петербурга писали, что это значитъ „Эолова Арфа“. Печатай только то, что достойно печати, а не всякій вздоръ.

Если бы Уваровъ, вопреки моему совѣту, не употребилъ во зло нѣкогда эпиграфа къ его брошюрѣ о Моро: *Intaminatis*

fulget honoribus, то хорошо бы его поставить къ жизни Карамзина. О Моро именно нельзя и неловко сказать *intaminatis*, ибо онъ запятналъ себя своею кровію, французскимъ ядромъ пролитою, а Карамзинъ жилъ чистою, единственною въ Россіи жизнію и умеръ, какъ жилъ.

7-го мая. Лейпцигъ.

Выписываю для тебя совѣтъ, который мнѣ писали изъ Лейпцига, когда я сообщилъ твое требованіе отъ меня записокъ о Карамзинѣ. Можешь употребить его въ пользу, ибо я, въ заботахъ дорожныхъ и въ хлопотахъ о братьяхъ, не могу имъ теперь воспользоваться, хотя бы и хотѣлъ. Знаю книгу Босвеля о Джонсонѣ и точно думаю, что въ семъ родѣ и о Карамзинѣ *намъ* написать можно.

„Знаете ли вы книгу Босвеля (Bosswell) о Джонсонѣ? Это весьма извѣстная книга, и, конечно, самая лучшая изъ всѣхъ біографій. Босвель былъ нѣсколько лѣтъ пріятелемъ Джонсона; записывалъ все, что онъ говорилъ о различныхъ предметахъ, такъ что книга представляетъ теперь, кромѣ множества весьма умныхъ, замѣчательныхъ разсужденій, разговоровъ, кромѣ полнаго изображенія характера Джонсона, также и характеръ времени, въ которое они жили. Эту книгу желалъ бы я дать теперь въ руки всѣмъ пріятелямъ Карамзина. Едва ли кто-либо велъ постоянный журналъ разговоровъ Карамзина, но многое можетъ быть сохранено: одинъ вспомнитъ одно, другой другое. Память Блудова будетъ тутъ очень полезна. Я не вижу иного средства передать потомству что-либо о Карамзинѣ, достойное Карамзина. Біографіи порядочной никто у насъ написать не въ состояніи; да и что лучше такой Босвелевской, живой біографіи? Не знаю, почему Вяземскій называетъ Карамзина представителемъ нашего времени въ Россіи?..“ Пользуйся совѣтомъ, но не печатай его.

Вчера получено здѣсь извѣстіе о кончинѣ короля Саксонскаго. Здѣсь начинается ярмарка. Все въ движеніи, и я ни на одномъ лицѣ и ни на одномъ кафтанѣ не замѣтилъ траура. Все гуляетъ и толкуетъ о торговлѣ по прежнему. Читаютъ холодный манифестъ новаго короля Антона и отходятъ, не почтивъ ни вздо-

хомъ, ни словомъ память усопшаго, 58 лѣтъ управлявшаго мудро Саксоніей и въ бурное время Семилѣтней войны ее сохранившаго, и утраты 1814 года перенесшаго съ христіанскою твердостію. Старшій изъ королей, и примѣръ царственной мудрости! Не смотря на строгій католицизмъ свой, онъ духомъ и дѣломъ наблюдалъ терпимость, и его Schwannsgesang было постановленіе о правахъ взаимныхъ католическаго и протестантскаго исповѣданій, изданное въ прошедшемъ мѣсяцѣ, какъ бы въ предчувствіе близкой смерти и опасаясь, можетъ быть, что фанатизмъ брата его Антона и духовника его не позволитъ обезпечить протестантовъ государственнымъ актомъ въ правахъ ихъ, коихъ равенство съ правами католиковъ утверждено окончательно Вѣнскимъ конгрессомъ. Прежде протестанты имѣли гораздо болѣе правъ, и католическая придворная церковь, не смотря на исповѣданіе королемъ католической религіи, не имѣла колоколовъ до 1807 или 1808 года. Я читалъ актъ, въ прошедшемъ мѣсяцѣ изданный, и нашелъ въ немъ постановленіе, единственное въ своемъ родѣ въ европейскихъ законодательствахъ. Вѣроятно, и другія государства послѣдуютъ оному. Честь и королю, и вѣнецъ безсмертія въ томъ мірѣ, и честь министру его, графу Эйнзиделю и моему безногому пріятелю, редактору Титману. Мнѣ грустно видѣть равнодушіе здѣшнихъ нѣмцевъ къ смерти короля ихъ. Директоръ театра поскакалъ вчера въ Дрезденъ хлопотать о позволеніи продолжать спектакль, ибо съ каждымъ вечеромъ, по случаю ярмарки, ему отъ закрытія театра 800 талеровъ убытка. Горные или заводскіе музыканты и другіе ходячіе кудесники и разносчики народныхъ увеселеній пріуныли и безъ куска хлѣба. Музыка вездѣ и за столомъ въ трактирахъ, и у африканскихъ пришельцовъ: львовъ, тигровъ, обезьянъ и прочихъ смолкла. Одинъ *Fido-savant*, собака, продолжаетъ играть въ карты и читать по складамъ нѣмецкимъ и италъянскимъ, но народъ гуляетъ по валу, и купцы торгуютъ по прежнему.

Манифестъ мнѣ не понравился. Антонъ ни слова не сказалъ о 58-лѣтнемъ благодѣтельномъ царствованіи брата своего и ни слова о горести народной; не обѣщаетъ царствовать въ духѣ брата — по правиламъ мудрой терпимости и строгой экономіи государственной. Это бы утѣшило или успокоило народъ. Новый король го-

ворить, что впредь до усмотрѣнія остается все по прежнему въ присутственныхъ мѣстахъ и во всемъ управленіи, какъ бы намекая, что послѣ предприметъ перемѣны и нововведенія. А мудрость усопшаго въ томъ болѣе и состояла, что онъ хранилъ старые уставы, приступалъ къ перемѣнамъ осторожно и не спѣшилъ коверкать старое, а исправлялъ, совершенствовалъ. И въ самомъ законодательствѣ, чувствуя нужду въ исправленіи, въ пополненіи онаго, шелъ осторожно; понукалъ законодателей и поручалъ разсмотрѣніе новыхъ проектовъ людямъ испытаннаго благоразумія и просвѣщеннымъ. Два законника, Стюбель и Титманъ, съ коими я въ Дрезденѣ коротко познакомился, трудящіеся надъ проектами уголовныхъ законовъ, весьма несовершенныхъ и устарѣвшихъ въ Саксоніи, увѣряли меня, что нельзя быть благоразумнѣе, благонамѣреннѣе и болѣе готову на все доброе и полезное, какъ былъ король. Ave, sancta anima! Девизомъ его была невинность и надежда, и символомъ *надежды въ невинности* избралъ онъ два цвѣта для герба государственнаго: бѣлый въ зеленомъ, послѣ раздробленія 1815 года. Кстати о гербѣ. Единственный актъ, коимъ король Антонъ ознаменовалъ первый день правленія въ своемъ манифестѣ, есть объявленіе въономъ, что государственная печать остается та же, пока новая не сдѣлается.

Посылаю тебѣ *листикъ изъ здѣшней газеты*, вчера вышедшей. Каково приноровленіе черной розы на платьяхъ къ розамъ садовымъ! Если бы и дочь короля, отъ чего, Боже, сохрани, скончалась, то и тогда о розѣ думать не время. А король? Er ist schon längst entblättert... и годами, и Вѣнскимъ конгрессомъ! Говорятъ, что непосредственный по закону наслѣдникъ Антона, второй братъ короля умершаго, Максимиліанъ, откажется отъ престола въ пользу сына своего Фридриха. Мы познакомились съ обоими сыновьями его, Фридрихомъ и Іоанномъ, и обѣдали у послѣдняго въ Дрезденѣ. Оба намъ очень понравились умомъ и образованностью своею. Оба служатъ въ важныхъ государственныхъ мѣстахъ и дѣятельно, и занятія государственной службы не мѣшаютъ имъ заниматься литературой, сочинять стихи и искусствами. Супруга Іоанна—милая, умная женщина, сестра умнаго короля Баварскаго. Престолъ не безъ надежды, ибо скипетръ долженъ

перейти къ Фридриху, и братья очень дружны. Я зналъ профессора, который занимался съ ними юриспруденціею и прошелъ полный курсъ оной. Кстати о короляхъ. Мнѣ не удалось видѣть полковника Густавсона, живущаго здѣсь въ бѣдномъ загородномъ трактирѣ „Die golden Säge“ („Золотая Пила“) и ежедневно тамъ же и обѣдающимъ за шесть грошей въ день, въ бѣдномъ платьѣ и безъ слуги, но съ усами и съ физіогноміей Карла XII. Сѣверный король пріѣхалъ сюда на козлахъ дилижанса и отморозилъ себѣ пальцы. Жуковскій видѣлъ его читающаго „Лейпцигскую газету“. Желая войти съ нимъ въ разговоръ, онъ попросилъ у него газету. Отставной король подалъ ему ее, но Жуковскій спросилъ его, не нужна ли ему она? Онъ отвѣчалъ сухо: „Если бы она мнѣ нужна была, то я бы вамъ ее не далъ“, и этимъ прекратилъ разговоръ. У него остался капиталъ, составляющій все его достояніе, съ коего получаетъ онъ 700 или 800 талеровъ въ годъ, и въ томъ весь доходъ его. Онъ никого не видитъ, кромѣ живущихъ въ трактирѣ, за столомъ. Во время ярмарки рѣдко сходитъ въ общую комнату изъ своей, во второмъ этажѣ, и иногда встрѣчаютъ его на валу городскомъ. Странно, что тамъ, гдѣ рѣшилась судьба Густава-Адольфа и Германіи, тамъ пришлось влачить жизнь другому Шведскому королю, и какъ! Не знаю, бываетъ ли онъ близъ Люцена?

Сегодня Сережа спалъ ночь хорошо. Сердце отлегло, и я расписался, но прошу не печатать меня, а если хочешь, то составляй свои статьи о томъ, что пишу.

Я посылаю отсюда чрезъ Скуратова первое замѣчаніе на объявленіе о переводѣ Карамзинской „Исторіи“. Другихъ не успѣю послать. Напечатай, если желаешь, съ черноваго моего brouillon. Поправьте въ слогѣ, что хотите. Посылаю и нѣмецкую газету, на которую пишу. Другія примѣчанія будутъ на замѣчанія рецензента о Винетѣ. Сущность въ томъ, что Карамзинъ не могъ знать сомнѣній нѣмецкихъ критиковъ объ историческомъ бытіи Винеты, ибо сіи сомнѣнія начались съ Руморомъ, въ 1816 году изданномъ, когда и Карамзинъ писалъ и печаталъ свою „Исторію“. Прежде никто не сомнѣвался въ существованіи Винеты, и Іоаннъ Миллеръ блистательно описалъ ея паденіе и поглощеніе развалинъ ея

волнами морскими. Постарайся, чтобы не знали автора сихъ замѣчаній, ибо мнѣ не до авторской славы, и если бы я печаталъ съ именемъ, то писалъ бы иначе. Посылаю тебѣ еще нѣсколько номеровъ „Blätter für litterarische Unterhaltung“. Отсюда можешь брать многое для журнала, а меня щади. Я хотѣлъ послать къ тебѣ два тома Мартенса (молодого), печатающихся у Брокгаузена, актовъ дипломатическихъ: „Causes célèbres du droit des gens“, rédigées par le baron Charles de Martens, 2 vol., gr. 8^0, Leipzig, но еще не отпечатано. Я видѣлъ въ листахъ, въ типографіи Брокгаузена, и нашелъ то, что ожидалъ, то-есть, рѣдкое и любопытное собраніе актовъ дипломатическихъ дяди его, бывшаго нашего профессора Мартенса въ Гёттингенѣ и раштадтскаго негоціатора. Постарайся достать эту книгу, ибо, вѣроятно, запрещена не будетъ, и выбери изъ нея все, что относится до Россіи, напримѣръ, акты о Матвѣевѣ въ Лондонѣ и прочее. Ты первый можешь познакомить и нашу публику, и нашихъ молодыхъ дипломатовъ, а можетъ быть и старыхъ, съ сею полезною компиляціею. Племянникъ Мартенсъ щетится оборышами послѣ дяди, но собраніе его любопытно по многимъ отношеніямъ.

Переписка Гёте съ Шиллеромъ, объявленная въ лейпцигскомъ каталогѣ, еще не вышла, а переписка германскаго Платона-Якоби, въ двухъ частяхъ, съ первыми литераторами и философами Германіи, слишкомъ толста для посылки. Не худо изъ нея выбирать письма для журнала: есть прелестныя. Вся жизнь, нравственная и умственная, нѣмцевъ отражается въ сихъ двухъ томахъ. Въ Парижѣ вышли „Les veillées russes“, новый сборъ и переводы отрывками изъ васъ всѣхъ.

Съ вами ли Карамзины или еще въ дорогѣ или въ деревнѣ? Мысленно и всею душою обнимаю ихъ. Скажите имъ все, что о насъ знаете. Прошу ихъ писать ко мнѣ въ Парижъ или въ Эмсъ. Жуковскій везетъ имъ цвѣтовъ Арнольда, а въ Парижѣ отыщетъ и краски. Не проходитъ дня, въ который я бы о нихъ не думалъ. Вчера они приснились мнѣ, и мнѣ не хотѣлось разстаться съ мечтою, но ни они, ни сонъ, не возвратились, и я удовольствовался снова однимъ воспоминаніемъ страшнаго прошедшаго года. Страшусь подумать объ эпохѣ свиданія! Гдѣ, какъ найду

ихъ, когда? Андрюшу и всю малую братію цѣлую нѣжно и братски. Милую твою княгиню благодарю за воспоминаніе, а княженъ вашихъ и богатыря Павла прошу не забывать ихъ стараго друга. Жалѣю о Веневитиновѣ. Изъ тетрадей и книжекъ твоихъ еще ничего не получалъ. Можетъ быть, въ Парижъ легче будетъ прислать изъ Петербурга. Знайте, что въ концѣ іюня, новаго стиля, мы уже въ Эмсѣ. Здѣсь удалось услышать, хоть по-гречески, „Христосъ воскресе". Сегодня пріѣзжаютъ сюда русскіе изъ Дрездена: графъ Головкинъ, княгиня Голицына (Суворова), которая все проситъ тебѣ о чемъ-то напомнить. Офросимовы были и, нагруженныя товарами, возвратились родить въ Дрезденъ, а оттуда въ Карлсбадъ.

И дымъ отечества пріятенъ!

Пушкина пишетъ намъ, что Батюшкову гораздо лучше, и онъ спокойнѣе. Кланяйся И. И. Дмитріеву и скажи, что я вспомнилъ его въ жилищѣ Геллерта и гуляя по цвѣтущимъ садамъ Лейпцига и его окрестностей. Мы живемъ въ саду Рейхеля, окруженные болѣе нежели шестью тысячами вишневыхъ деревьевъ, яблонями, грушами, и все въ цвѣту и благоухаетъ! Не будучи эгоистомъ, для меня плодовитыя деревья нравятся и... надеждою.

Un parterre me plaît lorsque mon oeil surpris
Y peut entre les fleures découvrir quelques fruits.

При случаѣ пошлите это письмо Козлову одному. Не успѣю отвѣчать ему.

8-го мая.

Можетъ быть, удастся послать тебѣ и манифестъ новаго и біографическую статью о старомъ королѣ, но короли на умъ не идутъ: братъ опять провелъ худо ночь. Я послалъ вчера въ Дрезденъ къ Скуратову книги и начало замѣчаній о Карамзинѣ. Не успѣлъ ни выправить, ни сократить. Не знаю, разберете ли. Остальныя пришлю изъ Парижа, если болѣзнь брата позволитъ.

Милый Жихаревъ, отошли книги отмѣченныя къ Длд.; остальныя сохрани для меня и отдай нужныя Вяземскому; книжки

Линднера сохрани: это истинный мудрецъ въ христіанствѣ, глубокаго ума и глубокихъ свѣдѣній съ простотою евангельскою; не скрываетъ свѣта, по дѣйствуетъ, имъ озаряемый, какъ педагогъ и профессоръ; за то здѣшніе книжники и фарисеи лишили его каѳедры въ гимназіи и привязались къ тому, что онъ проповѣдывалъ любящимъ его дѣтямъ слово Христа: „Оставьте отца и мать и по мнѣ идите". Это не поправилось. Вы видите, что и въ просвѣщенной Саксоніи не безъ грѣха! Я былъ нѣкогда, по должности, въ сношеніи съ Линднеромъ, но и не подозрѣвалъ въ немъ того мудреца-христіанина, котораго нашелъ и бесѣдою коего насладился въ уютномъ садикѣ, гдѣ онъ окруженъ цвѣтами и ульями. Улыбка его значительная, и вся физіономія выражаетъ добродушіе съ глубокомысліемъ и тонкою проницательностью. Ясность въ идеяхъ и въ выраженіи оныхъ необыкновенная; оттого и дѣти его любятъ и понимаютъ, и профессора, философы, разумѣется безпристрастные, находятъ его глубокомысленнымъ. Это человѣкъ по моему сердцу: скроменъ, но говоритъ охотно и свободно.

Сію минуту получилъ письмо отъ Пушкиной. Крейсигъ, нашъ докторъ, ухаживая за королемъ и осиротѣвшею королевою, и самъ занемогъ опасно и не можетъ отвѣчать мнѣ на здѣшнюю консультацію. Что будетъ—не знаю.

708.

Князь Вяземскій Тургеневу.

10-го мая. [Москва].

Посылаю вамъ, милые мои парижане, русскаго и турецкаго гостинца: „Ces deux mots ne hurlent pas de se trouver ensemble"; хотѣлъ послать и китайскаго кстати, но боялся обременить мою коммиссіонерку. На дняхъ послалъ я вамъ черезъ наше министерство и „Цыгановъ" при письмѣ. Получили ли вы? Получаете ли исправно журналы? Я вчера получилъ отъ васъ листокъ „Conversations-Lexicon" и воспользуюсь имъ съ благодарностью. Не грѣшно ли тебѣ, Арфа, лѣнивая Марѳа, не прислать мнѣ отвѣта нѣмецкому журналисту? Долго ли переписать, а для меня кладъ.

Булгаринъ издалъ свои творенія съ посвященіемъ *читающей русской публикѣ въ знакъ уваженія и признательности.* Какая глупость и наглость! Для кого же пишетъ авторъ, какъ не для читающей публики? Къ чему же эта особенность для Булгарина? Что за книга Ancelot? Пускай поволотитъ его Жуковскій. Простите, некогда болѣе писать. Обнимаю васъ всѣхъ, моихъ милыхъ. Мое сердечное почтеніе Свѣчиной. Посылаю два фунта.

На оборотѣ: Жуковскому или Александру Тургеневу, въ мѣстечкѣ Парижѣ.

709.

Князь Вяземскій Тургеневу.

6-го іюня 1827 г. Остафьево.

Давно ли ты въ перепискѣ съ Булгаринымъ? А то кто, кромѣ его, могъ написать тебѣ, что я *много пустого, незначущаго напечаталъ изъ твоихъ писемъ.* Правда, что я подъ извлеченіями подписываю *Э. А.*, какъ и я самъ подъ нѣкоторыми своими статьями подписываю *Ас.* Но кто же не узналъ бы тебя и безъ подписи изъ знающихъ тебя и русскую грамоту? А прочій генералитетъ и съ этими буквами не разгадаетъ. Извлеченія изъ твоихъ писемъ всѣми пріемлются съ отмѣннымъ одобреніемъ. Привожу тебѣ свидѣтельство „Московскаго Вѣстника“, который назвалъ ихъ *истинно европейскими*, Дмитріева, Александра Пушкина. Вотъ что Плетневъ писалъ мнѣ на дняхъ о томъ: „Повѣрите ли, что, взявши новый номеръ „Телеграфа“, я стараюсь остаться долѣе одинъ и, перебирая листы, чувствую, будто я по старому провожу вечеръ то у Жуковскаго, то у Козлова, гдѣ всегда встрѣчалъ дрезденскую Эолову Арфу. Какъ занимательны его къ вамъ письма! Вотъ, кто бы у насъ могъ быть истинно европейскимъ литераторомъ!“ Да за что же и меня считаешь ты уже такимъ пошлымъ дуракомъ или безсовѣстнымъ Воейковымъ? Пойду ли я кормить журналъ твоею *пудретою*? Ужъ не криво ли ты перетолковалъ слова Жихарева, который просилъ тебя ему особенно писать по дѣламъ вашимъ, а мнѣ особенно по дѣламъ

европейскимъ, а не все перемѣшивая одно съ другимъ, такъ что мы хоть драться за твои письма, какъ за черезполосное владѣніе. Сдѣлай милость, вѣрь мнѣ и не слушайся петербургскихъ сплетней. Говорю искренно, а не изъ журнальныхъ барышей: письма твои были бы замѣчательны вездѣ, а не только у насъ, гдѣ понятія, литература съ компаніей, все еще азбучно. Нѣтъ мнѣ счастія съ твоими присылками. Только письмо твое по губамъ помажетъ, да и полно. Нѣтъ ни католика, ни Огинскаго, ни многаго кое-чего и кое-кого. Одна надежда была на Василья Перовскаго, да и тотъ что-то притаился. Да и вы не получаете моихъ посылокъ „Телеграфа“ и „Московскаго Вѣстника“, а я уже всего послалъ вамъ около двадцати книжекъ. А прежде еще прошлогодняго „Телеграфа“ послалъ много статей, своихъ особенно. Ужъ такъ и быть, пропадало бы мое, къ вамъ отправляемое, но больно мнѣ за ваше. На дняхъ получилъ я изъ Парижа отъ Гагариной книгу Ancelot. Пишу ей благодарное письмо, но и ты за меня поблагодари ее. Я написалъ кое-какія замѣчанія на книгу и доставлю ихъ, когда отпечатаются. Книга просто глупая, а не злая. Напротивъ, есть какое-то добродушіе, но вовсе нѣтъ головы.

Мы въ Остафьевѣ поджидаемъ Карамзиныхъ, которые должны были выѣхать изъ Ревеля 25-го; въ Петербургѣ станутъ искать домъ на зиму. Сердце замираетъ за первыя впечатлѣнія его при видѣ Остафьева. Каподистрія въ Петербургѣ. Я читалъ его прекрасное письмо къ Александру Булгакову: онъ, кажется, душевно доволенъ своимъ пріѣздомъ и привѣтствіемъ. Что дѣлаетъ Жуковскій въ Парижѣ? Вотъ русскаго судьба! Были въ Парижѣ Авдотья Сильвестровна Небольсина, Василій Петровичъ Титовъ, Василій Андреевичъ Жуковскій, а меня не было, да и вѣрно не будетъ; а не то не было бы у насъ морозовъ лѣтомъ, оттепелей зимою, пословицы: „Не суйся, середа, прежде четверга“, Петра Великаго и Михайла Трофимовича Каченовскаго, роговой музыки и фишетки Бартеневой и того, и другого, и третьяго, и десятаго. Будь я въ Парижѣ, и не бывай въ немъ Небольсина и Жуковскій, и вся Россія сдѣлалась бы *андеръ-фигуръ нова комедія*. Я, не видавшій Парижа и умершій, какъ Моисей, не зрѣвшій обѣтованной земли, — одна изъ необходимостей стараго завѣта нашего. А продолженія

впредь мнѣ не дождаться и Парижа не видать, вотъ те Христосъ: я въ этомъ увѣренъ. Жуковскій, посмотри на него за меня хорошенько вдоль и поперекъ, спереди и сзади. — — — Сохрани свято и ненарушимо натуральный запахъ парижскій и окури меня имъ, мой благодѣтель! — — — Тургеневъ, сдѣлай милость, если это письмо застанетъ тебя еще въ Парижѣ, прочти се morceau écrit de veuve графинѣ Бобринской и Гагариной и переведи, чего онѣ не поймутъ, по-русски: это потѣшитъ ихъ.

Простите, мои милые! Пишите ко мнѣ, ради самого Создателя: и годному, и негодному для печати буду доволенъ. Мой дружескій поклонъ брату. Каковъ онъ? Ломоносика не холмогорской породы выдери за меня за виски: онъ ничего ко мнѣ не присылаетъ. Свѣчиной мое сердечное почтеніе. Не забудьте мнѣ сыскать корреспондента парижскаго для „Телеграфа", разумѣется, за деньги: Геро, или кого другого. Я писалъ тебѣ въ двухъ письмахъ объ этомъ и довольно подробно. Надѣюсь, что ты получилъ ихъ, также табакъ и чай, посланные на имя Ломоносика черезъ m-me Latreille. Александръ Пушкинъ поѣхалъ въ Петербургъ. Кажется, самъ еще не знаетъ, что изъ себя сдѣлаетъ. Я и рецензіи твоей или отвѣта на рецензію не получалъ. Написанное тобою мнѣ о Карамзинѣ и біографія Козлова будетъ напечатано на дняхъ. Простите, друзья, дальніе и близкіе!

Приписка С. П. Жихарева.

7-го іюня.

Я писалъ къ вамъ, мои милые: писалъ о неудачной посылкѣ денегъ, объ ихъ возвращеніи, о приказаніи моемъ отдать ихъ безъ умничанья Стиглицу и отправить такимъ же образомъ, какъ и первыя. Не сердитесь на меня за жесткость письма моего: оно писано въ минуту самую для меня непріятную, въ пылу справедливаго гнѣва и негодованія. Къ счастію моему, что все поправить можно безъ дальнихъ убытковъ или, лучше, съ выигрышемъ, ибо курсъ далеко лучше, нежели былъ.

Жена живетъ въ деревнѣ; очень слаба, похудѣла, нервы совсѣмъ разстроены. Надѣюсь на свѣжій воздухъ, купанье и тихую, беззаботную отъ домашнихъ попеченій жизнь. Я ѣзжу къ ней два и три раза въ недѣлю; субботу и воскресенье цѣлые дни провожу вмѣстѣ. Дѣти, благодареніе Богу, здоровы, но у Вареньки шея изуродована золотухою.

Говорятъ, что по времени останутся только малые знаки, но это еще не рѣшено; доктора утѣшаютъ иногда безъ основанія: имъ надобны деньги. Домомъ своимъ мы очень довольны, ибо это чистый капиталъ; будемъ жить въ немъ до времени: дадутъ хорошій барышъ, отдадимъ, пожалуй. Только грустно будетъ разстаться съ надеждою жить въ немъ всѣмъ вмѣстѣ, а комнаты для васъ прекрасныя; въ нихъ теперь живетъ Іона сторожемъ вашего добра. Не знаю, когда Богъ принесетъ васъ сюда: мнѣ хотѣлось бы расположить всѣ ваши вещи для васъ споручнѣе. Я не раскрывалъ вашихъ ящиковъ: вы сдѣлаете это сами. Съ какимъ-то отраднымъ чувствомъ думаемъ о вашемъ возвращеніи, добрые, милые. Жить вамъ надобно въ Москвѣ, въ одной только Москвѣ, особенно Сергѣю. Надѣемся, что покамѣстъ онъ не сыщетъ себѣ подруги, не оставитъ нашего крова, который будетъ собственнымъ его. Уживется ли Алексашъ на одномъ мѣстѣ, это еще Богъ знаетъ. У него есть и еще обязанности: онъ здоровъ и долженъ жить для двухъ. Но Сергѣя намъ, намъ непремѣнно, до тѣхъ поръ, покамѣстъ окрѣпнутъ душа и тѣло, и покамѣстъ не повѣетъ на него прежнимъ счастьемъ. Пусть пройдутъ годы испытаній въ нашей семьѣ; когда же Фортуна обернется къ нему лицомъ, мы сами толкнемъ его въ ея объятія. Простите, милые!

Александра Ильинишна довольно здорова и думаетъ сдѣлать пелеринажъ въ Ростовъ. Богъ съ ней! Ей нужно необходимо разсѣяніе.

На оборотѣ: A son excellence monsieur Alexandre de Tourgueneff, à Ems. Poste restante. Его превосходительству Александру Ивановичу Тургеневу, въ Эмсѣ.

710.

Тургеневъ князю Вяземскому.

20-го августа 1827 г. Дрезденъ.

Пробѣжалъ сегодня акаѳистъ Иванчина-Писарева нашему исторіографу: и за намѣреніе отдать справедливость спасибо. Но долго ли намъ умничать и въ словахъ, и полумыслями? Жаль, что не могу сообщить нѣсколько строкъ сравненія Карамзина съ исторіей Вальтеръ Скотта и изъясненіе преимуществъ предъ послѣднимъ. Они перевѣсили бы многословіе оратора. Но спасибо издателю за золотыя строки Карамзина о дружбѣ, а Ивану Ивановичу—за выдачу письма его. Я какъ будто слышу его, вижу его говорящаго: „Чтобы чувствовать всю сладость жизни“ и прочее.

Одно чувство и нами исключительно владѣетъ: нетерпѣніе смерти. Кажется, только у могилы Сережиной можетъ умѣриться это нетерпѣніе, этотъ безпрестанный порывъ къ нему. Ожидать, и ожидать одному, въ разлукѣ съ другимъ, тяжело и почти нестерпимо. Ищу разсѣянія, на минуту пахожу его, но тщета всего безпрерывно отъ всего отводитъ, ко всему дѣлаетъ равнодушнымъ. Одно желаніе смерти, то-есть, свидапіе, все поглощаетъ. Вижу то же и въ письмахъ другого, но еще сильнѣе, безотраднѣе. Приглашеніе Екатерины Андреевны возвратиться огорчило, почти оскорбило меня. Или вы меня не знаете, или вы ничего не знаете? И отдаленный васъ о томъ же проситъ. Теперь у него только часы его. Онъ смотритъ на нихъ и ждетъ. Недавно писалъ, что больно будетъ разстаться съ ними умирая. Вотъ слова его изъ письма его въ Парижѣ къ графини Разумовской: „C'est ma douleur, c'est mon découragement qui vous ont fait prendre la résolution de venir. Eh bien! avez-vous vu quelquefois dans les petites maisons de ces gens, qui, ayant l'esprit dérangé, sont accablés de mélancolie, restent toujours seuls, ne veulent voir personne, ne veulent parler à personne. Les médecins pour les guérir, font-ils venir leurs parents, leurs amis? Non, on les laisse comme ils sont, seuls avec leur maladies.“ Это не удержало, а рѣшило ее ѣхать къ нему.

711.

Князь Вяземскій Тургеневу.

12-го ноября 1827 г. Остафьево.

Видно, любезный другъ, съ письмами моими къ тебѣ та же участь, что съ твоими посылками ко мнѣ: посылаются, да не доходятъ. Я читалъ у Жихарева два письма твои изъ Парижа и вижу, что ты удивляешься моему молчанію. Надѣюсь, ты по немъ не разгадываешь дружбы моей къ тебѣ. Горесть твоя, отражающаяся въ твоихъ письмахъ, сокрушаетъ друзей твоихъ. Тяжелѣе всего, что нечѣмъ утѣшить и нечего присовѣтовать. По крайней мѣрѣ, признаюсь за себя: рѣшительно не знаю, какой дать бы тебѣ совѣтъ. Слѣдуй внушеніямъ сердца, но, между тѣмъ, не от-

вергай и благоразумія, а какъ поступать, куда ѣхать—того со стороны подсказать тебѣ нельзя. Время свое возьметъ, а пока ничего не придумаешь.

Я все еще въ Москвѣ по скучнымъ дѣламъ съ Гражданскою палатою или, какъ назвалъ я, съ гражданскимъ вертепомъ. Между тѣмъ другое дѣло: съ Сутерланда хотѣлъ полицмейстеръ Рылѣевъ содрать кожу и набить чучелу; съ меня казна, по какой-то претензіи Сутерланда на отцѣ моемъ, послѣ сорока лѣтъ спохватилась и также хочетъ содрать кожу, или и того дороже — 8000 рублей. Гдѣ тонко, тутъ и рвется. Здѣсь же, въ Остафьевѣ, узналъ я изъ письма жены изъ пензенской деревни, что Павлуша въ кори; ему лучше, но теперь, вѣроятно, и другія дѣти занемогли тѣмъ же. И страшно за нихъ, и больно за бѣдную жену, которая одна измучится за себя, дѣтей и меня. Грустно и тошно!

Карамзины обживаются въ Петербургѣ. Впрочемъ, они вѣрно къ тебѣ пишутъ, и мнѣ нечего тебѣ говорить о нихъ. Ты спрашиваешь о „Телеграфѣ“: я еще недавно послалъ его книжекъ двѣнадцать на имя Héreau съ молодымъ Lebour; узнай о немъ у Ломоносика. Пока ты въ Парижѣ, если ты рѣшительно не хочешь переломить себя и заняться журналиствомъ, то заставляй Толстого писать, подъ руководствомъ своимъ или надзоромъ, письма для „Телеграфа“. Редакція „Телеграфа“ охотно дастъ ему то, что просилъ Héreau, то-есть, франковъ по сто за полновѣсное письмо. Только надоумь его, какъ составлять эти письма, чѣмъ наполнять ихъ; а ты отъ себя придавай имъ европейскій колоритъ, который наведетъ твой умъ и твой слогъ. Я хотѣлъ бы, кромѣ журнала, издавать „Современникъ“ по третямъ года, соединяющій качества „Quarterly Review“ и „Annuaire historique“. Я пустилъ это предложеніе въ Петербургъ къ Жуковскому, Пушкину, Дашкову. Не знаю, чтò будетъ; дальнѣйшіе толки объ этомъ отложены до пріѣзда моего въ Петербургъ въ январѣ. Но врядъ пойдетъ дѣло на ладъ: у насъ, въ цехѣ авторскомъ, или дѣятельные дураки, или бездѣйственные умники. Жуковскій рѣшительно отказывается отъ пера. Не понимаю, отчего обязанности его настоящаго званія кажутся ему несовмѣстными съ литературными занятіями въ кругѣ возвышенномъ и на европейскую стать. Я на дняхъ написалъ ему

длинное письмо объ этомъ и, по обыкновенію своему, немного поругался. Уговариваю его, если онъ почитаетъ, что при мѣстѣ его, какъ въ папской капеллѣ, нужно непремѣнно быть авторскимъ кастрато, чтобы, по крайней мѣрѣ, сталъ онъ главою какого-нибудь обширнаго литературнаго предпріятія; напримѣръ, завести фабрику переводовъ всѣхъ лучшихъ иностранныхъ твореній, новыхъ и старыхъ, и издать ихъ à l'usage du Залускій. Правда ли, что мысль хороша и совершенно по исполненію подлежитъ вѣдомству его? Какъ такое предпріятіе обогатило бы вдругъ нашъ книжный неурожай! Сколько рукъ занялось бы съ пользою! И никто, кромѣ Жуковскаго, не можетъ осуществить ce rêve d'un homme de bien. Но я увѣренъ, что онъ изъ предложенія моего ничего не сдѣлаетъ. А правительство наше нынѣ подалось бы на такое предложеніе. Тутъ есть что-то Петровское.

Здѣсь Шимановска, и альбомъ ея, исписанный руками Benjamin Constant, Humboldt, Томаса Мура, Гёте,—пуще прежняго растравилъ тоску мою по чужбинѣ. Я—европейское растеніе: мнѣ въ Азіи смертельно. Въ Азіи и лучше меня живутъ—не спорю, да я жить не могу: черви меня заѣдаютъ.

18-го. Москва.

Возвратившись въ Москву, нашелъ я отъ жены успокоительное письмо о дѣтяхъ. Скажи Толстому, что я только на дняхъ получилъ письмо его отъ 31-го августа и, въ родѣ предварительнаго, письмо отъ Геро, совсѣмъ не геройское. Мало уповаю на слѣдующее и пуще прежняго желаю, чтобы Толстой, подъ твоимъ руководствомъ, а не Геро, былъ корреспондентомъ „Телеграфа". Геро отказать рѣшительно не нужно: пускай и напишетъ онъ одно письмо, за которое заплатятъ ему; но онъ, по видимому, лѣнивъ и неаккуратенъ, слѣдовательно самъ собою отстанетъ и избавитъ насъ отъ непріятности сказать человѣку: „Поди вонъ!" Сдѣлай одолженіе, негосьируй это дѣло съ Толстымъ и уговори его получать деньги за труды, тѣмъ болѣе, что тутъ предстоятъ ему и расходы на покупку книгъ, подписку на журналы и прочее. Болѣе всего нужны намъ факты, выписки изъ новыхъ книгъ; болѣе матеріальности, чѣмъ разсужденій. Толстой, кажется, изъ патріо-

тизма вдается въ какой-то антигаллицизмъ, неумѣстный и не въ пору. Все это хорошо было прежде, а теперь отцвѣло. Къ тому же, ругая французовъ, невольно задѣваешь и дѣло образованности; тѣмъ болѣе у насъ, гдѣ не даютъ обнажить всю мысль наголо. Для избѣжанія кривыхъ толковъ, лучше не вдаваться въ эту народную и политическую полемику. Впрочемъ, слогъ Толстого исправенъ; попроси у него разрѣшенія на нѣкоторыя перемѣны въ письмахъ его, смотря по обстоятельствамъ.

Я хлопочу о журналѣ, а между тѣмъ, вѣроятно, мое журналистическое и авторское поприще кончится съ нынѣшнимъ годомъ. Здѣсь данъ намъ въ цензоры Аксаковъ, который воевалъ противъ меня подъ знаменами Каченовскаго, а нынѣ грѣется подъ театральными юбками Кокошкина, Загоскина и всей кулисной сволочи, явно возстающей противъ меня и „Телеграфа". Если не заставятъ Аксакова образумиться, то положу перо: дѣлать нечего. Lebour, съ которымъ я послалъ „Телеграфъ" на имя Héreau, живетъ Hôtel Richelieu.

Пишу Жуковскому, чтобы онъ послалъ тебѣ стихотворенія Боратынскаго и третью часть „Онѣгина". Скажи Толстому, что „Борисъ Годуновъ" еще не напечатанъ, а что рукописи онъ изъ рукъ не выпускаетъ. Отрывки изъ стараго письма Толстого о Villemain и о запискахъ современницы напечатаны въ „Телеграфѣ."

Мнѣ сказывали, что князь Григорій Гагаринъ желаетъ имѣть при дѣтяхъ своихъ русскаго наставника, и что это мѣсто предлагали Раичу. Сдѣлай одолженіе, напиши отъ себя и отъ меня князю въ Римъ, что онъ лучше человѣка этого не найдетъ: знаю его съ весьма хорошей стороны и по нравственнымъ, и по литературнымъ отношеніямъ. Онъ нѣсколько лѣтъ жилъ въ этой должности у Рахмановой-Волковой, и они были отлично имъ довольны. Для Гагарина и тѣмъ онъ хорошъ, что знаетъ италъянскій языкъ и преимущественно занимается латинскою и итальянскою литературами. Онъ извѣстенъ переводомъ „Георгикъ" и нынѣ печатающимся „Освобожденнымъ Іерусалимомъ". Теперь занимаетъ онъ мѣсто при Пансіонѣ университетскомъ; но любовь къ Италіи все превозмогаетъ, и онъ охотно желалъ бы приняться къ князю.

Возьмись за это дѣло: оно будетъ добромъ и для Гагариаа, и для Раича.

Прости, мой милый другъ! Обнимаю тебя отъ всей души. Скажи мое нѣжное почтеніе Свѣчиной и благодари Гагарину за обѣщанную посылку.

712.

Князь Вяземскій Тургеневу.

11-го декабря 1827 г. Москва.

Вижу изъ писемъ твоихъ къ другимъ, что ты моихъ не получаешь. Это меня сокрушаетъ. Я писалъ къ тебѣ черезъ Жихарева и черезъ Жуковскаго. Неужели можешь подозрѣвать меня въ холодности или небреженіи? Я этому не вѣрю, но не менѣе того досадую на судьбу моихъ писемъ. Послѣ двухмѣсячнаго ежедневнаго отъѣзда ѣду сегодня въ ночь къ женѣ въ Пензенскую губернію. Въ концѣ января думаю быть въ Петербургѣ; дай Богъ узнать тамъ что-нибудь о тебѣ хорошаго. Повторяю одно: боюсь за тебя петербургскаго многолюдства, но боюсь и континентальнаго одиночества. Сердце не знаетъ, что придумать за тебя, чего пожелать тебѣ въ настоящемъ положеніи! Оно только желаетъ и пламенно за тебя молитъ, оставляя Провидѣнію надписать желаніе, куда слѣдуетъ. Поблагодари Гагарину за микроскопическій гостинецъ, а еще болѣе за письмо ея и дружеское вниманіе. Буду отвѣчать ей изъ пензенскихъ степей для большаго контраста, тѣмъ болѣе, что Москва начинаетъ немного походить на Парижъ съ тѣхъ поръ, какъ стрѣляли на улицѣ изъ пистолета въ Сергѣя Корсакова, меньшого сына Маріи Ивановны, и что нѣмецкій актеръ играетъ на театрѣ нашемъ „Жоко" и, за неимѣніемъ у насъ Jardin des plantes, учится рожѣ физіономіи обезьяны по лицу Кокошкина. Къ тебѣ также буду писать изъ Пензы, а теперь утопаю и вязну въ сборахъ. Кланяйся отъ меня нашему литературному генеральному консулу Толстому. Всей душою и всѣмъ помышленіемъ обнимаю тебя, другъ любезный.

Жуковскій, обнимаю тебя передъ отъѣздомъ и прошу тебя отправить это письмо къ Александру Тургеневу.

713.

Тургеневъ князю Вяземскому.

[Конецъ 1827 г. Парижъ].

Вотъ планъ мой, если не перемѣню его до генваря мѣсяца. Чувствую, что и въ Парижѣ должно мнѣ пробыть долѣе и поучиться, ибо я едва мимоходомъ успѣлъ взглянуть на сокровища Королевской библіотеки и на рукописи Вольтера, Корнеля, Расина, Монтескье, Фенелона, Боссюэта и прочихъ и только одинъ разъ ходилъ съ Гумбольдтомъ (можетъ быть, первымъ ученымъ писателемъ и, конечно, первымъ путешественникомъ въ Европѣ) въ Академію наукъ; но въ этотъ день читали о чумѣ и о желтой лихорадкѣ, слѣдовательно, не для меня. Въ другихъ академіяхъ не былъ еще. Вильмень, авторъ посылаемой тебѣ книги, боленъ глазами, и книга его слаба, хотя историческая половина и не безъ интереса для насъ. Познакомился съ переводчикомъ Платона и издателемъ Декарта, Cousin, но всѣ превосходные таланты здѣсь въ загонѣ: господствуетъ варварство въ лицѣ Фресиноса. Даже и святой аббатъ Николь, нашъ одесскій, въ числѣ либераловъ и потому удаленъ отъ ректорства, а остался просто Лавалемъ здѣшняго Главнаго училищъ правленія. Я былъ у него въ Сорбоннѣ, гдѣ ему, въ память учредителя Ришелье, оставили квартиру, и мы, comme deux grands débris, утѣшали другъ друга. Кто бы подумалъ, что іезуиты, за коихъ я съ нимъ вѣчно ссорился, выгонятъ его изъ злачной Сорбонны! Но онъ еще дѣйствуетъ по части изданія классическихъ книгъ и ѣздитъ во дворецъ, наполненный духовными. Публичные курсы въ академіяхъ на сей недѣлѣ начнутся; но я не знаю, куда попаду. Много хлопотъ и безъ нихъ; я же и по-англински учусь. A propos: книгопродавецъ сказалъ мнѣ, что князь Ѳедоръ взялъ вторую часть Belloc, почему я и оставилъ ее у себя. Отъ него получишь. Впрочемъ, увѣдомь. Многое желалъ бы переслать въ Москву, но нѣтъ оказій. Перваго курьера завалилъ произведеніями m-r Baton. Попутчики ничего не берутъ, да и рѣдки. Я еще не принимался закупать книги,

ибо возвращусь сюда лѣтомъ и главное закуплю предъ отъѣздомъ. Можно хорошее и дешево купить, но некогда объ этомъ думать. Рѣдко удается мнѣ бродить безъ цѣли, а это всего пріятнѣе. Ты и Ив. Ив. Дмитріевъ жили бы здѣсь припѣваючи: сколько букинистовъ, картинныхъ и гравюрныхъ продавцовъ; но не надобно спѣшить. Писемъ изъ Петербурга я не получаю; одно, гдѣ ты писалъ, отъ Кар[амзиныхъ], да отъ Булг[акова]—вотъ и все. По Москвѣ часто тоскую; скажи это княгинѣ, Жихаревымъ, хотя я и пишу къ нимъ, и всѣмъ, кто вспомнитъ. Карту Richard отдай графу Ѳ. Толстому; я часто у него обѣдаю, но часто и у лучшаго, драгоцѣннѣйшаго Rivet. Все чисто и хорошо, и вездѣ ежедневно все набито. Я иногда удивляюсь памяти des garçons: помнятъ, какія блюда кто спросилъ, и не ошибаются. Былъ два раза у графа Брея; у нашего посла обѣдалъ разъ съ докторомъ Галлемъ и разъ со всѣми русскими. Грустно! Буду представленъ duchesse Duras, Récamier и княгинѣ Багратіонъ. Ломоносовымъ очень доволенъ и прошу извиненія у княгини. Онъ ведетъ себя хорошо и здѣсь почти въ модѣ въ нѣкоторыхъ салонахъ. Прости! Пора кончить письма къ другимъ и одѣваться къ Гизо. Расцѣлуй ручки у княгини и у дѣтей. Пиши ко мнѣ хоть черезъ Сѣверина и говори больше о себѣ и о своихъ. Кланяйся Ив. Ив. Дмитріеву. Будь осторожнѣе съ книгою Вильменя: иначе и тебѣ, и мнѣ достанется. Отошли тотчасъ письмо къ Жихареву.

1828.

714.

Князь Вяземскій Тургеневу.

1-го января 1828 г. Мещерское.

D'autres flattent le grand, c'est à toi que j'écris.

Въ тотъ день, въ который кадятъ новымъ счастливцамъ, и суета суетъ мучитъ въ городахъ лошадей, лакеевъ и совѣсти, посылаю тебѣ, любезный другъ, сердечное привѣтствіе изъ саратовской степи въ Парижъ. Впрочемъ, хвастать мнѣ нечѣмъ: здѣсь ни вельможъ, ни счастливцевъ нѣтъ, и мое великодушное смиреніе не очень назидательно. Шутки въ сторону: сердцу моему нужно было побесѣдовать съ тобою въ этотъ день. Вчера или сегодня, когда двѣнадцать часовъ пробили рожденіе новаго года, за рюмкою шампанскаго, выпитою въ кругу семейномъ, сердечною мыслью помянулъ я тебя и то, что тебѣ всего дороже. Повторяю: не знаю, что̀ пожелать тебѣ, кромѣ главнаго, вѣроятно, несбыточнаго, и потому желаніемъ ненареченнымъ молюсь о тебѣ Промыслу. Подаю Провидѣнію просьбу бланкетную. Я уже дней двадцать оставилъ Москву и съ той поры ничего о тебѣ не знаю. Передъ самымъ отъѣздомъ писалъ я къ тебѣ черезъ Жуковскаго. Ты, надѣюсь, получилъ письмо мое и нѣсколько прежнихъ моихъ писемъ. Мнѣ больно было видѣть изъ твоихъ къ Жихареву, что ты удивляешься моему молчанію. Неужели ты сомнѣвался въ моемъ сердечномъ участіи? Я тебя любилъ счастливаго: каково же долженъ я любить

несчастнаго? За однимъ только могуществомъ и торжествомъ волочиться я и умѣю: несчастія. Прошусь къ нему въ службу охотою и тѣмъ болѣе долженъ служить ему вѣрою и правдою тамъ, гдѣ записанъ къ нему дружбою. Жаль только, что не могу сказать по пословицѣ о молитвѣ и службѣ моей, что онѣ не пропадаютъ.

Слава Богу, нашелъ я здѣсь своихъ хорошо пристроенными, но съ самаго пріѣзда моего припадки простуды у жены и дѣтей не давали мнѣ вполнѣ наслаждаться сближеніемъ съ ними. Теперь все приходитъ въ прежній порядокъ, да за то я скоро уѣду. Въ концѣ мѣсяца думаю быть въ Петербургѣ и провести тамъ мѣсяцъ поболѣе, а весною опять буду здѣсь и посвящу лѣтнее время на разъѣзды по окрестнымъ сторонамъ. Побываю въ Сарептѣ, въ Астрахани. Можетъ быть, поѣду изъ Нижняго въ Астрахань на пароходѣ. Мнѣ хотѣлось весною прокатиться на пароходѣ въ Англію, но отложу свое намѣреніе до будущаго года, если, впрочемъ, судьба не отложитъ оное въ длинный ящикъ или, можетъ быть, и меня въ короткій. Поѣздка въ Лондонъ теперь соблазнительна. Въ два мѣсяца можно легко съѣздить обратно и побывать еще въ Парижѣ недѣли на двѣ. Былъ бы товарищъ, я и нынѣшнимъ годомъ пустился бы на эту проказу. Жена мнѣ даетъ свое благословеніе. Нынѣшнимъ годомъ издамъ свои сочиненія и что выручу, то и проѣзжу. Мнѣ въ такомъ случаѣ можно будетъ сказать, что выѣзжаю на Хвостовѣ, на Булгаринѣ и на другихъ дуракахъ, которыхъ я запрягъ въ свои риѳмы. Какъ мнѣ любить ценсуру? Она отпрягаетъ у меня моихъ лошадей. Нынѣшній годъ отпускаю лошадей въ поле на траву, и журнальной гоньбы у меня не будетъ: я отказался отъ дѣятельнаго участія въ „Телеграфѣ“ и только иногда прокатываться буду на вольныхъ. Между тѣмъ я все-таки остаюсь патрономъ „Телеграфа“, и если что у тебя будетъ подъ рукою, то доставляй мнѣ съ Толстымъ или Геро, котораго героиды или гемороиды многаго не обѣщаютъ; условіе остается ненарушимо. Полевой просилъ меня о продолженіи посредничества моего между нимъ и ими. Скажи о томъ нашему генеральному консулу по русской литературѣ. Неужели нельзя узнать рѣшительно, кто русскій баричъ, который Бальби далъ бабьи толки про насъ? Въ Москвѣ готовится французскій журналъ, въ кото-

ромъ хотятъ выводить на свѣжую воду нелѣпость иностранцевъ въ ихъ сужденіяхъ и извѣстіяхъ о Россіи. Мысль хорошая, но исполненіе, вѣроятно, не будетъ ей соотвѣтствовать. Французскіе писатели Кузнецкаго моста очень ненадежны. Князь Дмитрій Владиміровичъ — одинъ изъ основателей сего журнала, то-есть, даетъ деньги на первоначальныя издержки. Невѣжество французовъ во всемъ, что до Россіи касается, всеобъемлющее. Fain въ своемъ „Манускриптѣ 1812 года“ называетъ Кутузова Рымнійскимъ или Италійскимъ, не помню. Въ словарѣ Boiste, dans le „Vocabulaire des personnes remarquables“ находится „Iwan, princesse russe“. За то спасибо про Чернышева. Что это сказано и у Walter Scott? Когда была Неаполитанская королева въ Петербургѣ въ царствованіе Павла? Я никогда не слыхалъ о томъ. И кто этотъ „Lewinshoff, grand veneur de Russie, qui fut chargé des négociations en faveur de la cour de Naples“? Я не всего Вальтера Скотта прочелъ, но первая половина творенія его не въ равновѣсіи съ предметомъ только вопреки законамъ физическимъ. Она гораздо ниже, хотя и гораздо маловѣснѣе. Видно, что онъ не писалъ изъ души и даже не изъ ума, а развѣ изъ денегъ. Нельзя сказать, чтобы въ его обозрѣніяхъ, сужденіяхъ было пристрастіе, непріязненное предубѣжденіе противъ Наполеона; нѣтъ, тутъ есть что-то Херасковское, похожее на

Пою отъ варваровъ Россію свобожденну,
Попранну власть татаръ и гордость низложенну.

Онъ пишетъ, какъ Херасковъ пѣлъ: безъ лихорадки. Въ его обозрѣніи французской революціи нѣтъ ни одного новаго указанія, ни одной новой гипотезы для разгаданія событій. Ужъ если въ жизни Наполеона нѣтъ составовъ эпическихъ и драматическихъ, такъ гдѣ же ихъ искать? Онъ писалъ, описывалъ хладнокровно: и читаешь, и смотришь хладнокровно. Жизнеописателю Наполеона нужно было увлечься предметомъ и не бояться энтузіасма; а послѣ, въ заключеніе всего, оцѣнить всю его жизнь, всѣ дѣянія и подвергнуть его строгому приговору человѣчества, которое онъ предалъ, ибо не хотѣлъ посвятить огромныя, единственныя средства свои на его благо. А онъ, то-есть, Вальтеръ Скоттъ, нигдѣ не

обольщается Наполеономъ. Сперва опиши онъ его, какъ любовникъ въ упоеніи страсти, и уже послѣ суди о немъ, какъ мужъ протрезвившійся. А у него вездѣ трезвость или, лучше сказать, вездѣ тошнота похмелья. Въ его книгѣ не видать того Бонапарта, который окрилилъ міръ за собою. Была же поэзія въ немъ: одною прозою и ариѳметикою ума не вывелъ бы онъ такого итога. Были же когда-нибудь эти глаза, зажигавшіе столько страстей въ толпѣ поклонниковъ, безъ синихъ полосъ подъ ними; были щеки безъ морщинъ, грудь безъ рыхлости. А ты, холодный и сонный живописецъ, представилъ намъ изображеніе красавицы, которая всѣхъ съ ума сводила въ свое время; занимаешь краски у существенности, когда время красоты уже прошло. Вальтеръ Скоттъ въ своемъ послѣднемъ твореніи похожъ на волшебника, коего прутъ волшебный былъ разочарованъ враждебнымъ и болѣе могучимъ чародѣемъ. Онъ тотъ же, но въ явленіяхъ его уже нѣтъ волшебства. Въ прежнихъ романахъ онъ дѣлалъ изъ исторіи какую-то живую фантасмагорію; здѣсь онъ не оживилъ праха, а напротивъ, остудилъ живое. Я не нашелъ у него еще ни одной страницы пламенной, яркой. Лучше далъ бы онъ разгуляться болѣе своей національной желчи и писалъ при пламенникѣ ненависти: а то онъ писалъ водицей при какихъ-то сумеркахъ, „entre chien et loup“; j'aurais mieux aimé qu'il fut chien et loup et qu'il eut déchiré en lambeaux l'objet de sa haine. Il y aurai eu plus de vie dans ce spectacle. Mais c'est qu'il n'était pas de force à attaquer le tigre. Еще не читавъ книги, написалъ я о ней заочное сужденіе и вижу теперь, что гадательное мое заключеніе о ней было во многихъ отношеніяхъ справедливо. Глупецъ Аксаковъ, le Philoctète est-ce vous, не пропустилъ моей статьи. Я пришлю ее тебѣ при случаѣ. Она любопытна и особливо же можетъ быть любопытною въ Парижѣ, потому что я за глаза описываю въ ней осажей, жирафу, Вальтеръ Скоттово твореніе и основаніе англійскаго театра въ Парижѣ. Ну, можетъ ли быть тутъ мѣсто злонамѣренности и чему-нибудь противнаго ценсурному уставу? Если можно, сдѣлай одолженіе, собери всѣ рецензіи, написанныя на исторію Наполеона, французскія, англійскія и нѣмецкія, и побереги ихъ для меня. Хотя я уже и недѣйствительный журналистъ, а при

случаѣ награждай меня литературными новинками. Господь съ нимъ, куда скученъ вашъ Viennet! Онъ долженъ быть честный и весьма благомыслящій человѣкъ; и будь я французскій избиратель, я охотно предложилъ бы его въ депутаты, но, между тѣмъ, отсовѣтовалъ бы ему и мыслить о стихахъ. Онъ въ нашемъ мещерскомъ эрмитажѣ заступаетъ должность въ родѣ Тредіаковскаго. Когда жена моя груститъ, что я на такое короткое время къ ней пріѣхалъ, я отучаю ее отъ себя, читая ей вслухъ „Les épitres" de Viennet, и тогда она рада меня прогнать тутъ же съ мѣста. Хорошъ онъ, мой голубчикъ, когда по примѣру Вольтера начнетъ писать къ королямъ, которые его не читаютъ, et pour cause: не тѣ времена. Теперь почты неисправны, и письма по надписямъ не доходятъ; боюсь, что и мое не дойдетъ, хотя ты не король и, слава Богу, я не Viennet. Обнимаю тебя, любезный другъ! Напиши мнѣ въ Петербургъ. Скажи мое нѣжное почтеніе графинѣ Бобринской, Гагариной, которой будемъ писать, и Свѣчиной. Получилъ ли ты письмо мое, въ которомъ говорю тебѣ о Раичѣ для Гагариныхъ римскихъ. Устрой это доброе дѣло. Обнимаю тебя.

Приписка княгини В. Ѳ. Вяземской.

Quoique je n'aie pour le renouvellement de l'année que de stériles voeux á vous offrir, recevez les avec amitié: ils partent d'un coeur qui vous est tendrement et sincèrement attaché; nous vous aimons comme un frère chéri et gémissont souvent en pensant à la distance qui nous sépare et au peu d'espoir que nous avons de vous revoir. Pensez toujours à nous comme à des amis qui vous sont dévoués de coeur et d'âme. Adieu, très cher, que le bon Dieu veille sur vous et tout ce qui vous est cher!

715.

Князь Вяземскій Тургеневу.

[Первая половина октября. Село Мещерское].

Я очень обрадованъ былъ, любезный другъ, твоею мертвою граматою, а еще болѣе живою—Эльфинстономъ, которая была полнѣе первой и удовлетворительнѣе въ отвѣтахъ на вопросы участія

и дружбы о твоемъ здоровьѣ, житьѣ-бытьѣ и прочемъ; только по несчастію и живая-то грамата не очень разѣваетъ ротъ. Онъ, кажется, молодой человѣкъ съ познаніями и образованностью, но не свободно изъясняется на французскомъ языкѣ. Тебѣ хорошо! Ты, говорятъ, такъ и рѣжешь на англійскомъ діалектѣ: то ли дѣло сидѣть на ростъ-бифѣ. Эльфинстонъ нечаянно засталъ меня въ Москвѣ. Впередъ рекомендуй мнѣ своихъ европейцевъ въ степи: высылай мнѣ ихъ въ Тамбовъ, въ Пензу, въ Саратовъ. Развѣ ты забылъ, что я живу въ тѣхъ краяхъ, въ деревнѣ у Кологривовыхъ? Я здѣсь теперь по дѣламъ на короткое время. Собирался было уже ѣхать обратно, но со второй станціи долженъ былъ возвратиться, переломивъ два экипажа, потому что по нашимъ дорогамъ нѣтъ человѣческой ѣзды. Ты видишь, что на святой Руси все по старому: святость неизмѣнная, мощи нетлѣнныя. Я твоимъ англичанамъ не показывалъ шапки Мономаховой, а показывалъ цыганокъ: это болѣе по моей части. Впрочемъ, они все видѣли здѣсь, что можно видѣть.

Что сказать тебѣ объ насъ закадышнаго? Все вяло, холодно, блѣдно. И война, которая могла придать жизни и поэзіи нашему быту, обратилась въ довольно гнусную прозу. Она наводитъ на всѣхъ большое уныніе: удачи что-то неудачны, а неудачи дѣйствительны. Россія не нуждается въ военной славѣ; могутъ нуждаться въ ней нѣкоторыя лица, но народу и отечеству прибыли отъ того не будетъ. У насъ нѣтъ взаимности и между массою и верхушками. А между тѣмъ и этой славы нѣтъ: Румянцевы и Суворовы не такъ дрались съ турками; теперь только что насъ не бьютъ наповалъ, а баснословныхъ успѣховъ нѣтъ. Вотъ что говорятъ единогласно, и я никогда, едва ли даже и въ 1812 годъ, видѣлъ такое общее уныніе, остудѣніе, какъ нынѣ. Замѣчательно также, что, кромѣ Хвостова и Шаликова, нѣтъ пѣвцовъ на газетныя побѣды. Будущій Іоаннъ Миллеръ долженъ будетъ означить это въ исторіи нашего времени.

Объ отдаленныхъ также ничего утѣшительнаго не слыхать, кромѣ того, что нѣкоторые, выслуживъ свои каторжные года, переведены на поселеніе: напримѣръ, Чернышевъ, Кривцовъ, и мѣста поселенія назначены имъ невыгодныя. Пущину, Коновницыну, раз-

жалованнымъ въ солдаты, возвращены офицерскіе чины въ арміи Паскевича. Кстати: мнѣ давно Е. Ѳ. Муравьева дала порученіе для тебя; со слезами на глазахъ просила она меня увѣдомить тебя, что Никита, уже послѣ суда, клялся ей, что онъ никогда ничего не доносилъ на брата твоего, какъ о томъ сказано въ отчетѣ Слѣдственной коммиссіи. Ее душила эта ложь, и нѣсколько разъ умоляла она меня обнаружить ее тебѣ при первой возможности.

Несчастный Батюшковъ здѣсь, и все въ томъ же положеніи. Я хотѣлъ его видѣть и, съ согласія его доктора, написалъ ему предварительно записку; но онъ кинулъ ее на полъ и сказалъ, что онъ никакого Вяземскаго не знаетъ и никого не знаетъ, потому что онъ сто лѣтъ уже умеръ. Онъ и на доктора своего сердитъ и не говоритъ съ нимъ. Екатерина Ѳедоровна присылала къ нему на дняхъ священника: онъ прогналъ его и проклиналъ. Говорятъ, что въ Петербургѣ заводится на Петергофской дорогѣ домъ для сумасшедшихъ подъ вѣдомствомъ вдовствующей государыни. Должно надѣяться, что это заведеніе получитъ хорошее образованіе, и тогда думаютъ помѣстить Батюшкова туда. Докторъ, который теперь при немъ и привезъ его изъ Дрездена, вѣроятно, далѣе года оставаться не захочетъ. Кому же тогда поручить его? Изъ хорошихъ врачей здѣсь никто не пойдетъ въ караульщики, а дюжинному довѣрить нельзя. Изъ числа несчастныхъ сибиряковъ помѣшался князь Ѳедоръ Шаховской, поселенный.

Получилъ ли ты мое письмо, писанное весною въ Петербургѣ, съ французскимъ содержаніемъ по французскому журналу? Нельзя ли какъ-нибудь прислать сюда этотъ журналъ? Вѣдь онъ, кажется, не политическій; слѣдовательно, вѣроятно, пропустятъ. Теперь цензура и внутренняя, и внѣшняя немного поотошла. О Дашковѣ, главномъ создателѣ цензурнаго устава, ничего не слыхать. Онъ все при главной квартирѣ, но существованіе его нигдѣ не пробивается. Офиціальныя бумаги имъ не пахнутъ, и его имя нигдѣ не упоминается.

15-го октября.

Вчера пришедшее извѣстіе о занятіи Варны нашими войсками немного поуспокоило умы; подробности еще неизвѣстны. Много лентъ, награжденій; но можетъ ли быть что-нибудь для

русскаго честолюбія въ Андреевской лентѣ Дибича или въ Владимірской Бенкендорфа? Ce sont les Suisses de Louis XVI. Единодушно жалѣютъ о ранѣ Меньшикова, которая не дозволила ему доварить Варны и передала ее Воронцову. О Воронцовѣ скандалезное извѣстіе: онъ жаловался государю на Александра Раевскаго, сына Николая Николаевича, — — — — и Раевскаго вывезли изъ Одессы съ жандармомъ въ Полтаву для прожитія подъ присмотромъ. Подробности не достовѣрны, но сущность дѣла несомнительна. — — — —. Такъ ли поступаютъ у васъ въ Англіи? Тимковскій, бывши губернаторомъ въ Бессарабіи, говорилъ, что онъ такъ уважаетъ графа, что всегда жалѣетъ, зачѣмъ нѣтъ его въ англійскомъ парламентѣ.

О литературѣ сказать нечего. Она вся заключается въ двухъ или трехъ журналахъ и въ альманахахъ. Пушкинъ, сказываютъ, поѣхалъ въ деревню; теперь самое время случки его съ музою: глубокая осень. Цѣлое лѣто кружился онъ въ вихрѣ петербургской жизни, воспѣвалъ Закревскую; вотъ четыре стиха, которые дошли до меня:

И мимо всѣхъ условій свѣта
Стремится до утраты силъ,
Какъ беззаконная комета
Въ кругу разсчисленномъ свѣтилъ.

Еще написалъ онъ народную балладу „Утопленникъ“, гдѣ много силы:

И въ опухнувшее тѣло
Раки черные впились.

Вѣроятно, все это будетъ въ „Сѣверныхъ Цвѣтахъ“; будетъ много и моего и прекрасно разсказанная сказка Боратынскаго, который кончилъ также и свой „Бальный вечеръ“. Чѣмъ болѣе вижусь съ Боратынскимъ, тѣмъ болѣе люблю его за чувства, за умъ, удивительно тонкій и глубокій, раздробительный. Возьми его врасплохъ, какъ хочешь: вездѣ и всегда найдешь его съ новою своею мыслью, съ собственнымъ воззрѣніемъ на предметъ. Сегодня разговорились мы съ нимъ о Филаретѣ, къ которому возитъ его тесть Энгельгардтъ. Онъ говоритъ, что ему Филаретъ и вообще наши монахи сановные напоминаютъ всегда что-то женское: рясы,

какъ юбка, и въ обращеніи какое-то кокетство, игра затверженной роли и прочее. Мнѣ кажется, это замѣчаніе удивительно вѣрно. Филаретъ критиковалъ въ „Борисѣ Годуновѣ“ сцену кельи отца Пимена, въ которой лежитъ на полу Гришка Отрепьевъ, во-первыхъ, потому, что въ монастыряхъ монахи не спятъ по двое; положимъ, это такъ; но далѣе: зачѣмъ заставлять Отрепьева валяться на полу? „Взойдите“, говоритъ онъ, „въ любой монастырь, въ любую келью: вы найдете у каждаго монаха какую ни есть постелишку, не богатую, но по крайней мѣрѣ чистую“. Каково это тебѣ покажется, господинъ филофиларетъ? И не правду ли отгадалъ я въ своемъ ноэлѣ, когда заставилъ его сказать:

И что я въ умники попалъ —
Не знаю, какъ случилось.

Наконецъ, Безобразова кончила свои вдовьи похожденія, и недѣлю тому обвѣнчали мы ее съ Тимирязевымъ, тебѣ знакомымъ. Онъ снова вступилъ въ службу въ Варшаву, и недѣли черезъ двѣ они туда отправятся. Кривцовы живутъ въ деревнѣ на неопредѣленныя времена, въ нашемъ сосѣдствѣ, то-есть, по степному, верстъ около ста; но мы видимся изрѣдка: это все таки хорошо, чтобы выполоскать себѣ ротъ свѣжими рѣчами, а то засохнетъ во рту отъ домашнихъ разговоровъ. Я называю свой край „la Saratovie pétrée“, отъ Петра Александровича Кологривова, и говорю, que je m'y suis empêtré, по той же этимологіи. Впрочемъ, думаю, что у насъ теперь въ провинціи можно жить: матеріальные матеріалы существуютъ, а интеллектуальныхъ немногимъ менѣе, чѣмъ въ Москвѣ. Въ Россіи — одинъ Петербургъ, гдѣ можно найти всѣ удобства жизни; но какъ тамъ жить, не продавъ души, подобно Громобою? Надобно непремѣнно приписать душу свою въ крѣпость, а не то — въ крѣпость.

Денисъ Давыдовъ называетъ побѣды Паскевича: „des pasquinades“. Врасплохъ заставляютъ меня кончить письмо. Я въ него напичкалъ все, что могъ, кромѣ ума, потому что ума, право, нѣтъ. Я, очевидно, здѣсь деревенѣю. Шутки въ сторону: мнѣ этого интеллектуальнаго заточенія не выдержать, и того смотри, что экспатрируюсь. А твой братъ о томъ горюетъ. Я его не понимаю. Не-

ужели можно честному русскому быть русскимъ въ Россіи? Разумѣется, нельзя; такъ о чемъ же жалѣть? Русскій патріотизмъ можетъ заключаться въ одной ненависти Россіи, такой, какъ она намъ представляется. Этотъ патріотизмъ весьма переносчивъ. Другой любви къ отечеству у насъ не понимаю. Скажи это брату и обними его за меня. Онъ можетъ быть еще хорошимъ русскимъ: пускай пишетъ о Россіи безъ желчи, но съ строгою истиною. Я не люблю малодушія, которое онъ показываетъ: любовь къ Россіи, заключающаяся въ желаніи жить въ Россіи, есть химера, недостойная возвышеннаго человѣка. Россію можно любить какъ — —, которую любишь со всѣми ея недостатками, проказами, но нельзя любить, какъ жену, потому что въ любви къ женѣ должна быть примѣсь уваженія, а настоящую Россію уважать нельзя. Dixi. Обнимаю тебя нѣжно.

716.

Князь Вяземскій Тургеневу.

14-го ноября 1828 г. Москва.

Недавно писалъ я тебѣ съ твоимъ англичаниномъ, теперь пишу съ своимъ Chamier, морскимъ капитаномъ; онъ прожилъ съ нами нѣсколько недѣль и разскажетъ тебѣ о Москвѣ. Смерть императрицы захватила всѣ веселія въ самую минуту ихъ распусканія. Она очень всѣхъ огорчила; и въ самомъ дѣлѣ, потеря важная по многимъ отношеніямъ. Она была нашъ лучшій администраторъ, и мѣста, ей подвѣдомственныя, разстроятся безъ нея. Она была и послѣднею связью съ прошедшимъ. Теперь новая эра, новое поколѣніе: какъ ни говори, elle conservait les traditions d'un meilleur temps, по крайней мѣрѣ въ формахъ вѣжливости, которая также родъ цивилизаціи. Теперь что-то холодно, морозъ по кожѣ подираетъ. Какъ бы мнѣ хотѣлось прочь убраться лѣтъ на десять, пока Павлушѣ можно еще быть отлученнымъ изъ Россіи. Я для Россіи уже пропалъ и могъ бы экспатрироваться безъ большого огорченія; признаюсь, и за Павлушу не поморщилась бы душа, а за дочерей и говорить нечего. Я не понимаю романи-

ческой любви къ отечеству. Я не согласенъ на то, что гдѣ хорошо, тамъ и отечество, но и на то не согласенъ: „Vive la patrie quand même“, или по крайней мѣрѣ: „Vis dans ta patrie quand même!“ Сдѣлай одолженіе, отыщи мнѣ родственниковъ моихъ въ Ирландіи: моя мать была изъ фамиліи O'Reilly. Она прежде была замужемъ за французомъ и развелась съ нимъ, чтобы выйти замужъ за моего отца, который тогда путешествовалъ. Сошлись они, кажется, во Франціи и едва ли не въ Бордо. Жаль мнѣ, что переписка ихъ, бумаги развода и другія теперь въ Остафьевѣ, а то я могъ бы дать тебѣ болѣе подробностей. Можетъ быть, и придется мнѣ искать гражданскаго гостепріимства въ Ирландіи. Еще лучше, если бы нашелся богатый дядя или богатая тетка для моихъ дѣтей. Вотъ славное приключеніе романическое! Будь Вальтеръ Скоттомъ нашего романа.

Пушкинъ, сказываютъ, написалъ поэму „Мазепа“, въ трехъ пѣсняхъ, кончающуюся Полтавской битвой. Ему всегда было досадно, что Байронъ взялся за него и не додѣлалъ. У насъ довольно или очень странное явленіе въ литературѣ. Муравьевъ, статсъ-секретарь, издалъ свои сочиненія подъ названіемъ: „Нѣкоторыя изъ забавъ отдохновенія Н. Н. Муравьева, статсъ-секретаря е. и. в., тайнаго совѣтника, сенатора и проч.“ Этому статсъ-секретарю, государственному редактору, „Московскій Вѣстникъ“ доказываетъ, что онъ безъ логики, безъ грамматики и безъ человѣческаго смысла. Тутъ выводится заключеніе: если таково его отдохновеніе, то какова его работа? Жаль, что у меня нѣтъ книжки „Московскаго Вѣстника“ для выписокъ. „Телеграфъ“ говоритъ о книгѣ или „Забавахъ“: „Читая ихъ, видимъ, что авторъ создалъ себѣ особенный родъ сочиненій, слога, мыслей и даже словъ“. У насъ для развлеченія скуки проскакиваютъ явленія довольно потѣшныя. За то какая и мерзость въ „Московскомъ Вѣстникѣ“: ругательная критика Арцыбашева на „Исторію“ Карамзина! Въ глазахъ его и заглавіе неправильно; „Надобно“, говоритъ онъ, „сказать: Исторія о государствѣ Россійскомъ, а „Исторія государства Россійскаго“ не по-русски“. Вся критика въ этой силѣ. Я не утерпѣлъ и отпустилъ въ „Телеграфъ“ сказку на этихъ мерзавцевъ и дураковъ. Дмитріевъ точно растревоженъ гнусностью

этихъ подлецовъ. Въ этомъ холодномъ человѣкѣ и, по многимъ примѣтамъ, эгоистѣ страстная дружба къ Карамзину умилительна и совершенно съ нимъ примирительна. Друзьямъ Карамзина нельзя не прилѣпиться къ Дмитріеву: въ немъ горитъ нетлѣнное чувство.

Прости, любезный другъ! На дняхъ ѣду во-свояси, то-есть, въ саратовскія степи. Когда увидимся? Да помолись же европейскому Богу, чтобы онъ призвалъ меня на свое лоно, на свой просвѣщенный континентъ! Я, право, здѣсь, какъ несчастный Робинсонъ, брошенный на островѣ, окруженномъ океаномъ варварства и скуки. Здѣсь у меня и есть Пятница, но бѣда въ томъ, что здѣсь семь пятницъ на недѣлѣ, а воскресенія нѣтъ. Обнимаю тебя отъ всей души. Скажи мое почтеніе и дружбу брату. Ради Бога, перетащите меня въ Ирландію!

Я сейчасъ распечаталъ пакетъ Жихарева, чтобы вложить мое письмо, и узнаю, что онъ говоритъ тебѣ о томъ, что я не хотѣлъ тебѣ говорить: мнѣ не хотѣлось огорчить твою дружбу ко мнѣ до времени. Дѣло въ томъ, что по поводу какого-то журнала, о которомъ я понятія не имѣлъ, сказали государю, что я собираюсь издавать журналъ подъ чужимъ именемъ, а онъ велѣлъ мнѣ черезъ князя Дмитрія Владиміровича Голицына объявить, что запрещается мнѣ издавать оную газету, потому что ему извѣстна моя развратная жизнь, недостойная образованнаго человѣка, и многія фразы, подобныя этой. Я прошу слѣдствія и суда; не знаю, чѣмъ это кончится, но если не дадутъ мнѣ полнаго и блестящаго удовлетворенія, то я покину Россію. Вотъ ключъ къ моимъ ирландскимъ изысканіямъ. Я увѣренъ, что удовлетворенія мнѣ не дадутъ, потому что и теперь уже слышно, что сбиваются на какое-то письмо мое, которое должно было мнѣ повредить. Эпиграмма—не преступленіе и не развратъ. При первомъ случаѣ постараюсь тебѣ доставить мою и обо мнѣ официальную переписку.

1830.

717.

Тургеневъ князю Вяземскому.

Апрѣль. Парижъ.

Вотъ тебѣ первая лекція марсельскаго Вильменя—Ампера, моего пріятеля, уважаемаго и Несторомъ Германіи—Гёте и, что всего лучше, обожателя милой вдовы Рекамье. Вѣроятно, вложу въ пакетъ и рѣчи Ламартина, Кювье и стихи Лебрена, въ коихъ найдешь нѣсколько стиховъ, напоминающихъ твои, не помню откуда. Я былъ на пріемѣ Ламартина. Онъ кадилъ всѣмъ и каждому и не похвалилъ только Дарю, коего хвалить былъ обязанъ. Cuvier—гигантъ и въ бездѣлицахъ! Если бы сердце было на мѣстѣ, то описалъ бы тебѣ его бесѣды субботнія и буйныя вечеринки поэта-литератора, коего назвать тебѣ не смѣю, но вся эта мелочная литература только мимоходомъ занимаетъ меня. Я живу въ другихъ идеяхъ и полонъ инымъ чувствомъ. Я бы долженъ былъ уступить тебѣ мои здѣшнія знакомства и *отношенія* къ нѣкоторымъ; ты бы лучше выжалъ изъ нихъ сокъ, который не питаетъ, не оживляетъ твоего Тургенева; увы, „гдѣ прежній я“? Гдѣ прежній Гриммъ? Обними Карамзиныхъ. Встрѣтимся ли въ Европѣ? Даже и о нихъ мало думаю, хотя и нерѣдко.

Посылаю и нѣсколько прелестныхъ куплетовъ моего нѣмецкаго поэта. Прочти ихъ Козлову, если ты читаешь по-нѣмецки, и обними его и весь кругъ его милыхъ ближнихъ. Скажи ему, что

я здѣсь вижу часто его пріятельницу, графиню Шувалову. Всѣ три сестры здѣсь, и я люблю эту милую троицу, особливо Потоцкую, которая не однимъ острымъ носикомъ и томными глазками здѣсь нравится.

Скоро будетъ новый пріемъ въ Академіи—графа Сегюра, автора „Французской войны въ Россіи". Теперь еще ваканція, и кандидаты безсмертія, по обыкновенію, разъѣзжаютъ съ визитами по 39-ти безсмертнымъ въ надеждѣ избранія. „Фигаро" предлагалъ тринадцати кандидатамъ нанять для сихъ разъѣздовъ одинъ omnibus, à six sols par immortel. Cousin, Ancelot, Pongerville—главные претенденты, но Cousin, по таланту и трудамъ,—достойнѣйшій. Понжервиль—переводчикъ Лукреція: c'est tout dire. Да еще и какой: желая не одному чорту свѣчку ставить, онъ нашелъ въ немъ догматъ безсмертія души! Кстати о безсмертіи: Рекамье, за недѣлю передъ симъ овдовѣвшая, сблизила меня съ Шатобріаномъ, и я имѣю право встрѣчать его иногда у ней en tête à tête (моя голова не въ суетѣ) и наслаждаться ихъ бесѣдою. Скоро онъ выдаетъ первые томы своей „Французской исторіи", которую депутатъ лѣвой стороны—Гизо освѣщаетъ теперь инымъ свѣтомъ.

Сынъ бывшаго подольскаго губернатора, нынѣ пэра Франціи, St.-Priest, пишетъ исторію Петра Великаго. Онъ извѣстенъ по сію пору только переводомъ русскихъ трагиковъ и собственною трагедіею, которую только еще здѣсь слушаютъ на вечеринкахъ, а не читаютъ, и статьею о Гишпаніи въ „Revue française", гдѣ много оригинальныхъ замѣчаній и новыхъ о сей старой монархіи. Что же ты ничего не прислалъ для „Revue"? Она—все лучшее періодическое изданіе; и новая жена Гизо—также писательница, и доставляетъ статьи въ „Revue". Но лучшія, по моему мнѣнію,—дюка Брогліо, обнимающаго не одну французскую ученость, но и нѣмецкую философію, идеи метафизическія германцевъ съ практическою политикою Франціи и Англіи. Жена его—дочь madame Staël. Я люблю ея милую и строгую рожицу и умъ методическій, и религіозность методистовъ. Есть и еще умная и нѣкогда слабая и прелестная женщина—St.-Aulair, жена пэра-писателя, съ милыми и умными дочерьми, съ коими слушаю я курсъ исторіи

естественныхъ наукъ Cuvier и болтаю о нѣмецкой и англійской поэзіи; а онѣ могли бы болтать и о греческой, если бы я зналъ по-гречески, какъ онѣ. Все бы это для тебя по зубамъ, а еще болѣе по душѣ и, конечно, не уступили бы въ любезности твоимъ княжнамъ, фавориткамъ Чернышевскаго переулка.

Третьяго дня Соболевскій, который мѣсяца четыре былъ здѣсь въ числѣ fashionables и въ туфляхъ ѣздилъ на вторники madame Ancelot, уѣхалъ чрезъ Брюссель и Голландію въ Лондонъ. Онъ желалъ что-то послать къ тебѣ, но не знаю, удалось ли?

Сверчкова, урожденная Гурьева, сказывала мнѣ, что у ней есть остатокъ денегъ, тебѣ принадлежащій. Она точно не знала тогда сколько, но обѣщала счесть и сказать мнѣ и просила спросить тебя, что съ ними дѣлать. Кажется, около или немного болѣе ста франковъ, оставшихся по уплатѣ долга за князя Ѳедора Гагарина. Если хочешь, я получу съ нея эти деньги и, по разсчету, скажу Жихареву, чтобы онъ выдалъ тебѣ. Ожидаю разрѣшенія. Прислать на нихъ ничего нельзя, ибо ничего не берутъ курьеры, а другихъ оказій нѣтъ. Не знаю, и рѣчи примутъ ли? Пиши ко мнѣ. Я желалъ побѣдить тоску и безпокойство письмомъ къ тебѣ, но въ головѣ бродитъ иная, все поглощающая *мысль*, и мыслямъ постороннимъ мѣста нѣтъ. Какая веселая зелень въ Тюлери! Какъ все цвѣтетъ на гробахъ Пэръ-Лашеза, какъ тихо на могилѣ моего Сережи! И подъ нею шумный и туманный Парижъ. Разъѣзжалъ въ блестящемъ экипажѣ и шатался пѣшкомъ въ Longchamps. Замѣть, добрый повѣса, что религіи обязанъ народъ не только великими утѣшеніями за гробомъ, но и простыми увеселеніями здѣшней жизни. Нѣкогда таскались знатные въ монастырь Longchamps на поклоненіе; теперь гуляетъ тамъ народъ вмѣстѣ съ пэрами.

Дай знать Жихареву, что получилъ его краткое письмо, возвѣщающее длинное, съ княземъ Щербатовымъ. Роздай книгопродавцамъ объявленія о Баланшѣ и о „Mercure des salons“. Первый — мой пріятель и penseur, втораго протежируетъ князь Долгоруковъ. Отошли письмо Полетикѣ.

718.

Князь Вяземскій Тургеневу.

1-го января 1830 г. [Москва].

Здравствуй и на 1830-й годъ, любезный другъ! Чего тебѣ желать?

Покою, мой Капнистъ, покою,
Котораго нельзя купить
Казной серебряной, златою,
Ни багряницей замѣнить.

Я хотѣлъ бы только замѣнить въ этихъ стихахъ слово *Капнистъ*, потому что онъ въ стихотворцахъ выше тебя, а въ поэтахъ гораздо ниже, а для меня поэзія и безсловесная гораздо выше стихотворчества самаго словеснаго. Въ тебѣ именно нѣтъ *покоя*, а онъ именно тебѣ необходимъ. Положеніе твое очень сносное; только, родившись бѣлокурымъ или посѣдѣвшій, не бейся головою въ стѣну съ досады, что ты не черноволосъ. Какъ ни умничай, какъ ни горячись духомъ, но нѣтъ въ природѣ убѣдительнаго доказательства, что бѣда быть бѣлокурымъ. Твои письма раздираютъ мое сердце, но вмѣстѣ и досаждаютъ. Чего ты ждешь? Чего ты можешь ждать? Ты для меня похожъ на людей, которые ожидаютъ отъ Полевого исторіи лучшей исторіи Карамзина.

21-го апрѣля. [Петербургъ].

Вотъ, мой милый другъ, что писалъ я къ тебѣ изъ Москвы въ самый новый годъ и что подтверждаю тебѣ по совѣсти и по душѣ изъ Петербурга, около четырехъ мѣсяцевъ спустя. Ничто не перемѣнилось, а хуже всего то, что ты не перемѣнился, не утихъ душою, все еще волнуешься волненіемъ безъ цѣли. Ты жилъ между нами; ты насъ знаешь и строишь на насъ воздушные замки; говоришь о Кушниковѣ, требуешь отъ Кушникова героизма, мученичества за истину, ему чуждую. Вѣрю, что, по мягкости сердца своего, онъ съ теплотою и живостью принималъ впечатлѣнія, которыя ты вдавалъ ему; но, по той же мягкости головы, правилъ, обычаевъ, онъ не въ состояніи сохранить эти впечатлѣнія, пере-

нести ихъ сюда и отпечатывать на другихъ. И какое средство у насъ законнымъ образомъ противодѣйствовать тому, что закономъ уже рѣшено и совершено, совершено кѣмъ же? Верховнымъ судомъ, противъ коего нѣтъ апелляціи, развѣ предъ однимъ судомъ потомства и Бога. Можно ли нарядить новый судъ для изслѣдованія *одного* осужденія? Гдѣ избрать судей? Не прежніе ли явятся съ новыми предубѣжденіями, съ новымъ упрямствомъ, ибо тутъ должно имъ будетъ судить и себя, судить свой прежній судъ; положимъ и не свой, но судъ двоюродныхъ братьевъ, дядей, однимъ словомъ, своихъ. Съ того времени нѣтъ еще у насъ новаго поколѣнія, новой эры: мы все при тѣхъ же и при томъ же. Какъ дотронуться до одного осужденія, не расшевеливъ всѣхъ осужденій, не подъявъ со дна Сибири всего дѣла, не повернувъ мертвыхъ безъ гробовъ, не поразивъ ста семействъ, которыя въ правѣ были бы требовать: „Пересмотрите дѣла и нашихъ: наши еще несчастливѣе!“ Вѣрно и между ними есть невинные, и много такихъ, которые наказаны не по мѣрѣ преступленія. Ты можешь желать помилованія, но и помилованіе невозможно, ибо оно было бы несправедливостью для другихъ; и если миловать, такъ миловать скорѣе изъ тѣхъ, которые наказаны de fait, которыхъ жизнь—какая-то живая смерть, не политическая, не умозрительная, но положительная смерть, которая родитъ живую смерть, какъ у Муравьева, Трубецкого и другихъ, нажившихъ или прижившихъ дѣтей, для коихъ нѣтъ будущаго. Да и захочетъ ли помилованія тотъ, qui est à la hauteur de son infortune, который не захочетъ сойти съ нея; перейти—дѣло другое, перейти на степень себя достойную; но этотъ переходъ у насъ невозможенъ. У насъ выраженіе: „требовать суда“—неологизмъ. Какъ могъ ты такъ скоро отстать отъ православныхъ обычаевъ языка нашего, забыть ихъ и замѣщать новизнами! Вся бѣда отъ того, что ты прицѣпился къ ложному началу. Ты говоришь себѣ: „Былъ бы онъ въ Россіи, пріѣзжай онъ въ Россію въ то время, и онъ былъ бы совершенно оправданъ“. Сбыточное ли это дѣло? Можно ли минуту сомнѣваться въ неотразимой истинѣ, что онъ былъ бы осужденъ наравнѣ съ другими? Не былъ бы онъ въ первыхъ категоріяхъ, охотно вѣрю; но неминуемо былъ бы въ одной изъ послѣднихъ. Наказаніе нравственное—тоже политическая смерть.

Но вѣдь мы не одно созданіе духовное, а судя о примѣненіи наказанія, глядя на брата тамъ, гдѣ онъ теперь и что̀ онъ теперь, можешь ли не выплакать всѣхъ благодарныхъ слезъ души своей за спасеніе его? Онъ бывалъ въ Обществѣ, онъ зналъ о существованіи Общества — у насъ довольно: онъ государственный преступникъ; и, вѣрно, братъ твой не изъ тѣхъ, которыхъ желали бы эскамотировать у суда. Ты знаешь предубѣжденія всѣхъ сильныхъ противъ него. Многіе, безъ сомнѣнія, не были виновнѣе его, а они тамъ. И ты можешь быть въ отчаяніи! Неблагодарно и неблагоразумно! Да и положимъ несбыточное: онъ возвратился, и возвращены ему права его. Какое существованіе пересоздастъ онъ себѣ изъ матеріаловъ прошедшаго? А матеріаловъ этихъ уничтожить нельзя. Да и прежняя жизнь его, еще не омраченная грянувшею надъ нею грозою, была ли для него очень сладка? Чѣмъ она разразилась? Болѣзнями, вынудившими его искать другое небо. Теперь пріѣдетъ онъ подъ старое, ждать чего? Новыхъ болѣзней, чтобы снова имѣть потребность ѣхать отдохнуть. И ты хлопочешь, ты рвешься — изъ чего? Чтобы кое-какъ, противоестественно, сколотить ему изъ обломковъ новую жизнь на старый ладъ; жизнь, для него невозможную, которой сто разъ предпочтительнѣе нынѣшняя смерть; жизнь, лишенную нравственнаго и физическаго охраненія, однимъ словомъ, необходимаго благосостоянія. И все это почему? Потому, что ты не хочешь видѣть непреложность, неотвратимость, неизмѣняемость въ событіи, которое облечено сими тремя свойствами. Тебѣ все кажется, что люди могутъ перемѣнить то, что совершила судьба, и судьба не случай, mais le destin, въ истинномъ смыслѣ древняго, въ смыслѣ необходимости. Ты хочешь, чтобы душонки и душечки Кушниковскія и другія пошли противъ души Россіи, то-есть, противъ того, что составляетъ ея нравственное бытіе; то, чѣмъ она именно Россія, а не Англія, не Франція. Передѣлайся жребій брата твоего, и Россія не была бы Россіею; тутъ нѣтъ увеличенія, а строгая истина. Это раскрыло бы въ ней новые элементы, которыхъ мы не видимъ, которые дали бы ей совершенно новый образъ. Вотъ мои мысли; мнѣ нужно было излить ихъ предъ тобою. Онѣ справедливы, слѣдовательно, должны быть убѣдительны. Но есть нѣчто убѣдительнѣе самой справед-

ливости: это скорбь прекрасной, чувствительной души, и потому не надѣюсь пересилить ее въ тебѣ. Но, во всякомъ случаѣ, умоляю тебя: покорись, résignez-vous! Не трать силъ своихъ въ напрасномъ искательствѣ, въ душевной хлопотливости; предавайся всей скорби своей, но въ спокойствіи духа, безъ этихъ, такъ сказать, тѣлодвиженій духа; не стучи цѣпями: ты ничего не пробьешь ими, никого не выкликаешь. Вокругъ тебя, предъ тобою судьба; тутъ людямъ нѣтъ доступа; они съ священнымъ ужасомъ, съ холоднымъ, болѣзненнымъ стѣсненіемъ души проходятъ мимо, чувствуя все безсиліе свое, всю ничтожность упованій своихъ. Карамзинъ писалъ къ Дмитріеву о впечатлѣніяхъ своихъ въ 14-е декабря: „Для меня опасность существуетъ вдали, вдали безпокоитъ; вблизи она уже—судьба: смиряюсь". Такъ сказалъ онъ или почти такъ, но таковъ смыслъ его словъ. Понимаю, что твое безпокойство раздражается мученическимъ, верховнымъ спокойствіемъ жертвы: ты перенесъ бы вопли его, роптанія, но не выносишь молчанія; ты возмущаешься покорствомъ его. Все это такъ, все это въ свойствѣ души; но, уступая природѣ, надѣли законною частью и разсудокъ. Смотри въ этомъ случаѣ на Россію, какъ на кладбище: плачь на немъ, но не требуй отъ него то, что оно возвратить не въ силахъ. Не ворочай надгробнымъ камнемъ, не раздирай земли: ты только измучишься въ насиліяхъ безумной скорби, отроешь однѣ кости; но кладбище не возвратитъ жизни, которую оно пожрало; не возвратитъ минувшаго, которое уже и не въ немъ, а въ Богѣ. Къ тому же я убѣжденъ, что ты долженъ покоить себя не ради себя одного, а ради и его. Ты нарушаешь величіе его несчастія своими житейскими волненіями; ты возмущаешь его перерожденіе, его успеніе, видами, надеждами, сожалѣніями, qui pour lui ne sont plus de son monde; ты не даешь ему закалить себя въ новой стихіи его, обжиться въ новомъ мірѣ, потому что онъ на тебѣ видитъ отраженіе, видитъ зыблющіяся тѣни другого міра, отъ котораго, вѣрно, отказался бы онъ легко одинъ, но который ему еще мерещится въ тебѣ, тобою и твоими усиліями. Твоимъ спокойствіемъ или, по крайней мѣрѣ, успокоеніемъ, еще болѣе усовершенствуется, пополнится, отдѣлится его спокойствіе. Вотъ настоящее, единственное пожертвованіе, которое ты можешь принести ему.

Братья по природѣ и по душѣ, вы теперь близнецы по обстоятельствамъ, ибо ты несчастіемъ его приросъ къ нему. Скрывай же отъ него то, чѣмъ онъ поразилъ тебя; дѣлись съ нимъ бѣдою его, но учись у него переносить ее; ибо то, что ты у него займешь, ты же возвратишь ему съ лихвою. Онъ же будетъ сильнѣе силою, которую сообщилъ тебѣ. Тебя безпокоитъ здоровье его и вредный для него климатъ Англіи? Былъ ли онъ здоровъ въ Россіи, въ климатѣ Совѣта, когда, повидимому, былъ онъ одинъ изъ счастливцевъ міра сего, на чредѣ блестящей, въ сферѣ дѣятельности и пользы? Былъ ли бы теперь онъ здоровѣе въ Читѣ? Вотъ точка зрѣнія, съ которой долженъ ты смотрѣть на положеніе свое и его, если хочешь видѣть истину, а не то, что бы тебѣ хотѣлось видѣть.

Моя участь почти рѣшена. Ты знаешь, что все это время былъ я цѣлью доносовъ, предубѣжденій и прочаго. Пріѣхавъ сюда, увидѣлъ я, что никто не можетъ помочь мнѣ: одинъ Бенкендорфъ имѣетъ доступъ, а этотъ Бенкендорфъ, по мѣсту своему, именно источникъ и проточникъ, черезъ который пробивался приливъ и отливъ неблагопріятныхъ впечатлѣній для меня. Какъ же ожидать отъ него противодѣйствія въ собственномъ дѣлѣ (и вотъ твое заблужденіе)? Все, что могъ я отъ него надѣяться, это — прекращеніе враждебнаго дѣйствія, нѣсколько словъ слабыхъ и неподсказанныхъ внутреннимъ убѣжденіемъ, и все это до перваго доноса Булгарина или другого нашего Видока. Ничего не могъ основать я прочнаго на такихъ пособіяхъ и рѣшился написать прямо къ государю письмо, въ которомъ говорилъ, что я былъ оклеветанъ передъ нимъ; что можно обвинять меня было въ легкомысліи, даже въ своеволіи мнѣній, но не въ поступкахъ, и прочее. Государю мое письмо понравилось; онъ велѣлъ мнѣ сказать, что принимаетъ меня въ службу обѣими руками и хотѣлъ, чтобы я опредѣлился по Министерству финансовъ. Такимъ образомъ я при Канкринѣ чиновникомъ по особымъ порученіямъ; ибо я не захотѣлъ вице-губернаторскаго мѣста, не осмотрѣвшись прежде, не ознакомившись съ дѣломъ и людьми. Я просился къ Дашкову, то-есть, намекалъ Бенкендорфу, что если выбирать мнѣ службу, то предпочитаю службу по Министерству юстиціи. Дашковъ также про-

силъ меня сначала у государя, но безъ успѣха. Увидимъ, что будетъ; но приходило такъ, что непремѣнно должно было мнѣ или въ службу, или вонъ изъ Россіи.

Спасибо за письмо и книжки. Ты безсовѣстенъ: присылаешь, Богъ вѣсть что, а между тѣмъ не присылаешь „Hernani". Ты просишь отъ меня статьи о литературѣ нашей. Постараюсь доставить тебѣ мое введеніе къ біографіи Фонвизина. Вотъ все, что я знаю о русской литературѣ. Переведи и тисни. На деньги, приходящіяся мнѣ отъ Сверчковой, возьми мнѣ билеты лотерейные, только поумнѣе; напримѣръ такъ, чтобы числа были въ нѣкоторомъ соотвѣтствіи съ именами дѣтей моихъ, съ числомъ буквъ ихъ именъ: Маша, Пашенька, Павлуша, Наденька; на это употреби 75 франковъ, а остальное дай какой-нибудь бѣдной сиротѣ. Лотерейные билеты запиши на имя каждаго изъ дѣтей моихъ.

Дельвигъ сейчасъ былъ у меня и тебѣ кланяется и посылаетъ свою „Газету". Въ ней найдешь статью Пушкина на Булгарина подъ именемъ Видока. Видокъ-Булгаринъ бранилъ его въ своихъ журналахъ на чемъ свѣтъ стоитъ за то, что почиталъ рецензію „Дмитрія Самозванца" писанною имъ, а она Дельвига. Пушкинъ теперь въ Москвѣ; здѣсь всѣ говорятъ, что онъ женится, но, вѣроятно, это вздоръ.

Прости, мой милый другъ! Карамзины здоровы, Вяземскіе также; они теперь въ Остафьевѣ. Не знаю еще, какъ устроить свое будущее: здѣсь дорого жить всѣмъ домомъ, а розно жить тяжело. Обнимаю тебя отъ всей души.

719.

Князь Вяземскій Тургеневу.

25-го апрѣля. [Петербургъ].

Посылаю тебѣ, любезнѣйшій другъ, отъ Дельвига его „Газету" и седьмую пѣсню „Онѣгина". Въ „Газетѣ" означилъ я имена авторовъ надъ нѣкоторыми статьями. Ты удивишься на страницѣ 94-й стихамъ Пушкина къ Филарету: онъ былъ задранъ стихами его преосвященства, который пародировалъ или, лучше сказать,

палинодировалъ стихи Пушкина о жизни, которые нашелъ онъ у общей ихъ пріятельницы, Элизы Хитровой, пылающей къ одному христіанскою, а къ другому языческою любовью. Въ статьѣ о Видокѣ, на страницѣ 162-й, ты узнаешь Видока-Булгарина. Она написана Пушкинымъ въ отвѣтъ на пакостную статейку Булгарина въ „Сѣверной Пчелѣ", гдѣ Пушкинъ (подъ видомъ французскаго писателя, а Булгаринъ—Гофмана французскаго) названъ картежникомъ, пьяницею, вольнодумцемъ предъ чернью и подлецомъ предъ сильными. И все это потому, что Булгаринъ принялъ критику Дельвига на романъ его за критику Пушкина и разсердился, что его называютъ полякомъ, а, вѣроятно, еще болѣе за то, что обвиняютъ его въ напрасной клеветѣ на „Самозванца", котораго онъ представляетъ шпіономъ. Вотъ еще отвѣтъ Пушкина:

Не то бѣда, что ты полякъ:
Косцюшко—ляхъ, Мицкевичъ—ляхъ;
Пожалуй, будь себѣ татаринъ,
И тутъ не вижу я стыда;
Будь жидъ, и это не бѣда;
Бѣда, что ты Ѳаддей Булгаринъ.

Вотъ тебѣ литературныя сплетни, тебѣ, нѣкогда маленькому Гримму. Я читалъ „Hernani" и имъ довольно недоволенъ. Тутъ вижу я романтизмъ въ однихъ ломаныхъ стихахъ и въ мокромъ плащѣ. Люблю Гюго, какъ лирика, и то, разумѣется, не вездѣ, а драматикъ онъ плохой. Болѣе всего нравится мнѣ 4-й актъ, а любовь донъ-Карлоса, Гомеза, Гернани и самой дона-Соль солона, то-есть, подсыпана солью французскаго остроумія. Эти *je te suivrai* хороши для игры актрисы, но въ природѣ они приторны. Они хороши въ собраніи мозаическихъ образцовъ du sublime на ряду съ *moi qu'il mourut* и проч., но души въ нихъ нѣтъ. Я люблю французовъ въ романтической прозѣ: „La conspiration de Mallet", изъ „Soirées de Neuilly" „Les états de Blois", виноватъ: даже и въ „L'âne mort et la Femme guillotinée", въ „Fragoletta", но въ стихахъ ихъ романтизмъ несносенъ. Какъ они ни дѣлай, а александрійскій стихъ долженъ быть стихъ расиновскій, плавный, звучный, полный.

Я писалъ къ тебѣ на дняхъ, то-есть, дописалъ старое письмо; Жуковскій послалъ его, кажется, съ Матушевичемъ. Теперь писать некогда: иду смотрѣть наше романтическое представленіе: парадъ всей гвардіи на Царицыномъ лугу. Прости. Обнимаю тебя отъ всей души. Пиши литературныя письма для „Газеты“ нашей и присылай ко мнѣ; пиши, хотя не письма, а такъ, кидай на бумагу свои литературныя впечатлѣнія и пересылай ко мнѣ, а мы здѣсь это сошьемъ. Надобно же оживлять „Газету“, чтобы морить „Пчелу“-піявку, чтобы поддержать хотя одинъ честный журналъ въ Россіи.

Приписка Е. А. Карамзиной.

Avec quelle peine de coeur j'ai lu le peu de mots qui nous concernaient dans votre dernière lettre à Wiazemsky: „я и объ нихъ мало думаю“. Tout ce que je puis vous assurer, mon cher m-r Tourgueneff, c'est que pour nous c'est tout le contraire par rapport à vous: combien souvent nous pensons, nous parlons de vous, et toujours avec l'accent de la plus vive amitié et du plus profond intérêt. Depuis quelque temps votre souvenir se présente plus égoïstement à mon esprit; pour vous expliquer cette phrase, il faut que vous sachiez que dans un an j'ai le projet de conduire mes enfants, pour une couple d'années, dans une des universités d'Allemagne pour y finir et perfectionner leurs études, d'après les idées constantes de leur père à ce sujet, et c'est cette idée qui me fait penser que personne, mieux que vous, ne pourrait me guider dans cette entreprise très grave pour mes fils par ses résultats, bons ou mauvais pour eux, pénible pour moi, vu mon caractère apathique et qui dans la situation de mon âme le devient toujours davantage. Vivre dans une position stationnaire et monotone est ce qui convient le mieux à mon coeur fatigué: mais ayant des devoirs sacrés à remplir, je tâche de les faire de mon mieux, en y apportant tous les sacrifices nécessaires. Je compte donc sur vous, mon bon Tourgueneff, malgré votre froideur apparente: elle ne peut exister dans votre coeur pour les enfants de celui dont la mémoire vous est chère et sacrée et qui de là haut peut-être se réunit à sa malheureuse amie pour vous le demander! Venez donc à mon secours avec vos avis, vos connaissances des localités, vous mettant à même de savoir ce qu'il y a de mieux à choisir; en un mot, soyez ma providence visible, avec l'aide de la bénédiction céleste. Prenez encore des renseignements et envoyez-moi une petite note, par laquelle des universités faudrait-il commencer et par laquelle finir, pour que les

enfants ne perdent pas un moment de ces deux années, consacrées uniquement à l'étude sans distraction. En cas que vous me répondiez, je vous donnerai plus de détails sur mon plan et sur le résultat que j'en attend ou plutôt que je désire. Répondez-moi par une occassion sûre et non par la poste.

Nous allons encore passer l'été à Réval; là aussi j'ai attendu une réponse à ma lettre et à l'envoi que je vous ai fait par Joukowsky du 12-e volume: hélas! un an s'est écoulé, et je n'ai pas eu un mot de vous. Après de terribles maladies et inquiétudes, maintenant, grâce au ciel, mes enfants se portent assez bien, il n'y a que ma santé qui cette année s'est détraquée. Savez-vous que je suis grand'mère d'un charmant petit-fils Nicolas? Adieu, mon cher et bon monsieur Tourgueneff, que la bonté du ciel veille sur vous et adoucisse votre existance: ce sont les voeux constants de celle qui vous aime et vous est devouée de coeur. Les enfants vous présentent leurs tendres respects et vous embrassent comme ils savent le faire.

Приписка княгини Е. Н. Мещерской.

Et moi, cher et bon monsieur Tourgueneff, je ne sais pas résister à la tentation de vous dire, combien le souvenir que je vous conserve est tendre, combien les voeux que je forme pour votre bien-être personnel et relatif sont constants et sincères, et combien je saurais apprécier quelque expression nouvelle de cette amitié, sur laquelle j'ai appris à compter depuis que mon coeur a appris à sentir et à rendre les plus douces affections. Procurez-moi donc la satisfaction de me voir dire ce que je vous dis maintenant du fond de l'âme: c'est que vous n'avez pas d'amie plus sincère et plus dévouée que Cathérine Mestcherski.

Приписка С. Н. Карамзиной.

Moi aussi je vous en veux, notre bien cher ami, de n'avoir pas répondu un mot d'amitié à mes deux lettres, et cependant j'espère que l'impression seule a manqué à des sentiments trop vrais et trop affectueux de mon côté pour ne pas être payés de retour, quand vous trouvez le loisir d'y penser. Que Dieu vous bénisse et vous console, c'est la prière fervente de votre dévouée de coeur Sophie Karamsine.

Продолженіе письма князя Вяземскаго.

Сдѣлай одолженіе, переведи мое введеніе къ біографіи Фонвизина. Я не умѣю сказать ничего полнѣе о нашей литературѣ,

которая полна отсутствіемъ. Если встрѣчаешь гдѣ-нибудь Benjamin Constant, скажи ему, что онъ скоро получитъ отъ меня переводъ мой „Адольфа“ его. Переводъ конченъ и переписывается. Извини меня передъ m-me Récamier, что я адресую письмо къ тебѣ на имя ея. Je m'autoriserai de cette inconvenance pour me présenter à elle, si jamais le bon Dieu m'amène à Paris. Алексѣй Михайловичъ Пушкинъ увѣрялъ, что лучшіе стихи Василія Львовича тѣ, которые онъ къ ней написалъ. Василій Львовичъ и радъ похвалѣ. „Какіе-же это стихи“, спрашиваютъ его, и Алексѣй Михайловичъ отвѣчаетъ:

Madame Récamier,
Que vous me semblez belle!
Que n'êtes—vous tourterelle
Et moi ramier!

Разумѣется, и стихи сочиненія Алексѣя Михайловича.

720.

Тургеневъ князю Вяземскому.

23-го мая 1830 г. Парижъ.

Письмо твое, милый Вяземскій, было для меня истиннымъ утѣшеніемъ, хотя я не разъ улыбался, видя, какъ ты преувеличиваешь мое чувство, мои понятія о моемъ несчастіи. Нѣтъ, съ нашею совѣстію я не могу быть такъ несчастливъ. Съ Жуковскимъ, съ тобою и еще съ немногими я не могу и на людей роптать. Я желалъ суда и оправданія, хлопоталъ за брата, потому что почиталъ это своею обязанностію; но не я рѣшилъ брата на поѣздку: онъ самъ на нее рѣшился къ моему ужасному страху и безпокойству. Судьба рѣшила иначе, и теперь я спокоенъ, ибо вижу ясно свое будущее, и оно рѣшено навсегда. Послалъ брату все письмо твое: и его оно утѣшитъ и порадуетъ. Онъ всегда любилъ тебя; но искренность твоего участія, душа, коею полны твои строки, должны и его порадовать. Жалѣю, что долго уже, можетъ быть, не будетъ случая переслать къ тебѣ то, что онъ ко мнѣ

на твое письмо ко мнѣ напишетъ. Утѣшайся и ты, что въ самую тяжелую минуту жизни ты умѣлъ пробудить во мнѣ чувство старой, закаленной дружбы къ тебѣ, хотя, впрочемъ, письма ваши не имѣли того дѣйствія, какого вы ожидали отъ нихъ. Напротивъ, у меня гора съ плечъ свалилась; я точно дышу свободнѣе съ тѣхъ поръ: честь приложена, а отъ бѣды Богъ избавилъ. Но полно: не услышишь о семъ болѣе ни слова.

Ты пеняешь, что я не прислалъ „Гернани“; именно его то и послать собрался, но нѣтъ возможности. Передъ мною груды брошюръ и книгъ для тебя и Козлова и даже для Гнѣдича за Гомера, нарядовъ для женъ и дѣтей вашихъ и всякая всячина для тебя и для многихъ на Москвѣ и въ Питерѣ; но все это возвратится во свояси, то-есть, въ Пале-Рояль, въ эту миніатюрную вселенную, гдѣ недостаетъ только одного—тебя. Не возвратятся только мои наряды, коими и съ тобой хотѣлъ подѣлиться и заранѣе повторялъ Василья Львовича:

Всему новѣйшіе фасоны!

На образецъ пришлю хоть застежку. Между тѣмъ, посылаю „Гернани“ и „Racine enfoncé“. Въ Англіи иначе бы вступились за Шекспира и въ карикатурахъ. Посылаю посланіе изъ тюрьмы, еще трепещущее новостію появленія. Козлову отдай въ первый томъ первыя двѣ части Мура; другія двѣ еще не вышли и врядъ ли еще и написаны, хотя и печатаются; ибо лордъ Лансдовнъ, его сосѣдъ и покровитель, недавно здѣсь сказывалъ мнѣ, что онъ ихъ дописываетъ. „Les harmonies sacrées“ Ламартина выдутъ къ 10-му іюня. Я даже въ типографію посылалъ за листами, чтобы послать вамъ ихъ, но и онъ дописываетъ; а между тѣмъ возитъ свою жену, англичанку, по магазинамъ и готовится быть представителемъ двора французскаго у греческаго.

Сверчкова уѣхала, не заплативъ мнѣ двѣсти съ чѣмъ-то франковъ за тебя, ибо недоставало у ней денегъ на дорогу: обѣщала немедленно заплатить тебѣ въ Петербургѣ. Она тамъ будетъ къ августу, а прежде въ Карлсбадѣ.

„Газеты“ Дельвига, о коей ты пишешь, я не получалъ. Отдалъ ли ты ее Матус[евичу]? Неужели Булгаковъ не увѣдомляетъ

тебя о курьерахъ? Похлопочи о семъ и присылай, что подъ руку попадетъ. Теперь, когда нѣтъ надежды къ возвращенію, еще сильнѣе захотѣлось русскаго духу, но не въ Россіи, а изъ Россіи только.

Поблагодари Гнѣдича за Гомера и скажи, что я недавно, во время моей душевной смуты, получилъ его и оттого не отвѣчалъ; но уже говорилъ съ первымъ переводчикомъ Гомера, Монбелемъ, о его предисловіи, и если бы я достоинъ былъ быть хотя предисловія переводчикомъ и у меня былъ досугъ, то и до отъѣзда на югъ была бы уже статья въ „Дебатахъ" и въ „Глобѣ" или въ одной изъ „Revue" о его безсмертіи. Но какъ успѣть? А самъ я о Гомерѣ знаю только по наслышкѣ. Нѣтъ, виноватъ: давно я и его прочелъ, и мое классическое невѣжество только останется въ шуткахъ. Я и Библію прочелъ, когда пересталъ о ней ораторствовать въ Таврическомъ дворцѣ. Доберусь и до „Телемака", а недавно видѣлъ и Расинову „Гоѳолію", которой Лафонъ угощалъ здѣсь Неапольскаго короля; но Тальмы нѣтъ, и толстая Гоѳолія—Paradol не замѣняетъ mademoiselle Georges, которая еще поддерживаетъ и себя, и Одеонъ въ Христинахъ и пр.

Присылай біографію Фонвизина, но за переводъ не ручаюсь, хотя и обѣщалъ твою статью Бюшону, издателю de la „Revue trimestrielle", недавно ожившей послѣ годичнаго усыпленія.

Скоро оторвусь я и отъ здѣшнихъ литераторовъ, съ коими вездѣ встрѣчался. Италія займетъ меня совершенно и, послѣ Германіи, Франціи, Англіи, Шотландіи и Бельгіи, гдѣ я осмотрѣлся, Италія для меня будетъ совершенно новымъ занятіемъ. Я найду тамъ пріятелей, коихъ отсюда заготовятъ мнѣ; но всего лучше— я найду тамъ небо ясное въ октябрѣ и развалины и утѣшусь великимъ утѣшеніемъ Іоанна Мюллера: погружусь въ прошедшее, auf dass ich meine Zeit vergessen kann.

Обними Карамзиныхъ. Встрѣчу ли ихъ въ Европѣ? Вотъ уже шесть недѣль, какъ я ни о чемъ болѣе не писалъ къ брату, какъ о томъ, о чемъ уже писать ни къ кому не буду, и гриммскія письма мои прекратились и къ нему. Но я переплелъ старый годъ, и если бы не было въ немъ адресовъ и кое-какихъ русскихъ комеражей, то я бы отправилъ ихъ къ тебѣ. Это мнѣ не-

давно пришло на мысль, ибо не опасаюсь ни за себя, а еще менѣе за брата гласности; но какъ выписать оттуда все, въ чемъ можетъ встрѣтиться надобность? Письма братнины были бы для тебя интереснѣе и наставительнѣе, ибо онъ пишетъ результатъ жизни, чтенія, мыслей и опытовъ души; но съ ними не разстанусь. Мои—тѣшили только Козловскаго, а братъ читалъ ихъ, какъ газеты. Для васъ и старыя газеты могутъ быть не безъ интереса.

Поклонись женѣ и дѣтямъ отъ ихъ нѣжнаго и вѣрнаго друга и обними за меня себя. Княгиня Гагарина (Соймонова) и Свѣчина нѣжно тебѣ кланяются и повторяли о семъ неоднократно.

Спокоенъ ли я? И мудрено ли, что спокоенъ? Я на горѣ высокой, и ажитаціи жизни подъ ногами моими.

721.

Тургеневъ князю Вяземскому.

24-го мая 1830 г. Парижъ. [№ 1].

Вотъ вамъ, милые друзья, еще нѣсколько брошюръ. Вяземскому карикатуры: всего пять. Къ Даниловой принадлежитъ картинка съ костюмами. Не знаю, Темира или Козловъ желали имѣть мелодрамъ.Посылаю ей три, а англинскихъ альманаховъ пришлю послѣ, и ей прежде всѣхъ другихъ, если сегодня не успѣю, и если комедіи не она желала имѣть. Я выбралъ изъ новѣйшихъ лучшія, по совѣту драматическаго печатника въ Palais Royal—Barba. Скоро выйдетъ новая книга Manzoni.

Жаль, что все дѣлается на-скоро и вдругъ и что, получивъ сію минуту письмо изъ Чельтенгама, думаю о другомъ; но и вами было полно сердце, когда прощался съ Ивановой. Сбиралъ для Вяземскаго записочки Вильменя, Арно, Дежерандо, Шатобріана, Жомара, Эйнара и пр., и пр.—и подарилъ Потоцкой. Скоро будетъ другая коллекція, ибо эпистолярныя мои сношенія иногда не уступаютъ прежнимъ.

Киселева кланяется Вяземскому. Она мила, и второй томъ Бобринской по любви къ забавамъ. Цѣлые дни и ночи просиживала въ Palais de Justice, слушая судъ надъ отравителемъ двухъ

женъ и дочери, оправданнымъ присяжными (Bouquet). Я люблю подъ деревьями Тюлери болтать съ нею о прошломъ и знакомить съ знаменитостями Парижа, кои мимо насъ проходятъ. Сбираемся въ Со на bal champêtre и въ Chamier на балъ и обѣдъ. Она оживила кругъ нашъ, опустѣвшій съ тѣхъ поръ, какъ русскія Коринны разъѣхались по водамъ. Что княгиня Софья Григорьевна Волконская? Скажите Алинѣ, что здѣсь теперь madame de Serre для королевы Неаполитанской. Напишите мнѣ все о первыхъ двухъ.

На оборотъ: Жуковскому или Козлову, или Вяземскому.

722.

Тургеневъ князю Вяземскому.

24-го мая [Парижъ]. № 2. Вяземскому.

При „Гернани“ посылаю тебѣ и двѣ пародіи. Другія, кажется, не напечатаны, да и не стоютъ печатнаго безсмертія, но въ сихъ много смѣшного, и надобно видѣть или прочесть прежде „Гернани“, чтобы вкусить всю соль пародій. Я видѣлъ ихъ и сквозь слезы смѣялся. При „Racine enfoncé“ посылаю тебѣ, яко главѣ романтиковъ, и костюмы ихъ. Совсѣмъ не смѣшно, и англичане потѣшили бы иначе, но въ словесной остротѣ и игрѣ словъ французы не уступаютъ имъ.

Сбирался послать все, что вышло отъ имени записныхъ прелестницъ, коимъ полиція запретила являться въ сумерки на улицахъ и останавливать прохожихъ; онѣ исчезли съ тротуаровъ, и одно шиканье ихъ вспомогательницъ нарушаетъ благонравную тишину парижскаго сумрака. Рекламаціи ихъ противъ префекта смѣшны и жалки, но я удержался отправленіемъ во уваженіе той, которая везетъ это письмо.

Въ Монпелье намѣренъ я пробыть нѣсколько дней, если Форіэль успѣетъ туда пріѣхать. Онъ назначенъ профессоромъ литературы въ Женеву и начнетъ лекціи въ октябрѣ, но прежде поживетъ въ Монпелье и кончитъ большое свое твореніе о вліяніи юга Франціи на Францію и Гишпанію и Италію, а чрезъ нихъ и на остальную Европу. Мысль совершенно новая, и ре-

зультаты его изысканій, его историческихъ соображеній, Ansichten, разительны и любопытны. Прочту его или хотя часть прежде вояжа въ Италію.

Въ запискахъ Мура о Бейронѣ найдете, что Шериданъ что-то сказалъ Бейрону о театрѣ и Рекамье, но загадка пе объяснена. Рекамье разсказала мнѣ съ прелестною простотою весь случай. Въ пріѣздъ ея въ Лондонъ толпа обожателей окружила ее, но мать стерегла свое нетронутое сокровище и оброняла ее отъ неугомонныхъ поклонниковъ. Шериданъ былъ тогда au pinacle парламентарной и театральной славы своей, и герцогиня Девонширская назначила ему мѣсто въ своей ложѣ, чтобы представить его парижской красавицѣ. Но вотъ бѣда: англійскій ораторъ не умѣлъ сказать двухъ словъ по-французски; изъяснялся чрезъ переводчика съ красавицей, но, обвороженный ея милымъ лицомъ, схватилъ платокъ ея и спросилъ у переводчика, какъ сказать: „For ever“?—„Pour toujours“, отвѣчалъ онъ. Онъ поцѣловалъ платокъ страстно и спряталъ его, повторивъ ей слова: „Pour toujours“. Этотъ анекдотъ пересказали, вѣроятно, Бейрону.

Въ горахъ Овернскихъ увижу Montlosier, съ коимъ сближаетъ меня дружба его къ моимъ пріятелямъ.

Пожалуйста, милый Вяземскій, понавѣдайся о книжкахъ и листочкахъ, посланныхъ мною въ нѣсколькихъ пакетахъ съ Матусевичемъ въ первый его поѣздъ отсюда въ Петербургъ, кажется, въ генварѣ или въ декабрѣ. Жихаревъ ничего не получалъ, а все адресовано было на имя Булгакова и Жуковскаго. Также и о шлафрокѣ, съ фельдъегеремъ изъ Берлина посланномъ. Устрой эти выправки и увѣдомь меня. Я обо всемъ писалъ уже прежде. Справься у Жуковскаго или Булгакова.

723.

Тургеневъ князю Вяземскому.

2-го іюня 1830 г. Парижъ.

Въ отвѣтъ на первое письмо твое, въ продолженіе цѣлой трети года писанное, отвѣчалъ я тебѣ съ Ивановой, которую найдешь у Козлова. Съ тѣхъ поръ madame Récamier прислала ко

мнѣ письма твои и Карамз[иныхъ], „Литературную Газету“ и седьмую часть „Онѣгина“. За все спасибо, а особливо за письма. Отвѣчаю особо Карамзинымъ. Поблагодари Дельвига за журналъ. Право, давно не читалъ такой занимательной газеты. Въ ней столько оригинальныхъ статей: твои, Пушкина, Дельвига и другія можно прочесть и перечесть, хотя во многомъ я и не согласенъ съ тобою. Какъ много знаете вы о насъ, европейцахъ! Какъ умно многое судите или какъ дѣльно по крайней мѣрѣ о многомъ намекаете! „Газета“ Дельвига—петербургскій „Globe“. Кто таковъ Кирѣевскій? Пришлите мнѣ скорѣе его обозрѣніе въ „Денницѣ“. Не сынъ ли онъ пріятельницы Жуковскаго? Не онъ ли будетъ жить или уже живетъ въ Мюнхенѣ? Высылайте его скорѣе въ Европу: дайте ему дозрѣть! Я уже люблю его за Новикова и сообщилъ бы ему записку Карамзина о немъ и о больной его дочери, если бы мой архивъ былъ со мною. Я всегда досадовалъ, что никто въ исторіи нашего просвѣщенія ни слова не сказалъ о Новиковѣ, а онъ точно и просвѣтитель, и мученикъ. Вольныя типографіи имъ созданы въ Россіи, хотя вольнаго въ нихъ были только одни шрифты, а не то, что ими печаталось. Но онъ прожился и прожилъ другихъ на нихъ. Не забудьте и Походяшина, и типографіи Лопухина и ихъ товарищей. Новиковъ былъ часто ихъ орудіемъ и употреблялъ и ихъ, какъ орудіе. Переспросите у Дмитріева, какъ хаживали поэты и литераторы-переводчики къ Новикову и получали не одно одобреніе. Впослѣдствіи дарилъ несчастныхъ онъ чѣмъ только могъ—слезою. Я видѣлъ его въ нищетѣ, видѣлъ его прежде, при выпускѣ изъ крѣпости Павломъ, въ бородѣ. Россія или ея словесные представители не должны забывать этой бороды: она отпущена въ шестилѣтнемъ заточеніи за изданіе Іоанна Арндта, за „Лексиконъ“, конфискованный въ Москвѣ профессоромъ Геймомъ, издателемъ „Лексикона“. Эти случаи принадлежатъ исторіи, ибо образуютъ, характеризуютъ эпоху и принадлежатъ именно къ исторіи нашей словесности. Замѣчательно и то, что сколько ни хлопотали мы о вознагражденіи Новикова, онъ умеръ самъ и оставилъ дочь и, кажется, сына безъ куска хлѣба, съ ужасною болѣзнію, слѣдствіемъ мученическихъ страданій отца и шестилѣтняго сиротства ея. Еще разъ спасибо Кирѣевскому, хотя въ мнѣ-

нiи о второмъ цензурномъ уставѣ я и не согласенъ съ нимъ: начала тѣ же, чтò и въ предшествующемъ: оставленъ произволъ и вымарана прекрасная статья 1803-го года; но послѣ безчестнаго варварства Шишкова онъ, конечно, долженъ казаться памятникомъ государственной мудрости. Въ немъ нѣтъ наказанiя за одобренное, за позволенное закономъ. Еще разъ: присылайте Кирѣевскаго, въ лицахъ или въ „Денницѣ". Я прочту ему и переписку нашу о двѣнадцатомъ томѣ „Исторiи Государства Россiйскаго", которой сообщить не могу.

На сихъ дняхъ я нарочно познакомился на балѣ у Орлеанскаго съ молодымъ St.-Priest, чтобы предложить ему переводъ статьи твоей о Фонвизинѣ. Онъ берется обѣими руками, и сегодня мы свидимся, чтобы переговорить о ней. Онъ отдаетъ ее въ „Revue Française" для Гизо, которому я давно обѣщалъ и на сихъ дняхъ подтвердилъ обѣщанiе прислать статью твою о русской литературѣ вообще, и твое введенiе къ Фонвизину можетъ замѣнить ее. Жаль, что подробности статьи о московскихъ журналахъ не могутъ быть любопытны и даже понятны для здѣшнихъ читателей, но и въ статьѣ о Фонвизинѣ сдѣлалъ бы я кой-какiя перемѣны, хотя въ слогѣ. Ты слишкомъ вольничаешь; ты уже *не письма ко мнѣ* пишешь и долженъ говорить и договаривать и особенно не слишкомъ щеголять смѣлостью выраженiй. Конечно, „смѣлымъ Богъ владѣетъ", и я въ твоемъ слогѣ люблю самые недостатки, неправильности его, но публика составлена не изъ прiятелей, и не всѣ угадаютъ тебя. Мысли твои объ офицiальной нашей поэзiи такъ вѣрны и справедливы, и вѣроятно ты сказалъ бы еще болѣе, если бы не обязанъ былъ восхищаться съ Кирѣевскимъ превосходствомъ цензурнаго устава. Дворъ въ нашей поэзiи отразился еще болѣе, нежели блескъ оружiя: ты говоришь противное, но перечитай Державина, котораго я недавно прочелъ отъ доски до доски въ Лондонѣ. Чѣмъ болѣе видѣлъ въ немъ великаго поэта, тѣмъ болѣе мерзился мнѣ въ немъ русскiй царедворецъ, пока, наконецъ, не стошнилось мнѣ отъ описанiя его семейственнаго препровожденiя времени съ Плѣнирой, съ которой онъ искалъ *въ головѣ* не мыслей, а... Въ описанiи „банныхъ строенiй" Лужницкаго старца это было бы у мѣста, но въ поэтической

жизни поэта-царедворца! Весь тогдашній вѣкъ отразился въ этой строфѣ Державина. Хвалебное же направленіе нашей литературы замѣтно даже — въ комъ бы ты думалъ? — И въ тебѣ, хотя ты часто и цвѣтами колешь, но я не смѣю приводить доказательствъ. Твою піесу надобно не только перевести, но для иностранцевъ объяснить и примѣчаніями. Въ ней точно много ума и правды и, слѣдовательно, безпристрастія. Я замѣтилъ только въ одномъ мѣстѣ какое-то непонятное въ тебѣ пристрастіе къ русскому дворянскому воспитанію (стр. 134). Впрочемъ, твоя похвала такъ неопредѣлительна, и я не знаю, хвалишь ли ты или бранишь, говоря, что воспитаніе дѣйствовало болѣе въ народномъ смыслѣ. Гдѣ же этотъ смыслъ, да еще и народный? И почему нынѣшнее воспитаніе болѣе отвлеченное? Вся эта фраза отличается той темнотою, которую иногда встрѣчаю въ твоемъ слогѣ. Но тутъ есть и несправедливость, неблагодарность, несогласная съ твоимъ сердцемъ и, конечно, съ твоимъ мнѣніемъ. Неужели Вяземскій искренно думаетъ, что коренное основаніе воспитанія —въ Часословѣ и сожалѣетъ о дѣтяхъ другого поколѣнія, учившихся по Лафонтену? Впослѣдствіи ты самъ себѣ противорѣчишь. Мы встрѣтились съ тобою въ цитатѣ. Недавно прочелъ я здѣсь все путешествіе Карамзина и слова: *Главное дѣло быть людьми, а не славянами* такъ поразили, обрадовали меня, что я выписалъ все въ письмѣ къ брату и жалѣю, что не могу теперь отыскать въ его письмахъ отвѣта его. Эти слова, въ молодости Карамзинымъ сказанныя (я нашелъ ихъ въ его путешествіи), доказываютъ (по вашему надобно бы сказать: обличаютъ), что умъ его угадывалъ прекрасное, ибо тогда еще и въ Европѣ немногіе такъ думали, и лакейскій патріотизмъ господствовалъ. Жаль, что это же чувство не выразилось и въ его „Исторіи": тамъ онъ иногда несправедливъ и къ массамъ, и къ индивидуумамъ и судитъ нѣкоторыя историческія явленія не своею душою, но по впечатлѣніямъ внѣшнимъ, постороннимъ, ему чуждымъ. Не хочу приводить доказательствъ, но русская исторія не оправдываетъ прекрасной, истинно христіанской, въ душѣ Карамзина почерпнутой мысли: *главное быть людьми*. Въ ней иногда я вижу адвоката; вижу также иногда *и русскаго Бога*: онъ и въ стихахъ уродство, и въ исторіи! „Злодѣй-растрига"! Нѣтъ! Кто знаетъ Ка-

рамзина только по его „Исторіи“—не знаетъ его! Если бы я былъ писатель, имѣлъ „краснорѣчіе души“, я бы, закрывъ его „Исторію,“ написалъ его біографію со словъ его, съ его физіогноміи, со всей его прекрасной жизни, съ ангельской, добродушной его улыбки и эпиграфомъ взялъ бы слова: „Главное дѣло быть людьми“. Пожалуйста, не толкуйте меня криво: я люблю Карамзина ежедневно болѣе. Согласите это съ моимъ мнѣніемъ о его „Исторіи“. Но ты не дописалъ Карамзинскаго текста. Онъ, помнится, прибавляетъ: „Что хорошо для людей вообще, то не можетъ быть дурно для русскихъ“. Какъ ты думаешь объ этомъ, мой милый Кутейкинъ? Примѣни это золотое правило къ твоему пристрастію къ Часослову.

3-го іюня.

Вчера провелъ я съ St.-Priest часа два въ разговорѣ о нашей словесности, о политикѣ, о планахъ новыхъ его сочиненій и онъ взялъ Дельвигову „Газету“, чтобы перевести для Гизо статью твою и дочесть остальное. Я указалъ ему и на другія статьи твои и Пушкина, кои познакомятъ его съ нашею новѣйшею литературою или, по крайней мѣрѣ, съ журналистикою. Онъ почти все читалъ, что вышло. Сестра его присылаетъ новѣйшія книги и брошюры. Я надѣюсь, что переводъ его тебѣ понравится, хотя, вѣроятно, онъ многое и не приметъ, а иное объяснитъ не по твоему. Въ слогѣ его есть какое-то сходство съ твоимъ; въ доказательство посылаю или пошлю къ тебѣ его отрывокъ о Гишпаніи отъ его имени. Онъ желалъ сказать слова два и объ авторѣ статьи.

Я уже заявилъ Бенжамену Констану о твоемъ намѣреніи прислать ему переводъ его романа. Я видѣлъ его на великолѣпномъ праздникѣ въ Palais-Royal, у Орлеанскаго, угощавшаго королей и либераловъ и, желая показать его Киселевой, которую знакомилъ съ достопримѣчательностями Парижа въ лицахъ, нарочно заговорилъ съ Констаномъ. Гуляя съ Киселевой, я еще чаще вспоминаю о тебѣ: она любитъ жить по твоему, à quelque exceptions près pourtant, и мнѣ нравится ея веселость. Недавно проводила она цѣлые дни въ Palais de Justice; теперь рыскаетъ по окрестностямъ Парижа, и третьяго дня мы провели вечеръ въ Тиволи. Но жена брата ея, графиня Потоцкая, урожденная Салтыкова,

милѣйшее созданіе въ здѣшнемъ русскомъ мірѣ: она всѣхъ обворожила. Хотѣлось бы проводить ихъ въ Англію, но тамъ будетъ иное на умѣ. Я почти далъ слово Рекамье: пріѣхать къ ней въ Dieppe въ то время, какъ тамъ будетъ Шатобріанъ. На сихъ дняхъ провели мы съ нимъ часа два въ жаркомъ разговорѣ о политическихъ слѣдствіяхъ протестантизма. Въ новомъ своемъ сочиненіи о французской исторіи, которое издастъ, вѣроятно, въ концѣ года, онъ утверждаетъ, вопреки почти общаго мнѣнія, что протестантизмъ не благопріятствуетъ представительному образу правленія; что во всей Германіи протестантской нѣтъ сего правленія, и что англинская конституція изобрѣтена и образована во время католицизма. Эту мысль развиваетъ онъ въ своей исторіи, почитая ее новою. Увидимъ, не перемѣнитъ ли онъ отчасти свое мнѣніе по прочтеніи того, чего ты читать не будешь, и для того лучше помолчать. Повѣришь ли, что вчера, наединѣ съ Рекамье, вспоминая слова и размышленія Шатобріана, я заслушался ее, можетъ быть, болѣе, нежели его. Она и душою, и образованнымъ умомъ все постигаетъ. А жизнь, обращеніе ея съ лучшими и умнѣйшими людьми ея вѣка познакомили ее съ каждою новою идеею, почти съ каждою новою формою, въ которой отливались идеи вѣка. Ей ничто не чуждо, а тамъ, гдѣ, какъ часто случается, душа источникъ мысли, напримѣръ, въ сферѣ религіи, тамъ я ей болѣе вѣрю, нежели автору „Духа христіанства"; и она разобрала его мнѣнія, его историческіе парадоксы умомъ просвѣщеннымъ, хотя и не совсѣмъ свободнымъ отъ узъ церковныхъ, то-есть, отъ закоснѣлыхъ догматовъ римской церкви, но я видѣлъ, что умъ и душа доступны въ ней и понятіямъ высшей сердечной, духовной религіи, религіи не для людей на землѣ, но для людей безплотныхъ готовимой; готовимой не здѣсь, но тамъ, гдѣ и вѣра не нужна, кольми паче церковь, гдѣ будетъ духовный дуализмъ не человѣка съ натурою, но человѣка съ Творцомъ ея. Эта мысль, это мнѣніе не исключаетъ необходимости привести, въ этой ненадежной безднѣ, привести умъ не только въ послушаніе вѣры, по слову апостола, но даже и въ послушаніе церкви, по слову графовъ Мейстеровъ всѣхъ исповѣданій; и въ семъ смыслѣ я согласенъ, не помню съ кѣмъ, а кажется съ Мейстеромъ же, что догматъ есть: *une verité loi.*

4-го іюня.

Сію минуту узнаю, что курьеръ нашъ ѣдетъ въ Варшаву (Хитровъ), и что оттуда посылаются два раза въ недѣлю курьеры въ Петербургъ. Не успѣю кончить письма, въ которомъ хотѣлось дать тебѣ понятіе о нѣкоторыхъ авторахъ и авторшахъ, и книгахъ, и проектахъ, кои теперь занимаютъ меня, и отблагодарить Дельвига за „Газету“ отчетомъ о всемъ томъ, что вижу, слышу я въ Парижѣ. И къ Козлову не успѣю написать, но вы теперь вмѣстѣ и вмѣстѣ прочтете, что написалось. Сегодня ожидаю къ себѣ и St.-Priest съ мнѣніемъ о, а можетъ быть уже и съ переводомъ твоей піесы. Но я вчера встрѣтилъ и здѣшняго собирателя древностей историческихъ и литературныхъ—Бюшона, издателя de la „Revue trimestrielle“, недавно воскресшей. Онъ давно просилъ меня сообщить въ его „Revue“ кое-что о русской литературѣ. Я указалъ ему на вашу журналистику, изъ матеріаловъ коей можно бы составить статью: „Sur l'état présent de la littérature russe“.. Но кто переведетъ? „Revue“ его дѣлается опять любопытною.

Обними друга Жуковскаго и пріятелей. Скажи Козлову о посылкахъ вамъ съ Ивановой. Темирѣ, вмѣсто альманаховъ, послалъ, хотя in 16°, но классика-моралиста англійскаго,—Палея, который имѣлъ великое вліяніе на всю юность англинскую и шотландскую. Курьеръ, кромѣ писемъ, ничего не беретъ. Не знаю, удастся ли послать и брошюру St.-Priest. Во всякомъ случаѣ пошлю особо на имя Булгакова.

На оборотѣ: Его сіятельству князю Петру Андреевичу Вяземскому, при министрѣ финансовъ, въ Петербургѣ.

724.

Князь Вяземскій Тургеневу.

25-го іюня. [Петербургъ].

Сердечное спасибо за милое и длинное письмо твое отъ 2-го и 3-го іюня и 4-го. Жалѣю, что нѣтъ времени отвѣчать на него обстоятельно. Сейчасъ сказываютъ мнѣ, что есть оказія

и что черезъ часъ ея уже не будетъ. Итакъ, вотъ отвѣтъ sommaire'ный: Кирѣевскій „Денницы“ — именно сынъ Елагиной (нынѣ), пріятельницы Жуковскаго, но не мюнхенскій: тотъ братъ ему. Оба теперь въ Европѣ учатся. Денницынъ, кажется, пока въ Берлинѣ, но будетъ въ Парижѣ и вѣрно тебя отыщетъ. Статья его зелена слогомъ, а иногда и мыслями, но эта зелень—*цвѣтъ надежды*. Дурацкіе журналы наши поймали нѣсколько подобныхъ выраженій: „Душегрѣйка новѣйшаго унынія“, и доселѣ еще катаются на нихъ.

Напрасно записываешь ты меня въ пономари. Я не говорю: должно исключительно держаться Часослова; но напоминаю, что часословное воспитаніе давало намъ Паниныхъ, Румянцевыхъ, Орловыхъ, Храповицкихъ, Фонвизиныхъ; а нынѣ лафонтеновское даетъ намъ кого бы назвать? Во множествѣ не знаешь, кого избрать. Представляю тебѣ весь Петербургъ на ладони. Бери, кого хочешь. Не забывай, что мы говорить, то-есть, выговаривать не можемъ, а только заикаться. Меня болѣе другого должно читать междустрочно. Въ бѣлыхъ пропускахъ есть или пополненіе, или изъясненіе, или разгадка. Да въ этомъ случаѣ, замѣченномъ тобою, кажется, ты совершенно не правъ. Я все договорилъ или оговорилъ. Впрочемъ, ты самъ, отецъ твой—часословные ученики; это не помѣшало вамъ быть европейцами, а только сохранило въ васъ русское начало. Гдѣ же набраться намъ русскаго духа, какъ не въ дѣтскихъ? Въ обществѣ нѣтъ его, въ службѣ и не бывало. Если не запасешься имъ отъ нянюшекъ, дядюшекъ, бабушекъ, то дѣло конченное, и выдетъ Тюфякинъ или Нессельроде, который, по городскимъ слухамъ, живой покойникъ и замѣщенъ лондонскимъ Ливеномъ. Благодари графа St.-Priest за подарокъ его и за лестное обѣщаніе перевести статью мою. Его о Гишпаніи читалъ я съ большимъ удовольствіемъ и хочу составить изъ нея извлеченіе для „Газеты“, которую посылаю тебѣ. Нѣтъ ли lacunes между первымъ отправленіемъ и нынѣшнимъ? Этотъ транспортъ не такъ хорошъ. Дельвигъ лѣнивъ и ничего не пишетъ; Пушкинъ женится. Жуковскій посылаетъ тебѣ романъ Алексѣя Перовскаго, другой романъ Загоскина, которымъ онъ, дворъ и городъ восхищаются, а я вовсе нѣтъ: по мнѣ—это плоскость, разумѣется, въ

европейскомъ смыслѣ, а не русскомъ, потому что наши плоскости ровнѣе всякой степи; „Сѣверные Цвѣты“.

Я получилъ „Hernani“, каррикатуры и пародіи. Попробуй пересылать ко мнѣ что-нибудь книжнаго черезъ Матушевича, разумѣется, чисто литературнаго, такого, отъ чего и Красовскій не поморщился бы. Въ „Денницѣ“, на страницѣ 121-й, найдешь ты стихи дѣвицы, за которые московскій Глинка, цензоръ, просидѣлъ недѣлю на гауптвахтѣ съ цензурнымъ уставомъ. Въ самомъ дѣлѣ, онъ говорилъ: „Не я взятъ подъ караулъ, а уставъ“ и несъ его черезъ улицу въ сопровожденіи полицейскаго офицера. Это стихи на смерть какого-то студента утопившагося, а имъ дали политическое перетолкованіе. Прости! Обнимаю тебя отъ всей души. Жалѣю, что меня застали врасплохъ и не дали расписаться.

725.

Тургеневъ князю Вяземскому.

[Конецъ года. Парижъ].

On s'entretient beaucoup à Paris du départ soudain de m-r le comte Pahlen. Quelques journaux disent, que m-r l'ambassadeur de Russie a demandé un congé. D'autres prétendent, que l'empereur Nicolas est curieux de recueillir de sa bouche des détails intimes sur les hommes qui composent le gouvernement français. Ces deux versions sont aussi peu exactes, l'une que l'autre. M-r le comte Pahlen n'a pas demandé du congé, par la raison qu'il aimerait mieux, si l'on consultait ses goûts, passer l'hiver à Paris qu'à St.-Pétersbourg. Ajoutons, que m-r l'ambassadeur de Russie connait trop peu les hommes et les choses en France, pour donner à son souverain les renseignements que celui-ci pourrait désirer. L'empereur Nicolas a des correspondants à Paris, qui font mieux cette besogne, et qui ne lui laissent rien à désirer.

Le véritable motif de l'ordre tout-à-fait imprévu qui rappelle m-r le comte de Pahlen à St.-Pétersbourg est d'une autre nature. Il prend sa source dans des antipathies personnelles bien plus que

dans la raison politique. L'empereur Nicolas fait profession d'une haute estime pour la France et les français, mais il affiche en même temps une haine puérile pour la dynastie [1]), élue en juillet. S'il mande en ce moment auprès de lui son ambassadeur à Paris, c'est de peur que l'absence de m-r le comte d'Appony n'oblige m-r de Pahlen à porter la parole au nom du corps diplomatique dans la cérémonie du 1-er janvier (но Поццо уже ораторствовалъ не разъ). Voilà un caprice que l'on voudrait bien faire passer pour un événement politique. Mais l'opinion publique ne prendra pas le change. Tout ce qu'elle y verra, c'est le supplice infligé à ce pauvre m-r de Pahlen qui va parcourir 800 lieux pour éluder la responsabilité d'un compliment, et qui aura le voyage à faire pour venir reprendre ses fonctions.

---

[1]) Писано рукою Л. Н. Леонтьевой, а далѣе—рукою Тургенева.

1832.

726.

Князь Вяземскій Тургеневу.

31-го октября 1832 г. Петербургъ.

Я получилъ письмо твое, посланное черезъ Москву, и письма съ Гагаринымъ. Принадлежности роздалъ и разослалъ, кому слѣдуетъ, кромѣ коробочки Нефедьевой, которую перешлю по оказіи. Спасибо за милыя письма, которыя такъ и высасываютъ слюнки на губы, а ты еще хандришь, да умничаешь. Запускай себѣ нѣсколько аршиновъ макароновъ въ горло каждый разъ, что дурь будетъ находить на тебя: лучшаго лѣкарства не знаю для тебя. Право, дуришь, и тебя хоть бить! Ты изъ несчастныхъ самый счастливый человѣкъ на свѣтѣ; лучше же, нежели изъ счастливцевъ быть самымъ несчастнымъ, а третьяго выбора нѣтъ. Всѣ люди, умѣющіе горячо чувствовать, принадлежатъ къ одному изъ двухъ разрядовъ. Всѣ прочіе—животныя. А ты еще имѣешь способность быть и животнымъ: трескать и храпѣть для тебя сладострастіе. Перестань Бога гнѣвить! Ты испытанъ несчастіями, и то въ пользу тебѣ. Провидѣніе помазало чело твое мvромъ испытаній, и за то чело твое свѣтлѣетъ между простонародными лбами площадной братіи. Хорошъ бы ты былъ безъ этого помазанія! Ты оплылъ бы, отекъ бы дурацкимъ счастіемъ и самодовольствомъ, и свѣтлѣлись бы только на губахъ твоихъ говяжій жиръ и коровье масло.

А мы здѣсь сколько настрадались! Голубушка Смирниха на-

пугала насъ ужасно. Роды ея были самые бѣдственные: дѣлали ей нѣсколько операцій, промучилась она 45 часовъ, и, наконецъ, должны были раздавить въ ней голову робенка и вытащить его мертваго. Теперь она спасена, и ей лучше. По крайней мѣрѣ, жизнь спасена, а съ здоровьемъ Богъ знаетъ, что будетъ. Какъ скоро можно будетъ, ее повезутъ въ Берлинъ; можетъ быть, еще и въ концѣ нынѣшняго года. Голубушка выдержала всѣ мученія, всѣ истязанія съ ангельскимъ терпѣніемъ и съ геройскимъ мужествомъ. Доктора говорятъ, что никогда не видали они ничего подобнаго, и что спасена она твердостью своею и присутствіемъ духа. Не могу выразить тебѣ, какимъ умиленіемъ и благоговѣніемъ былъ я исполненъ къ ней во всю эту эпоху ожиданій, страха и надежды! Удивительно, какъ во все это предпослѣднее время возмужала она умомъ и укротилась нравомъ.

И со мной совершились преобразованія, но, слава Богу, не столь бѣдственныя. Имѣю честь объявить, что я уже 15 дней какъ женатъ и отецъ семейства. Я разсылалъ о томъ извѣстительные билеты по знакомымъ своимъ, то-есть, знакомкамъ, но однако же безъ черной опушки. Мысленно ищи насъ теперь на Невѣ, у Гагаринской пристани, въ домѣ Баташева, бывшемъ Масальскаго, третій домъ отъ Прачешнаго моста. Покои довольно хороши, помѣстительны и благопристойны. Какъ мы жалѣемъ, что здѣсь нѣтъ ни тебя, ни Жуковскаго, чтобы на первыя поры заселить и обживить вечерній чайный столъ! Начала здѣсь довольно туги. Все такъ другъ къ другу примерзло, что ничто не раздается и не растворяется, чтобы впустить въ ледовитое лоно свое кого и что-нибудь со стороны. Пока самъ не начнешь остывать и не заинѣешь, то некуда прильнуть. Надобно *обсосульничаться*, и тогда примкнешь къ общему обвалу. Впрочемъ, жена моя и Маша коегдѣ уже дебютировали и, слава Богу, довольно порядочно.

Другое превращеніе мое въ томъ заключается, что я назначенъ исправляющимъ должность вице-директора Департамента внѣшней торговли, при Бибиковѣ, который остался на своемъ мѣстѣ. Завтра, съ перваго числа, начну вице-директорствовать. Отслужи молебствіе за мое вице-директорство и моли Господа о ниспосланіи на мою голову благословенія внутренняго и внѣшняго,

такъ чтобы не остался я навсегда внѣшним по дѣламъ и новымъ обязанностямъ моимъ.

Ты всегда присылаешь мнѣ, Богъ знаетъ, что за книги. Ужъ если есть случай, такъ присылай хорошее и стоющее;

А то, въ Италіи на солнцѣ пузу грѣя,
Ты подогрѣтаго мнѣ присылаешь Грея.

Добро бы еще, если къ этимъ многоязычнымъ образцамъ припечаталъ бы ты и образецъ Жуковскаго. Впередъ прошу присылать сочныхъ книгъ, а не то стану отсылать ихъ тебѣ на твой счетъ. Смерть досадно: обрадуешься толстому пакету и вытащишь какую-нибудь макулатуру. Прошу теперь присылать мнѣ книги по части коммерціи на какомъ языкѣ бы ни было, только замѣчательныя, но особенно же французскія и нѣмецкія. И книги сего рода можешь отдавать нашимъ консуламъ или министрамъ, съ означеніемъ, именно какія книги для доставленія въ департаментъ на мое имя, то-есть, имя исправляющаго должность вице-директора. А поелику ты энциклопедическій паровикъ, то прошу составить мнѣ записку о лучшихъ сочиненіяхъ сего рода, вышедшихъ въ послѣднихъ годахъ или и ранѣе, но мало извѣстныхъ, и о журналахъ, періодическихъ изданіяхъ, товарныхъ лексиконахъ, энциклопедіяхъ, выходящихъ нынѣ по сей части и частямъ, къ ней непосредственно примыкающимъ, и прислать мнѣ поскорѣе; а если самъ не сможешь, то посовѣтуйся въ Парижѣ и въ Лондонѣ. Мнѣ хочется составить библіотечку для обихода департамента нашего, для перевода на русскій языкъ нужнѣйшихъ и лучшихъ книгъ по сему предмету и для пріученія себя грѣшнаго. Сдѣлай одолженіе, займись этимъ con amore и вышли поскорѣе что можно изъ книгъ и записку, особенно съ поименованіемъ журналовъ, на которые слѣдовало бы подписаться на будущій годъ. Италія—земля не слишкомъ благорастворенная для подобныхъ изысканій, но именно во Флоренціи есть, кажется, хорошая журнальная библіотека, да и къ тому же не даромъ вѣдь Шатобріанъ провозгласилъ тебя во услышаніи вселенны *homme de toute sorte de savoir*. Прошу же теперь расплачиваться за славу свою.

А я, хотя и не числюсь по всѣмъ сортамъ *de savoir*, но трусь также около нѣкоторыхъ сортовъ.

Буду говорить тебѣ о Дубенской, которая также больна, но, слава Богу, не такъ же, какъ Смирнова. Твои письма давалъ я читать молодой Толстой, фрейлинѣ великой княгини, съ которою ѣздила она по Италіи. Фикельмонтша также просила меня прочесть ей твои письма. Смотри же, не слишкомъ завирайся и не неси — —. Вотъ тебѣ письмо отъ австрійской красавицы. Она извиняется передъ тобою, что пишетъ мало и наскоро, жалуясь на меня, что я торопилъ ее. Скажи княгинѣ Гагарцной, что съ удовольствіемъ займусь порученіемъ ея и соберу, что могу. Пріятно мнѣ было видѣть сыновей ея, особенно одного, который ее напоминаетъ. Что знаешь о Жуковскомъ? Обойми его, если гдѣ встрѣтишь. Карамзины въ Дерптѣ, здоровы; хочется зимою взглянуть на нихъ. Получилъ ли ты письмо мое, посланное въ Мюнхенъ? Завадовской не видать. Она въ траурѣ по старушкѣ Вяземской, которая сѣла въ гробъ: положить ее, вѣроятно, нельзя было. Гдѣ графиня Болеслась-Потоцка? Надѣюсь, что ты влюбишься въ нее, а между тѣмъ отдай ей эти стихи, написанные въ отвѣтъ на цитованные ею изъ Батюшкова. Видѣлъ ли Киселеву или увидишь ли? И ей мой сердечный поклонъ. Что дѣлаетъ она и на всегда ли она для насъ пропала? Скажи ей, что я душевно ее люблю и душевно ей преданъ и готовъ бы на старости лѣтъ душевно влюбиться въ нее, если бы она была на глазахъ.

Здѣсь веселія еще не оперились. Вѣроятно, оперятся не прежде шестинедѣлія императрицы. Теперь идетъ музыка. Сегодня ѣдемъ слушать madame Caradori-Allan. Обѣщали, было, Паганини на зиму, но что-то не ѣдетъ. Пришли его. Боюсь упустить всѣ знаменитости. Наполеона, Байрона прогулялъ; того смотри, что и Паганини свалится. Хорошо, что я успѣлъ тебя узнать.

Жена и дѣти тебѣ кланяются и киваютъ сердцемъ. Прости, мой Паганини, моя Эоловая Арфа, мои самородныя гусли! Обнимаю тебя отъ всей души и желаю тебѣ благоразумія, то-есть, менѣе ажитаціи.

1833.

727.

Князь Вяземскій Тургеневу.

30-го января 1833 г. [Петербургъ].

Воля твоя, ты блажишь и ребячишься и еще просишь совѣтовъ. Что можно тебѣ присовѣтовать, когда ты хочешь поступать не по разсудку, а по прихоти! Все это дѣло было уже бито и перебито. Новаго ничего нѣтъ; все осталось по старому. О чемъ же ты хлопочешь? Парижъ запрещенъ русскимъ; если и есть исключенія, то тебѣ ли просить исключенія? Говорившимъ о тебѣ Нессельроду онъ отвѣчалъ: „Я просилъ, я умолялъ Тургенева не заводить рѣчи о Парижѣ, оставаться въ покоѣ нѣсколько времени, не напоминать о себѣ". То же скажетъ онъ и теперь. Всѣ твои здѣшніе пріятели того же мнѣнія и увѣрены, что всякая попытка о разрѣшеніи тебѣ ѣхать въ Парижъ останется безъ успѣха на настоящее время и только повредитъ тебѣ въ будущемъ. Князя Александра Николаевича я не видалъ еще; при первомъ случаѣ переговорю съ нимъ, но, по собственному убѣжденію и по увѣренію Булгакова, заранѣе знаю, что это ни къ чему не послужитъ. Да и никто изъ принимающихъ участіе въ тебѣ не захочетъ входить съ представленіемъ по этому дѣлу, въ увѣреніи, что кромѣ вреда, то-есть, кромѣ новыхъ неблагопріятныхъ впечатлѣній, ничего изъ того не будетъ. Оно ясно, какъ дважды два четыре, и охота тебѣ chercher midi à quatorze heures! Ты знаешь, что къ

тебѣ не благоволятъ; знаешь, что общая мѣра принята, запрещающая русскимъ въѣздъ въ Парижъ; знаешь, что эта мѣра болѣе политическая, нежели иная и, разумѣется, должна имѣть въ виду людей именно подпавшихъ предубѣжденіямъ и неблаговоленію правительства. По какому же поводу полагаешь ты, что правительство разрѣшитъ тебѣ, что запрещаетъ другимъ, когда ты предпочтительно одинъ изъ тѣхъ, pour qui on inventerait la loi, si elle n'existait pas. По какому поводу? Потому ли, что въ Парижѣ братъ твой, который въ непріязненномъ положеніи противъ правительства? Разсуди самъ и убѣдишься въ несообразности своихъ требованій. Да и что тебѣ дѣлать въ Парижѣ? Я увѣренъ, что твое тамошнее пребываніе по возможности вредитъ даже и брату твоему, пробуждая вниманіе на него. Одинъ — онъ отрѣзанный ломоть отъ Россіи, и, безъ сомнѣнія, мало и помышляютъ о немъ и наконецъ забудутъ; при тебѣ рана его не можетъ затянуться и остается открытая. Наблюденія за тобою падаютъ неминуемо и на него. Предубѣжденія противъ него усиливаются предубѣжденіями противъ тебя. Ты даешь имъ присутствіемъ своимъ тѣло, образъ, жизнь и дѣйствіе, ибо ты сохраняешь сношенія свои съ Россіею и, живучи съ нимъ, ты какъ будто и его tacitement вводишь въ эти сношенія. Благо, что онъ тамъ, и оставляютъ его въ покоѣ.

Не заводи о прежнемъ слова,
И, другъ заботливый, больнова
Въ его дремотѣ не тревожь!

Одинъ онъ тамъ въ безопасности, ибо дѣло его кончено: онъ умеръ для Россіи и правительства. Самъ-другъ съ тобою онъ оживаетъ въ тебѣ, ибо ты, хоть и еле живъ, но все еще дышешь, и, слѣдовательно, la loi a prise sur vous. При настоящихъ дѣлахъ во Франціи нельзя ручаться за будущее. Поляковъ вѣдь выслали же изъ Парижа. Безъ тебя, я увѣренъ, что брата твоего никогда не вышлютъ и не сдѣлаютъ ему ни малѣйшей непріятности, ибо, повторяю, дѣло его кончено. Но при тебѣ положеніе его можетъ перемѣниться, и легко можетъ онъ пострадать за тебя. Да и что за нетерпѣніе! Погоди, такъ ли, сякъ ли, дѣла развяжутся, и Франція растворится. Помилуй, Шельда и шире тебя, да и она

заперта, и вотъ болѣе двухъ лѣтъ хлопочутъ, какъ бы отпереть ее, да все не удается. Покорись и ты необходимости и поставь себя въ число европейскихъ вопросовъ, которые ожидаютъ развязки отъ времени и обстоятельствъ. Конференціи наши о тебѣ, какъ и всѣ конференціи, только что болѣе запутаютъ дѣло. Окончательно: просить за тебя ни къ чему не ведетъ, а можетъ подвергнуть тебя исключенію въ будущемъ, когда всѣмъ разрѣшится Парижъ; ибо просить не во время и не кстати есть поводъ не только къ отказу, но и къ дальнѣйшимъ непріятностямъ. При нынѣшнемъ положеніи дѣлъ во Франціи, при невѣрности, зыбкости всего и всѣхъ, присутствіе твое въ Парижѣ, сближеніе твое съ братомъ, который безъ тебя мертвецъ, а при тебѣ оживаетъ, вредно не только тебѣ, но можетъ быть опасно и для него. Ѣхать тебѣ безъ позволенія и вопреки запрещенію, разумѣется, зависитъ отъ тебя, какъ и всякое сумасбродство; но предстоитъ ли такая крайность, что ты долженъ всѣмъ жертвовать и будущимъ своимъ, чтобы избавить себя отъ хандры, которую развлечь можешь иначе; а особливо же можешь угомонить сознаніемъ, что ты поступаешь благоразумно и исполняешь обязанность свою. Одно средство имѣешь ты ѣхать или съѣздить въ Парижъ: постарайся, чтобы при случаѣ посланникъ русскій отправилъ тебя съ депешами.

Кажется, все высказано, что было на умѣ, на сердцѣ и на совѣсти. Прости теперь. Я получилъ твои письма и книжки отъ князя Голицына. Буду отвѣчать на все въ другой разъ. А на этотъ—спасибо и за финансово-ученое розысканіе. Обнимаю тебя. Всѣ мои сердечно тебѣ кланяются.

Вотъ что Дмитріевъ отвѣчалъ мнѣ на твое порученіе: „Маленькому Гримму можете при случаѣ сказать, что я былъ и есмь все тотъ же; но онъ самъ хотѣлъ казаться не тѣмъ же: заглядывалъ къ намъ только изъ благопристойности. Мы, конечно, не Балланши, не Шатобріаны, но все-таки были бы ему паристѣе, нежели красивыя дѣвушки, въ бесѣдѣ которыхъ онъ только и находилъ удовольствіе. Прибавлю еще, что я теперь люблю его по прежнему и не перестану желать, чтобъ онъ скорѣе возвратился и способности свои посвятилъ на полезную службу отечеству“.

728.

Князь Вяземскій Тургеневу.

6-го февраля 1833 г. С.-Петербургъ.

Я вчера былъ у князя Александра Николаевича: онъ мнѣ читалъ письмо твое къ нему; сказывалъ, что говорилъ о немъ, съ кѣмъ подобаетъ, и хотѣлъ тебѣ отвѣчать самъ лично. Между тѣмъ предваряю, что онъ не одобряетъ твоихъ путешественныхъ плановъ; что никто ихъ здѣсь не одобряетъ, и не имѣть тебѣ разрѣшенія на то. Если въ самомъ дѣлѣ нужно тебѣ проѣхаться — съѣзди въ Англію для устройства своихъ денежныхъ дѣлъ, свиданія и переговоровъ, съ кѣмъ слѣдуетъ. Сердись иль нѣтъ, а все пріятелямъ твоимъ говорить тебѣ нечего, какъ одно: успокойся, не ажитируйся, не пѣнь тоски своей; пускай она отсядетъ. Разумѣется, есть тебѣ о чемъ тосковать, но именно потому и не зачѣмъ тебѣ искать новыхъ огорченій. Желать невозможнаго, желать въ свою пользу исключеній отъ общаго правила есть напрашиваться на неудачу, слѣдовательно, на неудовольствія. Голицынъ сказывалъ мнѣ, что не писалъ тебѣ за незнаніемъ, куда писать, ибо ты никогда не давалъ ему адреса своего. Онъ мнѣ говаривалъ это нѣсколько разъ и прежде при нашихъ встрѣчахъ; и, между прочимъ, разъ прислалъ ты мнѣ черезъ него какую-то брошюрку безъ письма, но съ надписью и выговоромъ, что по такое-то число не имѣлъ еще ты ни одного письма отъ меня; и онъ мнѣ на это сказалъ, что онъ это принимаетъ косвеннымъ выговоромъ и на себя. Ты напрасно ищешь посылки моей въ мюнхенскомъ почтамтѣ; ищи ее въ нашей миссіи, то-есть, у Потемкина, куда она отдана, по словамъ здѣшняго баварскаго посланника графа Лерхенфельда. Кажется, мудрено ей пропасть, а развѣ гдѣ-нибудь она залежалась. Я говорилъ Гагарину о продажѣ книги его въ Римѣ попеченіями Деликати. Ты черезъ него также долженъ получить деликатность отъ меня.

Я сегодня съ похоронъ Гнѣдича. Грипра доканала его. Онъ умеръ тихо и приготовившись. Жуковскаго калмыкъ закрылъ глаза ему. Онъ все свое земное совершилъ: перевелъ и напеча-

талъ Иліаду; не задолго передъ симъ выдалъ томъ своихъ стихотвореній. Вообрази, что Хвостовъ на погребеніи раздавалъ стихи, какую-то торжественную оду ко Христу. Вчера похоронили мы Долгорукову-Гагарину, жену князя Василія. А между тѣмъ вотъ и блинная недѣля, и мы съ бала на балъ катимся, какъ по маслу. Сегодня балъ австрійскій для царской фамиліи; послѣ завтра маскарадъ въ Удѣлахъ. Готовятся кадрили—императрица и дворъ красавицъ: Завадовская, Радзивиллова-Урусова, наша птичка-Дубенская и многія другія. Другая кадриль составляется подъ предводительствомъ графини Долли. Я тебѣ напакостилъ съ Дубенской: сказалъ ей, что въ послѣднихъ письмахъ нѣтъ ни слова о ней. Смирнова должна быть теперь въ Берлинѣ. Твои коробочки и прочее послано въ Москву къ Нефедьевой.

7-го.

Вчера на балѣ австрійскомъ говорилъ я пернаткѣ-Дубенской, что въ письмѣ, вчера же отъ тебя полученномъ, было словцо и о ней. Она благодаритъ тебя, а потомъ буду кормить ее твоими скоромными письмами. Теперь у всѣхъ у нихъ головы и ноги вертятся, и, какъ мой испанецъ въ притчѣ à la Chwostoff,

Все пляшетъ,
Ногами, головой, руками, брюхомъ машетъ.

Говорилъ я съ тобою на балѣ же и съ Долгоруковою, сестрою флорентинской Потоцкой, которая, слава Богу, по крайней мѣрѣ не вальсируетъ и не танцуетъ мазурки и къ которой между французскими кадрилями можно, слѣдовательно, присосѣдиться на балѣ и промѣнять нѣсколько идей и словъ. Она также очень мила, не фантастически, какъ сестра ея Потоцкая, но раціонально, и вообще разговоръ съ нею на балѣ очень хорошій *раціонъ* для голодныхъ ума и сердца, натощакъ изнемогающихъ посреди роскошныхъ пиршествъ нашихъ. Въ самомъ дѣлѣ, на балахъ нашихъ точно мученіе Танталово: много лакомыхъ прелестей; хочешь прильнуть къ нимъ мыслью, закусить ихъ чувствомъ, не тутъ то было: вихрь вальса давно умчалъ ихъ, и остаешься, разинувъ ротъ, и только-что закусишь губы.

Спасибо за ученыя твои указанія. Воспользуюсь ими и вы-

пишу книги, тобою назначенныя. Спасибо, что ты мнѣ напомнилъ и о Мейендорфѣ; онъ у меня совсѣмъ вышелъ изъ головы, а кому же лучше, какъ не ему, присылать намъ книги по части департамента нашего и моей газеты. Въ Москвѣ, сказываютъ, скучаютъ: нѣтъ баловъ. Одни Чистые пруды запрудились и кое-какъ мелятъ, а въ прочемъ вездѣ засуха. Здѣсь погода ужасная: грязная и пасмурная оттепель. Горы и катанія—къ чорту или въ воду. Здѣсь московская красавица наша, представительница Чистыхъ прудовъ, Булгакова: пріѣхала съ матерью; и она дѣйствуетъ въ царицыныхъ кадриляхъ. Она все очень хороша, хотя нѣсколько грубовата въ чертахъ. Алексѣй Оленинъ женится на Долгоруковой, сестрѣ князя Иліи. Люблю очень Оленина за холостымъ обѣдомъ, но не понимаю, какъ рѣшиться принять его въ брачное ложе; видно ужъ некого. А она довольно мила. Князь Григорій Гагаринъ хочетъ предложить Рожалину ѣхать съ нимъ въ Мюнхенъ и заняться воспитаніемъ дѣтей его. Пишетъ ли что-нибудь Рожалинъ? Вѣдь это скучно, что всѣ вы ѣздите по бѣлому свѣту, и никто ничего намъ не разсказываете, вы, коимъ отъ Господа Бога, не въ примѣръ другимъ, грамота далась. Читаемъ же мы съ жадностью сплетни другихъ путешественниковъ; еще жаднѣе читали бы мы ваши. Сейчасъ получаю письмо изъ Москвы отъ Боратынскаго, который объявляетъ мнѣ отъ своего имени и имени московской литературной братіи о предполагаемомъ ими альманахѣ къ Свѣтлому Воскресенію. Подари ихъ римскимъ краснымъ яичкомъ, а не то я состряпаю изъ твоихъ писемъ яичницу и поднесу имъ. Если что изготовишь, пошли имъ прямо въ Москву. „Les beaux esprits se rencontrent“: мы также съ Пушкинымъ затѣвали альманахъ къ веснѣ, чтобы содрать съ публики посильный могарычъ. Поэзія очень хороша, но хороши и деньги. Глупо все на другихъ работать безъ платы. Альманашники жирѣютъ отъ меня, а мнѣ отъ того ни гроша; только и барыша, что журналисты наколотятъ бока. Перовскій кончилъ или кончаетъ свою „Монастырку“. То, что я прочелъ изъ второй части,—прелесть. Вотъ настоящій, единственный романистъ у насъ! Удивительная натуральность и un laisser aller, котораго нигдѣ и ни у кого изъ нашихъ не найдешь. Къ тому же, много вѣрности въ

характеристическихъ съемкахъ, и веселость не вымышленная, не подготовленная. Онъ очень хорошо передаетъ себя въ слогѣ своемъ, да и мастеръ брать деньги: Смирдинъ далъ ему 9000 рублей за „Монастырку“, въ двухъ маленькихъ частяхъ. Конечно, это не парижская, не лондонская плата, но, по нашей малочисленной и исключительно русской публикѣ, должно дивиться развитію книжной промышленности у насъ. Давно ли Карамзинъ продавалъ всѣ сочиненія свои тысячъ за десять не съ большимъ; Батюшковъ всѣ свои—за твѣ тысячи рублей? А теперь Смирдинъ за второе изданіе ихъ предлагаетъ семь или восемъ тысячъ рублей. Стало, Русь начинаетъ книжки читать, и грамота и у насъ на что-нибудь да годится. Можно головою прокормить брюхо: слава тѣ, Господи!

На дняхъ было достопамятно-историческое засѣданіе въ Совѣтѣ: Сперанскій представлялъ оконченный Сводъ законовъ нашихъ. Государь присутствовалъ на семъ засѣданіи и говорилъ, сказываютъ, много и очень хорошо; изложилъ исторически весь ходъ этого дѣла и всѣ намѣренія и попытки предшественниковъ его совершить сіе предпріятіе. Были нѣкоторыя пренія о томъ, что можно ли облечь безусловно и съ перваго раза Сводъ сей законною силою или подвергнуть его предварительному испытанію. Наконецъ, рѣшили, и въ манифестѣ такъ сказано: „Сводъ имѣетъ воспріять законную свою силу и дѣйствіе съ 1-го генваря 1835 года. Законная сила Свода имѣетъ тогда состоять въ приложеніи и въ приведеніи статей его въ дѣлахъ правительственныхъ и судебныхъ и, вслѣдствіе того, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ прилагаются и приводятся законы и гдѣ или составляются изъ нихъ особыя выписки, или же указуется токмо ихъ содержаніе, вмѣсто того прилагать, приводить и дѣлать указанія и ссылки на статьи Свода, дѣлу приличныя. Какъ Сводъ законовъ ничего не измѣняетъ въ силѣ и дѣйствіи ихъ, но приводитъ ихъ токмо въ единообразіе и порядокъ, то, какъ въ случаѣ неясности самого закона въ существѣ его, такъ и въ случаѣ недостатка или неполноты его, порядокъ поясненія и дополненія остается тотъ же, какой существовалъ донынѣ“. Свода я еще не видалъ и потому ничего не могу сказать о системѣ, которой слѣдовали при составленіи его. Вотъ, что сказано о томъ въ манифестѣ: „Всѣ законы, начиная

отъ уложенія 1649 года по 1-е генваря 1832 года, въ теченіе 183-хъ лѣтъ изданные и при разнообразныхъ измѣненіяхъ времени сохранившіе понынѣ силу ихъ и дѣйствіе, бывъ разобраны по родамъ ихъ и отдѣлены отъ всего, что силою послѣдующихъ узаконеній отмѣнено, всѣ, исключая постановленій военныхъ и морскихъ и нѣкоторыхъ другихъ, *ниже сего поименованныхъ*, сведены въ единообразный составъ, соединены въ одно цѣлое, распредѣлены въ книгѣ по главнымъ предметамъ дѣлъ правительственныхъ и судебныхъ. Все, что послѣ 1-го генваря 1832 года состоялось или что, по общему движенію звконодательства, впредь состоится, будетъ по порядку тѣхъ же книгъ и съ указаніемъ на ихъ статьи распредѣляемо въ ежегодномъ Свода продолженіи, и, такимъ образомъ, составъ законовъ, единожды устроенный, сохранится всегда въ полнотѣ его и единствѣ. Сего требовали первыя существенныя нужды государства: правосудіе и порядокъ управленія. Симъ удостовѣряется сила и дѣйствіе законовъ въ настоящемъ и полагается твердое основаніе къ постепенному ихъ усовершенію въ будущемъ. Симъ исполняются желанія предковъ нашихъ, въ теченіе ста двадесяти шести лѣтъ почти непрерывно продолжавшіяся".

Вотъ исключенія упомянутыя: „Приводить также непосредственно (то-есть, не довольствуясь ссылками на Сводъ, какъ сказано было прежде): 1-е, всѣ мѣстные законы, гдѣ они дѣйствуютъ, доколь по принятымъ для сего мѣрамъ не будутъ они составлены въ особые Своды; 2-е, узаконенія, принадлежавшія къ управленію народнаго просвѣщенія и государственнаго контроля, коихъ уставы, по предназначенному въ сихъ частяхъ преобразованію, не могли быть еще окончены; 3-е, узаконенія, къ управленію иностранныхъ исповѣданій принадлежащія". Я дѣлалъ извлеченіе не по порядку и часто снизу вверхъ, но представилъ главное. Государь въ самое засѣданіе откололъ съ себя Андреевскую звѣзду и надѣлъ на Сперанскаго. Всѣ участвовавшіе въ этомъ трудѣ получили большія награжденія; Балугьянскій—Бѣлаго Орла, деньги единовременно, значительную аренду.

Здѣсь князь Дмитрій Владиміровичъ Голицынъ, но мало его видно. Онъ въ траурѣ по кончинѣ тещи, а старуха Вольдемаръ

и въ усъ не дуетъ. Сказывалъ ли я тебѣ, почему князь Дмитрій Владиміровичъ не носитъ усовъ, вопреки общему положенію: потому, что онъ еще не отдѣленный сынъ. Вчера на балѣ увидѣлъ я Николая Щербатова: онъ бѣлъ, какъ лунь или какъ братъ его. M-me Bravura вѣрно писала тебѣ о женѣ его, которая въ Москвѣ. Сказываютъ, ихъ дочь—красавица рѣдкая.

Сдѣлай милость, поцѣлуй ручку у милой княгини Зенеиды и благодари за письмо. При первомъ случаѣ напишу ей, а между тѣмъ забочусь о ея дѣлахъ таможенныхъ и надѣюсь все устроить, какъ она желаетъ. Иные ящики ея уже доставлены. По книгамъ намъ дѣлать нечего: умственная таможенная часть, то-есть, цензура, не въ нашихъ рукахъ. Впрочемъ, я сказалъ князю Александру, гдѣ ему справиться. Князь Александръ и здѣсь нравится; но онъ дterritory, и мы никакъ не можемъ *залучить* или приручить его къ себѣ, какъ ни стараемся и какъ ни упрашиваемъ. Сыновья Гагарина также очень милые ребята; эти бываютъ у насъ часто и живутъ въ большихъ ладахъ съ своими кузинами. Какое отличное дарованіе въ живописи у старшаго! На первой недѣлѣ ѣдутъ они въ Москву, и я дамъ имъ письмо къ нашей римской красавицѣ. Кланяйся отъ меня графу Риччи и благодари его за память обо мнѣ; и моя вѣрна ему. Что голосъ его, здравствуетъ ли? Дай Богъ ему здоровіе! Я обязанъ ему многими сладостными минутами. А что голосъ княгини Зенеиды? Сохранила ли она его посреди болѣзней своихъ? Здѣсь нѣтъ такого музыкальнаго міра, какъ бывало у нея, въ Москвѣ. Тамъ музыка входила всѣми порами, on était saturé d'harmonie. Здѣсь также есть много отличныхъ дарованій, но времени, досуга нѣтъ. Всѣ числятся по особымъ порученіямъ по тысячѣ другихъ интересовъ: не до музыки! Даже и Вьельегорскій не все звученъ, какъ бывала княгиня Зенеида. Домъ ея былъ какъ волшебный замокъ музыкальной феи: ногою ступишь на порогъ, раздаются созвучія; до чего ни дотронешься, тысяча словъ гармоническихъ откликнется. Тамъ стѣны пѣли; тамъ мысли, чувства, разговоръ, движенія, все было пѣніе. А я мнѣнія Рафаэля Гаруччи:

La poésie.

Voyez-vous? c'est bien; mais la musique, c'est mieux.
La langue sans gosier n'est rien. Voyez le Dante:
Son séraphin doré ne parle pas; il chante!
C'est la musique, moi, qui m'a fait croire en Dieu!

Ты знаешь ли эти „Contes d'Espagne et d'Italie“, par Alfred Musset и его самого не знавалъ ли въ Парижѣ? Онъ большой пострѣлъ; много дурачится, но дарованіе удивительно-оригинальное и замѣчательное!

Отъ Карамзиныхъ получаю часто письма изъ Дерпта. Поживаютъ они довольно хорошо. Студенты выдержали экзаменъ съ успѣхомъ. Жена моя и двѣ дочери ѣдутъ погостить у нихъ постомъ. Что знаешь о Жуковскомъ? Сдѣлай одолженіе, въ каждомъ письмѣ говори мнѣ о немъ. Онъ сюда ни къ кому не пишетъ.

Я посылалъ за Татариновымъ; онъ велѣлъ сказать, что будетъ завтра, а почта сегодня отправляется. Переговорю съ нимъ о твоихъ деревенскихъ дѣлахъ и скажу ему, чтобы онъ потузилъ дядюшку своего. Ты счастливъ въ выборахъ своихъ. Да, кстати: имѣю честь поздравить съ 3-мъ Владиміромъ Жихарева. Довольно ли я наплелъ тебѣ всякой всячины?

Еще разъ спасибо тебѣ въ поясъ за письма твои и библіографическія указанія. То ли дѣло расшевелить тебя: Богъ знаетъ, что̀ откуда берется! И правъ Шатобріанъ: „Le comte Tourgueneff est un homme de toutes sortes de savoir“. Жаль, que le seul savoir, qui lui manque, soit celui de se résigner à sa destinée, de tirer partie de sa position, qui n'est pas riante, car elle l'isole des personnes, qui lui sont chères, mais qui cependant n'est pas désespérée et offre, si ce n'est de jouissance à l'âme, du moins des distractions à l'esprit et une existence matérielle, intelectuelle et sociale, riche en ressources et en compensations. Вотъ тебѣ проповѣдь, а тамъ еще будетъ деликатная проповѣдь еще менѣе деликатная. Да съ тобою дѣлать нечего: надобно журить тебя, какъ ребенка, потому что ты ребячишься.

8-го.

Сейчасъ скушалъ я два блинка за твое здоровье. То ли дѣло московскіе блины! Прости! Мои тебѣ вседушно кланяются, а я тебя обнимаю и желаю тебѣ здоровья тѣлу, сердцу и разсудку. Аббату Мезофанти пришлю нашъ петербургскій „Cent et un“, какъ скоро онъ выйдетъ. Гдѣ Киселева? Что знаешь о ней? Что знаетъ Зенеида о поэтѣ Мицкевичѣ?

На оборотѣ: A son excellence, monsieur Alexandre Tourgueneff, chambellan de s. m. l'empereur de Russie etc., etc., par Memel à Rome. Poste restante.

729.

Князь Вяземскій Тургеневу.

15-го февраля 1833 г. С.-Петербургъ.

Comme tous chemins mènent à Rome, я пишу къ тебѣ черезъ Берлинъ и Швейцарію, то-есть, черезъ Смирнову, Сѣверина и Жуковскаго. Авось, дойдетъ, а когда—Богъ вѣсть; но ѣдетъ курьеръ въ Берлинъ: посылаю книгу Смирновой и при сей вѣрной оказіи хочу и тебѣ сказать нѣсколько словъ, хотя сердце теперь и не словоохотно. Я въ ужасномъ безпокойствіи о Карамзиныхъ: у нихъ сынъ Николай огчаянно боленъ d'une hémorragie des poumons. Кажется, доктора мало надѣются. Въ послѣднемъ письмѣ было извѣстіе нѣсколько успокоительное, а съ того времени ни слова; вѣроятно, за вскрытіемъ рѣкъ, почта, которая должна была прійти уже 12-го числа, не пришла еще и сегодня. Страшно и подумать о бѣдной Екатеринѣ Андреевнѣ. Недаромъ сердце у нея такъ не лежало къ Дерпту. Господи, помилуй ее и насъ!

Сегодня получилъ я твое письмо и книжонки отъ Демидова. Письмо къ Нефедьевой послалъ я сегодня же въ Москву. Татариновъ твой былъ у меня. Я передалъ ему говоренное тобою о молчаніи Аржевитинова. Онъ отвѣчалъ мнѣ, что самъ переслалъ онъ тебѣ во Флоренцію post restante письма отъ него. Впрочемъ, хотѣлъ онъ опять писать ему о твоихъ дѣлахъ и отвѣчать тебѣ самъ въ Римъ. Богъ знаетъ, что дѣлается съ письмами къ тебѣ;

право, отбиваетъ охоту и писать! Булгаковъ сказывалъ мнѣ, что писалъ тебѣ. Князь Александръ Николаевичъ и онъ, и получа свидѣтельство отъ Гурьева, будетъ теперь исправно пересылать тебѣ казенныя деньги. Я писалъ къ тебѣ недавно по почтѣ. Хотѣлось мнѣ поговорить тебѣ о праздникахъ нашихъ, о кадриляхъ de la lampe merveilleuse, о баядеркѣ-Дубенской, но бѣдные Карамзины не даютъ мыслить объ иномъ. Вотъ тебѣ вмѣсто моихъ разсказовъ разсказы Норова о Москвѣ. Каково ему будетъ? Кажется, отца присудили къ очистительной присягѣ подъ звонъ московскихъ колоколовъ по дѣлу съ старикомъ Гагаринымъ, которое, вѣроятно, извѣстно тебѣ. Вчера говорили мы про тебя съ графинею Вьельгорскою; она очень тебя любитъ и принимаетъ живое участіе въ тебѣ. Но вотъ бѣда: какъ ни принимай въ тебѣ участіе, а пособить тебѣ нечѣмъ.

Не скажешь: „Будь!“ тому, что было;
или „Не будь!“ тому, что есть.

Кромѣ тебя самого, никто поправить дѣла твои или, лучше сказать, расположеніе твое не можетъ. Стоитъ только покориться необходимости: легко сказать! Я согласенъ, но и ты согласиться долженъ, что другого исхода нѣтъ тебѣ, чтобы выпутаться изъ мытарства тоски, ажитацій, препятствій, невозможностей, объ которыя ты бьешься, какъ рыба объ ледъ, когда могъ бы ты плавать себѣ, если не совсѣмъ сколько душѣ и гдѣ душѣ угодно, то все-таки довольно сносно. Кому изъ насъ судьба не отмежевала заповѣдныхъ водъ, куда и хотѣлось бы, да грѣхи не пускаютъ! Мѣра и оцѣнка всему опредѣляется по сравненію: сравни себя со многими и не гнѣви Господа Бога.

Старикъ Мятлевъ умеръ сегодня. Онъ давно уже былъ полумертвъ. Языкъ не повиновался ему, и онъ говорилъ всегда не то, что хотѣлъ, и самъ это чувствовалъ.

Посылаю Жуковскому Смирдинское „Новоселіе“ и напишу ему, чтобы онъ подѣлился съ тобою, а между тѣмъ по первой оказіи пришлю и тебѣ экземпляръ для Мезофанти. Это книга животныхъ, въ которой вся наша братія наповалъ, и нѣкоторые даже въ лицахъ: Гречъ, Булгаринъ, Крыловъ, Пушкинъ, Хвостовъ. Тутъ

тоже, какъ у Мятлева: если не языкъ, то перо многимъ не повинуется, съ тою только разницею, что они того не чувствуютъ. Изъ Москвы пишутъ, что тамъ довольно вяло и блѣдно: насъ нѣтъ съ тобою. Одна пѣвица Корадори привела въ движеніе уши и карманы москвичей и сердце Александра Булгакова. Жена и дочь его еще здѣсь. Прости пока.

16-го февраля.

Все еще нѣтъ письма изъ Дерпта, и сердце не на мѣстѣ. Княгинѣ Зенеидѣ дружеское почтеніе. Думалъ я писать и къ ней сегодня, но не пишется. Всѣ мои тебѣ кланяются. При семъ письмо отъ Норова.

730.

Князь Вяземскій Тургеневу.

26-го марта 1833 г. С.-Петербургъ.

Ужъ я собирался писать тебѣ:

Умолкъ соловушко. Конечно, бѣдный боленъ (то-есть, обкушался),
Или не мною ль недоволенъ?

А, кажется, не за что. Я писалъ къ тебѣ нѣсколько разъ и чрезъ всѣ пути, держась пословицы, que tous chemins mènent à Rome, но, кажется, съ тѣхъ поръ, что̀ ты въ Римѣ, то и Римъ сбился съ пути. Между тѣмъ, нечаяннымъ образомъ попалось мнѣ твое письмо отъ 12-го февраля и при немъ книга „De l'administration commerciale", par Ferrier и вотъ какъ: однажды въ четвергъ или въ понедѣльникъ (или правильнѣе въ пятницу или во вторникъ, потому что являюсь всегда за полночь) Булгаковъ даетъ мнѣ прочесть письмо твое къ нему и говоритъ, что онъ многаго въ немъ не понимаетъ и не знаетъ, къ чему прислалъ ты ему книгу будто по его части, но въ которой, однако же, нѣтъ ни слова о почтовомъ управленіи. Что же вышло?—Ты на имя его надписалъ письмо ко мнѣ. Смотри, ты пожалуй такъ свѣтреничаешь и съ любовнымъ письмомъ! Какъ бы ни было, спасибо за письмо и книгу.

Мы все это время провели въ жестокомъ безпокойствіи о Николенькѣ Карамзинѣ, но Богъ помиловалъ, и послѣднія вѣсти

были уже очень успокоительны. Бѣдная Екатерина Андреевна недѣли двѣ была прикована къ кровати больного безъ пищи и сна. Кажется, Мойеръ очень хорошо попалъ на болѣзнь. Они имъ очень довольны.

Что сказать тебѣ новаго? Развѣ то, что князь Ливенъ пошелъ въ отставку, а Уваровъ вступилъ въ управленіе министерства по званію товарища. Онъ на дняхъ читалъ въ Академіи наукъ на французскомъ языкѣ статью о Гёте и, по замѣчанію злорѣчивыхъ, нашелъ способъ по поводу „Фауста“ сказать, что онъ министръ. Я на засѣданіи не былъ и потому прошу не мнѣ приписывать. Козлова и Языкова стихотворенія вышли, два антипода, но тутъ не по шерсти имъ дано, и забодаетъ не Козловъ. Оба изданія очень красивы; при оказіи доставлю тебѣ. Мы здѣсь какъ въ раю: поютъ да и полно. Каждый день концерты, съ тою разницею, что въ раю поютъ даромъ, а здѣсь давай каждый разъ красненькую бумажку. Слава Богу, вотъ Страстная недѣля, которая искупитъ насъ не только отъ всѣхъ грѣховъ, но и отъ всѣхъ концертовъ. Гагаринъ съ сыновьями еще въ Москвѣ. Скажи пожалуйста княгинѣ Зенеидѣ, что сынъ ея насъ очень дурно трактуетъ и ни разу у насъ не былъ, какъ я ни зазывалъ его; онъ не въ маменьку и меня не жалуетъ. Булгаковъ сказывалъ мнѣ, что онъ отправилъ тебѣ всѣ твои деньги. Татаринова твоего я давно не видалъ, а теперь не успѣю послать за нимъ; но въ послѣднее свиданіе наше обѣщалъ онъ прямо писать тебѣ по почтѣ о дѣлахъ твоихъ деревенскихъ и увѣрялъ, что родственникъ твой симбирскій нѣсколько разъ писалъ къ тебѣ и давалъ отчеты по управленію своему. Графу Гурьеву говорилъ я, но онъ отъ брата ничего еще не получалъ о покупкѣ имѣнія твоего. У Завадовскаго умеръ благодѣтельный двоюродный братъ и оставилъ ему 600000 чистыхъ денегъ, да сынку тысячу двѣсти душъ. Вотъ какъ умираютъ! Я чаю, Завадовская очень похорошѣла съ того времени. Жаль, что нашей птичкѣ-Дубенской не свалится съ неба подобная животворительная смерть. Она все очень мила, но вижу ее рѣдко. Я устарѣлъ и осовѣлъ. Въ послѣдній разъ видѣлъ ее въ каруселѣ. Она и на конѣ сидитъ такою же птичкою, какъ на вѣткѣ кокетства. Смерть Завадовскаго имѣла и на литературу нашу

благодѣтельное вліяніе: онъ оставилъ Шаликову 25000 рублей; авось, перестанетъ писать. Онъ былъ ему родня по матери. Чтобы очистить некрологическую статью, довожу до свѣдѣнія твоего и о смерти Голицына, женатаго на Апраксиной, и графа Куруты. Конецъ животы окажетъ. Онъ передъ смертью бредилъ все по-гречески и принялъ всѣ греческія ухватки. А вотъ сейчасъ сообщенное мнѣ отъ Екатерины Андреевны извѣстіе также по части смерти, но очень европейское. Ай да симбиряки ваши: они просятъ позволенія воздвигнуть памятникъ земляку своему Карамзину! Не даромъ еще въ біографіи Дмитріева отмѣтилъ я Симбирскую губернію свѣтлою краскою, а еще не зналъ я тогда, что симбирское дворянство отправляло изъ среды своей уполномоченнаго для закупки французскихъ винъ на мѣстѣ ихъ происхожденія. Не даромъ и Киндяковское семейство изъ Симбирска. Все одно къ одному. Жаль, что Шатобріанъ въ предисловіи своемъ не сказалъ: „Homme de toute sorte de savoir et pomeschik du gouvernement de Simbirsk". Впрочемъ, онъ не силенъ въ географіи. Я читалъ письмо его къ Мери Голицыной, въ которомъ, жалѣя, что она не въ Парижѣ, говоритъ ей: „Au reste, étant à Mittau, vous êtes encore parmi nous, car les polonais et les français ont toujours été compatriotes". Кстати о томъ: Софія Лаваль помолвлена за Борха, и старикъ Лаваль не стоитъ на ногахъ отъ радости, а зыблется. Вчера во дворцѣ у всенощной, съ вербою и свѣчою въ рукѣ, il avait l'air d'un feu follet. Другихъ свадебъ не предвидится. Закревская родила, но впрочемъ это не по части супружеской, а особъ-статья, и никто не знаетъ, подъ какое именованіе подвести ее. Здѣсь и въ Москвѣ было много воспалительныхъ болѣзней и корей, между и взрослыми, и въ числѣ прочихъ была въ сильной кори и опасно больна Долгорукова, сестра Потоцкой, но теперь ей гораздо лучше. Что и гдѣ Потоцкая? Прошу передать ей мое сердцеколѣнопреклоненіе, когда ты встрѣтишься съ нею гдѣ-нибудь на солнечномъ пути. Была здѣсь Тимашева: привезла сыновей для отдачи въ военную школу. Въ Москвѣ все по старому, кромѣ двухъ новыхъ финляндскихъ звѣздъ: Пушкиной и сестры ея Авроры, воспѣтой Боратынскимъ и мною. Сказываютъ, что всѣ свѣтила поблѣднѣли предъ ними, и московскій Ришелье — Норовъ все такъ и норовитъ,

чтобы быть при нихъ. Въ самомъ дѣлѣ, онѣ замѣчательно милы внутренно и внѣшно. Не воротиться ли тебѣ въ Москву? Le bureau d'esprit et de poèsie все еще держится подъ предсѣдательствомъ Свербѣевой. Альманахъ Боратынскаго упалъ въ воду. Загоскинъ готовитъ новый романъ и читалъ здѣсь отрывки, но я не слыхалъ. Свиньинъ читаетъ главы изъ исторіи Петра I. Лучше писать бы ему исторію Лже-Дмитрія. Устряловъ издалъ первую часть „Сказаній князя Курбскаго“ въ самомъ подлинникѣ, и потому не легко читается: языкъ тяжелый и не всегда или не всѣмъ понятный. Есть еще нѣсколько повыхъ романовъ: „Камчадалка“ автора „Дочери купца Жолобова“, сибирскаго романа; „Послѣдній Новикъ“, который очень хвалятъ; повѣсти Бестужева Александра, на которыя большой расходъ. При открытіи навигаціи можно будетъ все это отправить къ тебѣ на баластовомъ суднѣ, чтобы прочелъ ты, хотя сидя на суднѣ, потому что тогда только и есть время тебѣ читать, какъ Дмитріевъ говорилъ, что Василій Львовичъ только и сочиняетъ, чтò въ каретѣ. Наконецъ, дошла ли до тебя моя мюнхенская посылка? Право, скучно писать къ тебѣ въ неувѣренности, что попадется ли выстрѣлъ въ тебя. Того и смотри, что мѣтишь въ ворону, а попадешь въ корову. Зналъ бы, сидѣлъ на одномъ мѣстѣ, а то чортъ носитъ тебя, какъ угорѣлаго, и не только письмами, да и собаками не отыщешь тебя. Пока прости, мой странствующій рыцарь, мой скитающійся жидъ, моя моркотная молоденька, моя всемірная трясогузка, мой старецъ Ueberall und niergends. Да угомонись же, проклятый! Дай отдыхъ старымъ костямъ! При семъ бравурная арія и поклонъ отъ всѣхъ моихъ. Богъ съ тобою и съ нами!

731.

Князь Вяземскій Тургеневу.

9-го или за полночь 10-го мая 1833 г. [Петербургъ].

И радость по времени можетъ быть скорбью: пріѣхала къ намъ Мещерская со всею своею семьею проѣздомъ въ Дерптъ и не знаетъ, что она тамъ найдетъ брата уже въ могилѣ. Мы оста-

вили ее въ этомъ невѣдѣніи, и мужъ скажетъ ей о несчастіи, только подъѣзжая къ Дерпту. „C'est autant de pris sur l'ennemi". Ей нужны силы для дороги; а силы поддерживаетъ въ ней одна надежда, что она брата еще застанетъ, хотя и знаетъ, что онъ отчаянно боленъ. Больно смотрѣть на нее, хотя и грустную, но не безнадежную, и больно лукавить съ нею. Она въ удивительномъ ослѣпленіи; кажется, и посторонняя могла бы десять разъ догадаться по многимъ примѣтамъ, что ударъ уже совершился, а она, которая—вся чувство, вся любовь, ничего не понимаетъ; какъ будто природа ея, по какому-то инстинкту, отталкиваетъ истину. Жену мою она здѣсь уже не застала. Она тотчасъ по полученіи печальнаго извѣстія поскакала туда. Несчастная мать приняла свой новый крестъ съ удивительною твердостью и покорностью; но и тутъ чувствуешь, какъ сердце ея глубоко и страдательно уязвлено. Бѣдный Николай скончался 21-го апрѣля тихо и не догадываясь о своей кончинѣ. Мать съ самаго начала болѣзни не надѣялась на выздоровленіе, за исключеніемъ нѣсколькихъ дней, нѣсколькихъ часовъ. Письма ея чрезвычайно трогательны. „Il s'est endormi doucement dans le sein de son père qu'il trouvera sûrement aux pieds de l'Eternel; plaigniez-moi, mais sans trop d'amertume". Можно было надѣяться, что послѣ всѣхъ утратъ, испытанныхъ ею, она уже въ пристани, и что Провидѣніе дастъ ей сберечь до конца оставшееся при ней. Это новое несчастіе должно быть еще чувствительнѣе въ Дерптѣ, гдѣ и то жизнь была для нея испытаніемъ и пожертвованіемъ. Каково же оставаться послѣ въ этомъ чуланѣ, гдѣ скорби, такъ сказать, негдѣ разсѣяться и выдохнуться, и гдѣ она будетъ съ глаза на глазъ со смертью сына и съ страхомъ за другихъ, потому что, какъ ни хороши дерптскіе врачи, а все невольно скорбь будетъ искать себѣ пищи и въ томъ, что въ Петербургѣ она сохранила бы его. Хорошо, что Катенька ѣдетъ къ ней на все лѣто, а можетъ быть, и на зиму. Мнѣ прежде сентября никакъ и думать нельзя быть у нихъ потому что занятія мои по службѣ временно удвоились. Жена теперь поѣхала одна, но въ продолженіе лѣта, вѣроятно, еще съѣздитъ къ нимъ съ старшими дочерьми.

Вчера получилъ я твое длинное письмо изъ Рима отъ 13—19-го

апрѣля; на-дняхъ получилъ прежнее, также и приписку въ Булгаковскомъ письмѣ. Вѣроятно, и всѣ письма твои дошли до меня исправно; но теперь некогда сдѣлать имъ перекличку, потому что глубокая ночь и спѣшу (или, лучше сказать, поверхностное утро) писать къ тебѣ. Днемъ за пріѣзжею гостьею не успѣвалъ писать, потому что все былъ на-сторожѣ, чтобы какъ-нибудь кто-нибудь не проговорился; а завтра отправляется Гагаринъ на пароходѣ, и надобно рано утромъ доставить ему письмо. Я ему уже отдалъ для тебя тяжелое отправленіе, заключающееся въ „Онѣгинѣ", новое полное изданіе; въ „Новоселіи", для выходца изъ Вавилонской башни; въ почтовой бумагѣ, съ видами московскими и петербургскими; съ письмомъ ко мнѣ Александра Булгакова, которое, какъ щи и бокъ съ кашею, обдастъ тебя Москвою; съ „Философическими письмами", которыя, по просьбѣ Бравурши, взялся я доставить къ тебѣ, но на которыя отвѣчайте прямо, а не черезъ меня, потому что боюсь тяжести и страховыхъ издержекъ философической переписки. Твоихъ писемъ къ князю Александру Николаевичу Голицыну я не видалъ и не знаю, когда увижу; но заранѣе скажу тебѣ, что остаюсь при своемъ мнѣніи. Не зачѣмъ и не должно тебѣ ѣхать во Францію, пока обстоятельства не умирятся. Просить тебѣ въ свою пользу исключенія также не кстати. Мудрецъ ищетъ его во время бури. Живи тамъ, гдѣ никакая щепка не можетъ задѣть тебя; гдѣ твои поступки, твои рѣчи перетолкованы быть не могутъ; гдѣ газеты, болтливѣе и лживѣе всѣхъ московскихъ и петербургскихъ сплетницъ, не могутъ тебя ни къ селу ни къ городу компрометировать и навалить на тебя всякую небывальщину. Comme le juste milieu, attendez le désarmement général. Особливо теперь, по женитьбѣ брата, еще менѣе нужно тебѣ ѣхать: онъ не одинъ; поздравляю. А чтобы утѣшить тебя и подсластить горечь моихъ словъ, скажу тебѣ, что Свербѣева ѣдетъ въ Эмсъ; что, кажется, Бравурша ѣдетъ за границу; по крайней мѣрѣ въ послѣднемъ письмѣ говоритъ мнѣ о поѣздкѣ, которая дастъ ей случай увидѣть меня въ Петербургѣ; и, наконецъ, скажу тебѣ, что наша Сушкова помолвлена за молодого графа Ростопчина второго, который еще не былъ въ объятіяхъ святой Пелагеи и, слѣдовательно, еще не разоренъ. Говорятъ, что отъ этой свадьбы

всѣ московскія матушки рвутъ и мечутъ; Сушкова совсѣмъ обворожила старуху Ростопчину, которая сначала не хотѣла дать согласія и призвала ее къ себѣ, чтобы представить ей всѣ опасности этого брака, основанныя на молодости, на шалостяхъ, на непостоянствѣ сына. Но не робкую душу Богъ вложилъ въ Сушкову: она отвѣчала, что грядетъ на вольную смерть и, наконецъ, такъ понравилась будущей тещѣ, что та говоритъ, что не могла никогда угадать лучшаго счастія для сына. Боюсь, не обязалась ли Сушкова обратить въ римскую вѣру старуху Пашкову и въ придачу нашего Норова: иначе мудрено растолковать нѣжность Ростопчиной, заслуженную ужъ вѣрно не стихами.

Я получилъ роспись посылаемыхъ тобою вещей. Все будетъ отдано по принадлежности. Татаринова здѣсь нѣтъ; по возвращеніи его изъ Симбирска дамъ ему твои письма и велю списать для сестры твоей. Вьельгорскому читалъ я сегодня утромъ отрывки изъ твоего послѣдняго письма. Онъ очень хорошо характеризировалъ ихъ, сказавъ, что въ нихъ много individualité. И въ самомъ дѣлѣ, и тамъ, гдѣ ты педантствуешь или списываешь какой-нибудь itinéraire, все выпечатается что-то Тургеневское. Ты былъ бы кладъ и Провидѣніе для журнала: такъ бы цѣликомъ и чебурахтать тебя. Не даромъ судьба свела тебя съ Стендалемъ: въ васъ есть много сходства, но тебя не станетъ написать „Rouge et noir“, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ романовъ, одно изъ замѣчательнѣйшихъ произведеній нашего времени. Того и смотри, что ты не читалъ его. Я Стендаля полюбилъ съ „Жизни Россини“, въ которой такъ много огня и кипятка, какъ въ самой музыкѣ героя.

Завтра, то-есть, нынѣ большой парадъ на Царицыномъ лугу. Жаль, что тебя нѣтъ: можно было бы маневрировать предъ фрейлинскою каретою. Послѣ завтра, то-есть, опять завтра, открывается выставка; и тутъ можно было бы кое-чѣмъ промышлять Скажи Жуковскому, что послалъ ему чрезъ Сѣверина „Пестрыя сказки“ Одоевскаго, а Гагарину отдалъ для него мѣшокъ съ турецкимъ табакомъ, три фунта. Не пишу потому, что не знаю, куда писать, да и все тебѣ выписалъ; а ты разскажи ему мое письмо вкратцѣ. „Большой выходъ у сатаны“ и „Незнакомка“—Сенковскаго, оріенталиста, цензора и прочаго, теперь, по вступленіи Уварова, уже не цензора. Когда будетъ къ

намъ министерша и министершенька просвѣщенія? Киселевой, Потоцкой, Зенеидѣ—сердечное привѣтствіе. Вотъ тебѣ для любезничанія еще нѣсколько листковъ бумаги. Прощай! Четыре часа утра, а въ восемь надобно встать. Обнимаю тебя.

732.

Князь Вяземскій Тургеневу.

16-го мая 1833 г. С.-Петербургъ.

Не имѣя времени писать, а имѣя случай, пересылаю къ тебѣ нѣсколько книжныхъ гостинцевъ. *Обозрѣніе* писано, сказываютъ, Сперанскимъ. Жена моя все еще въ Дерптѣ. Ты, вѣроятно, уже знаешь о печальной смерти бѣднаго Николеньки. Мещерская также теперь въ Дерптѣ. Екатерина Андреевна здорова и переноситъ скорбь свою съ твердостью и кроткимъ смиреніемъ. Жена пишетъ мнѣ, что она удивительно трогательна. Я писалъ къ тебѣ по первому пароходу съ Григоріемъ Гагаринымъ и много кое-чего переслалъ. Писалъ я прежде черезъ него и къ Деликати. Моденъ умеръ, и смерть его была, сказываютъ, прекрасная, по присутствію духа, спокойствію и, такъ сказать, хозяйской распорядительности, съ которою все придумалъ и для себя, то-есть, для трупа своего, и для будущаго всей семьи своей.

Свербѣева пріѣхала съ мужемъ изъ Москвы сегодня и дней черезъ 15 отправляется на пароходѣ и будетъ въ Эмсѣ, куда и тебя приглашаетъ. А Бравурша, сказываютъ, будетъ на лѣто въ Ревель. Не въ Ревель ли и тебѣ ѣхать? Птичка-Дубенская велѣла тебѣ кланяться и сказать, что весна напоминаетъ ей прошлогоднюю весну и тебя. Вижу ее рѣдко; она для меня, то-есть, въ глазахъ моихъ, немного полиняла. Погода у насъ ужасная, и Елагинъ пустѣетъ. Прости! Обнимаю тебя и обними Жуковскаго письменно или своеручно и поцѣлуй его чернильно или слюнно.

Государь угощалъ обѣдомъ во дворцѣ всю выставку, всѣхъ православныхъ бородачей, ремесленниковъ, болѣе 400 человѣкъ. Онъ и императрица представляли имъ дѣтей своихъ и обласкали ихъ, какъ болѣе нельзя.

733.

Князь Вяземскій Тургеневу.

2-го іюня 1833 г. С.-Петербургъ.

Узнай, и съ зависти растрескаешься шкурой:
Пишу съ Свербѣевой и остаюсь съ Бравурой.

Такъ, сегодня Свербѣева и Бравура еще здѣсь, но не надолго. Завтра одна отправляется въ вашу сторону, то-есть, въ Эмсъ, а другая ѣдетъ въ середу въ Ревель. Одну можешь увидѣть во всякомъ случаѣ, потому что она ѣдетъ на годъ и, вѣроятно, будетъ въ Женевѣ. Подарки, то-есть, часть твоихъ подарковъ, сюда дошла моимъ дочерямъ и Татариновой; но Татариновъ еще не возвратился изъ Симбирска, и подарки ждутъ его. Жена возвратилась изъ грустнаго своего дерптскаго пилигримства. Оставшіеся, слава Богу, здоровы; въ томъ удостовѣряютъ и письма, послѣ ея возвращенія уже полученныя. Екатерина Андреевна въ недоумѣніи: оставаться ли въ Дерптѣ или нѣтъ. По всѣмъ соображеніямъ, она не нашла тамъ, чего искала; не нашла той стихіи, той атмосферы учености, *научительности*, любознанія, которой надѣялась найти. „Tutto il mondo è fatto comme la nostra famiglia“. Кажется, и Дерптъ не лучше или не многимъ лучше другихъ нашихъ университетовъ. Впрочемъ, дѣло не въ профессорахъ. Карлсбадскія воды въ худомъ климатѣ не могутъ производить того дѣйствія. Главное не въ лѣкарствахъ, которыя вездѣ равно достаточны, но въ пищѣ, въ воздухѣ, въ испареніяхъ почвы, которыя глотаешь, и проникаютъ всѣ поры: вотъ что укрѣпляетъ организмъ человѣка. А между тѣмъ и больно видѣть бѣдную Екатерину Андреевну, прикованную на кладбищѣ и къ надгробному камню сына. Какъ ни вертись она, а все этотъ камень въ глазахъ. Тяжело, а если безполезно, то еще тягостнѣе. Увидимъ, что скажетъ осень.

Теперь поговоримъ о свадьбахъ. Михаилъ Алексѣевичъ Обресковъ женился на какой-то вдовѣ полковницѣ, которая, впрочемъ, перешла всѣ чины, или въ которую — — —; по край-

ней мѣрѣ такова слава о ней, но мое вицедиректорство ничего о томъ не вѣдаетъ. Здѣсь и въ Москвѣ увѣряютъ, что Иванъ Ивановичъ Дмитріевъ тайно женился на вдовѣ Сѣвериной, но я тому не вѣрю. Марія Осиповна идетъ замужъ за конно-гвардейскаго Бреверна. Бравура меня увѣряла, что *извѣстная султанша* полагала, что ты на ней женишься. Жаль, что не совершилось бракосочетаніе французскаго кухмистерства съ русскою кухнею, союзъ d'un paté de Périgord (виноватъ, de foie-gras) съ православною кулебякою. То-то спали бы вы! Ты часто всхрапываешь, а она всегда сопитъ. Удивительно скучная особа!

Я пишу къ тебѣ настоящимъ отцомъ семейства. Въ одномъ ухѣ скрыпка или волынка, по которой медвѣженокъ мой Павлуша, пляшетъ съ m-r Beaulier; въ другомъ—солфежіо Полины, которая учится пѣть съ Рубини. Сегодня или черезъ нѣсколько часовъ минетъ моему Павлу тринадцать лѣтъ. Болѣе грустно и страшно, нежели радостно. Богъ съ нами и съ тобою, и съ вами!

Дубенская была у насъ недавно вечеромъ; порхала, головку въ перья завертывала, ворковала, миловалась и прочее, и прочее. Она всегда говоритъ о тебѣ, и не только слышно, но и видно, что помнитъ,—въ чемъ большая разница. Свербѣева можетъ дать тебѣ живой отчетъ о ней.

Знаешь ли, что Чадаевъ надѣлъ черный галстукъ? C'est tout dire. Онъ въ Москвѣ кажется сенъ-симонствуетъ. Впрочемъ, и здѣсь та же ссылка отъ меня: „Voyez m-me Sverbéeff“, которая разсказываетъ много забавнаго о немъ.

Я послалъ къ тебѣ недавно каталогъ выставки, сочиненіе Сперанскаго: все въ Женеву. Багрѣева отправилась на послѣднемъ пароходѣ, также и Огарева, Catiche Salticko ff съ племянницами Долгоруковыми, Сторхъ, Соллогубша съ племянницею, которую рекомендую вашей милости: это резеда, да стоитъ птички. Завтра отправляется графиня Поле со всѣмъ семействомъ. Меня этотъ пароходъ въ жаръ кидаетъ. А ты, — — сынъ, еще жалуешься на свою участь! Неблагодарное животное, да перестань гнѣвить Господа Бога! Вѣдь и онъ начальникъ: разгнѣваться можетъ и заставитъ тебя дежурить въ департаментѣ безъ выхода.

Вчера получилъ я твое старое письмо отъ 7-го марта въ

отвѣтъ на мое старѣйшее прошлогоднее письмо мюнхенское. Прошу непремѣнно велѣть снять свою рожицу, а литографіи мы не хотимъ.

Во вчерашнемъ письмѣ изъ Дерпта разсказываютъ намъ о пріемѣ Уварова студентами со всею университето-рыцарскою торжественностью: депутаціями пѣшими и конными, факелами и виватами. Андрей Карамзинъ былъ представителемъ русской стороны. Уваровъ былъ, говорятъ, очень доволенъ и очень тронутъ этою встрѣчею. Вотъ что Софія пишетъ о матери: „Elle est toujours bien triste; depuis quelques jours cependant nous la trouvons mieux; elle a l'air moins abattu et elle pleure souvent“, чего прежде не было. Посылаю тебѣ съ Свербѣевой „La notice sur Goethe“, Уварова; въ ней, кажется, много заимствовано изъ Клейна; по крайней мѣрѣ, судя по прежнимъ выпискамъ твоимъ изъ него; но только выведено у него противоположное заключеніе. Въ строфахъ Боратынскаго болѣе идеи, истины, нежели въ брошюркѣ, въ которой, впрочемъ, встрѣчаются блестящія фразы шатобріанскія, но вообще много легкомыслія и поверхности, что не очень идетъ къ лицу президента Академіи наукъ и министра просвѣщенія въ Россіи, которой именно не нужно красноглаголанія, а нужны мысли или и мысль. Переведи, хотя на нѣмецкую прозу, стихи Боратынскаго и дай имъ извѣстность въ журналахъ. Ихъ перевелъ стихами саксонскій посланникъ Люцероде, хорошій нашъ пріятель, который въ нѣсколько мѣсяцевъ пребыванія своего здѣсь выучился очень хорошо по-русски и два раза прочелъ „Ивана Выжигина“, и русскій языкъ ему не огадился: испытаніе побѣдительное. Австрійская красавица очень желала, по твоей рекомендаціи, увидѣть нашу тибромоскворѣцкую красавицу, но я не могъ сблизить ее съ нею или къ ней приблизить въ Елагинскомъ театрѣ; она видѣла ее только издали и то не въ авантажномъ видѣ: на ней была какая-то головная уборка, затѣняющая ее. И здѣсь та же ссылка: „Voyez m-me Sverbéeff“. Дочери мои хотѣли письменно благодарить тебя за подарки, но вчера, за празднованіемъ новорожденнаго, засидѣлись поздно, а сегодня должно мнѣ рано отвезти письмо къ Свербѣевой. Итакъ, до другого раза. Пиши иногда къ Карамзинымъ: имъ будетъ очень отрадно получать письма отъ

тебя. Можешь писать имъ черезъ меня, а иногда мнѣ черезъ нихъ. Вотъ тебѣ русскій анекдотъ о выставкѣ: кто-то на ней шумѣлъ нѣсколько непристойно; чиновникъ подходитъ къ нему и проситъ быть потише, говоря: „Вѣдь здѣсь не кабакъ“.—„Не кабакъ, а выставка“, отвѣчаетъ тотъ.

Твое послѣднее свѣжее письмо—изъ Неаполя отъ 9-го мая. Письмо изъ Чивитта-Веккіа также здѣсь. Ожидаютъ сюда Софію Волконскую 7-го числа, то-есть, чрезъ четыре дня. Додо Сушкова теперь уже графиня Ростопчина. Въ Москвѣ эта свадьба сдѣлала ужасную тревогу. Нахожу подъ рукою одно изъ стихотвореній ея и посылаю его тебѣ вмѣстѣ съ письмомъ Норова. Теперь прости! Обнимаю тебя. Вьельгорскій, Бобринскій тебѣ кланяются. До свиданія!

Я писалъ Сѣверину о воспитателѣ и воспитательницѣ для дѣтей моихъ. Сдѣлай милость, снесись съ нимъ по этому и постарайтесь сообща.

Смирнова, описывая мнѣ свои похожденія, говоритъ: „Nous avons fait, comme Tourgueneff: après ces excursions покушали рыбки и спать легли“.

734.

Князь Вяземскій Тургеневу.

3-го іюня. [Петербургъ].

Подательница сихъ строкъ—кузина моя, Свербѣева, и мужъ ея, которыхъ рекомендую дружбѣ твоей. Они тебѣ везутъ письмо и отъ Елагиной; слѣдовательно, мнѣ прибавлять нечего.

Что ты? Каковъ ты? Твержу одно: не спѣши сюда, хотя и къ должности, болѣе,—хотя и къ душевной обязанности. Но не забудь теперь, что ты откомандированъ и прикомандированъ къ здоровью своему также по службѣ; слѣдовательно, будь у него въ повиновеніи.

Изъ Дерпта вѣсти довольно отрадныя. Екатерина Андреевна начала плакать, и ей легче. Тамъ встрѣчали новаго министра со всѣми продѣлками германскаго студенчества, и онъ, сказываютъ, былъ очень доволенъ и тронутъ. Въ депутаціи Андрей Карамзинъ

былъ представителемъ русской стороны. Да вотъ тебѣ письмо живьемъ Софіи, а самому писать некогда. Свербѣева отплываетъ на пароходѣ: спѣшу застать ее. Здѣсь все тихо; лѣто одно бурлитъ, холодъ и вѣтеръ. Обнимаю тебя за себя и за всѣхъ своихъ. Свербѣевъ дастъ тебѣ турецкаго табачку, а я послалъ тебѣ съ Григоріемъ Гагаринымъ и чрезъ Шамбо. Будь здоровъ и не пріѣзжай сюда прежде будущаго года. Пиши же!

735.

Князь Вяземскій Тургеневу.

15-го іюня 1833 г. С.-Петербургъ.

Имѣю честь вашему превосходительству отрапортовать, что г-жа Бравура благополучно, а для насъ злополучно, изволила отбыть изъ С.-Петербурга въ прошедшую среду, то-есть, вчера недѣля тому, по тракту въ Ревель или въ море; что она здѣсь оправдала въ полной мѣрѣ вкусъ вашего превосходительства, особенно по дипломатическому корпусу, косго корпусы приходили въ движеніе по встрѣчѣ съ нею, при разъѣздѣ въ театрѣ и такъ далѣе. Мнѣ жаль было разлучаться съ нею. Не имѣю еще вѣстей отъ нея изъ Ревеля.

25-го.

Имѣю, и двѣ имѣю, и одну для тебя. Я все поджидалъ пріѣзда княгини Софіи Волконской и прибытія обѣщанныхъ мѣстъ, которыя теперь прибыли, за исключеніемъ картинъ для Булгаковой, идущихъ съ остальнымъ имуществомъ Волконской. Вчера я отправилъ въ Москву съ Мещерскимъ на имя Нефедьевой всѣ бусы, запонки, колечки etc., etc. для доставленія по принадлежности. Татаринова здѣсь нѣтъ, и не знаютъ, когда онъ возвратится изъ Симбирска. Потому и рѣшился я при сей вѣрной оказіи отправить все Нефедьевой при накладной твоей руки. Такъ ли, ваше превосходительство? Мещерскій былъ проѣздомъ здѣсь изъ Дерпта въ Москву, куда онъ поѣхалъ дней на десять, а тамъ опять въ Дерптъ, гдѣ онъ оставилъ жену, дѣтей и Карамзиныхъ здоровыми, а Екатерину Андреевну покойнѣе духомъ и начинающую отды-

хать отъ грозы, разразившейся надъ нею. На зиму всѣ они переѣзжаютъ въ Петербургъ. Сей оборотъ прежняго плана рѣшенъ многими причинами, а между прочимъ и тою, что пребываніе дерптское не оправдало вовсе предполагаемыхъ надеждъ и не обѣщаетъ плодовъ, которые ожидали. Ученіе идетъ тамъ довольно безуспѣшно. Средства учиться есть, безъ сомнѣнія, но тѣ же, съ нѣкоторыми измѣненіями, можно найти и здѣсь; а побудительнаго къ ученію, что должно быть главное, нѣтъ тамъ ни въ атмосферѣ, ни въ нравахъ, ни въ обычаяхъ, ни въ житьѣ-бытьѣ профессоровъ и студентовъ. Между тѣмъ, Андрей и Александръ хотятъ рѣшительно быть военными, а военныя науки тамъ не процвѣтаютъ. Андрею будетъ на дняхъ 19 лѣтъ. Къ чему же олицетворять въ себѣ пословицу: „Всѣ люди, какъ люди, одинъ чортъ въ колпакѣ". Тѣмъ болѣе, что ни въ томъ, ни въ другомъ нѣтъ господствующей страсти къ ученію. Жена и дѣти мои ѣдутъ къ нимъ недѣль на шесть пользоваться краснымъ лѣтомъ, вмѣсто дачи на островахъ. Хорошъ ты съ своею посылкою à la Niagara! Я получилъ ее на дачѣ, ѣхавши къ Шуваловой; положилъ въ карманъ и, гуляя въ саду съ графинею, хотѣлъ раскрыть ее и показать ей итальянскій гостинецъ. Не знаю, что-то помѣшало. Отъ нея поѣхалъ къ австрійской красавицѣ на вечеръ; по счастію, подсѣлъ не къ женскому столу, по обыкновенію своему, а къ мужскому съ Пушкинымъ, Мейендорфомъ, Кутайсовымъ и, вспомня, что у меня въ карманѣ не раскрытая посылочка, вынулъ ее, развязалъ и нашелъ твою зубочистку. Ахъ, ты грѣховодникъ! Ну, если я раскрылъ бы ее при дамахъ, что̀ весьма легко могло случиться! Добро бы еще при madame mère, нашей благодѣтельной Элизѣ! — — — — Кажется мнѣ, и Кутайсовъ посмотрѣлъ на него съ презрѣніемъ, подумавъ: „На что это годится".

Здѣсь Дмитріевъ проѣздомъ въ чужіе краи, то-есть, въ Дерптъ, Ригу и Ревель; можетъ быть, будетъ и на Балдонскихъ водахъ, но это еще невѣрно. Онъ очень милъ, бодръ и дѣятеленъ. Я спрашивалъ его, что дѣлаетъ въ Москвѣ М. А. Салтыковъ?—„Все вздыхаетъ объ измѣненіи французскаго языка". Знаешь ли, что Дмитріева здѣсь и въ Москвѣ женили было на вдовѣ Сѣвериной; а здѣсь того и смотри, что женятъ его на Плюсковой, у которой

просиживаетъ онъ цѣлые вечера за полночь. Кстати о фрейлинѣ Плюсковой. Я отдалъ фрейлинѣ Дубенской твой подарокъ; Шереметевой отдамъ при первомъ свиданіи; Дубенская велѣла тебя очень благодарить и жалѣетъ о прошедшемъ лѣтѣ. На дняхъ отвозили мы ее отъ Бобринской съ острова и задержаны были мостомъ; переѣхали Неву въ лодкѣ и такимъ образомъ разстались только при восхожденіи солнца. Погода у насъ баснословная: дни горячіе, ночи теплыя. Сегодня праздникъ на Елагинѣ, то-есть, для насъ, чернаго народа, а бѣлый или пестрый народъ—въ Петергофѣ. 1-го іюля, сказываютъ, будетъ великолѣпный праздникъ петергофскій. Мы туда отправляемся семейно и остановимся въ комнатахъ Михаила Вьельгорскаго. Жена его уѣхала и, вѣроятно, будетъ скоро въ Женевѣ. Найдите же мнѣ въ Женевѣ или въ другомъ мѣстѣ Швейцаріи мусье и мадаму или мамзелю! Я писалъ о томъ обстоятельно Сѣверину.

Вотъ тебѣ перечень московскихъ вѣстей изъ послѣдняго письма Булгакова: Норовъ бѣдный смутенъ (ты знаешь, что отецъ его приговоренъ къ очистительной присягѣ при звонѣ колоколовъ по дѣлу съ покойнымъ Гагаринымъ, который для него весьма безпокойный). Я бы на это время удалился, а онъ всюду показываетъ свою амбарасированную рожу, на коей какъ будто написано: „Говорите мнѣ обо всемъ, кромѣ объ отцѣ". Въ Петровскомъ (далеко тебѣ, кулику, до Петрова дня) множество бываетъ у Пашковыхъ и Киндяковыхъ, но дамы скучаютъ: некому за ними волочиться. Тургеневъ, чего зѣвать!

Pourquoi vous gênez-vous?
Покинь-ка Женеву,
Да дерни въ Петровское,
Въ раздолье московское.

Въ Москвѣ умеръ Волковъ жандармскій; онъ былъ очень любимъ, и множество народа было на похоронахъ его. Старикъ Спечинскій, стоя возлѣ Лесовскаго (преемника Волкова), оплакивая и расхваливая покойника, сказалъ Лесовскому: „Дай Богъ и вашему превосходительству такія похороны". Бѣдная Скарятина-Озерова плоха.

Великая княгиня отправилась въ Москву пить воды; вѣ-

роятно, и великій князь поѣдетъ скоро. Окликнулся ли ты съ Свербеевой, съ Смирновою? Я всѣхъ ихъ растерялъ по европейской картѣ. На дняхъ отправились Лаваль и Закревская. Закревскій также ѣдетъ, но остался доучиться вокабулы. У насъ здѣсь мюнхенская красавица Крюднерша. Она очень мила, жива и красива, но меня еще не задрала: что-то слишкомъ бѣлокура лицомъ, духомъ, разговоромъ и кокетствомъ; все это молочнаго цвѣта и вкуса, а нашему брату, старику, нуженъ кумысъ или водка.

Я на дняхъ спасъ Дмитріева и публику отъ фисташковаго цвѣта панталонъ, которые онъ готовъ былъ заказать. Удивительно, какъ онъ цвѣтистъ въ своемъ убранствѣ: начиная отъ парика до панталонъ, всѣ краски радуги сливаются въ немъ. Ты вѣдь хотѣлъ что-то прислать ему изъ Италіи, но у меня ничего не оказалось: развѣ зубочистку въ ротъ, да и ту скорѣе нареченной его Сѣвериной; — — — —. Не понимаю, что значитъ въ письмѣ твоемъ изъ Неаполя отъ 12—13-го мая приписка: „Возвратить письмо отъ князя Александра Николаевича Голицына къ тебѣ". У меня нѣтъ этого письма. Спрашивалъ я вчера Булгакова: и у него нѣтъ. Булгаковъ перешлетъ тебѣ на дняхъ деньги твои. Графиня Долли тебѣ кланяется. Я передалъ ей всѣ твои итальянскіе листы. Иванъ Матвѣевичъ гадокъ мнѣ съ своимъ ученымъ сором и напудренною любезностью. Прости! Обнимаю тебя. Сорви вѣтку резеды, положи въ бумажку, въ пакетъ и отправь въ Карлсбадъ на имя m-elle la comtesse Sollohoub.

736.

Князь Вяземскій Тургеневу.

19-го іюля 1833 г. С.-Петербургъ.

Что же мнѣ съ тобою дѣлать? Ты мечешься изъ угла въ уголъ по бѣлому свѣту, какъ угорѣлый котъ, къ которому подъ хвостъ подвязали бы колокольчикъ или хлопушки, и удивляешься, что не получаешь писемъ. Какая тутъ, чортъ, poste restante! Надобно бы найти почту, qui aurait le diable au corps comme vous, чтобы поймать тебя. Тутъ и камчадальская почта не помогла бы,

потому что тебя и съ собаками не отыщешь. Развѣ прибѣгнуть къ „Адской Почтѣ" Ѳедора Эмина? Имѣй здѣсь банкира, который пересылалъ бы письма къ тебѣ въ какой-нибудь европейскій домъ, и ты тогда увидишь, что письма станутъ приходить. Я писалъ къ тебѣ много разъ чрезъ всюду, чрезъ все и чрезъ всѣхъ; посылалъ тебѣ книги, письма изъ Москвы. Отыскивай ихъ. Письма твоего изъ Турина я не получалъ, а получилъ письмо твое изъ Женевы отъ 9-го іюля съ женевскимъ видомъ, а ты получилъ ли мою ландшафтную бумагу? Вотъ и въ этомъ послѣднемъ письмѣ пишешь: „Пиши poste restante", а самъ—драла! Не посидится на мѣстѣ! Весело писать на вѣтеръ! Булгаковъ сказывалъ мнѣ, что послалъ къ тебѣ недавно денегъ. Получаешь ли хоть деньги, высылаемыя на твое имя? Знаешь ли, что вы, симбиряки, просили дозволенія соорудить памятникъ Карамзину въ Симбирскѣ, и что государь очень одобрилъ сей проектъ? Знаешь ли ты, что и ты въ числѣ зачинщиковъ этого дѣла, и что Аржевитиновъ по довѣренности подписалъ за тебя. На дняхъ Вьельгорскіе братья, Пушкинъ и я давали обѣдъ Дмитріеву, и послѣ заздравнаго и прощальнаго тоста ему (потому что онъ уѣхалъ въ Дерптъ и оттуда прямо проѣдетъ на Москву) Блудовъ предложилъ тостъ за благополучное окончаніе предпріятія, задуманнаго симбирскими дворянами и, замѣтивъ, что никто не имѣетъ столько права начать открывающуюся по сему предмету подписку, какъ Дмитріевъ, который началъ вмѣстѣ съ безсмертнымъ другомъ своимъ великое дѣло преобразованія нашего языка, подалъ листъ бумаги Дмитріеву, который подписалъ 500 рублей; Кушниковъ 1000, Уваровъ, Блудовъ по 500, такъ что отъ двадцати человѣкъ, бывшихъ на обѣдѣ семъ, собрано 4525 рублей. Тутъ и 50 рублей Хвостова, который, пронюхавъ, что дается обѣдъ, назвался на него. Ай да симбиряки! Спасибо! Вотъ циркуляръ Блудова о сооруженіи памятника: „Нѣкоторые изъ дворянъ Симбирской губерніи, желая почтить память россійскаго исторіографа Карамзина, уроженца сей губерніи, изъявили желаніе воздвигнуть ему памятникъ въ г. Симбирскѣ; по всеподданнѣйшему докладу моему о семъ государю императору, его величество благоволилъ изъявить совершенное согласіе свое на приведеніе въ дѣйство сего предположенія и высо-

чайше повелѣлъ открыть для сего повсемѣстную подписку, а для составленія проектовъ сдѣлать въ Императорской Академіи Художествъ особый конкурсъ, дабы сей монументъ былъ во всѣхъ отношеніяхъ достоинъ памяти перваго изъ нашихъ историковъ. Вслѣдствіе сего поручаю вашему превосходительству объявить о сей высочайшей волѣ по ввѣренной управленію вашему губерніи, открыть подъ собственнымъ вашимъ руководствомъ подписку на добровольныя приношенія для сооруженія памятника Карамзину, и вносимыя на сіе деньги“ и прочее, и прочее. „Я не сомнѣваюсь, что ваше превосходительство, какъ и всѣ имѣющіе истинное чувство изящнаго, почитая память мужа, безсмертнаго своими заслугами въ нашей словесности и исторіи, будете способствовать всѣми зависящими отъ васъ средствами исполненію предположенія симбирскихъ дворянъ, какъ новому знаку общаго уваженія къ людямъ, кои достоинствами и трудами своими содѣйствовали утвержденію благоденствія или возвышенію славы отечества“.

А ты возвратись на святую Русь и на родину свою къ открытію памятника и у подножія его примирись съ прошедшимъ, съ врагами своими и съ собою. А вѣдь славно! Вотъ третій памятникъ на русскихъ степяхъ: Ломоносову, Державину, Карамзину.

Смирнова въ Пирмонѣ, но скоро возвращается сюда; здоровье ея совершенно поправилось и, впрочемъ, не было никогда такъ худо, какъ полагали наши доктора танъ-пиры, или просто вампиры, потому что удивительно, какъ приговоры болѣзнямъ пріѣзжающихъ изъ Россіи на европейскихъ консультаціяхъ противорѣчатъ здѣшнимъ.

У меня въ Женевѣ крестникъ или крестница, сынъ или дочь Галифе, который жилъ въ Россіи въ мою молодость, часто бывалъ у насъ, то-есть, еще у Карамзиныхъ и въ Остафьевѣ. Онъ женевскій помѣщикъ. Отыщи его и познакомься съ нимъ моимъ именемъ; онъ очень добрый и любезный человѣкъ и меня въ старину очень любилъ; надѣюсь, любитъ и нынѣ, если сужу по себѣ.

Сейчасъ заходилъ ко мнѣ Татариновъ. Спрашивалъ я, не имѣетъ ли что особеннаго сообщить тебѣ о дѣлахъ твоихъ. Не имѣетъ. Я вербую его въ сотрудники на „Коммерческую Газету“. Здѣсь открывается довольно важное литературное предпріятіе:

журналъ Смирдина на будущій годъ—первый примѣръ книгопродавца, издающаго журналъ. Отъ Бравурши часто получаю письма изъ Ревеля. Слышно, qu'elle fait fureur, но она жалуется на худое здоровье и худую погоду, которая не позволяетъ пользоваться купаніями. Въ первыхъ числахъ августа она будетъ здѣсь. Она проситъ тебя не забыть о лавѣ, которую ожидаетъ съ нетерпѣніемъ. Если Жуковскій у тебя еще на виду, дай знать ему, что предписано всѣмъ таможнямъ пропустить его свободно, то-есть, не разсматривая вещей его, а только запломбировавъ ихъ; я не пишу къ нему, потому что не знаю, куда писать и чрезъ какую таможню онъ проѣдетъ. Перекликаешься ли съ Свербеевой? Гдѣ она и что ея здоровье? Я теперь осиротѣлъ. Всѣ мои поѣхали въ Дерптъ, вѣроятно, до сентября. Что ты жеманишься? Какъ тебѣ сомнѣваться, что Карамзинымъ будетъ пріятно имѣть твою харю? Что ты педанствуешь и доктринируешь? Почему Жуковскому, больному, слабому, отдыхающему отъ трудовъ, не писать бы воспоминаній о Карамзинѣ? Воспоминанія о Карамзинѣ для коротко знавшаго его сливаются съ современными воспоминаніями о всѣхъ важныхъ событіяхъ русскихъ и всемірныхъ, потому что не было ничего чуждаго Карамзину: все имѣло отголосокъ въ сердцѣ его и отблескъ въ умѣ. Карамзинъ былъ Россія: она около его сосредоточивалась, по крайней мѣрѣ, отраженіемъ своимъ. Этотъ трудъ былъ бы благорастворительнымъ для Жуковскаго; слѣдовательно, я не врагъ, указывая ему на него, какъ на дѣятельное и полное души отдохновеніе. А врете вы, ваше превосходительство, не кстати умничая, умствуя et voulant toujours chercher midi à quatorze heures. „Вотъ тебѣ, бабушка, и Юрьевъ день!“ Другой разъ не задирай доктринерствомъ своимъ! На мировую что сказать тебѣ о Дубенской? Сто лѣтъ не видалъ ея и не слыхалъ о ней. Теперь пора маневровъ, и никого не видишь. Прощай! Будь здоровъ, обнимаю тебя и ожидаю Жуковскаго.

Если видишь Марію Антоновну Нарышкину, скажи ей мое почтеніе, и что Четвертинскіе въ Москвѣ здоровы. Голицыной-Суворовой также мой усердный поклонъ; что пѣніе ея? Владиміръ Апраксинъ умеръ въ Курскѣ; герой Казарскій—въ Николаевѣ.

737.

Князь Вяземскій Тургеневу.

4-го августа 1833 г. [Петербургъ].

Душевно благодарю тебя, любезный другъ, за твои живыя, дѣятельныя заботы по моему порученію. Я очень доволенъ всѣми твоими свѣдѣніями; но я теперь половина, а безъ другой половины рѣшиться не могу. Посылаю сегодня письмо твое въ Дерптъ къ женѣ съ полномочіемъ писать къ тебѣ и передать тебѣ полномочіе на заключеніе съ m-me Sautter, ибо, кажется, на ней долженъ остановиться выборъ нашъ. Онъ, вѣроятно, наименѣе блистательный въ числѣ прочихъ, но по другимъ отношеніямъ благонадежнѣйшій. Большой науки въ ней я не предвижу, сколько помню ее и сколько знаю мать; но при учителяхъ или при учителѣ въ домѣ для Павлуши можно обойтись безъ обширныхъ свѣдѣній. На двѣ тысячи рублей, кажется, согласиться можно; о другихъ условіяхъ мудрено говорить заранѣе. Какъ намъ знать, что должно дать денегъ на дорогу? Если жена рѣшится, то сдѣлай одолженіе, ужъ выдай деньги отъ себя для сокращенія времени и устрой отъѣздъ ея какъ можно выгоднѣе. На первый случай можемъ обязаться обезпечить ей возвратный путь, если мы откажемъ ей. На сколько времени беремъ ее—также трудно опредѣлить. На всякій случай, для Наденьки можетъ она пригодиться лѣтъ на шесть и болѣе. Да и послѣ не будетъ въ домѣ лишняя, если проживемъ это время въ согласіи и довольные другъ другомъ. О награжденіи по окончаніи воспитанія также рѣшительнаго сказать не можно. Будемъ въ состояніи, то разумѣется изъявимъ достойную благодарность; не будемъ, то откуда взять? О воспитателѣ будемъ говорить послѣ, а теперь спѣшу отвѣчать тебѣ, а тутъ дѣло важнѣе. Конечно, было бы дешевле выписать за одно и воспитателя, и воспитательницу; но я старый грѣховодникъ и знаю, что не долго до грѣха: дорогою разопрѣеться, кровь разогрѣется, и попадешь въ соблазнъ. Лучше выписать по одиночкѣ: вѣрнѣе. Изъ назначенныхъ тобою учителей мнѣ всѣ нравятся. Павлушѣ желаю дать именно то, чего нѣтъ во мнѣ: положительныя знанія въ какой-

нибудь части; кусокъ хлѣба не только для желудка, если обстоятельства принудятъ заработывать его, но и кусокъ хлѣба интеллектуальный, дающій здоровую, сытную пищу уму и сердцу, послѣ битыхъ сливокъ и діаболиновъ жизни свѣтской, суетной, каторжно-фэшьонэбельной, каторжно-честолюбивой. Дай Богъ переродиться мнѣ въ Павлушѣ во второмъ изданіи, исправленномъ! Еще разъ благодарю за все и прошу милости впередъ. Письмо жены моей придетъ къ тебѣ, вѣроятно, въ одно время съ моимъ, и отвѣчай намъ вмѣстѣ, но на мое имя. Сколько помнится, я послалъ къ тебѣ книги, тобою неполученныя, съ молодымъ Malortin, адъютантомъ ганноверскаго посланника Dornberg. А гдѣ онъ — Богъ вѣсть: отыщи. Я въ одинъ день получилъ твои два восьми-страничныхъ письма изъ Женевы. Съ Татариновымъ составимъ инвентарій твоихъ писемъ и присланныхъ тобою вещей и представимъ тебѣ. Счастливая бестія! Мнѣ такъ завидно смотрѣть на тебя, что хоть бы прибить: я только что успѣлъ прочесть въ „Revue de deux mondes" о Василіи Галичѣ, а ты уже пьешь съ нимъ и высасываешь изъ устъ его Вальтеръ Скотта! Совсѣмъ не такъ: тебѣ бы читать его, а мнѣ бы пить съ нимъ. Я вчера читалъ твои строки австрійской красавицѣ у мюнхенской красавицы; и первая помнитъ тебя на этомъ балѣ и очень благодаритъ за память, и вторая помнитъ тебя на вечерѣ у Потемкина. Онъ здѣсь и съ женою англичанкою, очень милою и словоохотною, съ которою я съ перваго раза познакомился, какъ будто искони. Два аршина и семь вершковъ слишкомъ, и такой бюстъ, что можно сдѣлать изъ него une statue équestre! Великолѣпіе! Прости! Обнимаю тебя.

Спѣшу отвѣчать и потому не могу отвѣчать на все, но главное сказалъ. Не замедлю написать другое письмо, пожирнѣе. Постарайся выслать переписку Бонстетена и первому попавшемуся нашему консулу дай для пересылки въ департаментъ повѣсти экономико-политическія. Ожидаю, прости!

На оборотѣ: A son excellence, monsieur Alexandre de Tourgueneff, chambellan de s. m. l'empereur de toute la Russie, à Genève. Poste restante.

738.

Князь Вяземскій Тургеневу.

20-го августа 1833 г. С.- Петербургъ.

Отвѣтъ жены моей по нашей негоціаціи не очень удовлетворителенъ. Она помнитъ m-me Sautter и знаетъ ее за добрую, но довольно посредственную и пустую женщину. Впрочемъ, и ты сомнѣваешься въ способностяхъ ея: стало, прошу опять приняться за работу. Спѣшить нечего, хотя нечего и мѣшкать. Между тѣмъ, я получилъ письмо твое отъ 2—6-го августа и видѣлъ у Булгакова письмо, въ которомъ говоришь о пріѣздѣ Вьельгорской. Я передалъ мужу извѣстіе твое, для него еще новое. Онъ очень радъ, что ты могъ ей чичеронствовать. Отдалъ также письмо твое Бравурѣ, которая еще здѣсь дней на десять. Передамъ всѣ письма твои Татаринову, который составилъ выписку о вещахъ, тобою присланныхъ. Кажется, все дошло, и во всякомъ случаѣ все дошедшее до меня въ точности передано по принадлежности. Я помаленьку вербую Татаринова въ „Коммерческую Газету", а тамъ со временемъ и совсѣмъ въ департаментъ; но не совѣтую круто разрывать ему съ Вигелемъ, который отзывался мнѣ о немъ съ похвалою и сказывалъ, что хочетъ подвинуть его впередъ; хорошо, что не взадъ. На мою опору надѣяться много нечего, а недоброжелательство Вигеля шутка плохая. Слѣдовательно, лучше вести дѣло осторожно и выжидать благопріятный случай. А между тѣмъ, занятія по „Газетѣ" могутъ быть и не вовсе безвыгодны въ денежномъ отношеніи.

27-го.

А у насъ опять бѣды въ Дерптѣ. Второй сынокъ Мещерской очень боленъ, такъ что жена моя въ послѣднемъ письмѣ своемъ совершенно отчаивается. Какая несчастная судьба! Дочь пріѣзжаетъ къ матери утѣшить ее, и сама наравнѣ съ матерью имѣетъ нужду въ утѣшеніи! Фатальный Дерптъ! Между тѣмъ, жду письма и не дождусь, и это меня безпокоитъ. Я еще получилъ отъ тебя письмо, не знаю отъ котораго, потому что передалъ его Бравуршѣ,

оторвавъ листокъ для Татаринова. Ты хорошъ! Пересылая тебѣ философическое письмо, въ которомъ, впрочемъ, никакой философіи не вижу, я именно просилъ тебя не впутывать меня въ эту философію. Я радъ сводничать тебѣ по фрейлинской и литературной части; но что мнѣ за охота платить вѣсовыя деньги и драть глаза себѣ, чтобы разбирать твою мушиную грамоту (въ надеждѣ, что между строками нѣтъ ли чего и по моей части, потому что письма твои такой винегретъ, что чего хочешь, того просишь), за цѣлыя страницы совсѣмъ для меня посторонняго предмета. Я не дамъ шиллинга за всего вашего Шеллинга, не потому, что не уважаю его,— уважаю всякое дѣйствующее лицо въ сферѣ умственной дѣятельности; но потому, что не понимаю его и слишкомъ старъ, чтобы учиться понимать. Еще нѣсколько лѣтъ потерпѣть, и само собою сравняемся съ нимъ въ знаніи. Шутки въ сторону или дѣло въ сторону: ты досадилъ мнѣ своею нѣмчурностью. Я и такъ не очень хотѣлъ переслать тебѣ письмо, опасаясь, что это заваритъ ученую кашу, которой расхлебывать не умѣю; но предварилъ тебя, да идетъ чаша сія мимо меня, а ты весь этотъ биръ-супъ такъ мнѣ на голову и хватилъ. Спасибо, что по крайней мѣрѣ подлилъ послѣ этой пивной окачки вина отъ виноградняго праздника. Это меня нѣсколько оживило. Въ твоихъ письмахъ швейцарцы очень хороши, а куда они надоѣли въ газетахъ, хотя теперь идетъ дѣло не о бурѣ въ стаканѣ, какъ сказалъ императоръ Павелъ, а въ цѣлой лохани. Вотъ ужъ съ жира бѣсятся! Точно черви развозились въ швейцарскомъ сырѣ; ѣсть бы имъ, да и полно, тихомолкомъ себѣ на здоровье и сыру на славу! Нѣтъ, надобно тревогу поднять, чтобы кошки провѣдали и дали себя знать имъ и сыру. Они, швейцарцы, да португальскіе братцы такъ мнѣ надоѣли, что меня тошнитъ отъ нихъ въ газетахъ. Ужъ одинъ бы конецъ, и Богъ съ ними!

Я очень радъ, что всѣ мои книги: „Новоселье“, выставка и прочее дошло до тебя. Во многомъ соглашаюсь съ твоею критикою; но все хорошо, что дѣло сдѣлано. Настоящее время имѣетъ также свои текущія потребности, удовлетвореніе коихъ не мѣшаетъ думать о будущемъ. Сажай жолуди и жди дубовой рощи, но въ ожиданіи не худо имѣть и „Новоселье“, хотя изъ стараго

лѣса выстроенное, но по крайней мѣрѣ порядочно и довольно свѣтло расположенное, такъ что не нужно и въ полдень ходить со свѣчою. Вѣковые дубы—творенiе рукъ Божiихъ и садовника Божьяго,—времени; его не перегонишь, какiя теплицы ни затѣвай, а наше человѣческое дѣло—строить лачужки, „Новоселiя", гдѣ рядомъ съ Жуковскимъ—Хвостовъ; гдѣ я профилемъ, а Булгаринъ во всю харю; гдѣ медъ съ дегтемъ, но и деготь съ медомъ; гдѣ все новое только заново подкрашено, а выдѣлано изъ стараго. Ты слишкомъ исключителенъ и изступителенъ или выступителенъ въ своихъ критикахъ. Ты похожъ на Полевого, который въ критикѣ своей на „Новоселье" говоритъ обо мнѣ: „Шесть стихотворенiй князя Вяземскаго всѣ на одну стать: во всѣхъ онъ шутитъ тяжело, и черезъ сорокъ лѣтъ все тотъ же". И ты все тотъ же. Лѣта научаютъ терпимости и снисходительности, entendons-nous: не равнодушiю и не потворству, которыя злоупотребленiя первыхъ. Лѣта научаютъ строгости въ отношенiи къ себѣ: видя, какъ мы сами далеки отъ того, чѣмъ должны быть, какъ мы неполно оправдали обѣты, упованiя молодости своей, мы уже не можемъ строго судить другихъ. Рука руку моетъ въ этомъ отношенiи; но въ хорошемъ или, по крайней мѣрѣ, въ утѣшительномъ смыслѣ этого слова, а не указываетъ на чужiя пятна. Кто изъ насъ чистъ не въ глазахъ свѣта, а въ своихъ глазахъ? Въ лѣтахъ молодости и мы должны имѣть жаръ, запальчивость, рѣзкость, односторонность, исключительность газеты; въ лѣтахъ опыта—хладнокровiе, самопознанiе, судъ, но и безстрастность исторiи. И въ томъ и въ другомъ случаѣ есть истина, но она различно выражается. Вотъ и я, пеняя тебѣ, что ты заставляешь меня платить вѣсовыя деньги за философiю твою, ввожу тебя въ тотъ же убытокъ, и моя философiя придется тебѣ не по вкусу и не по желудку. Итакъ, перестанемъ говорить о пустякахъ и обратимся къ дѣлу; да та бѣда, что дѣла нѣтъ. Давно не видалъ я птички и прочихъ дѣлъ. Погода была такая, что крылья были опущены. Салоны разстроились и заперты. Фикельмонтъ уѣхалъ въ Австрiю, и австрiйская красавица не принимаетъ. Мюнхенская красавица на дняхъ ѣдетъ обратно. Дворъ изъ Петергофа переѣхалъ въ Царское Село. Буря 17-го числа нѣкоторыхъ напугала и выбросила съ островов на

континентъ. Все въ какомъ-то разстройствѣ. Одинъ морозъ скрѣпитъ распавшіяся части и дастъ душу, хотя и хладную, цѣлому. До зимы ни то, ни се, ни рыба, ни мясо. On est entre deux chaises, le c— — par terre, entre la ville et la campagne. Ну, начиналась потѣха 17-го числа! Бѣшеная Нева, пѣна у рта, корячилась, вскакивала па дыбы, лягала, кусала берега, ржала, ревѣла, коробила мосты, сбивала барки съ ногъ; но, по счастью, сидѣлъ на ней не самый лютый ѣздокъ заморскій, а какой-то побочный ѣздокъ, который гналъ ее не прямо, а какъ-то съ бока, и мы уцѣлѣли; а то при продолжительномъ напорѣ, да если бы на хребтѣ Невы сидѣлъ вѣтръ 7-го ноября, то еще было бы больше бѣдъ, нежели въ то время.

Вдовецъ Скарятинъ отправился на послѣднемъ пароходѣ, но не знаю куда. Спасибо за вѣтку резеды, которая дошла до Карлсбада и очень интриговала. Теперь все ждемъ попутныхъ вѣтровъ и припутчиковъ. Смирнова должна пріѣхать сегодня съ пароходомъ; скоро будутъ Соллогубовы; Жуковскаго ожидаю съ каждымъ днемъ. Это немножко подсвѣжитъ, подновитъ, подцвѣтитъ опылепную и полинявшую жизнь нашу. Въ Москвѣ зашевелилась холера, не такая, какъ была, но все-таки есть. Впрочемъ, и лѣто было таковское: то знойное, то вдругъ холодное и сырое; плоды не дозрѣли, а жадность все-таки есть. И здѣсь было много кровавыхъ поносовъ, но теперь утихли. Вообще годъ крутой: почти повсемѣстный неурожай и безтравіе. У васъ въ Симбирскѣ, кажется, благополучнѣе.

30-го.

Имѣю честь поздравить ваше превосходительство съ тезоименитствомъ вашимъ. Рости здоровъ и уменъ и будь счастливъ, то-есть, не будь несчастливъ, а особенно же не корчи несчастія. У тебя въ письменномъ слогѣ много индивидуальности и личности: это прекрасно; но за то и въ жизни, и въ оцѣнкѣ обстоятельствъ у тебя слишкомъ много персональности. Ты похожъ на меня, когда я въ дорогѣ. Надобно знать, что въ дорогѣ со мною дѣлается страшное преобразованіе, и изъ флегматика я становлюсь почти бѣшенымъ: я готовъ богохульствовать за каждый ухабъ, за

каждую каплю дождя и попрекаю Богу каждый толчекъ, какъ личное оскорбленіе и умышленно имъ мнѣ нанесенное. Шутки въ сторону, такъ. Ты не за Бога принимаешься, какъ я, а за людей, когда дѣло идетъ о событіяхъ и о судьбѣ. Ты не гнѣваешься на людей; пожалуй даже имъ прощаешь, но все видишь имена тамъ, гдѣ перстъ Божій или безыменный рокъ, и гдѣ люди только мухи, сидящія на рогахъ этого вола, который взрываетъ и перепахиваетъ житейскую ниву. Отчего большая часть недоразумѣній, волненій, обмолвокъ, недочетовъ? Все оттого, что у всѣхъ мерещатся въ глазахъ и въ умѣ имена и лица. Тутъ увлекаешься нетерпѣніемъ; думаешь, что такъ легко перемѣнить ходъ вещей, перемѣнивъ извозчика, замѣстивъ Веллингтона Греемъ, Лафита Казиміромъ Перье. Перемѣнишь, и все еще не такъ ѣдешь, какъ хотѣлось бы. Въ иномъ люди, разумѣется, главные дѣйствователи, но le libre arbitre данъ намъ только для домашняго обихода, а за этою чертою куда слабъ нашъ произволъ. Все это къ тому, что напрасно крикнулъ ты на меня, когда я приглашалъ тебя у подножія памятника Карамзина совершить мировую съ прошедшимъ. Думаешь ли, что подобная мировая была бы въ духѣ Карамзина, и пріятное было бы ему жертвоприношеніе? Безъ сомнѣнія—да! Слѣдовательно, мое предложеніе не было недостойнымъ тебя, ибо если персонализировать понятія и жизнь, то Карамзинъ есть для насъ чистая нравственность, ибо чище этой не найдешь на землѣ.

1834.

739.

Князь Вяземскій Тургеневу.

4-го января 1834 г. С.-Петербургъ.

Ну, одолжилъ меня ты географическимъ письмомъ своимъ, въ Симбирскъ присланнымъ па мое имя и ни слова до меня не заключающимъ! Я заплатилъ за него десять рублей, да десять часовъ мучилъ глаза свои, разбирая твои мушиныя испражненія, все въ ожиданіи, что мимолетомъ капнетъ что-нибудь на мою долю. Не тутъ то было! Ужъ проклиналъ я тебя во всю мочь! Сегодня Булгаковъ сообщилъ мнѣ, что въ письмѣ твоемъ къ нему до меня касается. Радуюсь, что наконецъ письмо мое дошло до тебя. Переѣзжай скорѣе въ Симбирскъ: легче и дешевле будетъ переписываться, да и письма твои будутъ интереснѣе, потому что будутъ болѣе ты, а теперь ты канальствуешь: вмѣсто писемъ пишешь итинерерныя отмѣтки, и вмѣсто тебя получаешь выписки изъ новѣйшихъ Рейхардовъ. И все это съ мыслью, что пригодится тебѣ къ возвращенію твоему: отберешь письма свои и сошьешь ихъ журналомъ. Поздравляю тебя съ наступленіемъ новаго года нашего, разродившагося—знаешь чѣмъ? Вѣчно не отгадаешь!—Камеръ-юнкерствомъ Пушкина! Онъ возвратился изъ степной поѣздки своей и навезъ много стиховъ, которыхъ я еще не читалъ, въ ожиданіи чтенія у Жуковскаго. Скажи Свербеевой, что я, полюбовавшись образомъ ея и приложившись къ нему съ колѣнопре-

клоненіемъ, благоговѣніемъ и подобострастіемъ, отправилъ его въ дальнѣйшій путь къ назначенію своему съ Жанбономъ Оболенскимъ. Не пишу я къ ней потому, что, вслѣдствіе приказанія ея, ожидаю отъ нея письма изъ Рима. Старикъ Пашковъ на дняхъ умеръ. Пашкова-Киндякова ѣхала сюда на веселье, а теперь пріѣдетъ на трауръ; Киндяковы также будутъ сюда и много москвовокъ. Я передалъ твое или, лучше сказать, княгини Голицыной порученіе княгинѣ Гагариной, которая благодаритъ за честь, а отъ убытковъ избавляется. Да кому же лучше купить эту рукопись, какъ не царствующему воспитаннику. Смирдина журналъ вышелъ и дородствомъ своимъ превосходитъ всѣ журналы; добротою—Богъ вѣсть. Въ немъ куралеситъ баронъ Брамбеусъ, сирѣчь Сенковскій, и куралеситъ à la Jeanin, съ тою разницею, что тотъ разсыпается ртутью и мелкимъ бѣсомъ, а нашъ свинцомъ и косолапымъ мишкою. Но публикѣ нашей онъ очень нравится и слѣдовательно онъ правъ, потому что платитъ публика. Есть новый романъ Загоскина „Аскольдова могила", но объ немъ успѣешь еще понавѣдаться въ симбирской деревнѣ. Братья Карамзины уже обмундировались, и понынѣ все обстоитъ благополучно. Они молодцы, и Андрей всѣхъ выше ростомъ въ своей батареѣ. Я говорилъ Мещерской о твоемъ соболѣзнованіи ея несчастію. Умеръ меньшій изъ сыновей ея; старшій очень милъ и уменъ. Весною собираются они въ чужіе краи и, вѣроятно, съ Софіею Карамзиной. Зима наша расплясалась. Не пляшетъ одна австрійская красавица, которая обожгла себѣ ногу кувшиномъ съ горячею водою и лежитъ на оттоманкѣ своей уже съ недѣли двѣ. Она тебѣ кланяется, также какъ и молодой Литта. На дняхъ умеръ здѣсь Соловой, братъ кавалергардскаго. Сестры здѣсь и еще застали его. Умерла также и вдова Столыпина, дочь Мордвинова, женщина весьма достойная и мать большого семейства, совершенно безъ нея осиротѣвшаго. Наша черненькая опять принялась за старое и ходитъ съ брюшкомъ. Дай Богъ ей въ добрый часъ! Она очень хотѣла имѣть твой портретъ, но у меня всѣ они вышли. Здѣсь долго говорили о странномъ явленіи въ домѣ конюшни придворной: въ комнатахъ одного изъ чиновниковъ стулья, столы плясали, кувыркались, рюмки, налитыя виномъ, кидались въ потолокъ; призывали свидѣтелей,

священника со святою водою, но балъ не унимался. Не знаю, чѣмъ балъ кончился; но дѣло въ томъ, что разсказы не пустые, а точно что-то было: дьявольское ли наводненіе (sic) или людское, неизвѣстно. Эта исторія смѣнилась несчастною исторіею молодыхъ и новобрачныхъ Безобразовыхъ. Тутъ также не узнаешь, что дѣйствовало: дьявольское ли или людское наводненіе, но принуждены были разлучить ихъ. Она отправилась въ Москву къ брату своему, генералу; онъ посылается на Кавказъ. Бѣшеная ревность овладѣла имъ съ перваго дня брака, а, говорятъ, и до брака, такъ что онъ готовъ былъ на всѣ неистовства и преступленія. Богъ знаетъ, какихъ причинъ не выдумываютъ тому въ городѣ, но я ничего не вижу въ этомъ, кромѣ мономаніи его. Жаль ее сердечно. Свербеева будетъ также, вѣрно, о ней сожалѣть съ живѣйшимъ участіемъ. Вотъ все жаловались у насъ на плоскую прозу нашего житья-бытья; анъ, напротивъ: романтическая поэзія воочію совершается и такая, что за поясъ заткнетъ Гюго и Дюма. Ревность, кинжалъ, преступная любовь, все это теперь ходячею монетою нашего гостиннаго разговора, и все знакомыя лица и вчерашнія обстоятельства. Кто бы подумалъ, что бѣдная Люба Хилкова, холодная, благоразумная, мѣрная, образцовая лединка Зимняго дворца будетъ героинею подобной трагической повѣсти! Вотъ те и браки по любви! Теперь никто изъ дѣвушекъ не посмѣетъ выдти замужъ по любви. Денегъ ни гроша, и всего на все кинжалъ. Нѣтъ, бракъ по разсчету вѣрнѣе.

12-го января.

Сегодня у Жуковскаго живыя сцены стараго завѣта. Древній Плещеевъ читаетъ сцены древняго „L'avocat Patelin",

Et ces deux grands débris se consolent entr'eux.

Завтра на нѣмецкомъ театрѣ первое представленіе de la „Muette de Portici". Вьельгорскій видѣлъ репетицію и доволенъ исполненіемъ, то-есть, въ сравненіи съ прочими. На петербургскомъ небосклонѣ загорѣлась новая звѣзда: княжна Леонила Барятинская, звѣзда не жгучая, нѣсколько холодная, но всеобъемлющая рѣсницами—лучами. Пріѣдешь и запутаешься въ нихъ Вообрази, что Лиза

Пашкова здѣсь, и я ее еще не видалъ. Сосѣдка моя, Тимашева, больна желчною горячкою, но ей лучше. Я и ее почти вовсе не вижу; я никого не вижу, а и хуже того: никого видѣть не хочется. По преданію, по привычкѣ приволочишься къ кому-нибудь, да и сядешь или попятишься назадъ. Нѣтъ, братъ, я ужъ не *Вышній Волочекъ,* а просто волокнистое существо. Нева имѣетъ надо мною свое обыкновенное дѣйствіе: слабитъ. Вигель въ звѣздѣ Станислава и радъ, какъ андреевскій кавалеръ. Онъ мнѣ опять хвалилъ недавно Татаринова („Honni soit, qui mal y pense"). Александръ Строгоновъ—товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ. Скажи Кривцову, что его братъ здѣсь съ женою и съ дочерью и съ возобновленною на 12 лѣтъ двѣнадцатитысячною арендою. Онъ будетъ жить подъ нами, но арендою своею гораздо насъ выше. Поцѣлуй ручку за меня у графини Потоцкой и спиши у нея мои стихи къ ней, которыхъ у меня нѣтъ. Я полагаю, что сестра ея, Долгорукова, послѣдуетъ скоро ея примѣру и поѣдетъ искать солнца. Наше погребное небо не годится имъ, южнымъ растеніямъ, ошибкою природы здѣсь распустившимся. Итакъ, вотъ вѣроятно послѣднее письмо къ тебѣ за границу. Въ добрый часъ помолчать, а въ худой молвить. Милости просимъ! Всѣ мои, Карамзины, и всѣ общіе наши кланяются тебѣ. Во всякомъ случаѣ, лѣтомъ, Богъ дастъ, увидимся въ Москвѣ на Трехъ горахъ, а, можетъ быть, къ тому времени подоспѣетъ и четвертая гора, и еще огнедышущая. Москва тѣмъ хороша, что была бы охота, а горы найдутся. До свиданія, у подножія, или у под—пія какой-нибудь благодѣтельной горы.

740.

Князь Вяземскій Тургеневу.

28-го марта 1834 г. С.-Петербургъ.

Имѣю честь донести вашему превосходительству въ отвѣтъ на почтеннѣйшее отношеніе ваше, что отъ департамента послано предписаніе радзивилловской таможнѣ не осматривать имущества вашего, а только приложить къ нему пломбы, которыя вы должны въ сохранности и въ цѣлости представить московской таможнѣ.

А сей будетъ дано особое предписаніе освидѣтельствовать то, что есть, и донести о томъ, нѣтъ ли какихъ-нибудь пакостей запрещенныхъ и прочаго того сего такого или чего иного. По пріѣздѣ вашемъ въ Москву, вы извольте немедленно представить все запломбированное въ таможню, а между тѣмъ написать письмо къ директору Департамента внѣшней торговли, а отнюдь не къ вице-директору онаго, который по симъ дѣламъ, да и по всему иному прочему ничего не значитъ или такъ мало, что и совѣстно подумать о томъ и не стоитъ рукъ марать писать къ нему. Въ семъ письмѣ вы потрудитесь объяснить какого рода вещицы находятся въ вашемъ сердечномъ багажѣ и сентиментальномъ чемоданѣ, а именно: сувенирчики, сентиментики, амурчики, предметы учености и художествъ, — — и все то не для вашего... Ахъ, извините: и все то для вашего собственнаго употребленія. Что же касается до вашего любскаго отправленія, то буду ждать рѣшительнаго извѣщенія вашего, а во всякомъ случаѣ лучше всего было бы надписать все то на имя Булгакова или какого-нибудь здѣшняго коммерческаго дома и увѣдомить меня о томъ. За симъ прощайте, въ надеждѣ сказать вамъ скоро: „здравствуйте", хотя и заочно. Во всякомъ случаѣ, мое семейство насладится лицезрѣніемъ вашего превосходительства. Жена и дочери ѣдутъ въ Москву въ началѣ мая; я съ Павломъ остаемся здѣсь. Не знаю, удастся ли куда-нибудь лѣтомъ дернуть или придется просто — — и просидѣть на мѣстѣ. Впрочемъ, теперь, что вашего превосходительства уже не будетъ въ Европѣ, мнѣ будетъ тамъ мѣстечко, а обоимъ намъ тѣсно. Обнимаю тебя. Милости просимъ въ добрый часъ! Да приметъ тебя на границѣ русскій Богъ подъ православную руку свою!

Не пугайся, птичка еще не посажена въ клѣтку, ждетъ тебя, а Смирниха, нечего грѣха таить, — — и переваливается съ брюшкомъ.

На оборотѣ: A son excellence monsieur Alexandre de Tourgueneff à Vienne. Recommandé aux soins obligeants de monsieur le prince de Gortschakoff, attaché à l'ambassade de Russie.

741.

Князь Вяземскій Тургеневу.

22-го іюня. [Петербургъ].

Voici, mon prince, la petite envoi pour m-r Tourgueneff que je confie à votre obligeance, en vous priant de vouloir bien me rappeler à son souvenir.

Veuillez agréer, mon prince, l'assurance de mes sentiments les plus distingués. Comte Potocki.

Ce samedi.

Рукою князя Вяземскаго: Потоцкій привезъ нѣсколько экземпляровъ твоей возлюбленной хари. Что прикажешь изъ нея дѣлать? Куда прикажешь дѣвать ее? Не разослать ли по галлереямъ портретовъ, гдѣ висятъ

Султанъ Селимъ, Вольтеръ и Фридерикъ Второй.

На долго ли ты въ Симбирскѣ? Авось, съѣдемся въ Петровскомъ. Жуковскій здѣсь на минуту; онъ будетъ писать къ тебѣ. Онъ сказывалъ мнѣ, что князь Александръ Николаевичъ Голицынъ очень къ тебѣ хорошо расположенъ. Знаешь ли, что наша Смирниха благополучно родила двухъ дочерей? Каковъ богатырь Смирновъ! Хорошо, что на этотъ разъ онъ раздвоилъ силы свои. Бабочку видѣлъ издали. Твою бабочку ей отослалъ. Если увидишь поэта Языкова, обними его за меня и спроси, получилъ ли онъ мое посланіе, съ глупыми ошибками напечатанное въ „Новоселіи", и посовѣтуй ему отказаться отъ „Библіотеки" письмомъ къ Смирдину, какъ я и Хомяковъ отказались. Глупо закабалить себя Сенковскому. Прости! Обнимаю тебя. До свиданія!

На оборотѣ рукою Потоцкаго: A monsieur monsieur le prince Wiazemsky. Ci joint un paquet.

Рукою князя Вяземскаго:

Симбирскому Ловеласу,
Который всѣхъ дѣвицъ приводитъ ко Геласу (Hélas);
Радъ трюфлямъ, луку радъ, шампанскому и квасу
И всякой юбкѣ радъ, хоть съ ситцу, хоть съ атласу.

742.

Тургеневъ князю Вяземскому.

23-го октября 1834 г. С.-Петербургъ.

Сію минуту прочелъ письмо твое къ Булгаковымъ изъ Ганау отъ 7—19-го октября, и я ожилъ отъ радости и надежды за Полину. Сердце мое разрывалось отъ горя и безпокойства за васъ, и я почувствовалъ, что люблю васъ только по боли моей за тебя. Всякое извѣстіе искалъ съ мучительнымъ нетерпѣніемъ, и твое письмецо къ Павлушѣ было первою моею отрадою. Надѣюсь, что климатъ довершитъ старанія Коппа; отъ сердца полюбилъ болѣе и моего Жуковскаго, который его выкопалъ. И въ Тургеневѣ, и въ Москвѣ, и здѣсь жалѣлъ, что я не съ вами и спѣшилъ къ вамъ; но здѣсь, кружась въ большомъ свѣтѣ, я нашелъ нечаянную препону къ скорому отъѣзду изъ Петербурга: ушибъ кость ноги подъ колѣномъ, садясь въ коляску и вотъ уже четвертый день, изнуряемый піявками и скукою, лежу въ постели. Богъ знаетъ, когда удастся стать на ноги и поѣхать вслѣдъ за вами. Тебѣ, мой вѣрный доброхотъ, долженъ отчетомъ о томъ, что со мною дѣлается. Ты знаешь, что я представлялъ о пріобрѣтеніи Ватиканскихъ рукописей. Изъ Москвы, устроивъ прекрасно деревенскія дѣла мои и не продавъ ни души (хотя и клепала на меня молва противное), я прискакалъ справиться о моемъ представленіи въ Петербургъ, но уже князь Голицынъ писалъ ко мнѣ въ Москву и послалъ и отношеніе графа Нессельроде. Все для меня сдѣлано, и лучше, нежели я ожидалъ: рукописи найдены заслуживающими вниманія; проектъ мой также; начальнику папскаго архива дана 2-я Анна; на писцовъ велѣно, по моему распоряженію, выдать 5000 рублей. Чіампи-профессоръ подчиненъ мнѣ по сему дѣлу, и флорентинская и римская миссіи наши о семъ уже предварены. Я могу ѣхать въ Римъ и довершать начатое. Сбираю здѣсь и собралъ много свѣдѣній и повезу все въ Римъ, заѣхавъ за коляской, книгами и бумагами въ Москву. Поспѣшилъ бы, но распутица мѣшала, а теперь и нога. Какъ скоро выздоровлю, выѣду изъ этой новой для меня Капуи. Я залюбезничался въ Петер-

бургѣ и нашелъ вездѣ и всѣхъ ко мнѣ любезными; но вижу болѣе дамъ, какъ и во время оно, чѣмъ мужчинъ; безпрестанно вспоминаю о тебѣ и жалѣю, что или тебя нѣтъ здѣсь, или меня съ вами. Я бы не былъ вамъ лишній ни на берегахъ Майна и Рейна, ни за Апеннинами. Если найду еще твоихъ въ Римѣ, то отдамъ себя въ полное ихъ распоряженіе, если онѣ этого пожелаютъ. Я надѣюсь ѣхать или на Вѣну, или на Минхенъ и потомъ прямо во Флоренцію и Римъ, ибо далѣе конца мая въ Италіи не останусь, а дѣла у меня въ Римѣ много будетъ. Здѣсь нашелъ я ящикъ съ видами и расплатился съ Боненблустомъ. Не попадайся въ такой просакъ и не отправляй ничего безъ нужды; впрочемъ, во Флоренціи можешь употреблять Великанова: онъ всему гораздъ и, кажется, честенъ; но предвари его, что посылка стала всего слишкомъ въ 200 рублей. Другихъ фезёровъ тамъ не бери: дорого станутъ. Когда будешь въ Римѣ, то постарайся взять въ банкиры Валентини: онъ честный и добрый; сошлись на меня и имъ доволенъ будешь. Отнюдь не бери Торлонія и не пересылай черезъ него и не вели къ себѣ адресовать чрезъ него писемъ: дорогъ безсовѣстно. Пользуйся его балами, но не конторой. Познакомься съ Бунсеномъ, Жуковскаго и моимъ именемъ, и отдайся въ его распоряженіе; онъ слыхалъ часто отъ насъ о тебѣ; рѣдкое семейство, и она—умная и добрѣйшая женщина. Онъ покажетъ тебѣ и Римъ на ладонкѣ изъ своихъ оконъ, и познакомитъ съ нимъ ученымъ образомъ. Скажи ему, какъ мы его любимъ и помнимъ. У гр[афа] Гур[ьева] обѣдай: и столъ, и хозяинъ отличные въ своемъ родѣ. Фурманъ малый умный и услужливый. Кривцова Нессельроде ожидаетъ сюда и отправитъ скоро обратно. Я досадую, что вывезъ сюда всѣ мои книги объ Италіи: теперь везу назадъ; онѣ бы и тебѣ пригодились. Портретовъ, привезенныхъ графомъ Потоцкимъ, здѣсь не нашелъ, ни Орлова: разъѣхались. Слѣдовательно, не знаю, гдѣ и имъ привезенныя вещи. У Павлуши былъ и доволенъ его пансіономъ. Когда по тебѣ сгрустится, то буду ходить къ нему: вылитый и налитый ты. У Карамзиныхъ бывалъ почти ежедневно; ибо Катерина Андреевна опять догадалась, кажется, что вѣрнѣе меня въ дружбѣ нѣтъ. Читаю письма къ ней милыхъ путешественницъ: прелесть! Хоть бы съ ними встрѣтиться

подъ розовымъ небомъ! Здѣсь Пушкинъ и его три красавицы; я съ ними сдружился еще въ Москвѣ. Во Флоренціи познакомься съ княземъ Михаиломъ Голицынымъ: уменъ и любезенъ, и просвѣщенъ. Братъ его въ Римѣ—добрый и разсѣянный аристократъ. Отобѣдай у него, ибо это первый столъ въ Италіи. Не связывайся съ Чіампи: надоѣстъ. Познакомься съ Гор[аціемъ] Верне, для дочери, которой поклонись отъ меня; она въ родѣ птички Дубенской, и въ салонѣ ихъ найдешь весь зимній римскій міръ. Скажи графинѣ Потоцкой-Салтыковой, чтобы непремѣнно возвратилась сюда, не для старой обезьяны, то-есть, не для дѣдушки, а для сестры своей: она оживетъ ея пріѣздомъ, а въ случаѣ продолжительной еще разлуки можетъ она и не найти ее. Это намекъ и к[нязя] Ильи Д[олгорукова]. Но я самъ чувствую за нее необходимость исполнить долгъ сестры-друга; ибо тяжело носить въ сердцѣ укоръ за милыхъ ближнихъ, когда ихъ лишишься. Если хотя мало здоровье ея позволяетъ, то пріѣхать она должна. Княгиня опять была больна, и тоска по сестрамъ ранѣе угаситъ это любящее сердце. Хоть напиши къ ней это отъ меня. Свѣчина здѣсь, и съ нею я по старому; но какъ она перемѣнилась физически съ 1830-го года! Больно и тяжело смотрѣть на нее, а слушать все пріятно! И чужія дѣла удалось здѣсь прекрасно устроить: твой знакомый, молодой Татариновъ, взятъ въ начальники отдѣленія къ Перовскому. Окладъ большой и квартира, да и званіе лестное въ его чинѣ. Онъ этого и стоитъ по уму, и по качествамъ. Познакомился съ дѣвицами Опочиниными и Толстой, и очень онѣ мнѣ нравятся. Милая посольша мила по прежнему. О Завад[овской] писалъ въ Москву: „она хоть въ *опалѣ*, но блеститъ, какъ бриліантъ“. Птичка вспорхнула до моего пріѣзда. Смирнушка и ея два котеночка здравствуютъ. Она щебечетъ обо всемъ съ прежнею прелестью и часто кормитъ меня и поитъ матеріально и умственно.

24-го октября.

Ногѣ легче, но все еще пишу лежа, а „лежачаго не бьютъ“, и потому не взыщи. Если желаешь тотчасъ отвѣчать мнѣ, то напиши чрезъ Петербургъ въ Москву; ибо, вѣроятно, нога и климатъ не позволятъ выѣхать прежде шести или семи недѣль изъ Россіи. Если

же позже сберешься, то пиши уже чрезъ князя Гагарина на Минихъ: онъ будетъ знать, гдѣ я; и если не проѣду чрезъ Минихъ, то перешлетъ письмо въ Вѣну, гдѣ также не заживусь, въ надеждѣ застать твоихъ или Карамзиныхъ въ Италіи. Если мнѣ къ вамъ и не по дорогѣ будетъ, и если твои и въ Нисѣ будутъ, то заѣду къ нимъ. Сегодня или завтра ожидаютъ сюда государя: онъ выѣхалъ изъ Москвы съ цесаревичемъ 22-го ночью, то-есть, третьяго дня. Жуковскій не провожалъ наслѣдника, а только князь Ливенъ и Кавел[инъ]. Авось, и Жуковскаго буду видать чаще. Пушкинъ вчера навѣстилъ меня. Поэма его о наводненіи превосходна, но исчерчена и потому не печатается. Пугачевщина уже напечатана и выходитъ. Въ области россійской словесности новаго не знаю, а Борисъ Ѳедоровъ, мнѣ теперь собесѣдующій, также ничего не знаетъ новаго. Не зная резеды-Соллогубъ, я провелъ съ нею весь вечеръ и удивился послѣ, что она слыветъ красавицею: здѣсь многія превосходятъ ее въ красотѣ. Любезности ея не замѣтилъ, ибо она молчала и слушала болтовню мою. Второго свиданія за болѣзнію не имѣлъ. Одна изъ Опочининыхъ мила, какъ и кузина ея, Толстая. Посольша читаетъ романъ „Луиза Строцци", Циркуршѣ посвященный; находитъ скучнымъ, то-есть, длиннымъ. Не забудь познакомиться съ madame Circourt и съ мужемъ ея; на большихъ путяхъ Италіи вѣрно встрѣтишь ее. Она мила, умна, добра, несмотря на *голубые чулки* свои; мужъ также, и рѣдко утомителенъ даже и своимъ всевѣдѣніемъ. Никто лучше и охотнѣе ихъ не познакомитъ тебя съ движеніями Италіи во всѣхъ отношеніяхъ и во всѣхъ дирекціяхъ. Онъ всѣхъ, все и обо всемъ знаетъ; такъ же и она: c'est vraiment le couple de toute espèce de savoir! Въ нихъ много и добродушія, несмотря на жадность къ большому свѣту, къ большому кругу въ области наукъ, искусствъ и людей. Скажи ей, что братъ ея, Хлюстинъ, здѣсь служитъ при Бл[удовѣ] и смотритъ вдаль, но еще нѣсколько педантоватъ, хотя уменъ и не безъ европейскаго просвѣщенія. Сбирается печатать мистику московскаго графа Мейстера. Я былъ и у ея маменьки въ Москвѣ, Хлюстиной, которая обожаетъ дочку по прежнему. Во Флоренціи познакомься съ эксъ-полковникомъ, учителемъ итальянскаго языка и писателемъ—Пепе: благородный и умный, и добрый неаполита-

нецъ. Если въ Римѣ для дѣтей нуженъ будетъ итальянскій учитель, то возьми моего: я не встрѣчалъ въ жизни лучшаго, и очень дешевъ; а справиться о немъ можешь у княгини Зенеиды. Онъ служитъ въ Ватиканской библіотекѣ; имя забылъ. Четыре паола за часъ, и ни минуты потерянной; знаетъ по-французски и по-нѣмецки и объясняетъ особенности и красоты итальянскаго языка и грамматики превраспо. Настоящій наставникъ! И Пепе не дуренъ, но уступаетъ римскому. Впрочемъ, онъ и литераторъ, и вѣрный пріятель, а во Флоренціи нужно имѣть указателя на многое. Между книгами, кои привезены сюда и кои я большею частью здѣсь оставляю, найдешь ты многія объ Италіи, то-есть, нужныя для путешествія: описанія городовъ Швейцаріи и прочее. Ты найдешь ихъ всегда у Татар[инова], и слѣдовательно, забирать съ собой тебѣ ихъ сюда не нужно. Прости! Рука и голова устали отъ того, что ногѣ больно, да и мѣшаютъ посѣтители и просители, забывая, что я уже не прежній я въ Петербургѣ, „цвѣтущій, жизни полный“. Обнимаю дѣтей и цѣлую ручку у княгини. Богъ да хранитъ васъ!

На оборотѣ: Allemagne. A monsieur Markeloff, secrétaire de la mission russe à Francfort sur le Main, pour remettre au prince Pierre Wiazemsky, ibi—ubi.

1835.

743.

Тургеневъ князю Вяземскому.

10-го іюня 1835 г. Парижъ.

Въ часъ отъѣзда моего изъ Рима я читалъ письмо твое къ Кривцову о моихъ посылкахъ въ Вѣнѣ и получилъ увѣдомленіе объ оныхъ и отъ князя Горчакова, но посылокъ еще не получалъ и намѣренъ хлопотать отсюда.

Дорогу мою изъ Рима до Вавилона описалъ я вамъ въ письмѣ съ княземъ Мещерскимъ на другой день пріѣзда. Вездѣ и всегда о тебѣ думаю и жалѣю, что не имѣю никакого извѣстія изъ Рима, и не знаю, гдѣ теперь твое семейство. Я здѣсь ожилъ *мысленно*; мало-по-малу сонъ души проходитъ, и дѣятельность ума возвращается: ни минуты съ ранняго утра за полночь нѣтъ незанятой; не успѣваю означать летящаго бытія въ моемъ журналѣ. Работаю въ архивѣ Библіотеки почти ежедневно; выписываю многое, справляюсь, нахожу сокровища для русской исторіи, но еще не нашелъ хорошихъ писцовъ для копій. Проповѣди, театры, камеры, салоны, кабинеты чтенія—ничто не забыто; обѣдаю и завтракаю дома, семейно; даже не тянетъ въ Café aux 1000 colonnes; просыпаясь, вижу улыбку племянницы. Но душа здѣсь, а сердце иногда и на Москвѣ! Перебираю старыя бумаги: сколько сокровищъ для воспоминаній и даже для исторіи! Все нашелъ *нетронутымъ*. Уставилъ въ порядокъ всѣ томы моего журнала

параллельно съ письмами къ брату: одно дополняетъ другое; можно бы, кажется, составить что-нибудь цѣлое, хотя и фрагментарное. Кстати о письмахъ: перешли всѣ тѣ, кои въ 1832 и 1833 годахъ писалъ къ тебѣ изъ Италіи и Женевы,—къ Свербеевой, но съ строгимъ предписаніемъ возвратить ихъ сестрѣ, А. И Нефедьевой для храненія. Если же почтешь, что къ Свербеевой посылать не нужно, то отправь къ Нефедьевой для храненія. Я отъ Свербеевой et compagnie не получалъ ни слова и, вѣроятно, письма еще у англичанина, который нигдѣ не встрѣчалъ меня и взялъ изъ Москвы ко мнѣ письма. Прости, милый другъ! Передай дамамъ твоимъ и петербургскимъ мое нѣжное воспоминаніе; позаботься обо мнѣ вмѣстѣ съ Жуковскимъ и откликнись на мое письмо поскорѣе; увѣдомь о себѣ и о твоихъ обстоятельно.

Видаю Мортемаръ у графини Шуваловой (Салтыковой). Здѣсь я проснулся, и она не узнаетъ меня. Мужъ и жена зовутъ меня къ себѣ въ деревню, на берегъ моря; если придется ѣхать въ Англію, то можетъ быть проѣду новой дорогой и заѣду къ нимъ. О тебѣ рѣчь часто. Посылаю тебѣ копію съ письма ко мнѣ Ламартина объ одной молодой четѣ, которую онъ чрезвычайно хвалитъ, ручаясь за все. Онъ желалъ бы найти имъ, то-есть, мужу и женѣ, вмѣстѣ или розно—все равно, мѣсто въ Петербургѣ или въ Москвѣ, или хотя и въ другихъ обитаемыхъ частяхъ Россіи. Кажется, эта чета была бы находкою для хорошаго семейства. Требованія очень умѣренны, по словамъ Ламартина. Я еще самъ не успѣлъ познакомиться съ мужемъ, но надѣюсь сойтись съ нимъ и, если найду способнымъ, то, употребивъ его для сличенія моихъ рукописей, для копій и прочаго, увижу поближе и своими глазами его нравственныя и педагогическія достоинства. Между тѣмъ и на Ламартина положиться можно; это не греческая статуя: онъ лучше можетъ обсудить живого. Не нужна ли дама Лизѣ Карамзиной, а мужъ твоему Павлушѣ? Я бы уладилъ дешево. Во всякомъ случаѣ откликнись о семъ дѣлѣ, и на французскомъ, дабы я могъ показать Ламартину.

744.

Князь Вяземскій Тургеневу.

30-го іюня / 12-го іюля 1835 г. С.-Петербургъ.

Булгаковъ передалъ мнѣ твои два письма, и письмо къ Нефедьевой отправлено въ Москву. Булгаковъ хотѣлъ отвѣчать тебѣ на твои запросы, а мнѣ отвѣчать нечего, потому что никого не видалъ и не вижу, даже и Жуковскаго, который въ Петергофѣ. О житьѣ-бытьѣ своемъ сказать также нечего. Живу пока у Карамзиной, которая думала провести лѣто въ Таицахъ, но, за худымъ устройствомъ дома и за приготовленіемъ Владиміра къ университетскимъ лекціямъ, возвратилась опять въ городъ. Павлуша пока со мною на вакантное время. Утро провожу въ департаментѣ, наипаче теперь, за болѣзнью Бибикова; брожу по улицамъ; изрѣдка заѣзжаю къ Бобринскимъ, у которыхъ сынъ былъ при смерти боленъ, но теперь ему гораздо лучше; еще рѣже того бываю у Булгакова: вотъ и все, а прочее время дома. Мыслью и душою я все еще въ Римѣ. Не только не могу еще привыкнуть къ своему горю, но и не могу еще опомниться отъ него, и одно желаніе— остаться въ этомъ расположеніи душевномъ: иначе—было бы для меня упасть душою, если не упасть духомъ. Одно дороже другого.

Жена и дочери въ Генуѣ: вѣроятно, купаются теперь въ морѣ. По расчисленію, въ сентябрѣ будутъ онѣ здѣсь, если Коппъ, котораго онѣ увидятъ проѣздомъ въ Ганау, не скажетъ рѣшительно, что Наденькѣ нужно остаться на югѣ. Въ такомъ случаѣ увидимъ, что дѣлать и какъ устроить судьбу свою. Мещерскихъ также ожидаемъ въ сентябрѣ: они теперь въ Пирмонтѣ. О твоемъ Lacroix не знаю, что сказать. Ужъ не „Jacob le Bibliophile" ли? Подумаю и поговорю. Теперь большія встрѣчаются затрудненія для опредѣленія въ домъ заграничнаго наставника, въ особенности изъ Франціи; справься въ русской миссіи: тамъ вѣрно есть предписанія о семъ. Признаюсь, мнѣ не очень нравится и то, что онъ согласенъ исполнять les fonctions de secrétaire ou d'intendant,—слѣдовательно нѣтъ рѣшительной вокаціи и готовности къ педагогіи, а только

между прочимъ могъ бы онъ заняться и ею; а если кто дастъ ему лишнюю тысячу рублей, чтобы завѣдывать буфетомъ или скотнымъ дворомъ, то онъ и отъ этого не прочь и отойдетъ отъ своихъ воспитанниковъ. Вскорѣ послѣ твоего письма получилъ я письмо и отъ m-me Mortemart; отвѣчалъ я ей на дняхъ, передавъ письмо во французскую миссію барону д'Андре. Полагая, что она уже не въ Парижѣ, а въ деревнѣ, опасаюсь, чтобы письмо не затерялось, тѣмъ болѣе, что другое, писанное изъ Вѣны и адресованное въ Римъ, кажется, имѣло эту участь. Какими судьбами Шувалова-Салтыкова еще въ Парижѣ, а Потоцкая въ Oleggio, гдѣ видѣли ее Мещерскіе? Тройственный союзъ сестеръ долженъ былъ имѣть свой конгрессъ гдѣ-нибудь на водахъ германскихъ; отчего это разстроилось? Пушкинъ собирается на три года въ деревню. Я его почти не видалъ, а ея и вовсе съ пріѣзда моего. Они жили въ домѣ, изъ котораго мы выѣхали, отправляясь за границу, и я не имѣлъ духа войти въ него. Странное дѣло: въ Римѣ я дорожилъ всѣми впечатлѣніями, которыя дѣйствовали прямо на рану мою, искалъ ихъ; а здѣсь, напротивъ, боюсь ихъ, или какъ-то сердце не лежитъ къ нимъ, хотя и безпрестанно занято своимъ горемъ. У нихъ еще родился сынъ, котораго окрестилъ Жуковскій. Жалѣю очень, что нѣтъ здѣсь Смирновой: ее видалъ бы я охотно. Она уѣхала на годъ и болѣе; здоровье ея, сказываютъ, поправилось, а особенно расположеніе духа, которое было очень мрачно: она все боялась сойти съ ума. На зиму, вѣроятно, поѣдетъ она въ Италію. Аврора въ Москвѣ и въ пребываніе тамъ императорское выкатилась на небо баловъ и съ большимъ блескомъ. Вотъ все, что знаю о ней. Екатерина Булгакова будетъ завтра въ Москвѣ супругою толстого гусара Соломирскаго и ѣдетъ въ Сибирь на медовую луну, а тамъ—на житье сюда.

Вотъ всѣ мои вѣсти. Прощай! Обнимаю тебя. До свиданія, гдѣ, какъ и когда? Для меня все путешествіе мое—какъ страшный сонъ, который легъ на душу мою или, лучше сказать, вся прочая жизнь была сонъ, а она, какъ свинцовая дѣйствительность, обложила душу отнынѣ и до воскресенія мертвыхъ.

8-го сентября.

Это письмо, отданное Сербиновичемъ вмѣстѣ съ „Журналомъ“, залежалось въ Канцеляріи иностранной. Я выручилъ его, а „Журналъ“ будетъ доставленъ послѣ Твои письма, по мѣрѣ полученія ихъ, читаются здѣсь и отправляются въ Москву. Жена пріѣхала съ недѣлю. Свиданіе, разумѣется, было очень тяжелое и грустное. До этого все было какъ будто недокончено, хотя и нечего было ждать радостнаго конца, но теперь концы съ концами сведены, и пустое мѣсто виднѣе Жена писала тебѣ изъ Генуи въ Лондонъ. Письмо твое съ приложеніями отдано Вейдемейеровой. У насъ гостилъ здѣсь недѣли съ три Дмитріевъ: бодръ, любезенъ и оригиналенъ по прежнему. Часто говорили о тебѣ. Онъ тебя очень любитъ. Николашка его, „парика и книгъ его рачитель“, напился пьянъ, пропадалъ цѣлыя сутки и возвращенъ былъ къ нему со съѣзжей съ разбитымъ лицомъ. „А еще литераторъ“, говоритъ о немъ Дмитріевъ съ горестью и негодованіемъ, „знаетъ всю русскую литературу, всѣ литераторскія и журнальныя сплетни, даже иногда и имя Шатобріана вылетаетъ изъ его поганыхъ устъ!“ Передай это Шатобріану для его записокъ. О Шаликовѣ говоритъ онъ, что онъ такъ выщипалъ всѣ сѣдые волоса свои, что у него на головѣ желтѣютъ проталины. Жуковскій все въ Царскомъ и только на нѣсколько часовъ пріѣзжалъ сюда для свиданія съ Дмитріевымъ. Вообще, въ городѣ пусто; всѣ еще почти на дачахъ, и до нынѣшняго дня осень стояла прекрасная. Въ прочемъ новаго ничего нѣтъ. Пушкинъ поѣхалъ вчера въ деревню на три мѣсяца; вѣроятно, на *беременные мѣсяца*, чтобы чѣмъ-нибудь разрѣшиться. По литературѣ нашей—нулью-нуль. Говорятъ о новомъ романѣ Лажечникова „Ледяной домъ“, съ картиной довольно рѣзкою временъ Бироновыхъ; но говорятъ и то, что скученъ. Еще есть „Постоялый дворъ“ Степанова, бывшаго губернатора, но я ничего не читалъ. Твой Ѳедоровъ выдаетъ диковинки нашей литературы; въ первой тетрадкѣ досталось Бальзаку и, кажется, Сенковскому, переводчику его, за „Père Goriot“, который, не во гнѣвъ будь сказано нравственному Ѳедорову, очень замѣчателенъ, и одно изъ лучшихъ произведеній послѣдней французской нагой литературы. Такъ отъ него и несетъ пòтомъ дѣйствительности; такъ всѣ мозоли,

всѣ болячки общественнаго тѣла и выставлены въ немъ на показъ. Кто бы могъ написать сужденія о Россіи по случаю постановленія 17-го апрѣля? Читавшіе ихъ говорятъ, что по многому должно полагать, что русскій; по другому, проскакиваютъ промахи иностранца. Не какой ли нибудь *гувернеръ*, долго жившій въ Россіи и благонамѣренный. Прости, обнимаю тебя.

На оборотѣ: A monsieur, monsieur Alexandre de Tourgueneff, chambellan de s. m. l'empereur de toutes les Russies. Paris.

745.

Тургеневъ княгинѣ В. Ѳ. Вяземской.

Le 18 juillet 1835. Paris.

Au lieu de m'écrire, vous m'enlevez mon valet de chambre. Pourtant depuis que je le sais chez vous je suis moins furieux contre lui, car voyager avec une calèche à soi sans domestique de Rome jusqu'à Paris, ou au moins de Lausanne jusqu'ici m'a coûté très cher et bien des désagréments. J'ai manqué me casser le col à la lettre près de Chatillon, et je dois payer beaucoup pour refaire la calèche: tout cela ne me serait pas arrivé avec un domestique et puis n'en avoir pas eu un ici était encore bien embarrassant et bien désagréable. Il m'avait promis de ne pas me quitter sans raison, et je crois qu'il a dû être content de moi. Dites-lui tout cela, je vous prie, et en même temps assurez-le, que je suis prêt à le recevoir comme de paravent, que j'ai reçu ce matin sa lettre de Gênes et que je pars demain par Rouen, le Havre et Dieppe pour l'Angleterre, pour y attendre les ordres de l'empereur à mon égard. Lorsque sa majesté a appris que j'étais ici, (avant de recevoir mon rapport sur mes occupations et sur les immenses travaux, que j'ai entrepris aux archives de la Bibliothèque royale et du Ministère des affaires étrangères, qui m'ont été ouvert avec une libéralité toute européenne) il a été surpris de mon arrivée ici, sans avoir des raisons plausibles et m'a prescrit de quitter Paris dans le plus court délai. Il y a quinze jours, que je le sais, aussi demain je pars, mais toujours conservant l'espérance, qu'on me permettra de revenir ici

pour finir mon travail ou du moins pour l'ébaucher! Car, la main sur le coeur, je suis occupé toute la matinée aux archives étrangères à passer en revue le grand et l'horrible règne de Pierre I, dont l'histoire serait vraiment incompléte, si la diplomatie française ne fournissait ses nombreux matériaux sur son règne. Je ne puis me détacher de ces in-folio, dont je viens d'achever le 13-me à l'année 1722. Il m'en reste plus de 100 à examiner. Je n'ai marqué que les choses piquantes et importantes, mais je n'ai pas eu le temps de les copier. Il faut un autre que moi pour cette rude besogne; mes yeux s'y refusent, car la plupart des dépêches sont chiffrées et fatiguent la vue.

Je pars donc demain; mon frère est déjà parti avec sa famille pour Genève pour six semaines. Je reste seul dans cette Babylone; je viens de voir partir la chaîne des condamnés de Bycêtre pour Breste. Ce n'est pas fort amusant, mais je suis un peu éveillé à Paris; les salons, où l'on cause, les parlements, où l'on dit des sottises aux pairs de France, les théâtres, où les tragédies font rire et la comédie pleurer, les douces rêveries, que m'inspirent le Bois de Boulogne, les Tuilleries et le Père Lachaise — tout cela a agi sur mon âme et je suis redevenu le vieux fashionable.

Какiе фраки, панталоны,
Всему новѣйшie фасоны!

et le plus assidu dans le salon de m-me Récamier, qui m'attend à Dieppe avec Balanche, Ampère et Chateaubriand; mais revenons à l'affaire. Veuillez dire à m-r Portelli (Ignace) que je suis prêt à le reprendre, que je vous écrirai de Londres dans quel endroit il doit venir, je pense que c'est toujours à Paris, que j'oublierai ses torts de l'inexactitude à se rendre à Rome ou ici, qu'aussitôt qu'il a su, qu'il arrivera ici, il aura de moi les mêmes appointements, qu'il aura un logement même dans mon absence ici № 48, rue Neuve, St. Augustin, dans celui de mon frère, où une économe (fort jolie) et un domestique très honnête sont restés et sont prévenus par moi de son arrivée et de lui donner un logement. Il peut m'attendre ici, ou c'est moi qui l'attendrai quelque temps; car dans le cas qu'on me permette de revenir à Paris j'y resterai le temps, qu'on

m'accordera; si non, je reviendrai ici pour quelques jours dans 5 ou 6 semaines prendre mes papiers, habits, linges, livres et ma calèche, que j'ai laissé ici. Il doit en avoir soin. Vous quittez Gênes le 20 août, vous aurez donc le temps et lui aussi de m'écrire à Londres poste-restante ou par l'ambassade. Il faut qu'il m'informe de son arrivée ici, car en cas qu'il ne vienne pas, je dois chercher un autre, ne pouvant voyager sans domestique qu'en Angleterre. Dites-lui qu'il n'est pas impossible que je retourne à Moscou, où ma cousine vient de perdre plus de 30 mille roubles. Все градомъ побило!

Personne ne m'écrit, mais contre personne je n'ai autant d'humeur que contre vous, chère princesse! Заставьте хоть Наденьку написать ко мнѣ. Не прощу Машѣ, что она со мной не простилась и не написала о Вяземскомъ ни слова. Знаю о немъ по письму Булгакова. Куда и когда вы сбираетесь? Мортемарша у моря, но не ждетъ никого, развѣ меня, ибо я обѣщалъ заѣхать въ ихъ замокъ по пути въ Діеппъ; но, вѣроятно, не заѣду, потому что я опять безпутный. Простите! Кланяйтесь Закревской и нашему почтенному Гейдекеру.

19 juillet.

J'ai écrit à Krivzoff en le priant de m'envoyer un paquet que Kokoschkin a expédié à Florence. Je n'ai pas eu de réponse du diplomate. Si vous lui écrivez, dites lui cela et mille choses aimables de ma part à votre soeur de Moscou. Elle m'a promis de m'écrire par vous. Je voudrai bien en recevoir un mot; dites lui cela. Je pars ce soir pour Rouen.

La saison n'étant pas celle des bals et par conséquent des toilettes, je ne puis rendre compte à la princesse Marie des brillantes bagatelles que la mode impose pour le moment. Les soirées de quelques ministres, que je fréquente, n'offrent point des modèles sous ce rapport. Rien de plus simple dans leur mise que la duchesse Broglio et sa charmante fille (petite-fille de m-me de Staël. Je n'ai vu qu'une seule robe en foulard à m-me de Broglio, depuis deux mois que je la rencontre chez elle et ailleurs. Nous assistons aux prières au même temple du culte Reformé non salarié tous les dimanches. C'est un modèle de vertu.

Et l'horrible La Roncière? Qu'en dites-vous, chère maman? Votre coeur maternel ne tremble-t-il pas?

На оборотѣ: L' Italie. A madame, madame la princesse Wiasemsky. A Gênes, à l'Hôtel dès quatre nations.

746.

Князь Вяземскій Тургеневу.

1/13-го августа 1835 г. С.-Петербургъ.

Вотъ тебѣ два письма отъ Козлова и Вейдемейеровой. Получилъ ли ты наше письмо, то-есть, Жуковскаго съ моею приписью и мое при „Журналѣ Министерства Просвѣщенія"? Не сердись на меня, что пишу рѣдко; право, не пишется, да и не о чемъ писать. Никого не вижу, нигдѣ не бываю, ничего нѣтъ живого въ сердцѣ и въ жизни, также и въ умѣ. Вотъ однако же печальная новость: Гагарина-Бобринская скончалась третьяго дня, почти скоропостижно, то-есть, вслѣдствіе незначительной болѣзни, на которую не обращали вниманія. Я еще никого не видалъ изъ семейства, но мать должна быть убита. Завтра отпѣваютъ ее въ Невскомъ монастырѣ. Отдалъ я Лодомирскому, который привозилъ сюда сына для опредѣленія въ пансіонъ Мюральта, Ламартиновскую рекомендацію. Онъ хотѣлъ переговорить съ женою, а если не рѣшатся они взять ихъ, то передадутъ письмо Свербеевымъ, о которыхъ ничего не знаю, равно какъ и о всѣхъ москвичахъ, потому что ни съ кѣмъ рѣшительно не переписываюсь, даже и не съ Александромъ Булгаковымъ, c'est tout dire. Съ Жуковскимъ видѣлся я на дняхъ. Дворъ пріѣзжалъ сюда на нѣсколько дней. Сегодня, кажется, отправляются они изъ Петергофа; а наслѣдникъ и, слѣдовательно Жуковскій, на время отсутствія императора и императрицы, переѣзжаютъ въ Царское Село. Жуковскій здоровъ и довольно бодрствуетъ. Здѣсь мюнхенскій Гагаринъ, пріѣхавшій по своимъ дѣламъ и, кажется, порядочно обдѣлавшій или обдѣлывающій ихъ. Онъ собирается въ Москву и, вѣроятно, не прежде поздней осени возвратится въ Мюнхенъ. Послѣднія вѣсти, мною полученныя отъ моихъ, все еще изъ Генуи; но теперь надѣюсь,

что онѣ уже выѣхали, и чрезъ мѣсяцъ ожидаю ихъ сюда. Тамъ окружаетъ ихъ холера, если уже не ворвалась въ Геную. Мещерскіе еще десять лишнихъ дней остаются въ Пирмонтѣ, но все же въ началѣ сентября должны быть здѣсь. Отъ Смирновой вѣсти хороши; она разъѣзжаетъ по разнымъ *бадамъ*: *Карлсъ*, *Маріенъ* и такъ далѣе. У дармстадтской птички родилась пташка Марія. Я читалъ у Софіи Бобринской письмо Лагрене, трепещущее радостью и любовью. Въ литературномъ нашемъ мірѣ (міръ въ деревенскомъ смыслѣ: мірская сходка мужиковъ) ровно ничего не дѣлается. „Московскій Наблюдатель" слабъ и тощъ; только и есть дѣльнаго, что письма какой-то Эоловой Арфы, да критики Шевырева, который очень подобрѣлъ и сложился умственно. Другіе, вѣроятно, все наблюдаютъ, да ничего не пишутъ, потому-то Зубковъ и прозвалъ журналъ „Московскій Надуватель". Письма Эоловой Арфы хороши, но кое-что въ нихъ и лишнее; да и къ чему, когда письмо подписано Эолова Арфа, печатать въ заглавіи: „Письмо А. И. Тургенева". Тутъ нѣтъ смысла. Вообще, въ журналѣ этомъ мало сноровки и такта. Жаль! Вѣроятно, онъ не удержится. Посылаю по этой оказіи письмо, казанскія туфли и presse-papier къ m-me Mortemart. Все отправляется съ графомъ Sercey, братомъ нашего, то-есть, здѣшняго повѣреннаго въ дѣлахъ. Если увидишься съ нею, справься, получила ли она такъ же, какъ письмо изъ Вѣны, и отвѣтъ мой на письмо ея, переданный à la baronne d'André, матери нашего Андрюши, который отпускалъ все „sacristi" у Смирновой, иначе не привѣтствовавшей его, какъ: „Bonjour, m-r le baron Sacristi!"

Жена пишетъ мнѣ, что я, наконецъ, проигралъ мой римскій процессъ; но не знаю еще, на какомъ основаніи, то-есть, съ какимъ убыткомъ. Надѣюсь, что не заставятъ ничего приплачивать къ оставленнымъ мною 250 піастрамъ. Хорошо еще, если наше посольство не вздумаетъ расплачиваться за меня. Теперь нѣтъ имъ другого дѣла, какъ препроводить бы тяжбу и претензію его сюда, къ мѣсту жительства моего, или потребовать меня туда, а заочно располагать моими деньгами, кажется, невозможно. Но, впрочемъ, весь этотъ процессъ такъ шелъ, что чего добраго придется еще платить, что монсиньорамъ угодно.

2-го.

Прости! Бѣдную Гагарину опустили мы сегодня въ своды Невскаго монастыря. Обнимаю. Не знаешь ли, гдѣ и что Марія Потоцкая? Если банкиръ твой будетъ брать деньги за это письмо, не давай, потому что оно отправляется съ графомъ Серсе.

747.

Князь Вяземскій Тургеневу.

25-го октября 1835 г. [Петербургъ].

Что сказать тебѣ о Булгаковѣ? Хорошаго нечего. Доктора, отвративъ отъ него первоначально ударъ, спасли его отъ скоропостижной смерти, но къ сожалѣнію не спасли его, вѣроятно, отъ медлительной кончины: онъ не только не оправляется, а напротивъ, съ каждымъ днемъ слабѣетъ; лихорадка томитъ и истощаетъ его. Повидимому, сами доктора худо понимаютъ его болѣзнь. Грустно! Мало было людей на свѣтѣ, которые имѣли обширнѣйшій кругъ дѣятельности въ пользу частную; болѣе одолжали, не говоря уже о семействѣ его, которое въ немъ лишится земного провидѣнія своего; подчиненныхъ, которымъ онъ былъ точно благотворитель; но онъ сверхъ того былъ какое-то средоточіе, къ которому стекались повсемѣстныя просьбы; онъ такъ многимъ служилъ посредникомъ, ходатаемъ по всѣмъ дѣламъ; по связямъ своимъ со всѣми, онъ и самъ былъ связью всѣмъ. Я говорю о немъ, какъ будто уже о покойникѣ. Желаю, чтобы отпѣлъ я его заблаговременно; но почти съ самаго начала болѣзни или, по крайней мѣрѣ, съ той поры, какъ болѣзнь затянулась, я какъ-то упалъ духомъ за него.

Твои письма получены и, подобно папскимъ благословеніямъ, разосланы urbi et orbi. Даже и m-me Circourt читала ихъ Я съ нею здѣсь познакомился, и она мнѣ очень понравилась. Кажется, къ новому году будетъ она въ Парижѣ, а здѣсь пробыла недолго. Жуковскій все еще въ Царскомъ Селѣ, до пріѣзда царя, то-есть, до первыхъ чиселъ ноября. Я переслалъ къ нему и послѣднія письма твои, прося его отвѣчать тебѣ и передать, что скажетъ

князь Голицынъ о занятіяхъ твоихъ и о возможности продолжать ихъ. Съ нынѣшнею оказіею Жуковскому нельзя будетъ писать къ тебѣ, потому что я только сегодня утромъ узналъ объ отъѣздѣ завтра барона д'Андре и, слѣдовательно, не успѣлъ увѣдомить его. Но, кажется, надняхъ отправится курьеръ въ Парижъ, и тогда уже обѣщаю тебѣ письмо отъ него. Ты долженъ былъ получить теперь старое мое письмо, которому судьба такъ долго перечила. Я выручилъ его изъ Иностраннаго министерства, гдѣ пролежало оно, не знаю сколько времени, подъ тяжестью „Журнала Просвѣщенія", а тамъ отдалъ я его Булгакову за нѣсколько часовъ до болѣзни; и пролежало оно у него въ городскомъ кабинетѣ все время, которое онъ пролежалъ на дачѣ. Не знаю, дошелъ ли до тебя журналъ Сербиновича, а „Наблюдателя" для тебя я и не видалъ; да и мы его худо видимъ. Впрочемъ, жаловаться тебѣ не слѣдуетъ. Если мы, туземцы, имѣемъ до сего времени только іюль, то немудрено, что вы, иноземцы, не дошли еще и до января. Жаль, а „Наблюдатель" не жилецъ, то-есть, жаль потому, что была надежда имѣть намъ хотя одинъ честный журналъ, хотя и приходилось сказать: „Къ чорту и честь, какъ нечего ѣсть!" А въ иной книжкѣ, право, бывало не во что зубъ вонзить.

Мы съ тобою въ чтеніи сошлись, и я пробѣгаю „Les mélanges" de Barante. Мнѣ они нравятся; во-первыхъ потому, что это нѣсколько въ моемъ родѣ, и я охотникъ критико-біографизировать, а во-вторыхъ потому, что Barante отзывается нѣсколько старою школою, которая, по крайней мѣрѣ въ отношеніи къ критикѣ, благоразумнѣе нынѣшней, особенно у Баранта, котораго умъ согрѣтъ теплотою чувства, неизвѣстною энциклопедистамъ и послѣдователямъ ихъ, и просторнѣе раздвинутъ на всѣ четыре стороны сообщеніемъ съ иностранными литературами, тогда какъ у французовъ допотопныхъ умъ все жался и колотился въ одинъ уголъ. Правда и то, что онъ пробилъ этотъ уголъ насквозь; что онъ изъ этого и бился, и что пробоемъ его сдѣлалось свѣтлѣе. Стариковъ обижать не надобно: они дѣло свое дѣлали и сдѣлали. Je suis pour le juste milieu en littérature représenté en France par Villemain, Barante et voilà tout, car il n'en est pas même trois, que je pourrai nommer. Я очень желаю познакомиться здѣсь

18*

съ Barante. Дай ему письмо ко мнѣ или выпроси отъ кого-нибудь. Мнѣ пріятно будетъ съ нимъ политературничать и пользоваться отъ него свѣжими книгами. Я безъ письма не знаю, какъ сойтись съ нимъ. Я никуда не ѣзжу и нынѣшнею зимою ѣздить не хочу; да если бы и ѣздилъ, все-таки въ нашихъ раутахъ не снюхаешься по этой части.

Скажи мой сердечный поклонъ Киселевой. Si je ne lui ai pas écrit jusqu' à present pour la remercier du bon accueil qu'elle m'a fait à Vienne, c'est que je desirais et desire encore lui envoyer quelques romances russes, qu'elle voulait avoir, et que je ne puis pas parvenir à me procurer. Жена моя очень жалѣетъ, что нигдѣ не удалось имъ съѣхаться. Получилъ ли ты письмо отъ жены, которое она тебѣ писала на другой день по полученіи твоего и отправила, кажется, въ Лондонъ.

Пока пишу къ тебѣ, у Карамзиныхъ пляшутъ, празднуя совершеннолѣтіе Андрея. О Петербургѣ не скажу ничего. Впрочемъ, нашъ барончикъ будетъ тебѣ живою грамотою, а я мертвая буква и потому ограничусь извѣстіемъ о смерти Хвостова и Бартеневой. Недаромъ смерть сблизила эти два плодородія. Странная участь Бартеневой, которая весь вѣкъ рожала въ Москвѣ и пріѣхала умереть въ Петербургъ, какъ будто съ тѣмъ, чтобы сдать всѣхъ дѣтей своихъ императрицѣ, которая призрѣла ихъ! Вотъ тебѣ письмо отъ Козлова. Желая хоть косвеннымъ образомъ потереться около знаменитости, я приписалъ на пакетѣ, а еще и съ тѣмъ, что мой почеркъ нѣсколько подходитъ къ шатобріановскому. Извини, что я не написалъ „comte Tourgueneff“. Въ Парижѣ ли m-me Mortemart? Mettez-moi à ses pieds et à mes pantoufles, si elle m'est, ou du moins si elle leur est fidèle. Et rappelez-lui, je vous prie, qu'elle a promis son portrait à Marie qui me l'a promis à son tour. Знакомъ ли ты съ графинею Шуваловой, бывшею княгиней Зубовой? Что здоровье ея? Нѣжно поклонись ей отъ меня. Намъ обѣщаютъ Потоцкую; Долгорукова уже пріѣхала, также и графиня Фикельмонтъ, но я ея еще не видалъ—c'est tout dire и доказательство тебѣ, что никого не вижу. Ты вѣдь знакомъ съ семействомъ Гёте; постарайся достать мнѣ портретъ сына, который погребенъ въ Римѣ. Вьельгорская также здѣсь,

но все не очень здорова. Смирнова на зиму будетъ въ Берлинѣ, испугавшись итальянской холеры. Здѣсь, было, пронесся лживый слухъ о смерти богача Шереметева, который въ Воронежѣ. Въ Комитетѣ министровъ кто-то сказалъ qu'il avait la fièvre scarlatine. „Et vous, vous avez la fièvre de l'attente", сказалъ громогласнымъ голосомъ своимъ Литта, оборотившись къ Уварову, который одинъ изъ наслѣдниковъ Шереметева. Ужъ прямо какъ изъ пушки выпалило. Кстати о богачахъ: Марія Долгорукова, дочь князя Василія, отказала Павлу Демидову, который сватался за нее. J'espère, que c'est une belle abdication. Каковы русскія дѣвицы! Прощай! Обнимаю тебя. Не сердись, если не часто пишу; а ты пиши: тебѣ есть о чемъ и чѣмъ.

748.

Тургеневъ князю Вяземскому.

18/6-го ноября 1835 г. [Парижъ].

Сію минуту узналъ, что черезъ два часа ѣдетъ курьеръ, а вчера поразило меня извѣстіе о близкой кончинѣ старѣйшаго послѣ Жуковскаго друга моего, Булгакова. Не хочется вѣрить, и мысль и горе ни на минуту изъ головы не выходятъ. Я ему многимъ и много обязанъ. Почти сорокалѣтняя вѣрная дружба! Ни въ какомъ положеніи не забывалъ онъ меня. Сердце его всегда меня помнило. Я полагаю, что его уже нѣтъ на свѣтѣ. Все оставляетъ насъ. Я въ немъ лишаюсь вѣрной опоры, а иногда заступника.

Я пишу къ Татаринову подробно о дѣлахъ. Если нужно, помогите ему въ справкахъ по моимъ бумагамъ и дѣламъ, у Булгакова находившимся. У него все это было въ шкафѣ близъ стола, въ особомъ ящикѣ.

Съ Барантомъ, который ѣдетъ послѣ завтра, но съ недѣлю пробудетъ и съ женою въ Берлинѣ, получите семь писемъ въ одномъ пакетѣ и два особые пакета съ книгами для Татаринова и Аржевитинова, и прочее.

Посылаю теперь тебѣ три волюма Баранта. Киселева посы-

лаетъ черезъ Баранта тебѣ (чрезъ мужа) „Crépuscule“ Гуго. Переговорите обо мнѣ съ княземъ А[лександромъ] Н[иколаевичемъ] по случаю бумагъ моихъ и дѣлъ, оставшихся у Булгакова. Вѣроятно, будетъ коммиссія наряжена для разбора дѣлъ. Простите! Очень грустно! Милый Жуковскій, ты у меня одинъ остался съ Москвы и до гроба,—дай Богъ, до моего! Откликнитесь поскорѣе! Увѣдомьте о семействѣ Булгакова. Что С[офья] К[онстантиновна]? Что дѣти? Сохраню имъ вѣчную привязанность и готовъ быть для нихъ тѣмъ, чѣмъ Булгаковъ былъ для меня, если бы могъ когда либо замѣнить его. Очень тяжело. Простите! Весь вашъ.

На оборотѣ: Его сіятельству князю Петру Андреевичу Вяземскому. Въ С.-Петербургѣ. Г. вице-директору Департамента внѣшней торговли. При семъ три книги (Сочиненія Баранта).

749.

Князь Вяземскій Тургеневу.

30-го ноября 1835 г. С.-Петербургъ.

Недаромъ въ послѣднемъ письмѣ моемъ готовилъ я тебя къ печальной утратѣ. Нѣсколько дней потомъ Булгаковъ оправдалъ мои горестныя предчувствія и опасенія. Ломоносовъ разскажетъ тебѣ все, что было, и все, что есть съ семействомъ его. Не забудь спросить и о прекрасномъ поступкѣ преемника его, Прянишникова: вотъ анекдоты, которые иностраннымъ журналамъ слѣдовало бы сообщать о Россіи. Въ письмѣ Жуковскаго найдешь ты, вѣроятно, всѣ нужныя свѣдѣнія о томъ, что̀ князь Александръ Николаевичъ приказалъ сдѣлать по дѣламъ твоимъ. Кажется, лучше и приличнѣе всего передать довѣренность, бывшую у Булгакова, Татаринову. Я посылалъ его къ Пфелеру, чтобы разспросить о положеніи твоихъ дѣлъ и пересылкѣ денегъ твоихъ. Сейчасъ узнаю, что Ломоносовъ ѣдетъ сейчасъ и потому не успѣю перевидаться съ ними для отобранія того, что сдѣлано. Но Пфелеръ говорилъ мнѣ, что онъ не задолго до кончины Булгакова писалъ къ тебѣ по его порученію, далъ отчетъ въ деньгахъ твоихъ и переслалъ, что было на лицо. Не повѣришь, какъ грустно и дико теперь

быть въ домѣ Булгакова; все видѣть по прежнему, всѣ лица, что бывало видѣлъ, а не видать его одного. Марія Константиновна и Александръ Булгаковъ увѣрены въ твоемъ живомъ и глубокомъ сочувствіи ихъ горю.

Спасибо за книги Баранта. Ожидаемъ самого книжника, теперь едва ли не чернокнижника послѣ ужасныхъ заклинаній „Journal de débats“. Живу и живемъ по старому. Маша за насъ дежуритъ на балахъ. Я никуда ни ногою. Сегодня Маша на балѣ у графини Léon Razoumowski, которая освѣщаетъ и освящаетъ свой домъ. Я ѣду къ Жуковскому, который принимаетъ меньшую литераторскую братью по субботамъ. У насъ проявился новый поэтъ, Бенедиктовъ. Не знаю, успѣю ли отправить его къ тебѣ. Замѣчательное, живое, свѣжее, самобытное явленіе. Здѣсь Козловскій,—все еще на костыляхъ и вообще, кажется, ковыляетъ, по крайней мѣрѣ донынѣ. О себѣ еще ничего не знаетъ. Всѣ твои письма и печатное тряпье переслано въ Москву, какъ слѣдуетъ.

Если возвратится сюда Андре, бывшій при здѣшнемъ посольствѣ, пришли съ нимъ что-нибудь путное изъ литературныхъ новинокъ, а то, право, часто присылаешь афишки, рецепты отъ зубной боли и прочее, и прочее со Вшиваго и Толкучаго рынковъ. Благодари Киселеву за ожидаемую книгу Hugo. Если я не пересылаю ей русскіе романсы, то виноватъ Вьельгорскій и другіе меломаны, къ которымъ пристаю, но все безъ пользы. Глинка пишетъ новую оперу, то-есть, Глинка-музыкантъ, русскую національную оперу: „Ивана Сусанина“. Поэму пишетъ баронъ Розенъ, но не кавказскій и даже не нашъ неапольскій товарищъ, котораго здѣсь почти не видаемъ, а ревельско-русскій поэтъ съ талантомъ. Гдѣ наша римская красавица-виконтесса? Présentez-lui, je vous prie, mes hommages, et dites-lui, que je ne finirai pas mon année sans lui écrire. Si je me tais, c’est crainte de la fatiguer par mes lettres et par l’obligation qu’elle croit devoir l’imposer d’y répondre coup sur coup. Прощай! Обнимаю тебя отъ всего сердца. Всѣ мои тебѣ кланяются. Получилъ ли ты, наконецъ, письмо жены моей, писанное изъ Генуи?

Графинѣ Шуваловой-Зубовой передай мой сердечный поклонъ. Что ея здоровье? Прочти ей отъ меня нѣсколько стихотвореній Бенедиктова.

750.

Князь Вяземскій Тургеневу.

29-го декабря 1835 г. [Петербургъ].

Благодарю за возвращаемое при семъ письмо Тургенева: оно любопытно, а статья о братѣ меня тронула; впрочемъ, теперь всѣ отзывы объ немъ не что иное, какъ похвальныя и, право, не льстивыя рѣчи, а Тургеневъ имѣлъ и время, и случай его узнать. Довольно мы съ нимъ и пожили, да и поплакали. Право, не соберусь съ духомъ писать къ нему. Обними его за меня. Онъ знаетъ, что и моя дружба была всегда неизмѣнна, а ему надобно меня продолжать любить за меня и за незабвеннаго моего брата. Я непремѣнно тебя увижу до отъѣзда моего. Обнимаю тебя душевно, а за портретъ пока благодарю. А. Б.[1]).

Вотъ тебѣ доказательство, что письмо твое съ Гомзинымъ дошло и читано было Булгаковымъ, который на дняхъ отправился въ Москву. Приложенія также отданы по принадлежности исправно, и Татариновъ, сейчасъ отъ меня вышедшій, сказалъ мнѣ, что на дняхъ отправляются въ Симбирскъ съ красноносымъ Столыпинымъ галантерейности твои къ вѣрноподанницамъ. Доволенъ ли ты точностью донесенія моего? Не дай Богъ, когда воплощенная безпорядочность задумаетъ быть порядочною! Ты съ аккуратностью своею и съ педантическими требованіями такъ и давишь. Довольно, когда скажутъ тебѣ, что письма твои получены, порученія исполнены; нѣтъ, отдавай ему еще всѣ эти отчеты за номеромъ; скажи, въ какую минуту что̀ получено и въ какую минуту что̀ передано! La petite moralité tue la grande et les petites formalités d'ordre et de ponctualité étouffent et dévorent l'ordre de tous les jours par exigences du moment. У московскаго Потемкина, поглотившаго милліоны и до конца разорившагося, каждый грошъ издержки собственноручно записанъ въ книгу, разграфированую не хуже

---

[1]) Эти строки принадлежатъ А. Я. Булгакову. Далѣе идетъ письмо князя Вяземскаго.

книги Jullien sur l'emploi du temps, въ которую, между прочимъ, убьешь всю жизнь, записывая каждую минуту дня, подобно тому, какъ нѣкій Тургеневъ, который никогда не знаетъ, что онъ за часъ дѣлалъ, что онъ сейчасъ говоритъ и куда черезъ минуту пойдетъ, а посмотри на журналъ его—не проронена ни четверть секунды: хоть сейчасъ въ протоколъ страшнаго суда. Несмотря на то, и на меня будь покоенъ: шарлатанить не люблю, да и не умѣю, а есть добросовѣстность, которая стоитъ аккуратности. Я читалъ твое письмо въ субботу у Жуковскаго, который сзываетъ по субботамъ литераторскую братью на свой олимпическій чердакъ. Тутъ Крыловъ, Пушкинъ, Одоевскій, Плетневъ, баронъ Розенъ etc., etc. Всѣ въ одинъ голосъ закричали: „Жаль, что нѣтъ журнала, куда бы выливать весь этотъ кипятокъ, сочный бульонъ изъ животрепещущей утробы настоящаго!“ „Наблюдатель“ чортъ знаетъ что дѣлаетъ, и Шевыревъ швыряетъ въ насъ Тассовыми октавами, въ коихъ нѣтъ ни ладу, ни складу. Оно и не по-русски, и не по-итальянски, а развѣ по-Тредіаковски-Мерзляковски. А чванства пропасть: думаетъ, что пересоздаетъ русскую поэзію; говоритъ въ введеніи своемъ, что донынѣ русскій стихъ замѣтенъ былъ одною монотонностью своею и, исключая изъ списка живыхъ Державина, Жуковскаго, Пушкина, выѣзжаетъ къ намъ для водворенія креста новой поэзіи съ подобными стихами:

Такъ душу воина ненасытимо
О чести, о любви забота гложетъ.
Межъ тѣмъ Аргантъ кипитъ неустрашимо,
И пуха мягкаго онъ мять не можетъ;
Такъ ненавидитъ миръ неистощимо,
Такъ жажда крови, слава духъ тревожитъ,
Что раны въ немъ еще горятъ страданьемъ,
А день шестой торопитъ онъ желаньемъ.

Ну, не чистая ли это тредіаковщина? И октава эта еще не па выборъ взята, а попалась мнѣ первая на первой страницѣ. Нѣтъ ни музыки, ни живописи, ни логической точности въ выраженіи! И думать, развѣшивая изъ окна „Наблюдателя“ измятую такую тряпку въ видѣ знамени, что наша старина рушится предъ нею! Жаль Шевырева, то-есть, жаль за него, что онъ пошелъ на такое

дурачество и еще при барабанномъ боѣ нахальной самонадѣянности и безумнаго самохвальства. У этихъ людей, то-есть, у нашихъ литераторовъ, нѣтъ никакого такта. На что въ Шевыревѣ умъ, дарованія, свѣдѣнія, европейская образованность, когда они не спасаютъ его отъ глупости, которая, разумѣется, дана въ извѣстной степени каждому человѣку; но въ томъ и дѣло, чтобы умѣть показывать ее только въ профиль, съ одного конца; а наши такъ и выпятятъ ее, такъ что подумаешь, что глупость хозяйка въ домѣ, а все прочее прислуга.

Вчерашней субботы не было: Жуковскій поѣхалъ на праздникъ въ Дерптъ. Мы чуть было всѣ не замерзли: около двухъ недѣль трещалъ морозъ отъ 25 до 30 градусовъ, а въ Москвѣ, сказываютъ, и болѣе, такъ что рынки были закрыты. А жена моя въ самый этотъ ужасъ поѣхала къ матушкѣ въ Москву! Сегодня ожидаю ее обратно, и отгадай съ кѣмъ? Забилось ли сердце сильнѣе?—Съ Авророю! Пушкины ѣдутъ на нѣсколько лѣтъ въ деревню. Мужъ, сказываютъ, въ пухъ проигрался. Да кстати: здѣсь Наденька Трубецкая-Четвертинская; мужъ ея служитъ по Министерству финансовъ. Я разспрашивалъ ее о твоей московской катастрофѣ. Кажется, она знаетъ истину, но скромничаетъ и говоритъ, что одному тебѣ могла бы высказать, въ чемъ заключается тайна. Козловскій очень разъѣздился и доволенъ своимъ пребываніемъ; еженедѣльно по нѣскольку разъ обѣдаетъ у великаго князя. На дняхъ витійствовалъ онъ у меня за полночь. Какъ онъ похожъ на Василія Львовича съ костылями своими, но очень милъ и забавенъ. Барантъ пріѣхалъ и прислалъ мнѣ книги и письма. Ну, не шутъ и не злодѣй ли ты? Какъ же не воспользоваться такимъ случаемъ, чтобы прислать литературныя новинки! Даже и обѣщаннаго „Crépuscule“ нѣтъ, а есть Maltus, напечатанный въ двадцатомъ году, и который можно купить здѣсь на всѣхъ толкучихъ рынкахъ. Право, я тебѣ по тяжелой почтѣ пришлю двадцать томовъ сочиненій Шишкова! Ты не понимаешь, что за досада получать изъ Парижа огромную посылку, съ трепетомъ жаднымъ кидаться на нее, рвать печати, задыхаясь отъ нетерпѣнія, и найти въ ней дрянь ни на что негодную! А все проклятое шарлатанство твое. Велика нужда пересылать въ „Наблюдатель“ съ надписью листочки, коими онъ не пользуется; въ Сим-

бирскъ—въ Аржевитинову, въ Общество историческое: такъ и кидаетъ. Разумѣется, твои письма лучше, свѣжѣе, жирнѣе всякихъ брошюрокъ, но если прикладывать къ нимъ балласта, то ужъ давай такой, чтобы пригодился къ чему-нибудь.

31-го.

Нѣсколько разъ кончалъ я годъ письмомъ къ тебѣ. Удалось и въ этотъ. Но прежнія письма были отъ живого, а нынѣ письмо des Verstorbenen. Ничего не умѣю желать ни себѣ, ни другому, потому что не *понимаю* (concevoir—въ смыслѣ библейскомъ) желаній.

Жена возвратилась вчера; не это тебѣ интересно,—а съ Авророю, которая именно предстала Авророю съ пробужденіемъ дня и моимъ. Она взята во дворецъ, но прежде ѣдетъ въ Финляндію на нѣсколько дней. Обнимаю!

1836.

751.

Князь Вяземскій Тургеневу.

19-го января 1836 г. С.-Петербургъ.

Твои письма такъ и попадаютъ въ субботы Жуковскаго. Вчера началъ я читать у него твое послѣднее отъ 2/14-го января при Бенедиктовѣ, и въ первыхъ строкахъ похвала ему, которою онъ былъ очень доволенъ. Радуюсь, что онъ понравился и графинѣ Шуваловой; не даромъ полюбилъ я ее за ея поэтическое чувство, которое не охладѣло и не увяло на петербургскомъ холодѣ. У меня нѣтъ теперь подъ глазами Бенедиктова, и потому не могу ни признать, ни отвергнуть эпиграфъ, выбранный ею для моего сердца. Впрочемъ, если она судитъ о моемъ сердцѣ по старому изданію, то можетъ и ошибиться. Старая эдиція вся вышла, но однако же нѣжное и преданное чувство къ ней сохранено въ новомъ изданіи. Въ самомъ дѣлѣ, при моемъ совершенномъ отчужденіи отъ общества, когда мнѣ никуда и ни къ кому ѣхать не хочется, а хотѣлось бы съумѣть хотѣть къ кому-нибудь съѣздить, мнѣ часто приходитъ въ голову и въ сердце, что будь она здѣсь, то ее могъ бы я видѣть съ сердечною отрадою. Мы съ ней свѣтски ссорились, но я всегда сохранялъ отмѣнное уваженіе и симпатію къ ней за многія милыя и рѣдкія качества ея. Что въ ней хорошаго и привлекательнаго, то все природное: она родилась розою безъ шиповъ, а если и есть, то-есть, бываютъ шипы, то при-

ставшіе отъ петербургскихъ репейниковъ, да и тѣ не держатся на ней. Когда я еще писалъ стихи и былъ на Рейнѣ, я началъ было балладу про развалины замковъ die Brüder, и въ героинѣ баллады моей написалъ я ея портретъ. Только это и помню, а всѣ стихи забылъ, и въ бумагахъ моихъ не осталось написаннаго. Теперь жалѣю, потому что послалъ бы ихъ тебѣ въ свидѣтельство моей сердечной памяти, которая лучше головной.

Вчера Гоголь читалъ намъ новую комедію „Ревизоръ“: петербургскій департаментскій шалопай, который заѣзжаетъ въ уѣздный городъ и не имѣетъ чѣмъ выѣхать въ то самое время, когда городничій ожидаетъ изъ Петербурга ревизора. Съ испуга принимаетъ онъ проѣзжаго за ожидаемаго ревизора, даетъ ему денегъ взаймы, думая, что подкупаетъ его взятками и прочее. Весь этотъ бытъ описанъ очень забавно, и вообще неистощимая веселость; но дѣйствія мало, какъ и во всѣхъ произведеніяхъ его. Читаетъ мастерски и возбуждаетъ un feu roulant d'éclats de rire dans l'auditoire. Не знаю, не потеряетъ ли піеса на сценѣ, ибо не всѣ актеры сыграютъ, какъ онъ читаетъ. Онъ удивительно живо и вѣрно, хотя и карикатурно, описываетъ наши moeurs administratives. Вигель его терпѣть не можетъ за то, что онъ гдѣ-то отозвался о подлой рожѣ директора департамента. У насъ онъ тѣмъ замѣчательнѣе, что, за исключеніемъ Фонвизина, никто изъ нашихъ авторовъ не имѣлъ истинной веселости. Онъ отъ избытка веселости часто завирается, и вотъ чѣмъ веселость его прилипчива. Русская веселость, напримѣръ, веселость Алексѣя Орлова и тому подобная, застываетъ подъ русскимъ перомъ. Форма убиваетъ духъ. Одинъ Жуковскій можетъ хохотать на бумагѣ и обдавать смѣхомъ другихъ, да и то въ однѣхъ стѣнахъ Арзамаса. Дмитріевъ тотъ ли письменно, что изустно? Я одинъ, можетъ быть, исключеніе, то-есть, былъ прежде исключеніе изъ этого правила: я задорнѣе письменно, нежели словесно, да и то именно письменно (у меня чернила, какъ хмель, забираютъ голову), а не печатно. Когда готовлюсь къ печати, то и я уже умничаю, а не завираюсь, и для меня печатный станокъ есть та же Прокрустова кровать. И тутъ дѣло идетъ не о ценсурѣ: ценсура сама по себѣ, а просто рука сжимается и пальцы холодѣютъ, не такъ, какъ у

старика Бѣлосельскаго, про котораго старикъ Мятлевъ говаривалъ, что онъ очень умный человѣкъ въ разговорѣ, но жаль, что у него горячка въ трехъ пальцахъ правой руки. Вотъ еще убѣдительный примѣръ: Алексѣй Михайловичъ Пушкинъ. На словахъ онъ былъ водопадъ веселости, оригинальности: такъ и заглушитъ, такъ и захлещетъ, забрызжетъ бурными волнами веселости своей, такъ и подымаетъ; начнетъ писать, — и все это сольется въ ручей, который тутъ же и замерзаетъ.

Странный ты человѣкъ, что ты все хлопочешь о службѣ моей. Да чортъ ли тебѣ въ моемъ вице-директорствѣ? Зналъ бы ты про своего Humann: выдержитъ ли министерство его предложеніе о сбавкѣ процентовъ; вотъ это такъ. А нечего дѣлать, надо отъ тебя отдѣлаться какъ-нибудь. Ну, слушай: „Сверхъ того министръ финансовъ пріемлетъ долгъ свидѣтельствовать, что вице-директоръ Департамента внѣшней торговли, статскій совѣтникъ князь Вяземскій, шесть мѣсяцовъ управлялъ департаментомъ съ отличнымъ усердіемъ и не по какому либо неудовольствію не назначается въ директоры департамента, а потому, что полагалось избрать таковаго изъ военныхъ генераловъ по причинѣ управленія значительнаго корпуса пограничной стражи, почему осмѣливается убѣдительнѣйше ходатайствовать о награжденіи его арендою, при чемъ онъ будетъ имѣть его въ виду при открытіи другой приличной вакансіи". Записка была утверждена, назначена мнѣ аренда въ 1200 рублей серебромъ, не въ примѣръ другимъ, и я остаюсь вице-директоромъ въ ожиданіи. Все, что могу сказать о Языковѣ на первыя поры, это то, что онъ со мною очень учтивъ и обходителенъ, какъ слѣдуетъ порядочному человѣку. Ну, доволенъ ли ты теперь, что узналъ и это, homme de toutes sortes de savoir.

Пушкину дано разрѣшеніе выдавать журналъ, родъ „Quarterly Review". Прошу принять это не только къ свѣдѣнію, но и къ исполненію и писать свои субботнія письма почище и получше; только съ тѣмъ, что ты не послѣдуешь русскому обычаю вышереченному, то-есть, „тѣхъ же щей, да пожиже"; нѣтъ, „тѣхъ же щей, да побольше", потому что мы намѣрены расходовать тебя на здоровье журналу и читателямъ. Пушкинъ надѣется на тебя.

Римскаго-Гурьева здѣсь нѣтъ: ожидаютъ къ веснѣ. Баранта,

сказываютъ, приняли очень хорошо, и вообще онъ и она нравятся и отличены. Я еще не видался съ нимъ, а на дняхъ увижусь. Не пишу тебѣ о Петербургѣ, потому что вѣсти мои были бы заочныя, и къ тому же русская колонія вѣрно обо всемъ извѣщается, особливо же графиня Шувалова, изъ писемъ Вьельгорскаго. Козловскій продолжаетъ у меня по временамъ пероживовать, когда нѣтъ гдѣ бала или маскарада въ городѣ, потому что его всюду носитъ. Любезность его не истощается здѣсь и не застываетъ, хотя и боится онъ, что станетъ его только на нѣсколько мѣсяцовъ, а тамъ обветшаетъ, и никто на него смотрѣть, — это бы еще не бѣда, — а никто слушать не будетъ [1]).

24-го.

Знаешь ли, что ваши клички de doctrinaire, tien parti, gauche dynastique, puritain etc., etc. такъ же, наконецъ, смѣшны и нелѣпы, какъ наши: коллежскій ассесоръ, статскій совѣтникъ и прочія. Вѣдь и у васъ, спроси о человѣкѣ: никто не скажетъ, уменъ ли, глупъ ли, старъ, молодъ, черноволосъ, бѣлокуръ, а скажутъ подъ какимъ разрядомъ записанъ онъ. И у насъ: спроси у отца, за кого онъ дочь выдаетъ замужъ; онъ скажетъ: за чиновника 8-го класса; и ты, и онъ будутъ довольны отвѣтомъ. Кажется, это было съ молодымъ Jarmouth. Онъ гдѣ-то былъ въ гостяхъ и хотѣлъ уѣхать. На убѣжденія остаться на вечеръ онъ отвѣчалъ, что никакъ невозможно, потому qu'on avait promis de lui amener une dame de la sixième classe. Непремѣнно должно тебѣ издать твой „Portofolio". Я увѣренъ, что князь Александръ Николаевичъ пособитъ тебѣ въ этомъ дѣлѣ, тѣмъ болѣе, что la publicité rétrospective, по нѣкоторымъ примѣрамъ, у насъ довольно разрѣшается. Въ моемъ Фонвизинѣ, который вышелъ изъ ценсуры, довольно любопытнаго, и завтра ѣду къ князю Александру Николаевичу просить его дать мнѣ присланную тобою переписку французскаго министра о Панинѣ и времени его. Славное занятіе будетъ для тебя въ Москвѣ приводить въ порядокъ и печатать твои драгоцѣнности! Да ты этимъ купишь себѣ вѣчное мѣстечко въ потомствѣ и получишь штатное мѣсто

---

[1]) Въ эти дни я замѣтилъ, что онъ очень глохнетъ: вотъ еще сходство съ Василіемъ Львовичемъ.

въ исторіи русскаго народа, хотя и не Полевого. Шутки въ сторону: это будетъ подвигъ жизни твоей, а тамъ хоть трава не рости. Хотѣлось бы мнѣ послать тебѣ какія-нибудь книжечки, хотя и не для чтенія, но право не знаю что̀. Есть переводъ писемъ англичанки въ царствованіе Анны, но что тебѣ въ переводѣ? Развѣ первый томъ „Исторіи поэзіи“ нашего Вильмена, Шевырева? Изволь.

Въ „Сѣверной Пчелѣ“ публикованъ списокъ пособій пострадавшимъ при масленичномъ пожарѣ. Роздано около 45000 рублей, и распредѣленіе очень хорошее, то-есть, обдуманно-благотворительное. Кому временное пособіе, кому пенсіонъ, кому изъ оставшихся малолѣтнихъ отданы деньги въ ломбардъ по 300 и 500 рублей. Одинъ кантонистъ, братъ погибшаго крестьянина, уволенъ отъ службы. Вошли въ переговоры съ помѣщиками о выкупѣ на волю изъ семействъ пострадавшихъ.

Составилась компанія для устроенія желѣзной дороги изъ Петербурга въ Царское Село и Павловское, гдѣ будутъ разныя увеселительныя заведенія. Къ будущему октябрю дорога должна быть готова. Между тѣмъ очень помышляютъ о желѣзной дорогѣ до Москвы, но есть оппозиція. Я и самъ полагаю, что въ Россіи еще много можно сдѣлать матеріальнаго добра до желѣзныхъ дорогъ. Но вѣдь мы и такъ уже съ легкой руки и съ здороваго кулака Петра пошли; росли не годами, а днями, то-есть, не мѣрнымъ шагомъ, а скачками, что видно такъ на роду написано. Лучше же скакать, нежели прирости — — къ лежанкѣ. Нѣтъ хлѣба, такъ давай пироги; все же это пища и вареніе желудку; не совсѣмъ благонадежная, даетъ кислоты, разслабляетъ — такъ, но не умирать же отъ голодной смерти ради правильной діэтетики. Другихъ новостей нѣтъ подъ рукою.

Козловскаго вижу рѣже. Il prend tous les soirs un lavement à onze heures. Какая-то старуха взялась вылѣчить его. Великій князь все очень хорошо расположенъ къ нему, и онъ ораторствуетъ у него раза три въ недѣлю. Козловскій сердится на Баранта, что не умѣетъ жить по-петербургски. Въ самомъ дѣлѣ, всѣ говорятъ, что обѣды его плохіе, мѣщанскіе, доктринерскіе, а вина въ ротъ взять нельзя. Къ тому же онъ не говорливъ, низко-

поклоненъ, человѣкъ кабинетный, то-есть, учено-кабинетный, да и то знаютъ это здѣсь по книгамъ, а изустно онъ себя никому не показываетъ или не высказываетъ. Дургамъ въ огорченіи по смерти дочери, и также никто его не видитъ. Такимъ образомъ эта дипломатика, которая шумна и бойка въ вашихъ *палатахъ*, у насъ лежитъ на *полатяхъ*, и никто о ней и не догадывается. Фикельмонтъ также боленъ, а прежде она была больна, и зима ихъ прошла смирнехонько.

23-го.

Письмо давно лежитъ въ ожиданіи обѣщаннаго курьера. Андрюша пріѣхалъ и привезъ книги. Теперь все отправленное тобою здѣсь и роздано по принадлежности. Шевырева не посылаю, а вмѣсто „Исторіи поэзіи“ вотъ настоящая поэзія: Кольцовъ—воронежскій мѣщанинъ, торгующій скотомъ, до десяти лѣтъ учившійся грамотѣ въ училищѣ и съ того времени пасущій и гонящій стада свои въ степяхъ. Онъ здѣсь по дѣламъ отца своего. Дитя природы, скромный, простосердечный! Прочти стихотвореніе „Великая тайна“, переведи и передай его Ламартину въ ожиданіи стиховъ Пушкина, да не забудь сказать, que c'est un *bouvier*. Каюсь предъ Ламартиномъ и предъ Свѣчиной. Въ „Jocelyn“ много прекраснаго, и поэзія его возвысилась, хотя вообще о талантѣ или, лучше сказать, о манерѣ его остаюсь при прежнемъ мнѣніи. Подбей его перевести „Великую тайну“ и посвятить свой переводъ Жуковскому. Я въ восторгѣ отъ „L'enfant du siècle“. Немного сбивается на „Адольфа“, но это не бѣда. Которая же изъ нихъ m-me Dudevant? Альфредъ Мюссе рѣшительно головою выше въ современной фалангѣ французскихъ литераторовъ. Познакомься съ нимъ и скажи ему, что мы съ Пушкинымъ угадали въ немъ великаго поэта, когда онъ еще шалилъ и faisait ses farces dans „Les contes espagnols“ и говорилъ: „Or si par hasard l'on s'enquête, que m'a valu cette conquête? C'est l'allure de mon cheval, des compliments sur sa mantille, puis des bonbons à la vanille, par un beau soir de carnaval. А тамъ уже dans „Le spectacle dans un fauteuil“ онъ совершенно выросъ и выравнялся. Его маленькія драмы dans „La revue de deux mondes“ замѣчательно хороши. Все это сочное

и ядреное. Изъ записки ко мнѣ Пушкина увидишь ты, что цензура тебя сѣчетъ и рубитъ. Статья Козловскаго объ „Annuaire du bureau des longitudes“ очень хороша. Я ѣзжу по вечерамъ смотрѣть на Козловскаго въ ваннѣ. Неимовѣрно, что тутъ за чудеса раскрываются предъ взорами естествонаблюдателя! Не хуже Гершелевыхъ чудесъ, открытыхъ въ лунѣ. Это что-то допотопное. А все бѣдняжка не лучше ходитъ.

Нева же сегодня прошла; давно уже она разрѣшалась отъ бремени. Удивительно ранняя весна! Изъ Москвы пишутъ, что тамъ уже пыль, слѣдовательно—наше лѣто. А передъ тѣмъ волкъ вбѣжалъ въ городъ и перекусалъ много людей, которые теперь взбѣсились; человѣкъ съ двадцать еще ожидаютъ этой участи. Вездѣ есть свой Фіэски: гдѣ люди его не выпускаютъ изъ себя, тамъ природа спускаетъ изъ лѣсовъ. А тамъ легче ли жертвамъ, что двуногаго засудятъ въ палатѣ пэровъ, а про четвероногаго скажутъ, что воля Божья? Что ни говорите и ни проповѣдуйте, а все что-нибудь да не такъ. Есть *великая тайна*, конечно, но не то, что вы думаете, или не такъ, какъ вы думаете. Ума не приложу, да и сердца также.

Вотъ ужъ минулъ годъ съ пріѣзда твоего въ Римъ. Этотъ годъ ничего мнѣ не изъяснилъ, ничего не залѣчилъ. Голова, можетъ быть, посвѣжѣе, и только; но сердце такъ же завяло и побито морозомъ скорби, которая во мнѣ не есть начало перерожденія, а, напротивъ, духовной смерти. Новостей никакихъ не имѣемъ: все тихо. Развѣ со Страстною недѣлей начнутся крестоносныя и чиноносныя страданія въ ожиданіи Свѣтлаго праздника и красныхъ яичекъ на шею, чрезъ плечо, на — — и прочее, и прочее, куда попало. Не поподчивать ли тебя стишками a l'eau de rose пріятеля твоего Воейкова. Это отрывки изъ его „Дома сумасшедшаго“. Такъ Русью и пахнетъ. Вотъ и эти стихи дать бы Ламартину перевести:

Вотъ нашъ Гречъ, нахалъ въ натурѣ,
Изъ чужихъ лоскутьевъ сшитъ;
Онъ цыганъ въ литературѣ,
Въ книжной онъ торговлѣ жидъ.
Вспоминая о прошедшемъ,

Я дивлюся одному:
Почему онъ въ сумасшедшемъ,
Не въ смирительномъ дому?
Здѣсь кто?—Гречева собака
Забѣжала какъ-то съ нимъ:
Такъ, Булгаринъ - забіяка
Съ рыломъ мосьичьимъ своимъ,
Съ шпагой въ петлѣ; а французской
Крестъ ужель онъ вздѣть забылъ?
Вѣдь его онъ кровью русской
И предательствомъ купилъ.
Что онъ дѣлаетъ здѣсь? Лаетъ,
Брызжетъ пѣна изъ брылей;
Мечется, рычитъ, кусаетъ
И друзей, и не друзей.
Да на чемъ онъ сталъ помѣшанъ?
Совѣсть умъ свихнула въ немъ:
Все боится быть повѣшенъ
Или высѣченъ кнутомъ.
Вотъ въ порожней бочкѣ винной
Цѣловальникъ Полевой,
Безпортошный и безчинной...
Сталось что̀ съ его башкой?
Спесь съ корыстью въ ней столкнулись,
И отъ натиска сего
Умъ и сердце повернулись
Вверхъ ногами у него.
Подлъ, какъ рабъ, надутъ, какъ баринъ
И, чтобъ словомъ кончить рѣчь:
Благороденъ, какъ Булгаринъ,
Безкорыстенъ такъ, какъ Гречъ.

Брамбеусъ, то-есть, Сенковскій:

То исполненъ низкой лести,
То ругаетъ безъ конца;
Нѣтъ ни совѣсти, ни чести
У барона-подлеца.
Что безъ пользы тарабарить?
Не зажать словами рта;
Лучше шельму пріударить
Въ три дѣйствительныхъ кнута.

La pointe y est. Вотъ вѣрный очеркъ нашей литературы. Какъ нравится тебѣ? Не знаю, полѣзу ли я для тебя въ огонь и воду, но что полѣзу для тебя въ г— —, ты имѣешь тому доказательство въ этомъ усердномъ приношеніи. Говорятъ, Смирниха будетъ въ Парижъ; она хотѣла писать къ тебѣ. Мы не имѣемъ твоего парижскаго адреса, и я всегда вынужденъ писать чрезъ чужія руки и сегодня также чрезъ прекрасныя руки римской красавицы, у которой проси извиненія за меня и за себя. Вотъ тебѣ новая монета; другую передай графинѣ Шуваловой и скажи ей, что *если она въ Парижѣ играетъ въ вистъ, какъ въ Петербургѣ, то я пришлю ей еще три штучки для маркировки.* Скажи ей, что все это подчеркнуто въ письмѣ моемъ, слѣдовательно зарублено и въ памяти у меня. Прости! Обнимаю тебя.

752.

Князь Вяземскій Тургеневу.

Le 8/20 février 1836 г. [Петербургъ].

J'ai remis la note de m-r Dégérando à m-r Prianischnikoff, un des directeurs de la Société philantropiques et philantrope luimême, comme vous le savez, car vous connaissez son généreux procédé envers la famille Boulgakoff. Il a promis de me donner les renseignements demandés, et je m'empresserai de vous le communiquer une fois, qu'ils seront mis à ma disposition.

Послѣдній цвѣтъ.

„J'avais pourtant quelque chose là!“ dit-il en se frappant le front“.

„*Mort d'André Chénier*“.

Не дамъ тебѣ увянуть одинокимъ,
Послѣдній цвѣтъ безжизненныхъ полей!
Не пропадетъ въ безвѣстности степей
Твой ароматъ; тебя крыломъ жестокимъ
Не унесетъ холодный вѣтръ ночей!

Я напою съ заботливымъ стараньемъ
Тебя, мой гость, студеною водой;
Я нагляжусь, нарадуюсь тобой;
Ты отцвѣтешь, и съ нѣжнымъ состраданьемъ
Вложу тебя въ псалтырь сопутный мой.
Но я, мой цвѣтъ, въ безвѣстности пустыни
Увяну я... И мысли тщетный даръ,
И смѣлый духъ, и вдохновенья жаръ,
Кто ихъ пойметъ?.. Кто узритъ лучъ святыни,
Когда его скрываетъ утра паръ?
Поэзія—она благоуханье,
И ѳиміамъ восторженной души;
Но должно ей горѣть и цвѣсть въ тиши,
Но не дано на языкѣ изгнанья
Ей высказать всѣ таинства свои.
И много думъ, и много чувствъ прекрасныхъ
Не имутъ словъ, глагола не найдутъ
И на душу обратно западутъ...
И больно мнѣ, что въ проблескахъ напрасныхъ
Порывы ихъ на вѣкъ со мной умрутъ.
Мнѣ суждено подъ схимою молчанья
Святой мечты все лучшее стаить,
Знать свѣтъ въ душѣ... и мракъ въ очахъ носить.
Цвѣтокъ полей, забытый безъ вниманья,
Себя съ тобой могу ли не сравнить?

Октябрь 1835 г.

Каковы стихи? Ты думаешь Бенедиктова? Могли бы быть Жуковскаго, Пушкина, Боратынскаго; ужъ вѣрно не отказались бы они отъ нихъ. Нѣтъ, сударь! И неужели сердце твое не забилось радостью Петровскаго и Чистыхъ прудовъ, и не узналъ ты голоса нѣкогда Додо Сушковой, а нынѣ графини Ростопчиной? Не завидую мужу, который служитъ вдохновеніемъ подобнымъ стихамъ, а нельзя не радоваться стихамъ. Какое глубокое чувство, какая простота и сила въ выраженіи и, между тѣмъ, сколько женскаго! Они напечатаны въ послѣднемъ „Наблюдателѣ“.

Ты, вѣрно, уже знаешь о несчастномъ происшествіи, коимъ открылась наша масленица въ первое воскресенье: пожаръ балагана Лемана, въ которомъ сгорѣло болѣе 125 человѣкъ по полицейскимъ извѣстіямъ, а можетъ быть и болѣе. Ужасы разсказы-

ваютъ: мученія ада, огнь, плачъ и скрежетъ зубовъ въ буквальномъ значеніи. Будь этотъ пожаръ нѣсколькими днями позже, и половина петербургскаго общества была бы въ траурѣ; но въ первый день масленицы была одна чернь, лавочники, сидѣльцы. Ни одного знакомаго имени нѣтъ въ жертвахъ. По человѣчеству не легче, а по *человѣчности* все-таки родъ отрады. Сказываютъ, что тутъ была картина подъ пару „Послѣднему дню Помпеи", когда одна изъ разгорѣвшихся стѣнъ обрушилась, и посреди пламени открылись на мѣстахъ неподвижные задохшіеся зрители, черныя обгорѣлыя лица, группы труповъ, группы семейныя, захваченныя пламенемъ въ ту минуту, когда мужъ спасалъ жену на плечахъ своихъ, матери дѣтей; кто безъ руки, кто безъ ноги, то одно туловище безъ головы. Я нечаянно попалъ на пожаръ и минутъ десять стоялъ предъ нимъ, любуясь какъ декораціею, и ни мнѣ, ни толпѣ, окружавшей меня, не приходило въ голову, что это не пожаръ, а человѣческій костеръ. Самъ государь стоялъ тутъ возлѣ самаго балагана и приказывалъ дѣлать распоряженія для спасенія загорающагося рядомъ Губернскаго правленія, не зная, что̀ за ужасъ тутъ происходилъ, car les cris avaient cessés. Наконецъ, когда кто-то выбѣжалъ изъ этого ада и объявилъ о томъ, что̀ тутъ дѣлается, государь такъ и зарыдалъ и остался тутъ на мѣстѣ, пока не вытащили до послѣдней жертвы, до послѣдняго трупа, до послѣдней человѣческой головни. Много было поступковъ, дѣйствій прекрасныхъ, самоотверженія, мужества, чадолюбія, но у насъ все это пропадаетъ безъ вѣсти. „Сѣверная Пчела" умѣла и тутъ сдѣлаться или остаться петербургскою свиньею. Въ разсказѣ своемъ объ этомъ бѣдствіи она только что не отдаетъ подъ судъ несчастныхъ жертвъ, обвиняя ихъ совершенно въ несчастіи, что они не умѣли, не хотѣли спастись; что тотчасъ по вспышкѣ объявили зрителямъ, чтобы они выходили; что растворили предъ ними восемь дверей; что полиція сейчасъ прискакала и приняла всѣ мѣры къ спасенію и дѣйствовала, какъ нельзя лучше. Все ложь, безчеловѣчная ложь! Дѣло въ томъ, что спасеніе въ подобныхъ случаяхъ вещь трудная, почти невозможная, по крайней мѣрѣ, спасеніе умышленное; тутъ спасаетъ одинъ случай; спасаетъ та же рука, которая и губитъ; что балаганъ въ

десять минутъ разгорѣлся, какъ стогъ сѣна, что давка заперла всѣ отверстія, всѣ истоки, что каждый, себя спасая или спасая другъ друга, всѣ мѣшали другъ другу; но очевидцы сказываютъ, что при самомъ началѣ было средство къ спасенію, и что народъ съ улицы хотѣлъ разломать наружныя стѣны, то-есть, разобрать доски; что тутъ были даже рядомъ плотники съ топорами, которые хотѣли броситься на сломку, но что жандармы и полицейская команда отогнали народъ для избѣжанія нарушенія порядка и велѣли ждать пожарную команду. На другой день трупы и обломки лежали въ Обуховской больницѣ, куда стекались родные и знакомые отыскивать своихъ. Это стоитъ вашего Фіэски, и адскій балаганъ не хуже адской машины. Между тѣмъ Леманъ-Фіэски продолжаетъ въ другомъ мѣстѣ свои представленія и имѣетъ зрителей. Это какая-то безчеловѣчная наглость съ той и другой стороны. У насъ нѣтъ еще de pudeur publique, которая и вездѣ по большей части наружная и нарядная, но не менѣе того благонравственная. Нѣтъ никакой нравственности въ черной одеждѣ, которую надѣваешь на себя по смерти ближняго; но рѣшительно была бы безнравственность, если въ подобномъ случаѣ показаться въ люди въ цвѣтномъ фракѣ и въ пестромъ жилетѣ. На одномъ публичномъ балѣ въ новомъ Дворянскомъ собраніи была складка въ пользу погорѣвшихъ или, по несчастію, ближе,—*обгорѣвшихъ семействъ*, и собрано 10000 рублей. Что скажешь о Провидѣніи въ подобныхъ бѣдствіяхъ? Ужъ тутъ дѣйствуетъ не *воля*, какъ въ злодѣйствѣ Фіэски, хотя я и не вижу благовидной причины въ этой *волѣ*, которая даетъ волю извергу залпомъ 24-хъ ружей истребить цѣлыя семейства; нѣтъ, тутъ ужъ не *воля*, а *Провидѣніе*, которое въ лицѣ Лемана то же дѣлаетъ, что Фіэски. Поди, пойми это и довольствуйся законными объясненіями. Признаюсь, для меня они вовсе не объяснительны и не удовлетворительны. Я никого еще не видалъ изъ выходцевъ ада, а любопытно имѣть вѣрное понятіе объ этихъ ужасныхъ минутахъ. Впрочемъ, я думаю, каждый и спасшійся былъ внѣ себя и въ безпамятіи. Сказываютъ, что одинъ отецъ выдрался, выломался изъ пламени и толпы съ мальчикомъ на рукахъ и упалъ на улицу въ изнеможеніи и въ безчувствіи; очнув

шись, смотритъ онъ на робёнка и узнаетъ, что спасъ онъ не своего сына. Вилламовъ видѣлъ въ больницѣ человѣка, у котораго прогорѣлъ черепъ, выгорѣли обѣ ноги, обѣ руки, и эта головня прострадала еще трое сутокъ. Вытащили одну беременную женщину, у которой прогорѣлъ бокъ, и выгорѣли въ глазахъ ея мужъ и двое дѣтей. Одинъ мужъ вытертъ былъ толпою на улицу и, видя что жены его нѣтъ съ нимъ, кинулся опять въ огненную бездну, вытащилъ жену, выпихнулъ ее на улицу и въ ту самую минуту оттертъ былъ толпою отъ дверей и погибъ.

11-го.

Для развлеченія ужаса и отдыха воображенію твоему перейдемъ къ другому петербургскому событію, пріѣзду сюда на масленицу московской красавицы Кирѣевой. Когда она въ первый разъ показалась въ собраніи, сказываютъ, поднялась такая возня, что не приведи Боже: бѣгали за нею, толпились, окружали ее, смотрѣли въ глаза, лазали на стулья, на окна

Et tout Paris charmé se leva pour la voir.

Пошли сравненія съ Завадовскою, съ Пушкиною; только и разговоровъ, что о ней. Вотъ смѣна здѣшнихъ разговоровъ: стихи „На выздоровленіе Лукулла"; поглотилъ ихъ пожаръ Лемана, а появленіе Кирѣевой затмило пожаръ. Я былъ у нея. Она въ самомъ дѣлѣ очень хороша, хотя, кажется, нѣсколько и потучнѣла; говорила о тебѣ и кланяется. Впрочемъ, пріѣздъ ея не совсѣмъ удаченъ: болѣзнь императрицы разстроила масленичные балы. Тяжелъ, кажется, мужъ ея; не даетъ ей слова выговорить и поминутно перебиваетъ разговоръ съ нею.

А теперь ваша министерская передряга перебьетъ разговоръ о ней. Мнѣ очень жаль доктринеровъ и досадно на вашихъ болтуновъ. Неужто въ правду должно согласиться съ тѣми, которые увѣряютъ, что французы не дозрѣли для англійскихъ формъ; что у нихъ всегда за слово, за полумнѣніе готовы принести на жертву настоящее и будущее? Досадно и больно было бы согласиться; крѣплюсь до нельзя, а иногда приходитъ жутко стоять за нихъ: того и смотри, что они же въ дураки посадятъ. Въ Брогліо и Гизо было много благонадежности, много ручательства за будущее.

Старая Европа могла иногда коситься на этихъ новичковъ, но видѣла въ нихъ

Царей и царствъ земныхъ ограду

и воплощенный порядокъ. Тіерсъ на пристяжкѣ у нихъ былъ также очень хорошъ: бѣсился, топалъ, исподтишка лягался, но все-таки везъ колесницу по столбовой дорогѣ. А теперь чуть ли не правъ Капефигъ въ пророчествахъ своихъ: такъ и привалитъ по пятамъ двухъ или трехъ министерствъ, калифатовъ на часъ, такое министерство, что только и будетъ кричать: „Держи лѣво!" и все и всѣхъ перебьетъ. А французы не то, что англичане: желудокъ англійскаго богатыря переваритъ и О'Коннелля; только что отрыжки пойдутъ, да забурчитъ въ кишкахъ; а французскій подавится и лопнетъ отъ Одилонъ-Баро. Хотѣлось бы послушать, что говоритъ Барантъ, но едва ли говоритъ. Я былъ у него однажды: очень учтивъ, но сухъ, холоденъ, безцвѣтенъ, беззвученъ, и со всѣми и вездѣ, говорятъ, такъ же. Вотъ ужъ ни мало не похожъ онъ ни на француза, ни на автора, ни на парламентскаго оратора, ни на посла: тише воды, ниже травы. Впрочемъ, сказываютъ, обходятся съ нимъ хорошо. Жена болѣе нравится.

Что то ты замолкъ, субботній соловей? Что съ тобою? Если пришлешь мнѣ „Revue rétrospective", то присылай только 34-й и 35-й годъ, а 33-й я и здѣсь нашелъ. Вотъ издай подобную книгу изъ своихъ парижскихъ матеріаловъ. Потребуй отъ Гагарина изъ Мюнхена одну литографію мою и передай ее римской красавицѣ, которой жена моя обѣщала мою рожу. Авось, и она будетъ отвѣчать личностью на личность.

Андрей Карамзинъ выздоровѣлъ и представленъ въ офицеры. Все семейство здорово и живетъ по старому. Я что-то давно не видалъ Козловскаго. Онъ измасленичался: не пропускаетъ ни одного бала и огорчается, когда пропустятъ его приглашеніемъ. Удивительная смѣсь мыслящей силы и пустого ребячества! Погни его въ одну сторону—государственный умъ; погни въ другую—только что не шутъ. Но съ обоихъ концовъ много доброты и мягкости, и простосердечія. Прощай! Кажется, все высказалъ. Мой сердечный поклонъ нашимъ дамамъ. Я недавно писалъ въ

тебѣ черезъ Франкфуртъ. Обнимаю. M-me Bravura тебѣ кланяется; она здѣсь. Мужъ лишился петергофскаго мѣста и ждетъ другое. Кажется, она худо разочла, что оставила Москву. Вижу по журналамъ, что лордъ Англезъ въ Парижѣ; узнай, получила ли леди Мери письмо отъ Машеньки, посланное съ Ломоносовымъ.

753.

Тургеневъ Жуковскому, Вяземскому и Татаринову.

22/10-го февраля 1836 г. Парижъ.

Не зная, когда поѣдетъ д'Андре, съ коимъ посылаю вамъ страницъ двадцать, если не болѣе, моего маранія, я рѣшился и съ попутчикомъ, Лебуромъ, сегодня или завтра въ Москву ѣдущимъ, предувѣдомить васъ, что д'Андре не могъ взять отъ меня всѣхъ книгъ и брошюръ, о коихъ я просилъ его, и что часть оныхъ отдалъ я (чрезъ madame Julvécourt-Всеволожскую) г. Лебуру, надписавъ все на имя А. Я. Булгакова, и именно: для Аржевитинова—всѣ брошюры академическія, „Bureau des longitudes", панораму Москвы, письмо къ издателю „Дебатовъ" (одинъ экземпляръ), „Dictionnaires des coulisses", планъ Камеры пэровъ съ пятью портретами, портретъ Фіэски особо и пять портретовъ на особомъ листѣ и книгу (поэму) Quinet о Наполеонѣ; въ этомъ же пакетѣ для Вяземскаго, и надписалъ на имя его: рѣчи Вильменя и Скриба и на одномъ большомъ листѣ пять портретовъ Фіэски и прочихъ. Я послалъ все это къ Булгакову при письмѣ съ реестромъ. Д'Андре, доказавъ мнѣ очевидностью, что невозможно ни одного пакета уложить ни въ сумки, ни въ ящики, беретъ, однако же, тѣ книги мои, кои можно будетъ взять ему съ собою для чтенія въ коляскѣ и кромѣ пакета на имя князя Голицына. Вотъ что я намѣренъ отдать ему, обернувъ въ бумажку, для князя Вяземскаго: 1) „Napoléon", par Quinet (2-ой экземпляръ); 2) Второй томъ mistress Trollope; 3) три номера „Portofolio" (о четвертомъ ты переговори съ нимъ на словахъ); „Fleurs du midi" — Вяземскому, но не для него. Вѣроятно, сегодня выдутъ двѣ части Ламартина, то и ихъ пошлю съ нимъ для васъ же. Для Татари-

нова: двѣ части Токевиля о демократіи въ Америкѣ. Не думаю, чтобы д'Андре согласился взять еще томъ Гюго „Crépuscule" для Боратынской-Абамелекъ; но если его получишь, то отдай ей. Если удастся, то пошлю для Чадаева 2-me livraison de „l'Université catholique", гдѣ для любителей католицизма примѣчательная статья Монталамбера о святой Елисаветѣ Венгерской; цѣль его—біографіями святыхъ характеризовать вѣка, въ коихъ они просіяли. Какая бы ни была цѣль его, но талантъ автора привлекаетъ вниманіе. Другая статья: „Introduction au cours d'Ecriture Saiute", аббата Женуда, изданіе de la „Gazette de France"—также не для васъ. Это письмо только для увѣдомленія о тетради, которую посылаю къ вамъ съ д'Андре. Пожалуйста, не гнѣвайтесь, если найдете въ ней много обветшалаго и для васъ уже не новаго и слишкомъ наскоро написаннаго. Я началъ, думая первымъ листомъ и заключить письмо и на другой день отправить, но д'Андре зажился, а я записался. Простите! Третьяго дня пріѣхалъ курьеръ и привезъ мнѣ только книжку „Журнала Просвѣщенія". Не стыдно ли!

На оборотѣ: Его сіятельству князю Петру Андреевичу Вяземскому въ С.-Петербургѣ. Или В. А. Жуковскому. Прошу любезнаго Александра Яковлевича переслать поскорѣе. Тургеневъ. 22/10-го февраля 1836 г.

754.

Князь Вяземскій Тургеневу.

14-го февраля 1836 г. С.-Петербургъ.

Сейчасъ узнаю, что отправляется курьеръ, и не хочу пропустить сію вѣрную оказію безъ словечка къ тебѣ, хотя рѣшительно писать нечего, какъ ни чеши себѣ голову и руку. Да и давно отъ тебя ничего нѣтъ. Субботы голодаютъ безъ тебя. Ты долженъ былъ получить одно письмо мое чрезъ римскую красавицу, потомъ посылку съ книгою чрезъ франкфуртскаго Маркелова на имя парижскаго Киселева и такую же на тотъ же адресъ чрезъ берлинскую Смирнову. Все ли дошло до тебя? Не вѣдаю а провѣдать желаю. Между тѣмъ говѣю. Бѣдный Козловскій пе-

режрался и изъѣздился. Теперь сидитъ съ лихорадкою, пыхтитъ и сопитъ, какъ курящаяся огнедышащая гора.

Городскіе слухи: Барантъ со второй недѣли будетъ принимать три раза въ недѣлю отъ 8 до 10 часовъ вечера. Бутера только что успѣлъ дать славный баль до полученія извѣстія о смерти своей королевы. Всѣ дни Великаго поста разобраны раутами и полу-раутами или полуротами, не считая субботъ Жуковскаго, которыя однѣ до меня касаются. Брюллова честили и праздновали въ Одессѣ обѣдами и тостами; теперь празднуютъ его въ Москвѣ. Ожидаютъ его сюда; каково будутъ праздновать здѣсь Оленинъ и прочее начальство? Послѣ Рима, я чаю, холодно будетъ ему здѣсь! Жуковскій перекладываетъ на русскіе гексаметры „Ундину". Я браню, что не стихами съ риѳмами; что онъ Ундину сажаетъ въ озеро, а ей надобно рѣзвиться, плескаться, журчать въ сребристой рѣчкѣ.

А мнѣ писать некогда, потому что должно садиться въ ванну, омыть плоть предъ омытіемъ духа исповѣдью и причастіемъ. Досадно, что не зналъ я прежде объ отъѣздѣ курьера! Богъ знаетъ, когда дойдетъ до тебя берлинское отправленіе съ прелестными стихами графини Ростопчиной. Вотъ тебѣ пища для шарлатанства: передай извлеченіе изъ моей газеты въ „Archive du commerce". Есть чѣмъ поживиться изъ статей объ отпускной и привозной торговлѣ: №№ 7, 8 и 15 и 16—съ нѣкоторыми поясненіями. Могу по крайней [мѣрѣ] похвалиться, что моя газета благовиднѣйшая изъ русскихъ газетъ наружностью. Впрочемъ, ты ничего не сдѣлаешь, а передай это отъ меня Якову Толстому: оно ему пригодится для журнальной статейки. Прощай! Обнимаю тебя, не яко Іиудъ, а яко кающійся грѣшникъ. Прошу также выпросить мнѣ христіанское прощеніе у графини Шуваловой и у виконтессы Мортемаръ, которая должна получить два письма мои.

755.

Тургеневъ князю Вяземскому.

29-го февраля, вечеръ. Парижъ.

Вчера въ полночь разстался я на вечеринкѣ у баронессы Мейендорфъ съ д'Андре, и онъ ничего не зналъ о своемъ отъѣздѣ. Сейчасъ сказали мнѣ, что онъ ѣдетъ въ ночь, и я отъ Шуваловой, гдѣ обѣдалъ съ St.-Félix, зашелъ къ Свѣчиной, чтобы написать къ вамъ нѣсколько строкъ для того только, чтобы сказать вамъ, что съ курьеромъ послано два пакета съ книгами, брошюрами и длинными письмами, а другіе два съ Минье не посланы. Д'Андре везетъ книги и вещи и реестръ онымъ.

Что сказать вамъ на скоро? Вчера провелъ я первый вечеръ у Ламартина. Онъ проситъ у меня стиховъ Пушкина въ прозѣ; стиховъ переводныхъ не хочетъ. Я заказалъ сегодня графу Шувалову перевести, но еще не остановился на выборѣ піесы. Кончилъ вечеръ у Мейендорфши, которая собрала фэшіонэбельный миніатурный роутъ: дюшессы, Берье, Eugène Sue, Delphine Girardin и отставной генералъ-майоръ Шеппингъ. Третьяго дня обѣдалъ я у m-me Lebrun съ m-me Bauer, вдовой русскаго Бауера, сына инженернаго генерала. Она была за Сенъ-Симономъ, учредителемъ секты, который на недѣлю ссужалъ ее математику Poirson для того, чтобы черезъ девять мѣсяцевъ повѣрить наблюденія свои надъ результатомъ отъ умной женщины и отъ генія-математика. Потомъ развелся съ женою, и она вышла за Бауера. Я зналъ ее какъ авторшу разныхъ романовъ и повѣстей, коими она живетъ, но совсѣмъ не подозрѣвалъ, что она та самая, которую отдавалъ мужъ на подержаніе генію-математику, и спросилъ ее говоря о Пуарсонѣ: „Правда ли?..“, но не кончилъ вопроса, потому что черноглазая племянница m-me Lebrun начала щипать меня подъ столомъ. Сначала я принялъ это щипанье за кое-что иное, но наконецъ смекнулъ и замолчалъ. Ввечеру узналъ все о другой моей сосѣдкѣ.

Вчера слышалъ я въ другой разъ Лакордера и въ третій Кера. Первый углублялся въ таинство жертвоприношенія, объ-

яснялъ универсальность онаго, характеръ священства и жертвы; позволялъ себя выраженія смѣлыя и мысли дерзкія въ политикѣ, но римскія по части религіи. Notre-Dame была полнѣе прежняго: религія точно оживаетъ. On a dit que Chateaubriand par son „Génie du christianisme" avait baptisé la France; съ тѣхъ поръ она опять осквернена была Сенъ-Симонистами, Шателемъ, Озу и прочими. Lacordaire la rebaptisera. J'espérais pour vous envoyer les numéros de „L'univers religieux", où vient de paraître sa première conférence, mais je ne l'aurai que demain, et le courrier part cette nuit; pour vous en dédommager, voilà des vers de St.-Félix. Que vous écrirez à celle que je ne connais pas, mais qui vous devinerez peut-être:

Comme au temps d'Holopherne
C'est la plus belle juive, assise à son miroir;
Dans l'eau de la citerne
C'est l'étoile du soir;
Sa voix adoucirait l'aigle et le crocodile
Et le peuple en rumeur, tigre du Carrefour,
Virgile sur sa grâce eut écrit une idylle,
Raphaël de ses yeux eut rêvé tout un jour.

Простите, Баланшъ за дверьми, пора болтать.

Вотъ прекрасная черта Гизо. Король, желая его сблизить съ новымъ министерствомъ, пригласилъ ихъ. Гизо молчалъ. Талейранъ началъ предлагать и доказывать, что Гизо слѣдуетъ посольство и прочее. Гизо прервалъ его: „Mon prince, vous oubliez que je suis pauvre". Каковъ! То-есть, другому можно принять, но обо мнѣ скажутъ: „Я принялъ по бѣдности".

На оборотѣ: A monsieur monsieur le prince Pierre Wiazemsky, vice-directeur du commerce, à St.-Pétersbourg.

756.

Тургеневъ князю Вяземскому.

29-го февраля 1836 г. Парижъ. Полночь.

Отдавъ за часъ предъ симъ письмецо на твое имя, въ салонѣ Свѣчиной написанное, я нашелъ у себя два письма отъ одного бѣднаго нѣмца, кои обѣщалъ я отправить съ д'Андре, полагая, что онъ за день предувѣдомитъ меня о своемъ отъѣздѣ. Пишу письмо на удачу, чтобы завтра снести его къ д'Андре; но если онъ уѣдетъ ночью, то письмо пролежитъ до слѣдующей оказіи. Очень досадно, что я не заготовилъ того, что думалъ послать вамъ и князю А[лександру] Н[иколаевичу]. Первая проповѣдь Лакордера кое-какъ подслушана и напечатана. Вчерашняя была еще примѣчательнѣе; онъ, принявъ, что церковь или религія состоитъ изъ науки, или вѣдѣнія и вѣры: science et foi — разбиралъ преданіе, tradition, въ смыслѣ церкви; потомъ перешелъ къ жертвоприношенію, sacrifice, которое разложилъ на три главные элемента или существенныя части онаго: le prêtre, la victime et l'autel. Мысли, образы, уподобленія тѣснились въ головѣ его и, казалось, мѣшали слову или словамъ, ибо они не успѣвали облекать собою летучія, живыя, сильно потрясающія мысли: даръ слова не успѣвалъ служить слову. Онъ иногда прибѣгалъ даже къ выраженіямъ поэтическимъ и площаднымъ; привелъ стихъ поэта, перемѣнивъ одно слово, говоря о преданіи:

Le moment où *Dieu* parle est dejà loin de nous.

„Dieu a parlé une fois; à l'instant l'ange de la tradition s'est emparé de cette parole, substantielle, eternelle. La tradition c'est preséntée là pour la saisir. Il y a dans le temps une puissance, qui fait la chaîne, le lieu de l'humanité—c'est la tradition". И потомъ, говоря о дѣйствіи слова во времени, сильнымъ движеніемъ обратился къ намъ и произвелъ какое-то всеобщее потрясеніе: „Qui de vous dira ce qu'il sera à la fin de ma parole?" Въ самомъ дѣлѣ, кто знаетъ: изъ тысячъ, кои его слушали, нѣтъ ли пораженнаго остріемъ слова—меча его? Тайну народовъ—жертвоприношеніе находилъ онъ въ

Гомерѣ и въ Овидіи. „Dieu s'est ôté la vie pour la redonner à l'homme. Chez les nations anciennes comme chez les nations présentes, partout le prêtre est à l'autel et il immole la victime; il est dans Homère et dans Ovide“. Но нигдѣ онъ такъ не краснорѣчивъ, какъ въ характеристикѣ du prêtre (священство). Сославшись на слова св. Павла о священникѣ, онъ показываетъ его въ главной его сущности: „Ce qui fait le prêtre — c'est de tuer la victime“. „Le prêtre est un officier de morale, comme disait le XVIII siècle. Hè bien! Voyez Rewbelle avec sa corbeille de fleurs comme encens à la divinité à Notre-Dame, quand on voulait rétablir le culte. Rewbelle a succombé sous le ridicule. Tous les souverains de l'univers se réuniraient pour créer un prêtre — on lui cracherait dessus!“ (ipsissima verba). „Le sacrifice n'est pas un oeuvre raisonnable“ (также)—онъ хотѣлъ сказать: de la raison. „Un peuple fut établi pour conserver la tradition; elle a eu trois époques: primitive, juive, chretienne. Elle s'est partagée en deux branches, celle d'Isaak et celle d'Ismaël (отъ послѣдняго—Магометъ съ единствомъ Бога, по преданію). La tradition a la valeur d'un fait; le fait c'est l'élément scientifique par excellence; l'intelligence ne le produit pas; il subsiste, malgré les sophistes; un fait est une personnalité vivante. Lacordaire a rendu justice à cette occasion à Bacon, comme le restaurateur de l'examen des faits dans l'homme et dans la nature: „La science d'aujourd'hui dâte de Bacon, qui a dit: „C'est assez de rêves!“ Voilà le temple de la Nature, entrez et connaissez. Le sacrifice est un fait universel et perpétuel; c'est donc une loi divine, qui a le caractère de l'universalité et de la perpétuité; elle est constante; autre est la loi humaine. Elle jette des empires, elle sacre des têtes et les jette encore; c'est une loi humaine!“ Въ этомъ Словѣ мы увидѣли, что онъ, по исповѣданію вѣры политической, не отсталъ отъ Ламенэ, а только по исповѣданію церкви римской. Лакордеръ — Боссюэтъ XIX вѣка, слѣдовательно, не скажетъ по случаю кончины принцессы: „Dieu seul est grand, mes frères.“ Онъ не занимается земнымъ и вперяетъ взоръ туда, куда не смѣлъ взирать *орелъ мосскій* (de Meaux), отецъ Галликанской церкви. Лакордеръ по сію пору—по двумъ проповѣдямъ—принадлежитъ міру христіанскому. Увидимъ,

какъ онъ перейдетъ въ міръ римскій и втѣснитъ свой геній въ стѣны Ватикана. Не знаю, получите ли вы хотя слабое понятіе о немъ по этимъ несвязнымъ обрывкамъ? Но связь въ нихъ есть, по крайней мѣрѣ для меня. Вчера же слышалъ я послѣ него у Успенья (только не на Могильцахъ) въ третій разъ аббата Кера; но я такъ былъ занятъ Лакордеромъ, что едва Керъ могъ привлечь меня къ своей превосходной проповѣди.

Сегодня въ первый разъ былъ въ Королевскомъ Архивѣ, Archives du Royaume, коего главнымъ архивистомъ *извѣстный* Допу („*извѣстный* Cuvier“, сказалъ гдѣ-то директоръ Просвѣщенія) со временъ Наполеона. Онъ разбиралъ тогда и добычу изъ Ватикана, въ Римъ возвращенную. Опишу послѣ сей архивъ, гдѣ мнѣ выложатъ на столъ все, относящееся до Россіи. Не ожидаю много любопытнаго. Историкъ Michelet—начальникомъ историческаго отдѣленія архива. Я радъ съ нимъ познакомиться. Этотъ архивъ въ кварталѣ стараго Парижа—Le Marais и далеко отъ меня, но l'histoire de Russie avant tout.

Прочтите посланнаго съ d'André Токевиля, а для убѣжденія вашего вотъ что сказалъ ему Royer-Collard, при первомъ свиданіи: „Montesquieu n'aurait pas désavouer votre livre, m-r, et peut-être ne l'aurait il pas fait“. И этому Монтескье XIX-го столѣтія двадцать пятый годъ! Вотъ вамъ листокъ изъ *историческаго бюллетеня*, который посланъ и съ другими, то-есть, съ перепискою Вержена и Верака.

757.

Князь Вяземскій Тургеневу.

7-го марта 1836 г. С.-Петербургъ.

Твое бріареевское письмо, le boeuf gras de notre correspondance, la rose à cent feuilles des jardins de votre muse épistolaire, les cent voix de la renommée parisienne, получено исправно, прочтено съ благодарностью и съ жаднымъ вниманіемъ, отдано переписывать для „Современника“ и скоро будетъ напечатано во всезрѣніе вселенны. Шутки въ сторону: тысячу разъ спасибо за

жирное, длинное, широкое письмо и за всѣ приложенія. Аппетитъ только-что разгорѣлся и ожидаетъ Андрюшу съ раскрытою и слюноточивою пастью. Сперва прочелъ я про себя votre lettre monstre; на другой день зазвалъ къ себѣ обѣдать Жуковскаго и Пушкина и снова прочелъ письмо имъ вслухъ. То-то, я думаю икалось тебѣ не хуже, нежели послѣ обѣда Тюфякина, даже рыгалось, я думаю, если и не — — симпатически. Между нами рѣшено, что со временемъ, когда приступимъ къ изданію журнала какъ слѣдуетъ, и будетъ у насъ подписчиковъ, сколько слѣдуетъ, мы посылаемъ тебя въ Парижъ въ качествѣ нашего корреспондента и даемъ тебѣ 15000 рублей годового жалованья. Послѣ обѣда пріѣхалъ ко мнѣ и Киселевъ, хотя и не *будущій мой начальникъ*, и также слушалъ. При твоихъ нравственныхъ выходкахъ на безнравственность выставки Нины Киселевъ сказалъ, что хозяинъ кофейнаго дома именно для тебя и выставилъ ее, зная, что, не смотря на твою нравственность, ты изъ первыхъ пройдешь пять разъ мимо *глаза ея.* Съ ума вы всѣ тамъ сошли съ вашимъ Фіэски. Какой могъ онъ возбудить особенный интересъ? Наемный злодѣй безъ убѣжденія въ святости (passez-moi l'expression) злодѣйства своего и безъ раскаянія; враль, расточающій пустословіе философическое, не умѣвшій дать отчетъ людямъ въ преступномъ замыслѣ и не готовившійся дать отчетъ Богу. Впрочемъ, ты его прекрасно характеризовалъ: *фарсёръ и браво*, вотъ и все. Помнишь ли ты нашего Батонди или слыхалъ ли про него? Родъ полоумнаго, угорѣвшаго и опьянѣвшаго на попойкѣ революціи, пріятеля и сподвижника Анахарсиса Клоца, отголоска Жака, фаталиста и отца Дюшена и со всѣмъ этимъ добраго человѣка. Онъ, то-есть, Фіэски, въ своихъ рѣчахъ и письмахъ очень мнѣ напоминаетъ Батонди, который также очень любилъ исписывать философическою галиматьею лоскутки бумагъ; былъ la petite pièce нашихъ вечеровъ у отца моего и у Карамзиныхъ; выдерживалъ полемическіе поединки съ Ростопчинымъ; забавлялъ Нелединскаго, Жуковскаго, Батюшкова и морилъ до слезъ Карамзина. Вообще, никогда фразеологія не имѣла такой силы и вліянія, какъ нынѣ. Вся Франція двигается, возстаетъ и падаетъ отъ готовыхъ фразъ. Это—самодержавіе словъ. Доктринеры пали, потому что журналисты нашептали хмель-

ной Франціи, какъ жиды-корчмари пьянымъ мужикамъ, слово: доктринеры, которое смысла не имѣетъ, а система министерства осталась та же. La chose est restée moins l'habileté et la loyauté des hommes, qui soutenaient le principe. На что это похоже? Въ Англіи мнѣнія, системы министерства ярко обозначены. Тамъ шекспировскія драмы съ характерами en relief; у васъ du marivaudage politique parlementaire, constitutionnel, и вы хотите, чтобы васъ уважали и давали вѣсъ вашимъ словамъ! Tout ce que vous dites, c'est comme si vous chantiez. Право, больно, и какъ ни стой за васъ, а вы сами сажаете своихъ приверженцевъ впросакъ и предаете ихъ осмѣянію противниковъ, qui rient bien, car ils rient toujours les derniers. Неужель и въ правду французы не способны къ представительному правленію, потому что они слишкомъ падки къ театральному представленію и понимаютъ la représentation nationale, какъ понималъ ее Тальма и понимаетъ m-lle Mars; у нихъ это дѣло литературное, сценическое, а не политическое. Они *представляютъ* по правиламъ Лагарпа и очень довольны собою. Да вы что-то и глупѣете. Какъ журналъ „Des Débats“ не умѣетъ порядочно зажать ротъ своимъ обвинителямъ? Они говорятъ ему: „Pourquoi pleurez-vous la chûte du ministère, quand vous avouez vous-même que le système est resté intact? Vous tenez donc plus aux personnes, qu'aux principes“. „Non“, отвѣчать ему должно: „pas plus, mais également, car en fait de gouvernement les principes ne sont pas une chose abstraite. Les principes ne sont rien sans ceux, qui les représentent et les font marcher. Supposons par exemple que nous voulussions la guerre. Pourrait-il nous être indifférent de voir l'armée commandée par tel, ou tel autre? Non, pardieu, car ce que nous voulons dans la guerre c'est la victoire et pour l'obtenir nous demandons que l'armée soit commandée par un capitaine qui aye notre confiance“. У меня иногда такъ рука и чешется, видя, какъ слабо и неосязательно защищаютъ они свои мнѣнія! Да и ты заражаешься фразеологіею. Что ты тамъ распѣваешь про хвастовство нашего министерства о своемъ золотѣ и серебрѣ? О какомъ золотѣ и серебрѣ говоришь ты? Если о привозномъ, то чѣмъ этотъ товаръ хуже другого, и какъ же ввозится оно? Разумѣется, въ

20*

уплату другого товара, который отъ насъ покупаютъ и вывозятъ. Если о доморощенномъ, то чѣмъ же этотъ продуктъ хуже другого, хуже пеньки и хлѣба? Ты боишься, что бы оно не завалило насъ; чтобы мы, подобно Испаніи, не задохлись подъ нимъ. Нѣтъ, еще опасаться нечего: до того времени успѣемъ выучиться Сея наизусть. Всѣ эти готовыя науки для Россіи не годятся, разумѣется, если пялить ихъ на Россію безусловно: хоть лопни, да полѣзай. Козловскій говоритъ, что съ тѣхъ поръ, какъ онъ здѣсь, то всѣ теоріи его распадаются въ прахъ, и оно точно такъ быть должно. Прошу не давать моимъ словамъ превратнаго, то-есть, неограниченнаго смысла. Многое у насъ дѣлается худо, но не потому, что не по книжкамъ и не такъ, какъ у другихъ; съ однѣми книжками и съ чужими выкройками толку не доберешься. Не забывай, что Россія не государство, а міръ; міръ же управляется не безусловною системою, а Провидѣніемъ; не наукою, которая одинъ разъ навсегда, а мыслью творческою и вѣчно творящею. Наука намъ нужна, но не та, которая говоритъ: „Знаю“, а русская, которая говоритъ: „Вѣкъ живи, вѣкъ учись!“ Что ни говори, а во Франціи французы, въ Англіи англичане, даже и въ Нѣмеціи нѣмцы, а въ Россіи—калмыки и курляндцы, Дерптъ и Кяхта, Кола и Одесса. Тамъ все не только единоутробники, но все сверстники, близнецы, твои сіамцы, а здѣсь воспитательный домъ: не перечтешь матерей, а отцовъ и подавно; кому годъ, а кому сто лѣтъ; однихъ корми молокомъ, а другимъ зажарь быка, такъ и того съѣдятъ; съ однимъ говори по-нѣмецки, съ другимъ по-чувашски, а съ третьимъ ни по-каковски, потому что и этихъ довольно. Подожди! Булгаринъ все это объяснитъ тебѣ въ книгѣ своей: „Россія въ историческомъ, статистическомъ, географическомъ и литературномъ отношеніяхъ“, и прочее. Онъ напечаталъ въ „Сынѣ Отечества“ *толки* о семъ сочиненіи, то-есть, свои, потому что никто не толкуетъ о ней, а что всего хуже для него, никто не толчется въ книжныхъ лавкахъ, чтобы подписываться на нее, и онъ объявляетъ, что „если не будетъ достаточнаго числа подписчиковъ, я преспокойно пріостановлю дѣло до благопріятнѣйшихъ обстоятельствъ, и трудъ мой издамъ на нѣмецкомъ языкѣ. Впрочемъ, дай Богъ, чтобы не

дошло до этого". Въ сихъ толкахъ онъ говоритъ, что „долгъ отечеству (можно спросить: какому?) и совѣсть повелѣваютъ ему писать исторію послѣ Карамзина"; что „наша исторія, подобно кораблю, совершила блистательную кампанію подъ начальствомъ Карамзина по ландкартѣ Шлецера и его школы; что „эта экспедиція описала превосходно все то, что показано было на картѣ, но не сдѣлала никакихъ важныхъ открытій"; что онъ, Булгаринъ, „долго разъѣзжалъ по Шлецеровскому морю; потомъ, благословясь, пустился въ противоположную сторону и наткнулся на настоящую историческую Россію". „Не подумайте, однако же", прибавляетъ онъ, „чтобы я почиталъ себя Христофоромъ Коломбомъ. Нѣтъ, онъ на столько выше меня, на сколько Тацитъ выше г. Полевого". Что онъ не Христофоръ Коломбъ, этому повѣрить можно; но что онъ участвуетъ въ открытіяхъ Александра Христофоровича, этого также отнять у него нельзя. Тутъ же говоритъ онъ публикѣ: „Успокойтесь! Исторія мнѣ не чужое дѣло. Я любилъ ее отъ дѣтства". Митрофанушка также, по словамъ Простаковой, „былъ еще сызмала къ исторіямъ охотникъ".

Отражая твои нападки на наше золото и серебро, я хотѣлъ подкрѣпить себя словомъ С. П. Свѣчиной, сказаннымъ мнѣ въ Варшавѣ и, заговорившись, забылъ. Мы осматривали дворецъ и, глядя на комнату, убранную золотомъ и красными обоями, она сказала: „Il y a de l'hypocrisie à ne pas aimer l'or et le rouge". Такъ и ты: vous faites l'hypocrite de la science. Между тѣмъ, кстати, скажи мое сердечное почтеніе Софіи Петровнѣ. Но воля ея, s'il n'y a pas d'hypocrisie dans son fait, il y a du moins beaucoup d'humilité et de charité chrétienne à faire l'éloge de „Jocelyn" et surtout à le lire d'un bout à l'autre, si la chose est humainement possible. Какъ не умеръ онъ отъ скуки, писавши его? Я давно характеризовалъ поэзію Ламартина безконечнымъ „Господи, помилуй!", которое само по себѣ прекрасно и лучшее выраженіе немощи нашей; но не менѣе того наводитъ тоску на душу, когда повторяется сорокъ разъ сряду однозвучнымъ и соннымъ напѣвомъ приходскаго дьячка. Прологъ хорошъ, да и то не весь. Хваленый отрывокъ Вильменемъ Оссіана не имѣетъ ни смысла, ни связи. Вездѣ выбиваются хорошіе, то-есть, свѣжіе и

звучные стихи, но изрѣдка. Изъ прочтеннаго понравилось мнѣ мѣсто, или глава, начинающаяся:

Voilà ce que j'ai dit à ma mère aujourd'hui (page 46).

Только дюшесса Брогліо права: къ чему sa jette à Dieu? Поэзія Ламартина тоже какой-то родъ *мариводажа* о Богѣ, о безсмертіи, объ ангелахъ и о мистическихъ сплетняхъ неба. Нѣтъ тутъ истинной религіи, нѣтъ души, то-есть, однимъ словомъ, нѣтъ истины. То, что я прочелъ изъ „Fleurs du midi", мнѣ гораздо болѣе правится и Жуковскому также: болѣе простоты и вѣрности. Ламартинъ похожъ часто на ваятелей, которые золотили и раскрашивали мраморъ. Поднесу „южные цвѣты" сѣверной Аврорѣ. Мать привозила ее изъ Финляндіи, и все это время была она съ нею, такъ что мы вовсе ея почти и не видали. Боратынской переслалъ я письмо и листки. Всѣ прочія порученія исполнены съ религіозною точностью. Будь покоенъ.

9-го.

Вчера вечеромъ видѣлъ я Аврору у Мещерскихъ: стройна, свѣжа, блистательна по прежнему. Сказывалъ я ей, что есть „цвѣты" для нея: велѣла благодарить за нихъ и за прежнія приношенія. Началъ я читать „Наполеона" Аржевитинова, а моего еще нѣтъ: Лебуръ здѣсь, а Андрюша еще не пріѣхалъ. Кажется, много вздора! Мысль хороша—въ нашъ вѣкъ не эпическій составить поэму изъ разныхъ разсказовъ, въ родѣ балладъ, возвышающихся иногда до оды. Наполеона станетъ на Эдгарда Кине, но Кине не стало на Наполеона. Что за сумбуръ вретъ онъ о madame Létitia, что она алебастровая чаша, и которую онъ еще видитъ

. . . . . dans la plaine;
. . . .
Non, c'est une vigne en son clos,
Un aigle et ses petits éclos.
Non, non, ce n'est pas une vigne
Mariée à l'acacia:
Sous son voile blanc comme un cygne,
C'est madame Létitia.

Вѣдь это хвостовщина, только въ чистой и тонкой рубашкѣ! Ужъ если на то пошло, то мое иносказаніе о ней лучше.

Увидѣвъ ее въ Римѣ, я сказалъ que j'avais vu la louve qui avait allaité Romulus et plus d'un Remus. Французамъ простота никакъ не дается. Они чувствуютъ необходимость этой стихіи въ поэзіи, но языкъ ли, нравы ли, или чортъ знаетъ что, противится этому. Формы простѣе, но выраженіе такъ же натянуто и чопорно. Едва ли Расинъ не правъ, и стихъ его—единственно возможный стихъ во французскомъ языкѣ: въ немъ французская поэзія хозяйкою дома; въ другихъ она подкидышъ. А можетъ быть и вообще форма вѣка Людвига XIV есть единственно возможная форма для Франціи. Вѣрно то, что, выбившись изъ нея, она дѣлала только попытки республики, имперіи или императоріи, монархіи конституціонной, и нельзя поручиться, что черезъ годъ не попадетъ она въ первую или другую „moins l'empereur", какъ прекрасно было сказано, а въ первую moins les victoires, вѣроятно.

758.

Князь Вяземскій Тургеневу.

25-го марта 1836 г. [Петербургъ].

Я послалъ къ тебѣ на дняхъ черезъ французскаго курьера и на имя римской красавицы книги, ноты, портретъ, деньги etc. Теперь пишу только такъ, для извѣщенія, для Благовѣщенія (25-го марта), для очистки совѣсти, а писать, право, нечего. Впрочемъ, у тебя должны были скопиться мои письма. Пушкинъ ожидаетъ твоихъ для „Современника". Отъ Прянишникова нѣтъ еще отвѣта, о которомъ я писалъ тебѣ на запросы Дежерандо. Третьяго дня была у насъ весна, вчера какая-то грязная веснушка, а сегодня опять на саняхъ ѣздятъ. Рѣшено, что Андрей Карамзинъ отправляется въ чужіе краи. Я очень радъ. Теперь еще можно надѣяться, что будетъ польза: послѣ могло бы быть поздно. Екатерина Андреевна, кажется, не ѣдетъ съ нимъ; тяжело ей, бѣдной, разорваться на двѣ части. Владиміру также нужна она здѣсь: оставить одного невозможно; въ Петербургѣ менѣе, нежели гдѣ бы то ни было.

О, небо! И дѣтей ужасно намъ желать!

Правду свазалъ Дмитріевъ. Вчера вечеромъ была у насъ Аврора; съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе аврорствуетъ. Послѣ этого сказать мнѣ тебѣ болѣе нечего. Лучшаго не придумаю и лучше на твой вкусъ и на твое сердце не потрафлю. Не такъ ли? Итакъ, прощай!

На оборотѣ: A son excellence monsieur Alexandre de Tourgueneff, chambellan de s. m. l'empereur de toute la Russie. Paris.

759.

Князь Вяземскій Тургеневу.

8-го апрѣля 1836 г. С.-Петербургъ.

У тебя нѣсколько моихъ писемъ; сколько именно—не упомню: кажется, два черезъ Берлинъ на имя Киселева, одно на имя римской красавицы, одно чрезъ Лондонъ на имя Бенкгаузена, и все это съ книгами, съ нотами и даже цѣлковиками тебѣ на водку. Ни на одно еще нѣтъ отвѣта. Послѣднее твое привезено Валладомъ. Пушкинъ проситъ тебя, Христа и публики ради, быть отцомъ-кормилицею его „Современника“ и давать ему сосать твои полныя и млевоточивыя груди, которыя будутъ для него слаще птичьяго молока. Выставляй ихъ съ небрежностью и съ б — — откровенностью, какъ хочешь. Здѣсь будетъ наше дѣло сжимать ихъ въ корсетъ, завѣшивать платочкомъ, а ты только тѣшь молодцовъ и вываливай прелести свои, какъ вываливаетъ ихъ графиня Лаваль, на народное позорище. Пушкинъ не пишетъ къ тебѣ теперь, потому что умерла мать его; что все это время былъ онъ въ печальныхъ заботахъ, а сегодня отправился въ псковскую деревню, гдѣ будетъ погребена его мать. Жаль, что не успѣю отправить къ тебѣ первую книжку „Современника“: она выйдетъ въ субботу, а курьеръ ѣдетъ завтра, въ четвергъ. Твои — — тутъ сидятъ нѣсколько сжаты цензурнымъ корсетомъ, но все еще задора довольно. Разумѣется, пуще всего нужно литературности и невинной уличной и салонной жизни. Политика, то-есть, газетная политика, не годится, или умѣренно, потому что дозволенъ только

журналъ литературный; но историческую политику милости просимъ. Впрочемъ, что тутъ толковать: давай, что есть, а тамъ, что къ чтенію пригодится, то прочтется; что къ напечатанію, то отпечатается!

Поблагодари князя Мещерскаго за гостинецъ. Что̀ за книги о Россіи du comte de Viel-Castel, Toussenel, Paul de-Julvécourt, о коихъ онъ упоминаетъ? Не вѣрится мнѣ, чтобы онѣ были хороши. Лучшіе умы сбиваются съ пахвей, говоря о Россіи. Послушайте, что толкуютъ на французскихъ и англійскихъ трибунахъ: уши вянутъ, а у говоруновъ ростутъ. Нѣтъ ни одного положительнаго свѣдѣнія, а все наугадъ, все хотятъ судить по аналогіи. Пріятели еще хуже враговъ: берутся говорить о томъ, о чемъ говорить не слѣдуетъ. Мало ли дѣлается такого, чего объяснять не должно, потому что не можно.

9-го.

Вчера вечеромъ думалъ я поболтать съ тобою. Жена и Машенька поѣхали въ Аничковъ, а я остался дома одинъ, но не тутъ то было: пріѣхалъ ко мнѣ мой варшавскій Нессельроде; тамъ съ бала, въ первомъ часу, явился Жуковскій, и мы за сигарами и за пріятными разговорами просидѣли до двухъ часовъ. А теперь нужно скоро отослать письмо. Да, впрочемъ, и сказать то много нечего. Василій Кутузовъ женится на старшей Рибопьеръ; свадьба будетъ въ Берлинѣ. Кажется, онъ тамъ и останется: вѣдь онъ въ отставкѣ. Пушкинъ-Брюсъ умеръ; ему отрѣзали ногу, и онъ умеръ отъ истощенія; и Гритти опасно боленъ. Странная игра Провидѣнія! Дрались за золото, которое можетъ быть никому изъ нихъ не достанется. Но, по крайней мѣрѣ, они дали доказательство, что у насъ есть правосудіе, не взирающее на лица. Этотъ процессъ очень замѣчателенъ въ семъ отношеніи. Андрей Карамзинъ ѣдетъ весною въ чужіе краи года на полтора или на два. Я очень этому радъ. Путешествіе теперь въ самую пору, какъ мѣра въ запасъ и предохранительная. Субботы Жуковскаго процвѣтаютъ, но давно безъ писемъ твоихъ. Одинъ Гоголь, котораго Жуковскій называетъ Гоголекъ (никто не равняется съ Жуковскимъ въ перековерканіи именъ; помнишь ли, когда онъ звалъ Дашкова Дашенькою?) оживляетъ

ихъ своими разсказами. Въ послѣднюю субботу читалъ онъ намъ повѣсть объ носѣ, который пропалъ съ лица неожиданно у какого-то коллежскаго ассесора и очутился послѣ въ Казанскомъ соборѣ въ мундирѣ Министерства просвѣщенія. Уморительно смѣшно! Много настоящаго humour. Коллежскій ассесоръ, встрѣтясь съ носомъ своимъ, говоритъ ему: „Удивляюсь, что нахожу васъ здѣсь; вамъ, кажется, должно бы знать свое мѣсто". И чтобы и мое письмо не пропало, а попало къ своему мѣсту, то-есть тебѣ подъ носъ, а я не остался бы съ носомъ, кончаю и отправляю письмо въ Министерство иностранное. Обнимаю тебя. Вашимъ дамамъ мое сердечное колѣнопреклоненіе. Что римская красавица? Скажи ей, qu'elle n'use pas, mais qu'elle abuse de ma permission, au reste, si elle ne m'écrit pas, parce qu'elle n'en a pas le temps, occupée d'autre chose, qui vaut mieux, je me résigne à son silence non sans peine, mais avec générosité.

Чтò портретъ сына Гёте? Говори въ письмахъ своихъ и о нѣмецкой литературѣ.

760.

Князь Вяземскій Тургеневу.

$\frac{\text{24-го апрѣля}}{\text{6-го мая}}$ 1836 г. [Петербургъ].

Виконтъ д'Аршіакъ пріѣхалъ, навьюченный твоими письмами и прочими приложеніями. Его я еще не видалъ, а вьюкъ получилъ и разобралъ, и роздалъ по рукамъ. Пишу къ тебѣ на всякій случай и страхъ, не полагая, что письмо застанетъ тебя въ Парижѣ, если впрочемъ вѣрить твоимъ исчисленіямъ. Для того, чтобы не быть задержаннымъ на пограничной таможнѣ, надобно просить директора, генерала Дмитрія Семеновича Языкова, чтобы на таможнѣ (именуя чрезъ которую проѣдешь) наложили на вещи твои (ненужныя тебѣ въ дорогѣ) пломбы, а досмотръ былъ бы произведенъ въ Москвѣ. Напиши скорѣе письмо въ такомъ смыслѣ и пришли его къ директору. Если же не успѣешь написать, или не успѣютъ вслѣдъ за письмомъ твоимъ дать предписаніе таможнѣ, то, чрезъ какую бы таможню ты не

проѣзжалъ, попроси начальника, а еще лучше, если онъ тутъ будетъ, начальника таможеннаго округа, чтобы на вещи твои, подлежащія запрещенію, наложили печати (можешь приложить и свою) и оставили бы ихъ до разрѣшенія высшаго начальства; и можешь тутъ же оставить письмо на имя директора департамента, при реестрѣ задержанныхъ вещей, прося его о содѣйствіи и изъявляя, въ случаѣ затрудненій, готовность заплатить за нынѣ запрещенныя вещи по тарифу 1819 года. Тутъ же оставь письмецо увѣдомительное и ко мнѣ и попроси все это переслать въ Петербургъ. Охоты нѣтъ писать къ тебѣ, думая, что ты уже не въ Парижѣ, да признаться и писать нечего. Были у насъ дни іюльскіе и даже ночи; грозы съ великолѣпными молніями, которыя освѣщали послѣднюю субботу Жуковскаго, а теперь опять холодъ; вчера валило съ неба, кто говоритъ, градъ, кто снѣгъ, кто крупа, но что бы ни было, а гадость. Ты изъ Парижа, а Смирниха въ Парижъ! На дняхъ послано ей разрѣшеніе.

„Похвальное слово Екатеринѣ“ послать не мудрено. Французское обозрѣніе Сперанскаго о ходѣ нашего законодательства было мною тебѣ доставлено въ свое время, то-есть, года два тому, а можно послать еще. Не вѣрится Сегюру. Онъ, за неимѣніемъ фактовъ и за неумѣніемъ понимать Екатерину и Россію, будетъ умничать и сегюрничать. Впрочемъ, собери, что сказано о ней дѣдомъ его, принцемъ де-Линьемъ, Вольтеромъ; и напиши онъ умно брошюрку объ этомъ, и то въ наше время будетъ новинка послѣ блевотины старой — — д'Абрантесъ, которая,

Вся провонявшая и чеснокомъ, и водкой,

пакостить собою и званіе писателя, и женскій полъ. Не требую идолопоклонства; напротивъ, истинъ строгихъ и суровыхъ, но истинъ, ибо въ истинѣ сливаются свѣтъ и тѣни, а въ пачканьѣ дурного маляра все красно или все черно.

„Современникъ“ вышелъ, но ты познакомишься съ нимъ на Руси или развѣ въ Берлинѣ у Смирновой, если тамъ ее еще застанешь. И себя тамъ увидишь, не во весь ростъ, то-есть, не во все брюхо, но однако же и не Лавалемъ. Великая княгиня спрашивала меня, когда ты успѣваешь писать такія громады;

спрашивала также, какъ идутъ твои историческія споліаціи, и надѣешься ли ты показать ихъ свѣту. Я только на дняхъ началъ показываться, и то по должности, а въ большой свѣтъ не пускаюсь и не пущусь, да большого свѣта теперь и нѣтъ. Дворъ отправляется на дняхъ въ Царское Село.

„Ревизоръ“ сыгранъ и отпечатанъ. Посылаю его также въ Берлинъ. Успѣхъ былъ блистательный и замѣчательный. Толковъ много. У Озерова въ Берлинѣ найдешь его и записочку къ тебѣ о томъ, что слѣдуетъ тебѣ дѣлать на таможнѣ. Удивляюсь, какъ ты не получалъ письма моего чрезъ Мортемаршу; видно, и она моихъ писемъ не получала. Передалъ я Жуковскому твои записки о бывшемъ академикѣ, но ни въ твоей, ни въ его нѣтъ имени его: какъ же тутъ хлопотать? Князь Дмитрій Владиміровичъ ѣдетъ съ женою за границу. Они будутъ въ Ганау консультировать Коппа: она очень больна. Прости! Обнимаю тебя. Когда и гдѣ увидимся?

Если будутъ наложены пломбы на твои вещи, то не снимай ихъ самъ, а снять должна таможня, куда ты обяжешься представить ихъ.

761.

Князь Вяземскій Тургеневу.

8-го мая 1836 г. [Петербургъ].

Итакъ, ты еще въ Парижѣ. Въ добрый часъ! Я получилъ отъ князя Голицына твое письмо отъ 17-го апрѣля со всяческими приложеніями и все роздалъ по принадлежности. Не бойся, ничего не растеряно, и ничто не растеряется; по возвращеніи твоемъ, все найдешь въ исправности и въ цѣлости. Какъ пріѣдешь въ Москву, поѣзжай тотчасъ въ Остафьево заплатить визитъ за прилагаемую у сего карточку. Ты, вѣроятно, знаешь Валуева. Во всѣхъ нравственныхъ отношеніяхъ, кромѣ отлично хорошаго, сказать о немъ нечего. Въ одномъ житейскомъ отношеніи худо, что состояніе его ограничено, а намъ Машенькѣ дать много нельзя. Я имъ все это представлялъ при свѣтѣ прозаической истины. Но они готовы покориться необходимости и

лишеніямъ средней и умѣренной жизни, отказываясь отъ выгодъ свѣтской, которой имъ уже стало довольно. Свадьба, если Богъ дастъ, совершится еще въ нынѣшнемъ мѣсяцѣ, и въ тотъ же день отправляются они на четыре мѣсяца въ Остафьево. Минуты для меня тяжелыя. Эти новыя впечатлѣнія, чувства, заботы и опасенія о миломъ будущемъ падаютъ на свѣжія римскія раны. Радоваться я ничему не умѣю и не могу. Струны радости порваны на моемъ сердцѣ, но еще много живыхъ, чувствительныхъ и сильно потрясающихъ струнъ.

Вотъ тебѣ „Современникъ“ и „Ревизоръ“. Прочти „Ревизора“ и заключи, сколько толковъ раздаются о немъ. Tout le monde se pique d'être plus royaliste que le roi, и всѣ гнѣваются, что позволили играть эту піесу, которая, впрочемъ, имѣла блистательный и полный успѣхъ на сценѣ, хотя не успѣхъ общаго одобренія. Неимовѣрно, что̀ за глупыя сужденія слышишь о ней, особенно въ высшемъ ряду общества! „Какъ будто есть такой городъ въ Россіи?“ Во-первыхъ, вѣроятно, и есть, а во-вторыхъ, могъ бы быть, и для комика довольно и этой возможности. Комикъ не историкъ, не статистикъ нравовъ. Комикъ въ нѣкоторомъ отношеніи каррикатурный живописецъ нравовъ, Гогартъ общества и только. „Какъ не представить хотя одного честнаго, порядочнаго человѣка? Будто ихъ нѣтъ въ Россіи?“ Разумѣется, есть, но честный человѣкъ не входитъ въ объемъ плана, который расчертилъ предъ собою авторъ. Вы требуете фасада, а онъ хотѣлъ показать вамъ одинъ уголъ, чтобы тѣмъ сильнѣе сосредоточить les effets de lumière и вниманіе ваше. „D'ailleurs il y a un honnête homme dans la pièce“, сказалъ я всенародно, „c'est le gouvernement qui en a autorisé la représentation; car il ne se reconnait pas dans ce tableau, admet l'existence de ces abus, plus au moins inhérent à la nature humaine, les reprime quand ils parviennent à la connaissance et la preuve en est dans le titre de la piece „Ревизоръ“, et veut en inspirer le dégoût en les immolant au ridicule et au mépris sur la scène“. Кажется, послѣ этого надобно бы замолчать? Куда, кричатъ пуще прежняго! Козловскій одинъ изъ малаго числа ратоборцевъ за піесу, Жуковскій, да я, не говоря уже о государѣ, который читалъ ее въ рукописи.

Я готовлю для „Современника“ разборъ комедіи, а еще болѣе разборъ зрителей.

Жена поѣдетъ съ Наденькою въ Нордернэй въ первыхъ числахъ іюня. Не встрѣтитесь ли гдѣ-нибудь? Андрей Карамзинъ также отправляется около того времени, но на какія воды—еще неизвѣстно, а вѣроятно будетъ въ Берлинѣ. Князь Дмитрій Владиміровичъ съ женою ѣдутъ въ Ганау къ Коппу. Графиня Вьельгорская также.

Я писалъ къ тебѣ въ Парижъ о таможенномъ твоемъ вопросѣ; въ Берлинѣ также ожидаетъ тебя отвѣтъ на это.

Теперь прости! Обнимаю тебя отъ всего сердца. Жуковскій поѣхалъ сегодня въ Царское Село.

762.

Тургеневъ князю Вяземскому.

3-го іюля 1836 г. Москва.

Вчера поутру, ровно чрезъ мѣсяцъ по выѣздѣ изъ Парижа, пріѣхалъ я сперва въ подмосковную сестрицы, а потомъ сюда. Здѣсь нашелъ два пакета съ журналами и нѣсколько старыхъ вещицъ; но посланныхъ сюда большихъ пакетовъ съ книгами, портфелемъ и бумагами, о коихъ не успѣлъ еще выправиться по журналу моему, нѣтъ; также нѣтъ и писемъ моихъ, о пересылкѣ коихъ въ Москву писалъ и просилъ неоднократно. Я здѣсь пробуду недѣли двѣ или три и долженъ спѣшить въ Симбирскъ, потому что иначе Волга перепускать часто чрезъ себя въ Тургенево не будетъ; я бы желалъ ѣхать въ Нижній Новгородъ на ярмарку, и скорѣе; но, не имѣя ни книгъ, ни бумагъ, съ коими долженъ ѣхать и заниматься здѣсь, я не знаю, какъ мнѣ быть. Множество послано было съ курьерами и съ дилижансами барона Мейендорфа и прочими, но всего болѣе безпокоятъ меня четыре большіе пакета съ рукописями французскими, съ Демидова курьеромъ посланныя. Прошу тебя увѣдомить меня о нихъ поскорѣе и переслать все немедленно, особливо письма. Ты, вѣроятно, уже прочелъ письма, съ Мейендорфомъ посланныя, и знаешь мое

намѣреніе о нихъ; съ того времени еще болѣе причинъ не печатать ничего. Я уѣхалъ отъ большихъ непріятностей въ Парижѣ за „Хронику". Булгаринъ пащадилъ меня; онъ бы могъ болѣе выставить, но полно объ этомъ: не Булгарина слова безпокоятъ меня.

Письмо твое въ Дрезденѣ получилъ, но не воспользовался имъ, а велѣлъ осмотрѣть себя въ Брестѣ. Не менѣе спасибо, ибо, вѣроятно, предписаніе подѣйствовало. Я привезъ только пакетъ съ запечатанными книгами, самыми невинными, и представлю его здѣсь въ цензуру. Пріѣхалъ ли князь Волконскій съ остальными книгами и вещами?

Въ Веймарѣ пробылъ шесть сутокъ. Великая княгиня осыпала меня ласками, также и дочь ея и дочери королевы Виртембергской. Обѣщалъ имъ пріѣхать въ Стутгартъ. Тамъ не нашелъ я гравированнаго портрета сына Гёте, но заказалъ живописцу, который для отца Гёте писалъ всѣхъ его пріятелей и самого сына. Онъ принесъ ко мнѣ въ минуту отъѣзда свертокъ съ портретомъ Гёте-сына, и я еще не видалъ его; и онъ готовъ для тебя. Прислать ли? Или долженъ ожидать тебя здѣсь? Жена Гёте присылала мнѣ другой, маленькій, посмотрѣть, но увѣряютъ, что мой большой лучше. Я осматривалъ Гётевы сокровища и списалъ письмо къ нему Вальтера Скотта, но все... [1]).

Въ Варшавѣ пробылъ три дня, разспрашивалъ о тебѣ графа Нессельроде, но чрезвычайно тронутъ обращеніемъ Старынк[евича] со мною. Онъ усладилъ мнѣ варшавское пребываніе.

Твоихъ нѣтъ въ Остафьевѣ. Вчера привезъ Четвертинской письмо отъ сына.

Еще повторяю просьбу и требованіе переслать *всѣ письма*, книги и бумаги поскорѣе. Гдѣ Mignet, портфель? Все ли получилъ чрезъ дилижансъ Мейендорфа? Татар[иновъ] ѣдетъ скоро: если такъ, то отправь съ нимъ или найми.

Въ Дрезденѣ узналъ, что Карамзинъ былъ уже въ Ганау, когда я проѣзжалъ его ночью. Я бы остановился и пожилъ съ нимъ. Досадно! Что сказалъ Коппъ? Съ Смирновой разъѣхались.

---

[1]) Точки въ подлинникѣ.

Хорошо, если бъ вещи, съ княземъ Волконскимъ посланныя, получить здѣсь скорѣе: нечего везти въ деревню.

Что Жуковскій? Сегодня увѣдомляю князя А[лександра] Н[иколаевича] о пріѣздѣ. Дождусь ли я тебя здѣсь?

Въ Варшавѣ представлялся я въ мундирѣ фельдмаршалу. Онъ подошелъ ко мнѣ, кивнулъ головою — и *ни слова* на мои слова: „Я почелъ долгомъ представиться вашему сіятельству", и ушелъ въ кабинетъ, и съ тѣхъ поръ не слыхалъ я о немъ. Радуюсь за Козловскаго.

Грустно было разставаться съ Дрезденомъ: такъ мнѣ тамъ пріятно было. Нашелъ Вагнера въ казармѣ, en garde national, и провелъ съ нимъ на гуляньѣ цѣлый день съ милыми англичанками и трансильванками.

Обѣдаю у Ивана Ивановича. Не напишетъ ли ко мнѣ Жуковскій? Дай ему знать о моемъ пріѣздѣ. Поздравь Аврору отъ меня. Скажи Жуковскому, что весь Веймаръ, а изъ Дрездена Тикъ, коего слышалъ въ переводѣ Шекспира, и дряхлый, но все еще поэтъ Тидге, ему кланяются.

Такъ какъ Валуева здѣсь, то ты можешь, не распечатывая, прислать пакетъ съ вещами, съ княземъ Волконскимъ посланный, прямо сюда; къ Булгаковой можно переслать отсюда, или и ты можешь вынуть надписанные на ея имя, съ траурнымъ платьемъ и лентами.

763.

Князь Вяземскій Тургеневу.

7-го іюля. [Петербургъ].

Поздравляю тебя съ пріѣздомъ въ Москву и обнимаю подъ кремлевскимъ колоколомъ или на Ивановской колокольнѣ, или у Сухаревой башни, или въ Петровскомъ, или у чорта на куличкахъ, гдѣ отыщешь тебя собаками, а я не угонюсь за тобою. Къ первымъ днямъ августа буду въ Москвѣ. Ты непремѣнно дождись меня! Что тебѣ дѣлать въ Симбирскѣ? Цѣлый вѣкъ людей морочишь. Только и поѣдешь, что развращать бабъ и дѣвокъ фран-

цузскими гостинцами, а пользы никакой не будетъ: крестьяне какъ разъ пронюхаютъ, что ты въ хозяйствѣ толку не знаешь, и потеряютъ должное уваженіе къ святынѣ господина. Поживи въ Москвѣ, а на зиму пріѣзжай сюда. Четыре большіе пакета здѣсь. Не отправилъ я ихъ потому, что не съ кѣмъ было отправить. Думая, что ты не скоро попадешь въ Москву, я хотѣлъ и пакеты, и все прочее привезти съ собою. Послалъ узнать, когда и ѣдетъ ли Татариновъ въ Москву. Въ такомъ случаѣ отправлю съ нимъ; не то буду по частямъ пересылать къ Булгакову, если онъ позволитъ. Только не хлопочи, не суетись: все въ цѣлости, и все будетъ исправно доставлено.

У тебя такой безпорядокъ порядка, что мочи нѣтъ! А я, право, радъ, что ты въ Москвѣ; послѣ симбирскаго письма твоего изъ Парижа, то-есть, симбирско-бригадирскаго, я боялся, что проѣздомъ чрезъ Дрезденъ тебя запрутъ въ *Зонненштейнѣ*. Ну, если мы одолжили тебя напечатаніемъ „Хроники“, одолжилъ ты и насъ хроническою горячкою письма твоего. И не стыдно тебѣ на старости лѣтъ дурачиться и бить себя по бокамъ, чтобы надуться и метаться, какъ угорѣлый? Ну, какой вредъ могло тебѣ сдѣлать въ Парижѣ напечатаніе отрывковъ изъ писемъ твоихъ? Кто читаетъ русскіе журналы въ Парижѣ и кто говоритъ и помышляетъ о нихъ? Кого испугаешь въ Парижѣ *публичностью*, сплетнями тамъ, гдѣ на все есть тысяча глазъ, тысяча ушей и тысяча трещетокъ? Все сказанное тобою было двадцать разъ сказано во всѣхъ парижскихъ журналахъ, и est-ce clair? и все прочее. Вольно же тебѣ, живучи въ Парижѣ, не читать журналовъ и говорить на ухо сосѣду то, что наканунѣ прокричали на площади при барабанномъ боѣ. Я еще разъ, послѣ филиппики твоей, прочелъ „Хронику“ со вниманіемъ и не нашелъ ни одного слова, которое, по совѣсти головы и сердца, слѣдовало бы выключить; не нашелъ ни ѳдной строки, которую съ охотою не скрѣпилъ бы я своимъ именемъ. Пушкинъ, Сербиновичъ совершенно согласны со мною. Слѣдовательно, мы не умышленно и даже не по легкомыслію компрометировали тебя, если есть тутъ компрометація, но ея нѣтъ. Пушкинъ увѣряетъ, что твоя чадолюбивая раздражительность оскорбилась опечатками. Полно, не такъ ли?

Здѣсь эта „Хроника“ имѣла полный и весьма лестный успѣхъ. Баронесса Мейендорфъ первая очень мило шутитъ надъ тѣмъ, что ты назвалъ ее *любезною вѣтренницею*, и также не понимаетъ испуга твоего отъ напечатанія „Хроники“. Вотъ она европейка, обстрѣленная публичностью, а ты настоящій симбирякъ: боишься шороха листовъ печатныхъ! Впрочемъ, нѣтъ: ты не боишься, а напускаешь на себя дурь. Знаешь ли, что этотъ случай далъ мнѣ ключъ къ разгадкѣ многихъ другихъ, важнѣйшихъ случаевъ въ твоей жизни. Во второй книжкѣ „Современника“ есть оправданіе тебѣ отъ редакціи. А вотъ отвѣтъ Булгарину. Передай его въ „Наблюдатель“:

Синонимы: гостиная, салонъ.

Недоумѣніемъ напрасно ты смущенъ:
Гостиная—одно, другое есть *салонъ*.
Гостиную найдешь въ порядочномъ трактирѣ,
Гостиную найдешь и на твоей квартирѣ,
Салоны жъ созданы для избранныхъ людей.
Гостиныя видалъ и ты, Видокъ-Фигляринъ,
Въ *гостиной* можешь быть и ты какой-то баринъ,
Но ужъ въ *салонѣ* ты рѣшительно лакей!

Жуковскій уѣхалъ недѣль на шесть, кажется такъ, къ Протасовой, близъ Дерпта, пить воды и писать „Ундину“. Карамзины въ Царскомъ Селѣ.

Возвращаю тебѣ письмо къ Викулину. Его здѣсь нѣтъ. Онъ долженъ быть въ Воронежской губерніи. Лёвъ-Веймаръ и Элимъ Мещерскій ѣдутъ скоро въ Москву. Много народа къ вамъ собирается. Прощай! Пей побольше холодной, трехгорной воды и составь самъ хронику для третьей книжки. Во второй ужъ былъ отпечатанъ большой отрывокъ, и ради горячки твоей должно было исключить его. Стоитъ ли такъ баловать сумасшедшихъ!

764.

Тургеневъ князю Вяземскому.

14-го іюля 1836 г. Москва.

Прочитавъ статью во второй книжкѣ, я тронутъ былъ благодарностію къ незаслуженной похвалѣ и за скорое исполненіе моей просьбы; сбирался сегодня же писать къ вамъ и предоставить опять печатанію всякой всячины изъ писемъ моихъ, съ тѣмъ, однако жъ, что для избѣжанія непріятностей или привязокъ можно бы доставлять мнѣ въ Москву или въ Симбирскъ на предварительное разсмотрѣніе и пополненіе приготовленныхъ къ печати отрывковъ. Твое письмо опять раздосадовало меня. Ты спрашиваешь: „Кто читаетъ русскіе журналы?“—Знающій по русски. Андрюша Б—у, а онъ передаетъ всякую всячину Т—у. Сверхъ того или графиня Н., или княгиня Г—а Свѣчиной. При свиданіи объясню тебѣ все словесно. Досадно и не за типографическія ошибки, а за безсмыслицу; стр. 259: Д[юпенъ]—первый министръ юстиціи! Стр. 260, о Mignet,—все лишнее; стр. 263 въ концѣ; стр. 265 до стр. 266: очень, очень не понравилось, и какой вздоръ! 11-го февраля—пустота непростительная! 12-го февраля: „Для меня было бы“ и пр. Стр. 267: опять *имя*! Стр. 269: „Поболтавъ“ и прочее „у [Мортемар]ши“—перемѣшаны лица; „Chateauvieux — сотрудникъ Токевиля“ и пр.! Стр. 270: „я проболталъ,—Thécla“—какой вздоръ! 271—вся. Неужели ты воображаешь, что пріятно, особливо начинающему, видѣть себя въ этихъ страницахъ! 272! Я не смѣлъ показать ихъ брату и всѣ вырѣзалъ изъ книжки. А Буонаротти! 277: неужели ты думаешь, что Андрюша могъ пропустить такое признаніе? И какой интересъ въ этомъ для публики? И далѣе—поклоны! А 22-е февраля, а 288 въ концѣ! Впрочемъ, я и самъ сталъ теперь похладнокровнѣе, начитавшись другого вздора въ другихъ журналахъ. Извините и простите, если озаботилъ васъ требованіемъ не печатать ничего въ слѣдующихъ книжкахъ. Если Пушкинъ можетъ взять на себя пересмотръ и исправленіе писемъ моихъ, то пусть печатаетъ, что ему угодно, но предварительно

пусть доставитъ и письма, и выборку изъ нихъ для печати на мое разсмотрѣніе.

Какой же ты *ключъ* нашелъ въ этомъ къ другимъ, *важнѣйшимъ* случаямъ моей жизни? Пожалуйста, объясни или хотя намекни; я признаюсь въ психологической вѣрности или невѣрности твоего наблюденія, ибо самъ къ себѣ сталъ равнодушенъ, но неравнодушенъ былъ къ тому, что можетъ затруднить мое пребываніе въ Парижѣ.

Я ѣду дней черезъ шесть въ Симбирскъ и самъ не знаю за чѣмъ. Твое замѣчаніе справедливо, но ты не совсѣмъ отгадалъ меня. Меня рветъ туда какою-то гражданскою, помѣщичьею совѣстію и слабою, темною, совершенно неосновательною надеждою—возобновить то, что уничтожилъ письмомъ, изъ Бѣлева въ 1835 году въ припадкѣ патріотической грусти и сильнаго чувства помѣщичьей обязанности написаннаго. (Я запретилъ продавать за 412000 деревни и возвратилъ 100000 задатка). Позже ѣхать туда нельзя, ибо Волга не перепуститъ, а я долженъ еженедѣльно переѣзжать ее. Тамъ я надѣялся заниматься, но врядъ ли: какая-то одеревенѣлость и въ умѣ, и въ сердцѣ, даже въ пальцахъ. Здѣсь первый день провелъ съ сестрами, второй обѣдалъ у Ивана Ивановича и вечеръ у Пашковыхъ, а въ третій не зналъ куда дѣваться! Какъ же дожить до августа! Возвращусь въ началѣ сентября, если *дѣла* въ деревнѣ не задержатъ.

Видѣлъ милую Валуеву на минуту, а пожелалъ ей отъ сердца счастія на всю жизнь. Высылай поскорѣе все. Татаринова ожидаю завтра. Если привезетъ письмо, то пришлите то, что хотѣли напечатать: просмотрю, убавлю, прибавлю и возвращу. „Синонимы“ пошлю издателю Павлову. Спѣшу въ деревню къ сестрѣ. Поспѣши отвѣчать мнѣ, чтобы письмо застало. Поклонись Верне, Андрюшѣ, Баранту и прочимъ. Вѣроятно, не увижу ихъ уже здѣсь и не поспѣю на ярмарку на возвратномъ пути. Кого они здѣсь найдутъ? Совершенная пустота, и во всѣхъ отношеніяхъ! Свадьба Хомякова заняла для меня два вечера, а пріѣздъ Свербеевыхъ—три; но и Свербеевыхъ опять нѣтъ. Жаль, что князь Волконскій не подъѣхалъ: мнѣ нужны оставленныя у него бумаги и книги, и бездѣлки здѣсь и въ Симбирскѣ. Вышли скорѣе по

пріѣздѣ. Взялъ ли ты денегъ у Татаринова на отправленіе, или не выдать ли мнѣ здѣсь кому-нибудь того, что ты на все истратилъ? Пожалуйста, не деликаться! Отъ Татаринова я еще не имѣлъ ни слова; вѣроятно, писалъ съ отцомъ. Я получилъ отъ князя А[лександра] Н[иколаевича] отвѣтъ о моемъ пріѣздѣ. Гдѣ мой экземпляръ „Современника", вторая книжка? Я оставлю здѣсь для тебя портретъ сына Гёте. Передъ отъѣздомъ или и теперь поговори обо мнѣ съ княземъ А[лександромъ] Н[иколаевичемъ]. Отпустятъ ли опять? Что дѣлать съ бумагами? Труды мои даютъ ли мнѣ надежду и право снова трудиться въ Парижѣ? О трудахъ моихъ и, слѣдовательно, о правѣ на парижскіе архивы могутъ судить по письмамъ къ князю.

765.

Князь Вяземскій Тургеневу.

18-го іюля. [Петербургъ].

A la bonne heure! Ты винишься, и я тебя прощаю! Ты обѣщаешь новыя хроники, и я тебя цѣлую! Всѣ письма у тебя: вели ихъ переписать и выбери, что хочешь. Отъ тебя „всякое даяніе благо и всякъ даръ совершенъ". Григорій Волконскій пріѣхалъ, но пакетовъ твоихъ еще не имѣю. Не дурачься и дождись меня въ Москвѣ, а тамъ поѣзжай на ярмонку и оттуда въ Симбирскъ. Что ты сказки разсказываешь о Волгѣ? Развѣ теперь весна, и боишься разлива? Пока прости!

На оборотѣ: Александру Ивановичу Тургеневу.

766.

Тургеневъ князю Вяземскому.

21-го іюля 1836 г. Москва.

Я получилъ твою записку отъ 7-го іюля и два пакета съ письмами и съ брошюрами, и все посланное съ Татариновымъ и читалъ твою записку къ Булгакову. Спасибо за присланное, но

досадно, что къ отъѣзду въ Симбирскъ (26-го іюля, въ субботу, тотчасъ по возвращеніи съ дачи князя Четвертинскаго, гдѣ проведу 25-е) не буду имѣть ни Mignet „Испанію", которая должна мнѣ служить образцомъ для составленія нѣкоторыхъ бумагъ, ни рапортовъ Гизо, кои также нужны мнѣ для образца, ни многихъ другихъ книгъ, посланныхъ Аржевитинову. Мнѣ нельзя будетъ дѣломъ заняться въ Симбирскѣ, а здѣсь невозможно и думать о дѣлѣ по возвращеніи. По присылаемымъ пакетамъ вижу, что все въ безпорядкѣ, и что ничто не было сюда доставляемо. Такъ и быть! Но, пожалуйста, вышли, что можно и что успѣешь. Не имѣя всего *вмѣстѣ*, не имѣю духа приступить къ необходимой работѣ. Братъ послалъ мнѣ съ французскимъ курьеромъ, 15-го іюля новаго стиля, „Мильтона" Шатобріана; доставь также сюда, да дай отвѣтъ Бутовскому: онъ пристаетъ ко мнѣ; или перешли сюда для „Наблюдателя". До безпорядочнаго полученія твоихъ пакетовъ, я хотѣлъ, въ замѣну взятаго у васъ, послать къ вамъ письмо Вальтера Скотта къ Гёте, которое дала мнѣ madame Гёте, и хоть кратко описать кабинетъ и сокровища гётевскія; но ты ни слова на мое предложеніе въ прежнемъ письмѣ. Высылать ли опять письма? Обѣщаетесь ли быть осторожнѣе? Самъ я никогда здѣсь не примусь за нихъ. Просятъ въ „Наблюдателя", но я далъ на пересмотръ поэту Языкову, и если онъ одобритъ, то можетъ быть отошлю къ вамъ. Знаешь ли, какъ меня встрѣтилъ Филаретъ?—„Я надѣюсь, что мы уже надолго будемъ имѣть удовольствіе васъ видѣть, ибо послѣ письма вашего изъ Парижа, вамъ нельзя будетъ туда возвратиться". Онъ судилъ совершенно согласно со мною. Но пора это позабыть и быть впредь умнѣе. Статья ваша меня тронула, и если бъ письмо Вальтера Скотта было тогда переписано, то я бы тогда же выслалъ: оно интересно.

Дождаться здѣсь тебя не могу, ибо не поспѣю къ пріѣзду государя въ Симбирскъ, гдѣ онъ будетъ въ концѣ августа, а мнѣ нужно прежде побывать за Волгой. Являться ли мнѣ вмѣстѣ съ другими помѣщиками? Я полагаю—должно. Не откликнешься ли на это? А что Жуковскій? Вчера провелъ утро на Воробьевыхъ горахъ, въ острогѣ, изъ коего отсылаютъ въ Сибирь. Видѣлъ цѣпи и слезы, но и духъ христіанскаго милосердія въ докторѣ

Гаазѣ, коему обязанъ трогательнымъ и спасительнымъ для души поученіемъ. И Гаазъ — ученикъ Шеллинга, именемъ коего онъ со мной познакомился. Ввечеру видѣлъ Ермолова на простомъ конѣ, любующагося хороводами въ деревнѣ сестры моей. Мы поболтали о книгахъ и о времени. Сегодня въ первый разъ увижу „Ревизора“. Пиши скорѣе въ Симбирскъ, хоть чрезъ Булгакова, и высылай, что можешь. Не прогнѣвайся, что пакетъ разорванъ.

На оборотѣ: Его сіятельству князю Петру Андреевичу Вяземскому. Въ С.-Петербургѣ.

767.

Тургеневъ князю Вяземскому.

23-го іюля. [Москва].

Получаю сейчасъ записку отъ 18-го іюля. Какъ же мнѣ тебя дождаться, когда я уже и лошадей впередъ заказалъ; да и по запискѣ твоей къ Демиду не видно, чтобы ты въ іюлѣ пріѣхалъ, а я къ Успенью, и прежде, долженъ быть уже на *праздникѣ* въ Тургеневѣ, и прежде погостить въ Кріушахъ, въ Дрынкѣ и въ Симбирскѣ. Я и въ Нижній, вѣроятно, не буду, ибо боюсь опоздать. Ѣду въ субботу, 25-го, въ ночь на воскресенье, если что не задержитъ. Письма получилъ, но книгъ нужнѣйшихъ нѣтъ, а онѣ мнѣ необходимы въ деревнѣ и для чтенія — отъ скуки (можетъ быть и долго пробуду), и для образца (Mignet лекціи стенографическія и прочее), и для пополненія писемъ. Присылай все на имя Булгакова, а онъ обѣщается все переслать ко мнѣ; но, ради Бога, скорѣе отбери отъ князя Волконскаго пакеты съ бумагами и *вещами*, безъ коихъ мнѣ никуда явиться нельзя. Перешли ихъ сюда, а Булгаковъ перешлетъ въ Симбирскъ, гдѣ онѣ мнѣ очень нужны, необходимы. Сейчасъ отдалъ я Языкову *толстѣйшую* связку, гдѣ всѣ твои *прежнія* письма, стихи и проза, въ подмосковной хранившіеся. Онъ свезетъ ихъ въ деревню, и тамъ мы разберемъ ихъ съ поэтомъ Языковымъ, и я привезу ихъ въ порядкѣ обратно.

Съ своими письмами мнѣ нечего дѣлать. Кому переписывать?

Когда мнѣ ихъ перечитывать? Павловъ проситъ, но онъ bon-vivant, и ему недосугъ, хотя онъ и увѣряетъ, и заклинаетъ, что займется ими. Если обѣщаете, что все разсмотрите, исправите и мнѣ покажете, то возьми обратно и отвѣчай мнѣ. Я немедленно возвращу все изъ Симбирска или здѣсь оставлю; я пробѣжалъ ихъ и давалъ поэту Языкову и брату его: увѣряютъ, что много любопытнаго, и что жизнь замѣняетъ неполноту извѣстій; но должно или издавать въ журналѣ скоро, или издать все вмѣстѣ особо̂ (на что мнѣ трудно рѣшиться), а первое отъ васъ зависитъ. Я обѣщалъ Павлову отдать на время отсутствія изъ Москвы парижскія бумаги, а Погодину и Веленеву римскія; разобралъ ихъ для каждаго, но первый гуляка и лѣнивъ, а второй, то-есть, Веленевъ—неграмотенъ, какъ я замѣтилъ изъ его болгарской брошюры. Не знаю, что дѣлать, и сокровища мои меня обременяютъ чрезвычайно. Не знаю, найдется ли кто въ Петербургѣ для *описанія* оныхъ въ особыхъ статьяхъ, изъ коихъ я бы могъ составить рапортъ мой, коимъ трудно будетъ заняться въ Симбирскѣ или Тургеневѣ отъ безпрестанныхъ переѣздовъ и отъ недостатка въ документахъ. Присылай же Минье и прочее! Завтра ѣду къ князю Четвертинскому.

Для чего же ты не прислалъ то, что для второго номера напечатано или заготовлено было? Братъ пишетъ, что послалъ мнѣ съ французскимъ курьеромъ четыре части „Мильтона" Шатобріана; высылай ихъ поскорѣе: въ Симбирскѣ очень пригодятся. Тамъ многіе болѣе васъ голодаютъ. Гдѣ Жуковскій?

Вотъ брошюрка Келеру, что въ Эрмитажѣ живетъ: отошли. Пиши ко мнѣ сюда и въ Симбирскъ. Да переговори съ Пушкинымъ, возьмется ли онъ издать порядочно мои письма. Жаль, если свѣжесть оныхъ пропадетъ, а журналу его она нужна; на Дуровой не далеко уѣдешь: нужно болѣе интересу европейскаго. Что же вторую книжку не прислали? Да что же отвѣтъ Бутовскому? Онъ мучитъ меня. Отвѣчайте прямо и дайте мнѣ знать, что̂ напишете.

Приписка А. Я. Булгакова.

Оба великіе мужа у меня сошлись: Муромцовъ и Тургеневъ; первому отдалъ я письмо твое къ нему, а другое къ Валуевымъ. Толковалъ я съ ними: письма не пропадали и пропасть не могли, car je suis infaillible comme le pape, а получила М[арья] П[етровна] два письма вдругъ въ одинъ разъ. Тургеневъ менѣе, нежели въ десять минутъ, намаралъ тебѣ экую пропасть! О Влохахъ я тебѣ писалъ; каялся тебѣ, что не мужу ея завидовалъ а другому лицу, но прочь соблазнъ отъ меня, человѣка женатаго! Что тебѣ сказать? Тургеневъ дѣлаетъ вдругъ три вопроса и, не ожидая отвѣта, начинаетъ четвертый, ходитъ по всѣмъ угламъ, ищетъ, нѣтъ ли гдѣ яблока или куска чего-нибудь съѣстного, и все говоритъ. Прошу писать! Наконецъ, колоколъ кремлевскій падаетъ изъ столѣтней его тюрьмы. Монферанъ прежде бы взялся за умъ, прежде бы употребилъ для поднятія 12000 пудъ силу, нужную для 40000; тогда бы и канаты не лопнули, и бревна не проломились. Операція совершена въ четыре часа утра. Почему такъ рано? Развѣ боялся еще неудачи, и что народъ его поколотитъ? Въ народѣ негодованіе на него за то, что въ Петербургѣ, на вопросъ пріятеля: куда и зачѣмъ онъ ѣдетъ, Монферанъ отвѣчалъ: „Такъ, ничего: ѣду въ Москву *колокольчикъ* поднимать!“ „Ахъ, онъ нехристь“, говоритъ народъ, „какъ онъ смѣлъ святой колоколъ въ 12000 пудъ назвать колокольчикомъ!“ Я ѣхалъ давеча мимо Кремля. Колоколъ стоитъ величественно, четыре аршина выше земли, и сдѣлалось гулянье. Барыни такъ и рыскаютъ около колокола — — —. Обнимаю и тороплюсь.

768.

Князь Вяземскій Тургеневу.

27-го іюля. [Петербургъ].

Вотъ что было уже отпечатано изъ твоихъ писемъ и что еще готовилось. Пересмотри, вымарай, переправь и возврати все скорѣе съ прочими письмами и съ перепискою Вальтера Скотта Гёте или прямо ко мнѣ въ Москву, или Пушкину въ Петербургъ, адресуя въ домъ Баташева, у Гагаринской пристани. Экъ тебя дернуло въ Симбирскъ! Не могъ дождаться меня. Будто нѣтъ еще много времени впереди до зимы! Я непремѣнно буду въ Москву къ 7-му августа на мѣсяцъ, а можетъ быть и болѣе.

Мейендорфша говоритъ, что Бутовскій — набитый дуракъ; что она, напримѣръ, спроситъ у него про что-нибудь: „Comment cela vous a-t-il plu?“ — Молчитъ. Она заговоритъ съ другими про другое и черезъ десять минутъ слышитъ отъ него: „Assez“. Я передамъ бумаги его и его самого *наблюдателямъ*, когда буду въ Москвѣ. Онъ былъ бы хорошъ развѣ только для доставленія новыхъ книгъ, но станетъ ли доставлять? Если доставлялъ бы натурою, то хорошо, а неравно будетъ присылать свое пищевареніе, то куда съ нимъ дѣваться? Денегъ же Пушкинъ давать много не станетъ, да и не можетъ; слѣдовательно, пользы ему будетъ мало. Отвѣчай ему, что до будущаго года, то-есть, до осадки „Современника“ на какомъ-нибудь прочномъ основаніи, Пушкинъ ни въ какія обязательства входить не можетъ. Теперь у меня только твой Mignet и отчеты de la justice criminelle; послѣднихъ пересылать, кажется, не къ чему, тѣмъ болѣе, что жениха Ольденбургскаго здѣсь нѣтъ, и ему теперь не до нихъ. А Mignet привезу съ собою, если не будетъ до меня оказіи. Барантъ и прочіе французы отложили на время свой отъѣздъ въ Москву и въ Нижній. Вѣроятно, ожидаютъ курьера вслѣдствіе слѣдствій слѣдствія надъ Алибо. Охъ, ужъ эти французы! И себѣ, и другимъ все пакостятъ! Впрочемъ, и ярмонка, вѣроятно, не продолжится долѣе обыкновеннаго, въ ожиданіи государя, который, какъ слышно, ѣдетъ отсюда 7-го. Жуковскаго здѣсь еще нѣтъ; онъ, вѣроятно, пріѣдетъ до отъѣзда царя. Кланяйся поэту Языкову и благодари его за яблоки. Обнимаю.

769.

Тургеневъ князю Вяземскому.

6-го октября 1836 г. Москва.

Я здѣсь со вчера. Пакетъ съ изодранными романами и съ классическою книгою — выпискою Mignet, которую твое варварство называетъ дрянью, получилъ, но многаго не получилъ. Досадно! Поищи кой-чего еще въ своемъ омутѣ. Да гдѣ же „Мильтонъ?“ Мой Аржевитиновъ давно тоскуетъ по немъ. Получилъ и пакетъ съ рукописями изъ Парижа. Развѣ не было и письма? Обними

и Жуковскаго, и своихъ, то-есть, тѣхъ, коихъ мнѣ обнять позволяется. Я доволенъ своей поѣздкою. Много началъ и надѣюсь хорошо кончить. Жилъ съ каторжными больше, нежели кто приговариваетъ на каторгу, и слава Богу! Нельзя ли при досугѣ понавѣдаться у Лонгинова о письмѣ моемъ, которое сегодня посылаю? Получилъ ли изъ Тургенева мою парижскую рукопись? Что скажешь о ней и что съ ней сдѣлаете? Развѣ Жуковскій рѣшился не писать никогда ко мнѣ? Отвѣчай на послѣднее письмо. Оторви и отошли къ Татаринову. Гдѣ твои приморскія? Еще и Норова не видалъ. Привезъ обратно твои письма и стихи. Много интереснаго въ этой котомкѣ. Издамъ въ Парижѣ или въ Лейпцигѣ.

Приписка А. Я. Булгакова.

Этотъ вѣтренникъ ввалился ко мнѣ, завладѣлъ всѣмъ у меня: столомъ, перомъ, бумагою, чернилами, временемъ и началъ писать. Твое письмо ко мнѣ отъ 2-го утащилъ съ собою, съѣвши предварительно грушу, лежавшую у меня на столѣ. Quelle activité prodigieuse et inutile! Завтра буду тебѣ отвѣчать, а покуда вотъ пакетъ отъ Демида. Обнимаю.

770.

Тургеневъ князю Вяземскому.

14-го октября 1836 г. Москва.

Въ числѣ посланныхъ въ послѣднее время изъ Парижа книгъ были четыре тонкія in-folio, въ синей бумажкѣ, на англійскомъ языкѣ, объ исправленіи уголовныхъ законовъ и другіе рапорты Законодательной коммиссіи, кои я намѣревался представить князю Александру Николаевичу для Юридическаго института, а другой экземпляръ (ихъ было два) сохранить для себя. Это рѣдкость и въ Англіи и дана мнѣ англинскимъ Сперанскимъ. Теперь я хочу заняться письмомъ къ князю, присовокупя къ сему и другія приношенія, уже полученныя, но сихъ книгъ нѣтъ. Пожалуйста, поищи у себя! Булгаковъ прислалъ мнѣ въ чемоданѣ нѣсколько книгъ и брошюръ, но англинскихъ не было. Сія неисправность мѣшаетъ мнѣ приняться за дѣло. Очень досадно!

Вчера сидѣлъ вечеръ у князя Четвертинскаго и разспрашивалъ о васъ. Дней черезъ десять они совсѣмъ переѣзжаютъ сюда. Не видаешь ли Петра Михайловича Языкова? Будетъ ли онъ сюда? Братъ ничего не пишетъ оттого, что ожидаетъ его возврата и своего отъѣзда въ Симбирскъ.

Лёвъ-Веймаръ вчера былъ еще здѣсь, слѣдовательно, ты успѣешь отдать ему письмо мое или поручить его Андрюшѣ и испросить позволеніе переслать черезъ него термоламу для Клары. Не прислать ли ее?

Низко кланяюсь дамамъ, сожительницамъ твоимъ, и радуюсь сердечно, что сѣверной купальницѣ лучше. Скажи слова два о пріѣзжихъ съ Нордерсе. Точно ли помогло море? Простите! Не знаю, когда удастся пріѣхать къ вамъ: прежде ли, или гораздо послѣ новаго года? Я долженъ соображаться съ симбирскимъ главнымъ дѣломъ, коего послѣдній актъ долженъ разыграться въ здѣшнемъ Опекунскомъ совѣтѣ.

Братъ собралъ въ своемъ саду винограда на 650 бутылокъ бѣлаго легкаго вина и Chasselas-Fontainebleau на ѣду до зимы. Только basse-cour его пораженъ въ курахъ: онѣ умираютъ, только не со смѣху, а отъ какого-то повѣтрія.

Суматоха въ Португаліи и въ Гишпаніи понизила наши фонды, и мы, капиталисты, проклинаемъ ваше безпутное либеральство. Правда ли, что Жуковскій — помѣщикъ въ Курляндіи? Спасибо, что за умъ взялся.

На оборотѣ: Его сіятельству князю П. А. Вяземскому. Въ С.-Петербургѣ. Въ Департаментъ внѣшней торговли.

771.

Тургеневъ князю Вяземскому.

18-го октября 1836 г. Вечеръ. [Москва].

Вчера поздно получилъ письмо твое отъ 12-го октября со вторымъ нумеромъ „Современника“ и не успѣлъ отвѣчать. Завтра рано ѣду въ острогъ, на Воробьевы горы, и долженъ заготовить отвѣтъ съ вечера. Сейчасъ возвратился отъ Пашковыхъ, куда за-

глянулъ на минуту, чтобы устроить порученіе твое по книгамъ Козлова. Помѣстилъ уже пять экземпляровъ по 10 рублей ассигнаціями и надѣюсь размѣстить и остальные, всего 14, ибо 15-й, кажется, два экземпляра одной части. Я видѣлъ ихъ у Норова и поручаю ему отправить ихъ завтра къ Пашковымъ, а самъ во вторникъ свезу къ Орлову, Раевскому, Киндяковымъ. Деньги перешлю немедленно. Жаль, что у меня теперь нѣтъ готовыхъ въ Петербургѣ; иначе, ты могъ получить ихъ отъ Татаринова. Я устрою это дни въ два или три.

Для твоего альманаха я дамъ все, что ты возьмешь. Выбирай самъ. Между тѣмъ я поручилъ Свербееву, который просматриваетъ и читаетъ теперь мои бумаги (дипломатическія etc.), отобрать для тебя то, что удобонапечатано быть можетъ. Онъ думаетъ— Меньшикова, ибо другія депеши и статьи весьма затруднительны. Я полагалъ бы помѣститъ въ твою „Старину" и литературную мистификацію временъ Екатерины I или Анны надъ Хвостовымъ того времени, а для „Новизны" возьми письмо Вальтера Скотта къ Гёте и слова два о кабинетѣ Гёте, мною описанномъ; но работать мнѣ самому некогда: хлопотъ много, да я опять какъ-то и самъ одурѣлъ въ Москвѣ. Ни къ чему не позываетъ; хандры нѣтъ, а одеревенѣлость ко всему. Свербеева родила сына, и мужу досугъ избирать, но онъ во всемъ находитъ ценсурное затрудненіе. Иванъ Ивановичъ Дмитріевъ еще не читалъ письма твоего; вѣроятно, не откажетъ выписками изъ записокъ; но какъ же мнѣ изъ словъ его составлять повѣсть о Карамзинѣ? Не лучше ли прямо списать изъ его записокъ его разсказъ о Карамзинѣ?

Здѣсь большіе толки о статьѣ Чаадаева; ожидаютъ грозы отъ васъ, но авось отвѣты патріотовъ спасутъ ценсора.

Что же ты не прислалъ втораго нумера „Современника"? Я не получалъ его. За что разжаловала меня современница? Развѣ я чѣмъ либо прослужился?

Ожидаю книгъ моихъ съ нетерпѣніемъ. Чаадаевъ не возвратилъ еще „Dominicale"; у Норова нѣтъ ничего, а отъ Булгакова получилъ, что прислалъ, и ошибкою въ Симбирскъ послалъ и романъ князю Ѳедору Гагарину, который выпишу оттуда и ему доставлю. Твои бумаги въ нѣкоторомъ порядкѣ, но я такъ заваленъ

ими и всякой всячиной, что отобрать трудно не напечатанное; да я же и не знаю, что извѣстно публикѣ и что нѣтъ; а не худо бы изъ прозы твоей взять кое-что. Есть посланія примѣчательныя, но они и по предмету, и по адресу непозволительны. Помнишь ли „Посланіе изъ Варшавы въ Петербургъ по случаю табатерки"?

Поблагодари великую княгиню за добрую память. Если она говорила о статьѣ Ганца (описаніе салона Рекамье, переведеннаго и на русскій съ французскаго, но безъ упоминанія обо мнѣ, какъ о прописномъ), то это берлинскій профессоръ Ганцъ, коего книга: „Исторія наслѣдственнаго права" обнимаетъ всю исторію среднихъ вѣковъ и могла бы освѣтить и умъ Чаадаева. Мы съ нимъ у ней встрѣчались и въ разныхъ салонахъ Парижа, а въ Берлинѣ слушалъ я его историческія лекціи и бражничалъ у него съ знаменитымъ, уже усопшимъ философомъ Гегелемъ, коего онъ ученикъ, наперсникъ, товарищъ, комментаторъ и издатель. Другой Ганцъ былъ *двусмысленнымъ* журналистомъ и анти-либераломъ въ Римѣ; но мы не сходились, а только встрѣчались.

Завтра прочту любопытную критику на Шатобріанова „Мильтона" въ англійскомъ „Athenaeum": досталось пріятелю! Присылай его и другія книги скорѣе, да увѣдомь, какъ доставлены? Отъ неполученія перваго пакета братъ ничего не посылалъ послѣ. Досадно на васъ. Гдѣ „Исторія Франціи" Michelet, въ двухъ in 8^0, съ надписью автора?

„Барклай"—прелесть! Отъ Лобанова я ничего иного и не ожидалъ, особливо со временъ всѣхъ оподляющаго Уварова. Спасибо за скромный отвѣтъ, но сила въ самомъ воздержаніи. Найду ли я сотрудниковъ *для обозрѣнія* моихъ историческо-дипломатическихъ матеріаловъ въ Петербургѣ? Здѣсь рѣшительно не на кого положиться. У васъ людъ нужный, должностной; здѣсь все людъ пустой, обѣщающій и не исполняющій обѣщанія. Не съѣхать ли намъ вмѣстѣ въ Маріенбадъ и на мѣстѣ вспомнить двухъ милыхъ для меня усопшихъ: Сережу и Жуковскаго? Да нѣтъ! Далеко отъ Веймара и Стутгарда и не по дорогѣ въ Champrosay! Лучше освѣжиться братскимъ виномъ, чѣмъ богемскими водами! Да что же у тебя за болѣсть? Пожалуйста, скажи обстоятельнѣе. Въ Стутгардѣ я долженъ быть въ концѣ сентября, по обѣщанію; не

знаю еще, какъ все уладить. Путешествіе утомительно: я ежедневно это чувствую, особливо на пути изъ Старой Конюшенной къ Чистымъ Прудамъ.

На оборотѣ: Его сіятельству князю Петру Андреевичу Вяземскому. Въ С.-Петербургѣ.

772.

Князь Вяземскій Тургеневу.

23-го октября. [Петербургъ].

Вотъ еще твоя книга. Другихъ нѣтъ, другихъ нѣтъ, другихъ нѣтъ! Слышишь ли, что нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! Говорю тебѣ *нѣтъ* голосомъ Литты, чтобы убѣдить тебя. Вѣдь много присланныхъ тобою книгъ передано мною Татаринову: справься у него. Давай Меньшикова, давай Вальтера Скотта въ письмѣ его и въ кабинетѣ, дай себя на суднѣ, если хочешь! Милости просимъ! За все буду благодаренъ. О цензурѣ заранѣе думать нечего: „Довлѣетъ дневи злоба его“. Здѣшніе цензоры еще, слава Богу, бѣлены не объѣлись, какъ ваши. Впрочемъ, для историческихъ документовъ, въ случаѣ сомнѣнія, есть высшая управа. Для печатанія твоихъ документовъ здѣсь, вѣроятно, найдутся люди. Есть, напримѣръ, Краевскій, сотрудникъ Сербиновича въ „Журналѣ Министерства Просвѣщенія“. Во всякомъ случаѣ должно представить твое собраніе здѣсь и получить на печатаніе его высшее разрѣшеніе. Слѣдовательно, пріѣзжай и привози.

Поздравь Свербееву отъ меня. Кланяйся всему женскому причету. Бравурша ожидаетъ письма отъ тебя. Она рядо́мъ живетъ со мною, но вижу ее весьма рѣдко. Проси для меня стиховъ отъ Языкова, Боратынскаго, Хомякова. Буду самъ писать къ нимъ съ нижайшею просьбою, но ты предвари. У васъ ли графиня Ростопчина? Проси и отъ нея стиховъ колѣнопреклоненно. Не совѣстно ли ей метать свой бисеръ въ свиной хлѣвъ Сенковскаго?

Прости! Видѣлъ Льва, но не видалъ еще львицы Веймарской. Левъ что-то осовѣлъ. По моему, онъ сдѣлалъ дурачество,

а я не понимаю его. Развѣ въ самомъ дѣлѣ влюбился безъ ума? Жуковскаго не вижу. Они въ Царскомъ Селѣ, вѣроятно, до 7-го ноября. Куликъ-Голицынъ, мужъ Адели Строгоновой, умеръ въ Парижѣ. Я и самъ не знаю, какъ прошелъ твой Шатобріанъ. Изъ денегъ, что выручишь за Козлова, купи для себя Шатобріана, а я здѣсь свои выдамъ. Мейендорфша не беретъ твоей посылки: боится французской таможни и того, что твой подарокъ назначенъ кому-нибудь au sixième.

773.

Тургеневъ князю Вяземскому.

24-го октября 1836 г. Москва.

Павловъ просилъ меня доставить тебѣ для „Старины и Новизны“ его романсъ, не пропущенный здѣшнею цензурою за что-то *небесное*. Онъ проситъ напечатать и выноску о сочинителѣ музыки.

Вчера сидѣлъ у меня все утро (я боленъ) И. И. Дмитріевъ и взялъ для прочтенія литературную мистификацію 1726 г. изъ моихъ рукописей. Увидимъ, понравится ли ему? Во всякомъ случаѣ нужно сократить ее. Ввечеру Свербеевъ, Орловъ, Чаадаевъ спорили у меня такъ, что голова моя, и безъ того опустѣвшая, сильнѣе разболѣлась. Что же ты ни слова о статьѣ Чаадаева? Боратынскій пишетъ опроверженіе. Здѣсь остервенѣніе продолжается, и паче молва бываетъ. Чаадаевъ самъ противъ себя пишетъ и отвѣчаетъ себѣ языкомъ и мнѣніями Орлова. Увидимъ, будетъ ли ему такой же успѣхъ въ . . .; но чтобы и мнѣ не провраться съ больной головой моей! Чаадаевъ обѣщалъ мнѣ письмо къ Бравурѣ, которое пошлю чрезъ тебя. Скажи ей, что я нездоровъ и тѣломъ, и духомъ, и что лучшее лѣкарство было бы письмо отъ нея, на которое буду отвѣчать по старому, ибо все люблю ее по старому.

На оборотѣ: Князю Вяземскому.

774.

Тургеневъ князю Вяземскому.

26-го октября 1836 г. Москва.

Третьяго дня я получилъ письмо твое съ парижскими приложеніями, отъ Засѣцкаго присланными. Это продолженіе академическихъ курсовъ, коихъ первыя лекціи я привезъ съ собою или переслалъ сюда. Съ досадою смотрю на эту новую присылку, ибо не нахожу тѣхъ тетрадей, въ двухъ экземплярахъ, къ коимъ нужно присоединить новополученные. Не найдутся ли нѣкоторыя у васъ, напримѣръ, лекціи Лерминье, Géruzez, Rossi? Какъ больно видѣть это слѣдствіе вашей непростительной небрежности! Да и читать нечего. Экземпляра Мильтона не покупай: у меня уже былъ здѣсь другой; но пришли мнѣ облитый масломъ, особливо, если на немъ надпись Шатобріана. Также Michelet „Histoire de France" и прочее. Англинскихъ юридическихъ книгъ не могъ отыскать, но онѣ, кажется, были уже здѣсь; за то отыскалъ въ своемъ портфельномъ хаосѣ снимки съ реймскихъ: Евангелія славянскаго и со словъ о великой княжнѣ Аннѣ Ярославнѣ. Неимовѣрно обрадовался находкѣ.

Письмо твое о *письмѣ* многимъ чрезвычайно понравилось; я читалъ его и Чаадаеву, который называетъ тебя русскимъ отпечаткомъ XVIII столѣтія; я выражаю мысль его по своему, и мнѣ многое въ немъ понравилось; но съ досадою увидѣлъ я послѣ святой *терпимости—равнодушіе.* Ты все этимъ изгадилъ, ибо терпимость есть фенелоновская добродѣтель, а равнодушіе—адъ эгоиста. Ежедневно, съ утра до шумнаго вечера, (который проводятъ у меня въ сильномъ и громогласномъ спорѣ Чаадаевъ Орловъ, Свербеевъ, Павловъ и прочіе), оглашаемъ я преніями собственными и сообщаемыми изъ другихъ салоновъ объ этой филиппикѣ. Я еще не очень здоровъ и не буду повторять все, что слышу, но вотъ отвѣтъ репрезентанта XVIII столѣтія въ Россіи—И. И. Дмитріева, коему вчера сообщилъ я твои письма (отъ 12-го и 19-го октября): „Съ большою благодарностію возвращаю вашему превосходительству двѣ грамотки нашего умницы. Жаль только,

что по связному почерку его—бѣгло, вопреки моему нетерпѣнію, и даже не все могъ разобрать. Но очень разобралъ и понялъ, что зрѣлость духовная, то-есть, умъ и душа есть терпимость или равнодушіе. Эта мысль заставила меня улыбнуться отъ удовольствія. Я очень люблю Вяземскаго, а прочтя это, какъ будто съ нимъ сроднился и полюбилъ еще болѣе". Вотъ какъ отозвалось въ душѣ добраго эгоиста твое паденіе съ терпимости на равнодушіе! Это торжество для Чаадаева! Но твоя мысль ясно отсвѣчивается во всей фразѣ твоей и явно противорѣчитъ ей твоя не у мѣста поставленная амплификація выраженій: *равнодушіе*!

Посылая къ Ивану Ивановичу записки твои, я напомнилъ ему опять о просьбѣ твоей для твоего альманаха, но онъ ни слова въ отвѣтъ на это. Вѣроятно, пріѣдетъ сказать на словахъ то, что намѣренъ сдѣлать для тебя или отказать.

Вчера, перебирая бумаги, я нашелъ книгу съ 386-ю письмами и записками Н. М. Карамзина ко мнѣ, которую я вездѣ вожу съ собою. Мнѣ пришло на мысль напечатать сіи письма и записки особо: въ нихъ изъ эпохи 1803—1809 годовъ много любопытнаго и въ отношеніи къ россійской исторіи, а для меня и въ послѣднихъ все важно и *свято*; во мнѣ разгорѣлась въ чистое пламя любви къ нему непотухавшая никогда искра въ сердцѣ. Испроси заранѣе позволеніе у Екатерины Андреевны, а я самъ ей говорить о семъ буду. Нужны будутъ отъ издателя или отъ меня комментаріи, но и въ сихъ комментаріяхъ можетъ быть интересъ для публики. Есть строки прекрасныя, какъ душа его. Тебѣ изъ этого собранія ничего не дамъ; развѣ ты напиши самъ статью объ этихъ письмахъ, прочитавъ ихъ, для своей книжки. Успѣю ли я написать съ милою баронесою въ Парижъ и прислать къ тебѣ письмо? Если нѣтъ, то отдай ей хоть письмо мое къ брату, къ тебѣ для Лёвъ-Веймара посланное. Уѣхали ли они? А жаль, что Клара будетъ безъ термоламскаго сарафана! Скажи графинѣ Хрептовичъ, урожденной Нессельроде, что я весьма сожалѣю, что болѣзнь помѣшала мнѣ видѣть ее у князя Гагарина; что мнѣ бы хотѣлось разспросить ее о Свѣчиной огорченной кончиной нашей милой Надины Сегюръ; что я прошу передать ей мою душевную и благодарную къ ней привязанность. Если же ты не въ свя-

захъ съ графиней Хрептовичъ, то передай ей все это чрезъ князя Ивана Сергѣевича Гагарина. Спроси его: правда ли, что путешественникъ Норовъ писалъ къ здѣшнему домосѣду Норову, что Шеллингъ не будетъ издавать своей книги; онъ обѣщалъ сообщить ему и причины; я что-то этому не вѣрю, ибо имѣлъ отъ Шеллинга въ Парижѣ другія вѣсти. Cette lumière du monde ne doit pas disparaître sans l'avoir éclairé.

Вотъ два письмеца и къ „красавицѣ съ раздумьемъ на лицѣ". Мое написано вслѣдъ за Ч[аадаевымъ]. Передай ей оба поскорѣе и доставь отвѣты.

Помѣшали писать. Отвѣчай мнѣ по пунктамъ. Обними Жуковскаго. Я все хлопочу о его protegé полицейскомъ; но успѣхъ труденъ тамъ, гдѣ публично говорятъ, не возбуждая ни въ комъ негодованія: „На восьмидесятыхъ розгахъ признался".

На оборотѣ: Его сіятельству князю Петру Андреевичу Вяземскому.

775.

Тургеневъ князю Вяземскому.

28-го октября 1836 г. [Москва].

Вчера къ ночи получилъ письмо твое съ историческимъ конгрессомъ. Порученія всѣ исполню, какъ скоро выѣзжать буду. Графини Ростопчиной здѣсь еще нѣтъ. Прочихъ увижу и предварю: вѣроятно, никто не откажетъ. А Michelet, Nodier и все, чего не упомню? Слѣдовательно, не-*нѣтъ*! Въ Michelet—статья объ Архивѣ Королевскомъ. Для сей статьи я его выслалъ сюда изъ Парижа, ибо она мнѣ нужна. Здѣсь его нѣтъ и въ лавкахъ. (За Шатобріана денегъ не надо: ты—скотина!). Что же ты ни слова объ участи „Телескопа" и... Онъ запрещенъ, Болдыревъ отрѣшенъ отъ цензуры, и велѣно явиться къ государю для объясненія.

На запросъ въ письмѣ о Брав[урѣ] отвѣтъ посланъ третьягодня.

Жаль Куличка! Я съ нимъ роспилъ бутылочку шампанскаго на булеварѣ за обѣдомъ, за нѣсколько дней до моего отъѣзда.

Жаль графа С[троганова] и жену его. Напрасно и просилъ Мейендорфшу о термоламѣ. Мужъ зажурилъ бы ее, не за sixième, mais pour le premier. Онъ въ Лондонѣ бывалъ у насъ ежедневно и говаривалъ (слова его): „Qu'il faut être un"..., чтобы отказаться отъ знакомства; а въ Парижѣ совсѣмъ иное, въ виду..." [1]). За то и у него нога моя не была; но ноги и сердце и полуголовы часто у милой баронессы. Напиши чрезъ нее къ Бутовскому, въ отвѣтъ на его предложеніе, и увѣдомь что̀ ты напишешь. Она несправедлива къ нему за его нефэшіонэбельность.

Гдѣ Боби Потоцкая? Шувалова, сестра ея? Гдѣ твоя Шувалова, которая никогда моей не будетъ?

Спасибо за увѣдомленіе о способныхъ сотрудникахъ въ историческомъ дѣлѣ.

776.

Тургеневъ князю Вяземскому.

28-го октября. Москва.

Оправданіе Лашмана меня оживило. Я пріѣхалъ на почту, чтобы послать въ Симбирскъ увѣдомленіе; онъ въ тюремной больницѣ.

Я привезъ изъ Симбирска отрывокъ изъ записокъ Ростопчина: „Послѣдній день царствованія Екатерины II и первый день Павла I". Довольно любопытно, но не очень, и кажется, à quelques personnalités près, удобопечатаемо. Хочешь ли? „Un coup de lorgnette" его—у меня въ подмосковной. Трудно добыть.

Приписка А. Я. Булгакова.

„Coup de lorgnette" оригинальный, рукопись графа, у меня взялъ Глинка Сергѣй: тогда и зачиталъ. У меня кипа писемъ и всякой всячины его руки, но въ подмосковной, куда я, однако же, посылаю нарочнаго, ибо нужно мнѣ имѣть и всѣ томы братниныхъ писемъ, ибо занимаюсь его біографіею для „Энциклопедическаго лексикона". Графъ написалъ жизнь свою въ XVI главахъ, во всякой главѣ строчекъ по шести и

[1]) Точки въ подлинникѣ.

не болѣе десяти. Очень остро, такъ, какъ и все, истекавшее изъ его пера. Хочешь и это? Ты на манеръ разбойниковъ говоришь мнѣ: „Ей, мусье, пошарь у себя въ карманахъ!“ M-r le voleur, ma bource et ma vie sont à vos ordres. Тургеневъ читалъ мнѣ мнѣніе твое о Чаадаевской статьѣ: и просто, и убѣдительно, и справедливо. Обнимаю!

777.

Князь Вяземскій Тургеневу.

28-го октября. [Петербургъ].

Вотъ тебѣ, нашему Гримму и моему альманашному своднику, два письма, которыя прошу передать по надписямъ. Приложи къ нимъ и собственное свое краснорѣчіе и выпроси у почтеннѣйшихъ господъ, ради почтеннѣйшей публики, малую толику отъ ихъ щедротъ. Съѣзди и къ Кирѣевскому женатому: нѣтъ ли у него чего, отъ холостой жизни оставшагося, или не соблаговолитъ ли тряхнуть стариною? Какія-нибудь замѣчанія на замѣчательную книгу, нѣчто о ничемъ, или о нашей словесности, что Богъ на умъ пошлетъ и въ сердце вложитъ; двѣ три страницы,— и то будетъ хорошо! Совѣщусь просить у Павлова: у него свой журналъ на рукахъ. — — —. А не то и дома не скажешься. Лёвъ-Веймаръ еще здѣсь. Кажется, завтра ѣдутъ.

Пришли мнѣ по оказіи, что будетъ и сообщи по оказіи нѣсколько московскихъ коммеражей, чтобы сличить ихъ съ здѣшними. Грустно, а сами виноваты, до непростительности виноваты! Точно лунатики: живутъ въ лунѣ и не знаютъ, какъ подобаетъ жить на землѣ. Никого не увѣришь здѣсь, что нѣтъ тутъ преступной неблагонамѣренности и обдуманнаго замысла. Впрочемъ, со стороны оно такъ и кажется. Зная лица, знаешь, что тутъ всего на все съ одной стороны—непомѣрное самолюбіе, раздраженная жажда театральной эфектности и большая неясность, зыбкость и туманность въ понятіяхъ; а съ другой стороны—какая-то закоснѣлая тупость, безчуткость, особенно свойственная нашимъ литераторамъ и журналистамъ, а можетъ быть и коммерческій разсчетъ умножить расходъ на журналъ; но и тутъ пробивается та же глупость и невѣдѣніе того, что можно и чего нельзя.

Самоотверженія, мученичества тутъ, разумѣется, нѣтъ; не говорю уже о томъ, что и вольная страсть была бы въ этомъ случаѣ нелѣпость, потому что ни къ чему приложить бы ее нельзя. Что за глупость пророчествовать о прошедшемъ? Пророковъ и о будущемъ сажаютъ въ желтый домъ, когда они предсказываютъ преставленіе свѣта, а тутъ посказаніе о бывшемъ преставленіи народа. Это верхъ безумія! И думать, что народъ скажетъ за это спасибо за то, что выводятъ по старымъ счетамъ изъ него не то что ложное число, а просто нуль! Такого рода парадоксы хороши у камина для оживленія разговора, но далѣе пускать ихъ нельзя, особенно же у насъ, гдѣ умы не приготовлены и не обдержаны преніями противоположныхъ мнѣній. Даже и опровергать ихъ нельзя, потому что опроверженіе было бы обвиненіемъ, доносомъ. Тутъ вышелъ бы споръ не объ отвлеченномъ предметѣ, а бой рукопашный за свою кровь, за прахъ отцовъ, за все свое и за всѣхъ своихъ. Какъ же можно вызывать на такой бой, заводить такой споръ?

Кланяйся отъ меня Наденькѣ Трубецкой и скажи ей, чтобы она не забывала меня.

778.

Тургеневъ князю Вяземскому.

29-го октября 1836 г. Москва.

Вчера, отправивъ къ тебѣ отъ Булгакова письмо, я заѣзжалъ къ Дмитріеву, прочелъ ему твою послѣднюю записочку и, развеселивъ его его же стихомъ, кстати воспомянутымъ, опять спросилъ, есть ли надежда для тебя на отрывокъ изъ его „Записокъ“. Улыбаясь, отвѣчалъ онъ: „Да что такое? Самъ онъ не пишетъ объ этомъ, какъ же?“ Я немедленно возразилъ, что мнѣ порученъ только предварительный вопросъ, а что ты самъ намѣренъ писать и просить; слѣдовательно, пиши къ нему самъ, и успѣхъ, кажется, не сомнителенъ.

„Лорньетка“ графа Ростопчина у меня есть, mais c'est peu

de chose, развѣ для имени; но что за имя: въ литературѣ, да и въ исторіи освѣщаетъ его одинъ „Пожаръ“.

Что ты ни слова о нашемъ философѣ? Ректоръ-цензоръ ѣдетъ явиться къ государю. Всѣ возраженія также запрещены.

Жаль, что Жуковскій долго не будетъ въ Петербургѣ: мнѣ нужно было его пребываніе въ Петербургѣ. Пожалуйста, не теряй изъ виду кандидатовъ для моего историческаго труда, а пріѣхать, не знаю, скоро ли удастся. Жуковскій скорѣе меня узнаетъ, когда мнѣ должно будетъ пріѣхать. Отошли повѣрнѣе письмецо.

Вчера просидѣлъ вечеръ и любезничалъ у красавицы Кирѣевой, а кончилъ у графа Гудовича. Lucie спрашиваетъ тебя, получилъ ли отъ сестры книгу, ею посланную? Я люблю эту Лучинку: она одна изъ милыхъ дѣвушекъ и существенно мила. Жаль, что ее такъ высушили; авось, снова расцвѣтетъ!

Обнимаю, то-есть, не обнимаю, а душевно и низко кланяюсь твоимъ дамамъ и Карамзинымъ. Что Андрюша?

На оборотѣ: Его сіятельству князю П. А. Вяземскому, въ С.-Петербургъ.

779.

Тургеневъ князю Вяземскому.

30-го октября, вечеръ. Москва.

(Изорви). Я видѣлъ сегодня Чаадаева и нашелъ его спокойнымъ по совѣсти, но встревоженнымъ по своему положенію. У него отобрали вчера всѣ бумаги; вспомнивъ, что у писца и у одной дамы оставались еще какія-то двѣ статьи его, онъ вытребовалъ и куда-то доставилъ ихъ официально. Очень хлопочетъ о томъ, что ему не возвратятъ бумагъ, въ коихъ, вѣроятно, найдутъ болѣе оправдательнаго, чѣмъ обвинительнаго. Общія бреды— и только! Онъ сказалъ, что съ бумагами взяли у него и портретъ мой, Брюллова, съ извѣстною надписью: „Безъ боязни обличаху“, изъ лѣтописей Авраамія Палицына объ осадѣ Сергіева монастыря, слова лѣтописца о Плещеевѣ и предкѣ моемъ, Петрѣ

Тургеневѣ, кои „безъ боязни обличаху“ Гришку Отрепьева въ самозванствѣ. Если спросятъ, то объясните. Простите! Я роюсь въ старыхъ бумагахъ и любезничаю съ молодыми красотками. Тургеневъ. Далъ письмецо къ тебѣ и Жуковскому, Болдыреву, но въ нихъ только два слова о его промахѣ! Онъ, какъ нѣкоторый сенаторъ, читалъ, да хуже. Что съ него взыскивать?

На оборотѣ: Его сіятельству князю Петру Андреевичу Вяземскому. Въ С.-Петербургъ, въ собственныя руки.

780.

Тургеневъ князю Вяземскому.

30-го октября, 10 часовъ вечера. Москва.

Я писалъ къ тебѣ, что у Чаадаева взяли всѣ бумаги. Теперь я вспомнилъ, что изъ Парижа я послалъ къ нему (писемъ моихъ у него нѣтъ, кажется, ни одного; ибо я не къ нему писалъ ихъ, а только къ вамъ, поручая ихъ прочитывать ему, какъ и другимъ; но всѣ отъ него кто-то взялъ ихъ по его прочтеніи) записку ко мнѣ философа Баланша, въ коей онъ хвалилъ его письмо. Но это не письмо ко мнѣ, и не къ дамѣ; помнится—въ возраженіе моего мнѣнія о Римѣ и о папизмѣ. Онъ сильно возставалъ на меня за то, что я не нахожу въ Римѣ того, что исторія и вѣка на немъ оставили. Въ этомъ письмѣ много прекрасныхъ и краснорѣчивыхъ фразъ, напоминающихъ страницы Баланша и по образу мыслей, и по слогу: потому я и казалъ ему ихъ и послалъ къ Чаадаеву его одобрительную записку. Письмо у меня цѣло, но не здѣсь, ибо я не привезъ сюда парижскихъ бумагъ; но на всякій случай отыскать его всегда могу. Я писалъ къ вамъ, что у него съ бумагами взяли и портретъ мой.

Приписка Е. А. Свербеевой.

Je vous remercie de votre souvenir, mon aimable cousin; quand vous aurez un instant de libre, donnez-moi de vos nouvelles. Nous sommes très inquiets ici pour Tchaadaeff—que lui arrivera-t-il? Je suis bien aise du séjour de Tourgueneff ici; il parait qu'il nous restera pour tout

l'hiver. Il va tous les jours chez madame Kireeff, ce qui n'arrange pas du tout monsieur Orloff. Demandez-lui qu'il vous conte l'histoire des poires. Je fais attendre ces lignes — à une autre fois. E. Sverbejeff.

На оборотѣ рукою Свербеевой: Его сіятельству князю Петру Андреевичу Вяземскому. Въ С.-Петербургѣ.

781.

Тургеневъ князю Вяземскому.

1-го ноября 1836 г. Москва.

Вчера поздно получилъ я письмо твое отъ 28-го октября съ приложеніями, кои роздамъ по адресамъ, и буду понукать поэтовъ.

Я совершенно согласенъ съ тобою во мнѣніи о Ч[аадаевѣ] и, узнавъ по пріѣздѣ изъ Симбирска, что онъ отдалъ въ печать (и уже было напечатано) письмо его, прочитавъ его, долго не видался съ нимъ и при первомъ свиданіи я такъ сильно напалъ на него за суетность авторскаго самолюбія, что онъ не на шутку на меня разсердился и долго у меня не былъ. Онъ навѣстилъ меня больного, и споры продолжались съ нимъ, и весьма жаркіе. Теперь онъ жалокъ, но сохраняетъ довольно sang-froid и принялъ объявленное ему рѣшеніе о его помѣшательствѣ съ чувствомъ признательности и растроганъ. Я былъ у него не разъ послѣ отобранія бумагъ, но послѣ объявленія не видалъ его. Въ числѣ бумагъ его взяли у него и портретъ мой, Брюллова, а на немъ извѣстная надпись и девизъ Тургеневыхъ, давно нами принятый: „*Безъ боязни обличаху*", слова Троицкаго лѣтописца о Петрѣ Тургеневѣ и Плещеевѣ послѣ обличенія ими Димитрія въ самозванствѣ. Это были русскіе легитимисты того времени. Если будутъ толки о семъ портретѣ, то предупредите ихъ объясненіемъ надписи и словъ исторіи.

Вѣроятно, въ бумагахъ Ч[аадаева] найдутъ и записку ко мнѣ Баланша, въ коей онъ благодаритъ меня за доставленіе ему для прочтенія отрывковъ изъ письма Ч[аадаева]. Это письмо о Римѣ въ отвѣтъ на мое объ Италіи и о папѣ. Въ немъ есть двѣ стра-

ницы краснорѣчивыя о Римѣ, о его вѣчности, о значеніи историческомъ папства и прочемъ. Чаадаевъ былъ взбѣшенъ моею картиною Италіи и папства въ письмахъ моихъ къ вамъ и къ нему, кои я всегда, какъ вы знаете, велѣлъ отдавать сестрицѣ, и они у меня. Онъ отвѣчалъ уже мнѣ въ Парижъ, и я видѣлъ, что онъ кокетствовалъ со мною слогомъ и общими историческими видами на Италію и на папу и желалъ, чтобы Шатобріанъ или Баланшъ прочли его. Я потѣшилъ его и послалъ ему записку Баланша на отрывокъ изъ его письма, ему, помнится, сообщенный. Но это *не извѣстное* письмо къ дамѣ. Я могу показать всѣ мои письма. Къ Чаадаеву, кажется, не было особыхъ, но я къ нему обращался во многихъ письмахъ, кои у него долго лежали, хотя я всегда въ нихъ требовалъ, чтобы они возвращены были для храненія у сестрицы. Вотъ вамъ объясненіе на всякій случай.

Посылаю 70 рублей для Козлова. Объ остальныхъ послѣ. Когда посланныя къ Пушкину изъ Симбирска печатныя и рукописныя письма не будутъ нужны, возвратите и не затеряйте ихъ.

На оборотѣ: Его сіятельству князю Петру Андреевичу Вяземскому. Въ С.-Петербургѣ.

782.

Князь Вяземскій Тургеневу.

2-го ноября. [Петербургъ].

Какой-то архіерей спрашивалъ у Бирона: „Avez-vous lu mon mandement?“ — „Et vous, monseigneur?“ отвѣчалъ онъ. Такъ и я могу отвѣчать тебѣ, когда ты пристаешь ко мнѣ дозарѣзу, чтобы я поискалъ у себя Michelet и Nodier. Да искалъ ли ты у себя? Все ли получилъ отъ Булгакова? У меня все теперь на чистоту выведено; я на новой квартирѣ и все перебралъ: какъ же тутъ не найти? Мой кабинетъ еще не успѣлъ засориться, какъ твой желудокъ. Порой у себя въ одномъ изъ отдѣленій пузы твоей: въ симбирскомъ, деревенскомъ, московскомъ, и мало ли ихъ еще!

Вчера Жуковскій былъ въ городѣ. Вечеромъ Пушкинъ читалъ у меня новый романъ: „Капитанская дочь", повѣсть изъ временъ пугачевщины. Много интереса, движенія и простоты. Онъ будетъ весь напечатанъ въ 4-мъ „Современникѣ".

Отчего вздумалось тебѣ и вамъ, что „Kennst du das Land" писано къ Бравурщѣ? Я знаю, что она не знаетъ das Land, да и цифры въ „Современникѣ" не мои. Чудакъ ты, право: все спрашиваешь меня о томъ, что дѣлается въ Москвѣ. Да намъ почему знать? Здѣсь только скука и толки, а ждемъ отъ васъ доскональности. Ожидаю съ нетерпѣніемъ Елисавету Петровну Пашкову и потому, что я ее люблю, и потому, что она будетъ живая грамата отъ васъ.

Скажи прекрасной Лучинкѣ, отъ которой загорѣлась не одна Москва, но тлѣетъ и уголокъ петербургскій, что я книгу получилъ, но, къ сожалѣнію, сестры ея еще не видалъ, хотя она была у насъ, а я у нея. Прошу передать мой поклонъ всему семейству, а въ особенности графинѣ Люси, хотя маменька и гнѣвается на меня за эту особенность, но маменька играетъ въ вистъ, а дочка мило разговариваетъ. Я и маменьку, и все семейство очень люблю, но графиня Люси имѣетъ въ себѣ въ самомъ дѣлѣ невыразимую прелесть. Зачѣмъ онѣ сюда не ѣдутъ на зиму? Папенька вербовалъ бы въ Дмитріевѣ, а дочки въ Петербургѣ; папенька забривалъ бы лбы, а дочки сердца.

Давай мнѣ отрывокъ изъ записокъ Ростопчина и „Coup de lorgnette"; хотя это и не coup de génie, но намъ годится. Каково ни есть, а все-таки имя: въ обществѣ анонимовъ и то хорошо. Я ужъ и въ біографіи Фонвизина вывезъ на перѣ своемъ комедію его: „Живой убитый". Прочти ее: много веселости и довольно фонвизинщины. Да присылай же все, что мнѣ дать хочешь! Надобно переписать, разсортировать, представить въ цензуру: время уходитъ. Сербиновичу передалъ я твое порученіе или предварительное приглашеніе. Онъ будетъ тебѣ отвѣчать; да, вѣрно, онъ твой помощникъ? Ѳедорову же ничего не сказалъ и не скажу, потому что, если ты съ ума сошелъ, то я еще пока на умѣ стою. Екатеринѣ Андреевнѣ говорилъ о твоемъ собраніи писемъ; разумѣется, она не воспротивится напечатанію ихъ, а Жуковскій и

очень одобряетъ твое намѣреніе. Привези письма сюда. А не худо бы тебѣ дать два или три письма въ мою котомку изъ историческихъ, а я сказалъ бы, что собраніе писемъ къ тебѣ будетъ скоро напечатано.

Андрей въ Германіи; былъ на свадьбѣ Наденьки Соллогубъ въ Стутгардѣ. Здоровье его, кажется, довольно удовлетворительно. Онъ бодро исходилъ всѣ ледовитыя моря и скалы швейцарскія: хорошій знакъ.

Нашу Потоцкую все ждутъ, но мнѣ сдается, что она не будетъ. О твоей Шуваловой ничего не вѣдаю; моя больна и остается зимовать въ своемъ курляндскомъ замкѣ. За что ты на нее вдругъ разсердился? Я увѣренъ, впрочемъ, что ты виноватъ. Въ ней много милаго и добраго; есть темныя мѣста, но въ комъ ихъ нѣтъ? Не было бы красныхъ мѣстъ на лицѣ, о коихъ здѣсь говорили.

Вьельгорскій ожидаетъ жену на дняхъ, имѣя отъ нея уже извѣстіе изъ Шуваловскаго замка.

Хрептовичевой я еще не видалъ, но передалъ твои слова мужу. Онъ сказывалъ мнѣ, что, встрѣтясь съ тобою на улицѣ въ Москвѣ, посылали они искать тебя по всѣмъ трактирамъ.

Козловскій говорилъ, что tout le monde à Pét rsbourg était marteau, ou enclume, et qu'à la manière d'entrer dans un salon on pouvait reconnaître chacun pour l'un ou l'autre, à l'exception d'un seul homme,—et c'était Chreptowicz.

Ты что-то врешь о моемъ выраженіи: *равнодушіе*. Не помню фразы своей, но, во всякомъ случаѣ, рѣшительно не вывожу равнодушія надлежащимъ или желаннымъ результатомъ зрѣлости, а развѣ фактомъ. Не говорю, что оно должно быть такъ, а развѣ, что оно есть Можетъ быть и то, что говорилъ о равнодушіи къ формамъ. Пока духъ зеленъ и соки въ немъ кипятъ, придаешь большую важность такому то образу мыслей или другому; послѣ, когда духъ созрѣетъ, убѣдишься, что все это оттѣнки, а настоящій цвѣтъ жизни—чувство. Нѣтъ ни одного безусловнаго, непреложнаго мнѣнія: все слова и звуки, которые переливаются изъ пустого въ порожнее. У меня, напримѣръ, душу претъ отъ преній французскихъ журналовъ, которые я прежде читалъ съ вѣрою

и страхомъ. Впрочемъ, говорю о себѣ: меня къ этому равнодушію привела, можетъ быть, и скорбь.

Кажется, отвѣчалъ я на всѣ твои запросные пункты. Прости!

783.

Тургеневъ князю Вяземскому.

2-го ноября 1836 г. Москва.

Вчера отдалъ я письмо къ тебѣ Бенедиктову съ 70-ю рублями для Козлова: и самое письмо для меня важно, и я буду ожидать на него отвѣта. Вчера же видѣлъ я Боратынскаго и отдалъ ему письмо. Онъ обѣщалъ исполнить твое желаніе. Видѣлъ и Кир[ѣевскаго]: и онъ также почитаетъ долгомъ содѣйствовать успѣху твоей книжицы. Всѣхъ я торопилъ. Можетъ быть и отъ Павлова еще что-нибудь получишь. Къ Языкову еще не ѣздилъ и не посылалъ стиховъ, ибо онъ перемѣняетъ квартиру, и я не знаю, гдѣ онъ. Справлюсь и письмо доставлю, и понукать буду.

3-го ноября.

Сказываютъ, что Чаадаевъ сильно потрясенъ постигшимъ его наказаніемъ; отпустилъ лошадей, сидитъ дома, похудѣлъ вдругъ страшно и какія-то пятна на лицѣ. Его кузины навѣщали его и сильно поражены его положеніемъ. Докторъ пріѣзжаетъ навѣдываться о его офиціальной болѣзни. Онъ долженъ былъ совершить какой-то раздѣлъ съ братомъ: сумасшедшій этого не можетъ.

Знаешь ли, что̀ я теперь читаю? Девятнадцать связокъ писемъ оригинальныхъ Н. М. Карамзина къ брату его Василію Михайловичу. Письма начинаются съ конца XVIII-го столѣтія, то-есть, съ 178. г. и продолжаются до его кончины. Какъ узнаешь милаго ангела-человѣка, а иногда и писателя! Сколько знакомыхъ именъ встрѣтишь, а иногда и мое имя мелькнетъ въ строкахъ его! Какъ онъ нѣжно любилъ *своихъ*! Какъ часто и какъ сердечно говорилъ о Катеринѣ Андреевнѣ, о *Сонюшкѣ*, въ ея дѣтствѣ. Иногда съ политическими вѣстями о Европѣ изъ Москвы попадаются и его пророческія сужденія. Можетъ быть, удастся списать нѣкоторыя письма. Всѣ переномерованы. Онѣ принадлежатъ Погодину.

Въ прошедшую субботу въ Университетѣ, въ Историческомъ Обществѣ, Шевыревъ представлялъ отчетъ въ выпискахъ о моихъ *итальянскихъ* бумагахъ, въ коихъ много нашолъ *важнаго*, *историческаго*, а я на словахъ познакомилъ вкратцѣ съ моими парижскими и реймскими пріобрѣтеніями и показывалъ снимки съ извѣстія объ Аннѣ Ярославнѣ и съ Евангелія реймскаго на славянскомъ языкѣ. Слушателей было немного, да и изъ тѣхъ многіе болтали, напримѣръ, Снегиревъ. Были и внимательные. Я не дамъ ничего напечатать и изъ экстрактовъ: прежде нужно представить официальный отчетъ.

Сегодня балъ у Раевскихъ. Я мало выѣзжаю, а вечера у Свербеевой. Она уже принимаетъ до 11 часовъ, и мы болтаемъ очень мило. Въ ней что-то есть задушевное и возвышенное, и при ней можно мыслить вслухъ.

Что же ты мнѣ ни слова о Карамзиныхъ? Хоть объ Андрюшѣ увѣдомь. Княгини Трубецкой еще не встрѣчалъ. Четвертинскіе переѣхали. Надѣюсь увидѣть ихъ сегодня. Поклонись своимъ милымъ.

Англинскую статью о Мильтонѣ Шатобріана поручилъ переписать и доставлю.

Сію минуту получаю письмо отъ Жуковскаго отъ 29-го октября. Особо отвѣчать не успѣю, но дай ему прочесть это письмо. Мойеръ отысканъ, и я дышу свободнѣе. Для успокоенія Елагиной посылаю записку о Мойерѣ къ ней. Скажи Жуковскому, что А. М. Тургеневъ въ деревнѣ. Слышу о немъ отъ Свербеевыхъ, коихъ онъ сосѣдъ. Онъ овдовѣлъ, остался робёнокъ. Я вчера только узналъ, что онъ былъ женатъ.

Г-жа Циммерманъ въ Царскомъ Селѣ. Ея мужъ—докторъ или что-то похожее. Посылка отъ Свѣчиной, съ портретомъ, княгинѣ Гагариной. „Сочиненій“ и „Ундины“ ожидаю.

Простите! Переговорите другъ съ другомъ по письмамъ моимъ о портретѣ и о запискѣ Б[аланша] и увѣдомьте меня. Доставь поскорѣе Татаринову.

На оборотѣ: Его сіятельству князю П. А. Вяземскому.

784.

Тургеневъ князю Вяземскому.

4-го ноября 1836 г. Москва.

Перебирая вчера бумаги, кои попали въ мой парижскій портфель, я нашелъ письмо Чаадаева, о коемъ упоминаетъ Баланшъ въ своей ко мнѣ запискѣ. Посылаю письмо въ оригиналѣ, но убѣдительнѣйше прошу не затерять его и возвратить ко мнѣ, если оно вамъ не нужно будетъ Эта *выходка о Римѣ* очень понравилась Баланшу, но записка его писана изъ учтивости, дабы потѣшить Чаадаева и сдѣлать мнѣ удовольствіе. Помнится, что онъ говоритъ въ ней, что онъ *симпатизируетъ* съ Чаадаевымъ. Эта *симпатія*—за Римъ, и ни за что иное. Впрочемъ, и Баланшъ, авторъ „Антигоны" (то-есть, дюшессы Беррійской)—легитимистъ и въ религіи. Глубокъ, хотя по католически, и неправославенъ. Это добрый старикъ, ухаживающій за Рекамье и посвятившій себя ей и окончанію своей „Палингенезіи". Впрочемъ, я не могъ пе тѣшить Чаадаева (хотя къ нему почти и не писалъ, а все писалъ къ нему въ письмахъ къ другимъ, какъ вы знаете), ибо я никогда не забуду, что когда братъ мой Сережа пріѣхалъ въ Дрезденъ въ ужасно-разстроенномъ здоровьѣ, то одинъ онъ ухаживалъ за нимъ въ болѣзни его до той поры, пока другой ангелъ-хранитель, въ лицѣ Пушкиной, не принялъ участія въ положеніи и въ болѣзни брата. Такіе случаи въ жизни рѣдки и въ сердцѣ моемъ вѣчно памятны. Я не забуду никогда, чѣмъ обязанъ Чаадаеву въ это время. Вотъ что изъясняетъ мою о немъ заботливость. Теперь онъ для меня только страдалецъ, и его несчастіе сливается въ сердцѣ моемъ съ благодарностію за брата, уже вознагражденнаго за бѣдствія этой жизни. Простите! Поручаю себя вашей дружбѣ.

Вчера или, лучше, сегодня, на балѣ у Раевскихъ, исполнилъ я твое порученіе княгинѣ Трубецкой. Бабушка-матушка вальсировала съ дѣтками, кои милы по прежнему. Красотокъ было много; въ числѣ первоклассныхъ—Абаза оловянноокая и Бороздина черноокая. Подпрыгивала и поэтъ-Янишъ и *относилась* къ

поэту, нашему знакомому, который и къ ней *относился.* Я предвижу въ этомъ *отношеніи* сліяніе поэзій довольно прозаическое.

785.

Тургеневъ князю Вяземскому.

7-го ноября 1836 г. Москва. [№ 1].

Вчера видѣлъ я князя Д. В. Голицына и очень обрадовался его пріѣзду. Отъ тебя давно ни слова. Не сердись, но вотъ еще два слова о книгахъ, кои мнѣ необходимы для представленія съ моимъ отчетомъ въ пользу Юридическаго института въ Петербургѣ.

Въ письмѣ моемъ къ тебѣ отъ 12-го іюня изъ Парижа, то есть, въ послѣднемъ, въ реестрѣ посланныхъ книгъ показаны:

1 часть „Criminal law“, first report, folio; 1 часть „Statute law“ (*въ голубой бумажкѣ*). „La Sacra Scrittura“ du Lanci двѣ части, in folio. Эту послѣднюю книгу, запрещенную въ Римѣ, велѣлъ мнѣ выдать изъ архива самъ папа. Ее достать невозможно. Книги сіи были посланы съ рапортами французскому министру юстиціи, кои я получилъ. Куда же дѣвались другія? Береги мои письма, изъ Симбирска посланныя, и просмотри ихъ.

Ѣду на похороны генерала Энгельгардта, тестя Боратынскаго. Отпѣваютъ его на Козихѣ, а вмѣстѣ съ нимъ и *понедѣльники* Боратынскаго, коими я еще ни одного раза не воспользовался. Языкова отыскалъ только сегодня и перешлю ему письмо твое.

Докторъ ежедневно навѣщаетъ Чаадаева. Онъ никуда изъ дома не выходитъ. Боюсь, чтобы онъ и въ самомъ дѣлѣ не помѣшался. Въ Москвѣ толки умолкаютъ. Что-то у васъ?

Хорошо бы не отдавать письма сосѣдкѣ. Обнимаю васъ. Дочитываю письма Карамзина къ брату Василію Михайловичу.

Вчера у именинницы Кирѣевой встрѣтилъ петербургскаго выходца Толстого; онъ далъ мнѣ вѣсть о тебѣ. Вечеръ—у Соймонова; слышалъ розу-соловья Абаза, а по утру любовался ея портретомъ въ бывшемъ твоемъ домѣ. Она живетъ въ кабинетѣ Николая Михайловича. Я узналъ нѣкоторыя комнаты, въ коихъ

не бывалъ съ того времени, какъ вы тамъ жили при старомъ князѣ; и я чуть не влюбился въ сестру твою, которая оставила во мнѣ неизгладимое впечатлѣніе. Въ письмахъ Николая Михайловича читаю много объ этой эпохѣ.

Обнимаю Жуковскаго и напоминаю ему объ „Ундинѣ" для меня и для Аржевитинова *съ надписью* и о „Сочиненіяхъ" его, о коихъ онъ упоминаетъ въ послѣднемъ письмѣ ко мнѣ.

На оборотѣ: Его сіятельству князю Петру Андреевичу Вяземскому.

786.

Тургеневъ князю Вяземскому.

7-го ноября 1836 г. Москва. № 2.

Сейчасъ получилъ, то-есть, на похоронахъ, въ церкви Спиридонія на Козихѣ, прочелъ письмо твое отъ 2-го ноября. Тутъ были и Дмитріевъ, который ожидаетъ меня къ себѣ съ письмомъ твоимъ, и Боратынскій, который плакалъ по боперѣ и прочіе, и прочіе, и, слѣдовательно, я не могъ передать ему твоего порученія, а передамъ послѣ; но онъ еще вполнѣ ничего не написалъ, а пишетъ. Былъ и у Языкова: онъ пришлетъ тебѣ кучу стиховъ, а я просилъ хорошихъ. Своего привезу, но разбирать не имѣю времени, ни средствъ. Я заваленъ бумагами; хлопочу ежедневно, но дѣло худо подвигается, а между тѣмъ, какъ не заглядывать и къ красоткамъ? Книгъ у Булгакова нѣтъ; у него пишу.

Погодинъ согласенъ дать письма изъ своей коллекціи Карамзина для печати, вѣроятно, и для твоей котомки; и я дамъ письма два. Но когда мнѣ къ вамъ пріѣхать и спѣшить ли? Ожидаю отъ тебя и отъ Жуковскаго *разрѣшенія* по двумъ дѣламъ. Лучинкѣ все передамъ. Я о ней также думаю. Какъ я радъ за Андрюшу Карамзина! Попроси Жуковскаго, чтобы онъ скорѣе отвѣчалъ мнѣ.

787.

Тургеневъ князю Вяземскому.

9-го ноября 1836 г. Москва.

Вчера, послѣ завтрака у приходскаго попа и нѣсколькихъ именинныхъ визитовъ, былъ я у Чадаева и нашолъ его довольно твердымъ, хотя образъ наказанія и сильно поразилъ и возмутилъ душу его. Онъ надѣется, что отобранныя бумаги содѣйствуютъ къ его оправданію или, по крайней мѣрѣ, къ отстраненію того мнѣнія, которое, слышно, имѣютъ о немъ въ Петербургѣ. Онъ уже давно *своихъ* мнѣній самъ не имѣетъ и измѣнилъ ихъ существенно, и я это замѣтилъ во многомъ и удивился появленію письма, столь обильнаго бреднями. Но чего же опасаться, если всѣ, особливо *пріятели* его, такъ сильно возстали на него?

Вчера передалъ слова твои Лизѣ Пашковой. Она еще не скоро ѣдетъ и, вѣроятно, ты меня скорѣе увидишь. Въ честь твою и мою она взяла у меня еще одинъ экземпляръ Козлова. Надѣюсь собрать еще 50 рублей.

По письму Сербиновича сбираюсь къ вамъ скоро выѣхать, но ожидаю сегодня письма и изъ Симбирска, отъ коего также отъѣздъ мой зависитъ. Выѣду въ дилижансѣ, но многое вышлю прежде.

Да за что ты такъ на Ѳедорова ощетинился? Я знаю въ немъ только безпутныя мнѣнія, а сердце и талантъ у него есть.

Не назначаю дня выѣзда, и ты продолжай писать сюда. Иванъ Ивановичъ также получилъ *соблаговолительное* письмо твое, казеннымъ перомъ писанное. Вѣроятно, онъ не откажетъ въ содѣйствіи. Языковъ обѣщаетъ кучу стиховъ. Отъ Боратынскаго отвѣта еще не имѣю, но и онъ обѣщаетъ.

Письма Карамзина привезу съ собою, и одно или два дамъ, а ты огласишь появленіе многихъ. Сегодня передамъ Лучинкѣ строки твои.

Посылаю тебѣ „Послѣдній и первый день жизни Е[катерины] и П[авла] I“, но прошу, по напечатаніи или по отброшеніи, возвратить мнѣ сей списокъ. За оглашеніе отвѣчай самъ. „Лорньетки“,

вѣроятно, не найду здѣсь: она въ подмосковной съ бумагами Сережи, которому далъ самъ авторъ. Дай отъ меня или предложи прочесть отрывокъ графа Ростопчина князю А. Н. Голицыну, если онъ не читалъ его. Я для него списалъ его въ Симбирскѣ. Отошли письмо къ Сербиновичу и Татаринову.

788.

Князь Вяземскій Тургеневу.

9-го ноября 1836 г. [Петербургъ].

Что же вы въ альманахъ ничего не высылаете? Ноябрь уплываетъ и новый годъ приближается. Времени не много осталось.

О твоемъ портретѣ, какъ о твоемъ Michelet и о прочихъ книгахъ, которыми ты меня давишь, какъ домовой, и колотишь бока, какъ русалка, я ничего не знаю, да и узнать ничего не могу. Жуковскій переѣхалъ въ городъ, да и онъ ничего не знаетъ и знать не можетъ. Ты такой москвичъ замоскворѣцкій, что мочи нѣтъ: потому что мы въ Петербургѣ живемъ, такъ ужъ мы все и знаемъ! Какъ бы не такъ! Я отдалъ Пушкину твои замѣтки на замѣчанія московскаго пѣшехода, да и онъ правъ. Домъ, о которомъ упоминается, могъ быть Репнина, но послѣ былъ онъ и Щербатова, и мнѣ также грустно памятный. Туда сестра моя ѣздила невѣстою. Это былъ домъ родителей князя Алексѣя.

Какъ это письма Карамзина попались къ Погодину? Помнится, они принадлежали поэту Языкову. Это дѣло другое: они были бы въ хорошихъ рукахъ. А то Погодинъ будетъ искать въ нихъ доказательствъ, почему Карамзинъ не понималъ русской исторіи, какъ онъ, Погодинъ, и прочіе мыслители ее понимаютъ, то-есть, никакъ, потому что ни одинъ изъ нихъ не въ состояніи ничего создать, а только крохоборничать. Эта сволочь русскихъ ученыхъ меня бѣситъ! Прежде, нежели ловить ошибки въ трудѣ Карамзина, оцѣните сей трудъ, потому что онъ еще не довольно оцѣненъ и постигнутъ въ народѣ. Это то же, что начать стратегически критиковать полководца, который спасъ отечество, не возблагодаривъ прежде за совершенный имъ подвигъ. Есть всему время; время критики

придетъ и должно прійти, да вы то, дурачье, не суйтесь впередъ, чтобы выказывать свои полузнанія, полумысли, полудогадки! Карамзинъ—нашъ Кутузовъ Двѣнадцатаго года: онъ спасъ Россію отъ нашествія забвенія, воззвалъ ее къ жизни, показалъ намъ, что у насъ отечество есть, какъ многіе узнали о томъ въ Двѣнадцатомъ годѣ. Ваши мышленія, с — — дѣти (лучше бы сказать: мышачьи дѣти – учтивѣе и притомъ по системѣ Шишкова: мышь—мышленіе [1]) ваши замѣчанія не заставятъ народъ полюбить свою исторію, а безъ этой любви кому нужда и въ вашихъ критическихъ воззрѣніяхъ, будь они и справедливы, и свѣтозарны. Напишите другую исторію— это такъ, если вы въ силахъ превзойти Карамзина, но не отгоняйте малаго числа читателей, которое она имѣетъ, критикуя ее въ хвостъ и въ голову, особенно въ хвостъ, потому что до головы вамъ далеко и высоко. Здѣсь Устряловъ написалъ тоже какую-то критику на Карамзина; я ея еще не видалъ, но заранѣе знаю, что она нелѣпость, ибо нельзя критиковать теперь Карамзина. Все, что не во время, все то нелѣпо.

Лубяновская и Веневитиновъ пріѣхали. Марію Потоцкую ожидають; Мейендорфша ѣдетъ, кажется, сегодня. Давай же стиховъ и прозы!

На оборотѣ: Александрѣ Ивановнѣ Тургеневой, новой привилегированной бабкѣ повивальной и завиральной.

789.

Тургеневъ князю Вяземскому.

11-го ноября 1836 г. Москва. № 1.

Молчаніе твое нѣсколько безпокоитъ меня: пора бы отвѣчать на нѣкоторыя письма. Сегодня Лучинка прочтетъ твои строки о ней и о нихъ. Я передалъ любовь твою ея матери вчера, на балѣ у Раевскихъ.

Вотъ что пишетъ ко мнѣ Боратынскій, коему напоминалъ твое порученіе: „Возраженіе мое далеко не приведено въ поря-

---

[1]) Приписка неизвѣстной руки.

докъ, а теперь, посреди разныхъ положительныхъ заботъ, вы можете себѣ представить, какъ мнѣ трудно за него приняться. При первомъ досугѣ приложу къ нему послѣднюю руку и попрошу васъ доставить его князю Вяземскому".

Языкову опять напоминалъ: обѣщаетъ прислать; но онъ и самъ съ Павловымъ издаетъ альманахъ.

Я видѣлъ у князя Четвертинскаго портретъ Полины. Какъ тебѣ не совѣстно и мнѣ не прислать его! Я такъ искренно любилъ ее! Не сердись за грустное и тяжкое напоминаніе, но пришли или приготовь для меня экземпляръ и ея кроткаго образа, и своей рожицы, такой же, какую вижу у Булгакова.

Здѣсь толки о Ч[аадаевѣ] умолкаютъ, хотя недавно отобрали бумаги у Над[еждина], Бѣлинскаго и какого-то переводчика статьи, коего имя не упомню. Этотъ шумъ замѣненъ другимъ—о пріѣздѣ къ князю Михаилу Оболенскому (издателю архивныхъ актовъ, женившемуся на купеческомъ милліонѣ) другой жены изъ Варшавы, которую, однако жъ, какъ слышно, удалось ему отстранить 200 тысячами.

Слышали ли о дѣлѣ Кобылинскаго? Если нѣтъ, то распросите у Данзаса: онъ производилъ разборъ его. По предложенію секретаря какого-то присутственнаго мѣста, осужденнаго на что-то Кобылинскаго положено пока, на основаніи законовъ, посадить въ острогъ, а онъ козыряетъ со всѣми московскими аристократками. Я давно слыхалъ о немъ.

Я сбираюсь къ вамъ въ началѣ будущей недѣли, то-есть, вѣроятно, черезъ недѣлю, и поѣду въ дилижансѣ; остановлюсь, вѣроятно, въ трактирѣ у Обуховскаго моста, но прежде вышлю нѣсколько пакетовъ съ бумагами, книгами и вещами. Если на почтѣ или въ конторѣ транспортовъ пакеты сіи могутъ безопасно пролежать до моего пріѣзда, то я велю ихъ тамъ оставить; если же нѣтъ, то, вѣроятно, адресую на имя Татаринова. Скучны и тягостны эти перевозки, да что же мнѣ дѣлать! Застану ли я милую голландскую баронессу въ Петербургѣ?

Прочти безъ сердца слѣдующее:

12-го ноября.

Я началъ укладываться и для сего снова разбираю мои бумаги и книги, слѣдующія къ представленію государю. Передо мною каталогъ, по коему высылалъ я самъ бумаги и книги изъ Парижа. Вотъ что въ немъ сказано: „Отдано г. Бутовскому (черезъ него пересылалъ я черезъ барона Мейендорфа книги и бумаги, изъ коихъ большую часть получилъ, но отдѣльно и не въ связи, то-есть, не по пакетамъ): 1) „La Sacra Scrittura illustrata" etc., du Lanci, 2 volumi, in folio. Одинъ изъ волюмовъ содержитъ гравюры. Это та книга, которую такъ трудно было мнѣ выпросить у самого папы, и кардиналъ статсъ-секретарь далъ мнѣ свой экземпляръ. Она запрещена папою. Въ синемъ бумажномъ переплетѣ. Въ томъ же пакетѣ черезъ Бутовскаго: 2) „First report from his majestys commissioners on criminal law". Dated 1834 (folio въ голубой бумажкѣ); 3) „Report of the commissioners appointed to inquire into the consolidation of the Statute law". 1835, folio въ голубой бумажкѣ. Сверхъ того не нахожу я большого манускрипта, вмѣстѣ съ симъ посланнаго, подъ названіемъ: 4) „Traduction des manuscrits du Vatican". Это связка бумагъ, большею частію русскихъ, рукою покойнаго Вельяминова и другихъ писанныхъ. Она содержитъ переводъ почти всѣхъ ватиканскихъ прежнихъ рукописей, коими пользовался Карамзинъ. Другой копіи у меня нѣтъ, и, слѣдовательно, потеря невозвратная. Посуди, каково мнѣ! Я ни за что приняться не могу. Прочія книги и бумаги, черезъ Бутовскаго посланныя въ тѣхъ же пакетахъ, получены, слѣдовательно и тѣ, коихъ недостаетъ, должны быть въ Россіи, но гдѣ? Булгаковъ прислалъ мнѣ книги въ открытомъ чемоданѣ. Я, право, не знаю, что мнѣ дѣлать? Особливо потеря Вельяминовскаго перевода для меня чувствительна. Это парализируетъ всѣ мои начинанія и всѣ мои надежды для оригинала. Конечно, у тебя ихъ нѣтъ, но справься тамъ, гдѣ получались сіи бумаги и книги. Отъ кого принимали ихъ? Какъ онѣ къ тебѣ доставлены, и кому отдавалъ ты ихъ у Булгакова? Сіи предварительныя справки нужны будутъ и для того, чтобы я, въ случаѣ если твои розыски будутъ безуспѣшны, могъ

самъ вездѣ выправиться, когда пріѣду въ Петербургъ, ибо, не имѣя сихъ книгъ и перевода, мнѣ ни къ чему приступить нельзя, и я долженъ перемарывать буду свои рапорты. Имѣя здѣсь все во время и подъ рукою, я бы могъ давно здѣсь же все и приготовить и не заживаться въ Петербургѣ. Сегодня же буду писать черезъ Владиміра Скарятина. Не сердись, милый, на меня, но прими слово ласковое; право, мнѣ не до шутки пришлись эти бумажныя и книжныя хлопоты! Впередъ ни за что никакихъ пересылокъ дѣлать не буду: у меня желчь отъ нихъ.

На оборотѣ: Его сіятельству князю Петру Андреевичу Вяземскому. Въ С.-Петербургѣ.

790.

Тургеневъ князю Вяземскому.

12-го ноября 1836 г. Москва. 6 часовъ вечера. [№ 2].

Сегодня я писалъ къ тебѣ и по почтѣ. Петербургская еще не пришла, и я не знаю, есть ли отъ тебя письма; а пора бы! Сегодня же прошли здѣсь слухи, что будто бы велѣно или посадить Чаадаева въ сумасшедшій домъ, если онъ сумасшедшій, или сослать куда-то, если признаютъ его здоровымъ. Я что-то не вѣрю этому, но не менѣе за него безпокоюсь: это бы довершило его. Я былъ у него сегодня и нашелъ его болѣе въ ажитаціи, нежели прежде. Посѣщеніе доктора очень больно ему. Онъ писалъ третьяго дня къ графу Строганову и послалъ ему книгу Ястребцова, гдѣ о немъ и почти его словами говорится, и въ выноскѣ сказано: „П. Я. Ч." и все въ пользу Россіи и въ надеждѣ ея быстраго усовершенствованія, какъ бы и въ опроверженіе того, что ему приписываютъ по первой статьѣ. Не знаю, что сдѣлаетъ Строгановъ съ симъ письмомъ, но статья была бы въ его пользу, если бы безпристрастно сіи, также года за четыре писанныя, страницы разсмотрѣны были. Другія статьи его были одобрены, какъ онъ сказывалъ, духовною здѣшнею ценсурою Все это могло бы смягчить къ нему теперешнихъ судей его, а еще болѣе то мнѣніе, которое о немъ теперь здѣсь господствуетъ,

ибо всѣ знаютъ о его визитѣ и о его словахъ графу Строганову. Онъ мнѣ сказалъ также, что въ бумагахъ, у него взятыхъ, найдутъ и старое письмо къ нему брата Н[иколая], за нѣсколько лѣтъ до несчастія писанное, которое могло бы оправдать брата, ибо онъ говоритъ въ немъ рѣшительно, что ни о чемъ болѣе не думаетъ, какъ объ уничтоженіи рабства. Изъ письма ясно видно, что никогда ничто иное не занимало его. Все это хорошо для брата, если бы оно ему теперь на что-нибудь нужно было, но Чаадаеву полезно ли, что онъ былъ пріятелемъ брату? Кто его судить будетъ?

Я полагаю выѣхать дней черезъ пять или шесть, то-есть, во вторникъ, въ среду или въ четвергъ, но желалъ бы прежде имѣть отвѣтъ на мои письма къ тебѣ. Вѣроятно, ты ожидаешь оказіи и для того молчишь.

Возраженіе, которое хотѣли напечатать въ „Наблюдателѣ“, я надѣюсь прислать тебѣ, но оно слабо.

На оборотѣ: Его сіятельству князю Петру Андреевичу Вяземскому. Въ С.-Петербургѣ.

791.

Тургеневъ князю Вяземскому.

16-го ноября 1836 г. Москва.

Письмецо твое, ничего не удовлетворяющее, получилъ; другое самъ отдалъ Свербеевой, которая и теперь еще помираетъ отъ него со смѣха. Первое сообщилъ Ивану Ивановичу, и вотъ отвѣтъ его: „Въ мысляхъ поцѣловалъ князя Вяземскаго. Онъ говоритъ свято“ (о Карамзинѣ и его критикахъ), „только что въ томъ прибыли? Всѣ, кои отъ православныхъ нашихъ читателей внесены въ ликъ святыхъ, только сокрушаются сердцемъ, бормочутъ между собою и безмолвствуютъ, будто кротости ради и подражая будто покойному Карамзину. Для чего бы не говорить всегласно и не усовѣщевать нашихъ ученыхъ молокососовъ посредствомъ типографскаго *типа*. Передъ Вяземскимъ вчера очистилъ себя и послалъ ему кое-что старины“. А я для того только

и посылалъ къ нему твою записку: слѣдовательно, это исполнено. Къ Языкову самъ заѣзжалъ. Онъ обѣщалъ сегодня прислать коечто для тебя. (Исполнено).

Вчера на балѣ у Пашковыхъ (малюткѣ Лизы Пашковой лучше, и балъ не отложили) встрѣтилъ я графа Ростопчина и сказалъ ему, что сообщилъ тебѣ отрывокъ. Онъ не противорѣчилъ, а сказывалъ, что всѣ бумаги отца отобраны были у него правительствомъ. Къ женѣ его подвела меня дочь-хозяйка. Поэтъ Эльборуса сказала мнѣ милый комплиментъ, который почти тронулъ меня. Поболтали и о тебѣ. Ѣду къ ней передать то, что ты писалъ мнѣ о стихахъ ея. Въ „Библіотекѣ“ вышло что-то новое: попеняю ей, что льетъ въ у — — ъ то, что должно бы благоухать на жертвенникѣ боговъ.

Письма Карамзина взялъ у меня Погодинъ. Я не зналъ, что и онъ писалъ противъ него, а думалъ, что только принималъ умничанье Арцыбашева. Вчера объявилъ мнѣ Павловъ, что женится на собратѣ-поэтѣ или на сестрѣ поэзіи, Янишъ. Я давно это предвидѣлъ, трунилъ надъ нимъ и чуть ли не накликалъ эту свадьбу. Сорокъ тысячъ дохода съ талантомъ необыкновеннымъ, но и съ кипою французскихъ стиховъ съ нѣмецкаго!

Братъ пишетъ, что книга Ламене о папѣ возбудила противъ него весь католическій міръ во Франціи. Онъ не послалъ ее, ибо думаетъ, что не дошла первая посылка, о коей я его поздно увѣдомилъ. Скажи Жуковскому, что письмецо его отъ 12-го ноября вчера я получилъ, но врядъ ли дождусь другого, ибо хотѣлось бы уѣхать отсюда на этой недѣлѣ къ вамъ; но писать продолжайте, ибо не знаю еще, успѣю ли собраться.

Третьяго дня Англійскій клобъ праздновалъ возвращеніе князя Д[митрія] В[ладиміровича]. Ив. Ив. Дмитріевъ пишетъ о себѣ, что онъ „велъ себя и возвратился домой, кажется, благопристойно, но почти всю ночь не спалъ“. Жихаревъ, подъ именемъ „стараго бригадира и члена м[осковскаго] Англійскаго клоба“, воспѣлъ градоначальника; умѣлъ соединить обыкновенную плоскость съ кражею изъ Жуковскаго: „Благодаримъ, благодаримъ“, но скажетъ ли ему за это спасибо воспѣтый и Жуковскій? Другой поэтъ—актеръ Ленскій, а Толстой написалъ музыку. Изъявленія усердія были весьма,

какъ слышно, шумныя, громогласныя; шампанскаго—разливанное море. Сегодня обѣдаю у графа Брогліо, завтра у Ивана Ивановича.

Не можешь ли ты доставить отъ моего имени воспѣтой нѣкогда тобою Вѣрѣ Анненковой прилагаемую у сего записку? Я не знаю ея адреса и не знаю, гдѣ отецъ ея, съ коимъ бы мнѣ нужно было списаться. Не узнаешь ли?

Сейчасъ Шевыревъ прислалъ мнѣ свои лекція о словесности, а я только лишь измаралъ своими замѣчаніями первыя 15 страницъ другого экземпляра. Какая небрежность въ слогѣ и въ изысканіяхъ: забылъ Бутервека! Сколько полумыслей, сколько неясностей! Но и за то спасибо: книга сія можетъ возбудить къ чтенію другихъ, лучшихъ въ этомъ родѣ, а критическими замѣчаніями на слогъ и на упущенія авторъ можетъ воспользоваться.

Выслалъ уже пять пакетовъ въ Петербургъ. Прости! Усталъ отъ душнаго острога. Пора въ дѣвичью. Повивальная и повиральная Александра.

Письма Карамзина куплены Погодинымъ, вѣроятно, у самого миротворца, который переномеровалъ ихъ. Онъ давалъ ихъ Языкову давно, и Языковъ сдѣлалъ изъ нихъ извлеченіе; но послѣ, кажется, продалъ ихъ, и теперь всѣ они собственность Погодина. Врядъ ли онъ дастъ мнѣ списать? Развѣ нѣкоторыя.

Посылаю тебѣ предварительно для перевода копію съ письма Вальтеръ Скотта къ Гёте, которое я самъ списалъ съ оригинала въ Веймарѣ. Въ Петербургѣ составлю я предисловьице къ сему письму изъ моего журнала и изъ брошюръ о Гёте. Не печатай безъ этихъ предварительныхъ словъ.

Я привезу съ собою всѣ твои грѣхи въ стихахъ и въ прозѣ: ужаснешься! Но, если хотя строка будетъ взята безъ моего вѣдома, то раскаешься. Сейчасъ получилъ прилагаемую тетрадь отъ Языкова. Испугавшись „Сѣраго волка", я просилъ у него еще какой-нибудь блестящей бездѣлки для твоего альманаха. Письмо Вальтеръ Скотта, вѣроятно, пришлю завтра, а можетъ быть успѣю и сегодня.

Приписка А. Я. Булгакова.

Я отыскалъ, наконецъ. Хочется оставить у себя копію, а потому завтра токмо перешлю тебѣ біографію графа Ростопчина, имъ самимъ писанную, и скажу тебѣ, какъ она составилась. Чтобы письмо мое не было совершенно пустое, посылаю тебѣ куплеты, пѣтые вчера въ Англійскомъ клубѣ въ честь нашего добраго Голицына. Бригадиръ—это Жихаревъ, а другіе куплеты—Ленскаго, актера; музыка Теофила Толстого. У меня все глаза болятъ и пишу съ трудомъ. Жуковскаго цѣлую. Письмо его вчера получилъ. Обнимаю тебя.

792.

Тургеневъ князю Вяземскому.

17-го ноября 1836 г. Москва. [№ 1].

Посылаю Вальтеръ Скотта, коего не отыскалъ вчера, для предварительнаго перевода. *Приложеніе* напишу въ Петербургѣ. Иванъ Ивановичъ, съ коимъ вчера обѣдалъ у графа Брогліо, и сегодня обѣдаю у него, сказалъ мнѣ, что всего дастъ тебѣ три выписки изъ своей біографіи: о Петровѣ уже послалъ; еще будетъ о Новиковѣ и о Карамзинѣ; о второмъ у меня есть записка Карамзина, собственноручная, и пойдетъ въ мою котомку, если она состоится, о чемъ вы теперь лучше меня предполагать можете.

Прости! Я сбираюсь, но не спѣшу сборами, ожидая отъ васъ словца, хотя ты и думаешь, что въ Москвѣ лучше все знаютъ.

Малюткѣ Пашковой лучше, и сегодня пиръ горой у Раевскихъ, гдѣ Москва и святую великомученицу 24-го праздновать будетъ, ибо графиня Гудовичъ уѣзжаетъ къ мужу на рекрутскій наборъ, въ Бронницу, гдѣ будетъ горѣть въ уѣздномъ мракѣ и наша Лучинка. Обними за меня всѣхъ Екатеринъ, если я этого сдѣлать не успѣю. Хомяковъ все еще въ деревнѣ, и оттого ничего отъ него не могъ вытребовать для альманаха.

793.

Тургеневъ князю Вяземскому.

17-го ноября 1836 г. Москва. [№ 2].

Постарайтесь привести въ ясность дѣло о сборѣ приношеній для памятника Карамзина въ Симбирскѣ. У васъ, то-есть, въ Петербургѣ, былъ первый обѣдъ, на коемъ подписались многіе, и итогъ подписки оказался довольно обильный; но тогда же не было собрано всей суммы, и изъ 4000 съ чѣмъ-то только 1200 р. à peu près доставлены въ симбирскую кассу. Губернаторы, а особливо Загряжскій, не смѣли напоминать подписавшимся министрамъ и прочимъ знатнымъ обоего или одного пола особамъ; и по сіе время, какъ я слышалъ отъ достовѣрныхъ людей, подписавшіе болѣе другихъ не внесли ничего; а симбирскіе патріоты молчатъ, дабы и о нихъ не было сказано въ будущемъ Карамзинѣ: „Безъ боязни обличаху". Надѣюсь достать любопытную граматку здѣшняго эксъ-губернскаго предводителя дворянства Обольянинова на предложеніе подписаться для сооруженія памятника Карамзину; онъ исписалъ цѣлую страницу, желая доказать, что Карамзинъ не заслужилъ сей почести; и въ самомъ дѣлѣ, эксъ-генералъ-прокуроръ и предводитель не учился у него, вмѣстѣ со всею Россіею, русской грамотѣ. Оригиналъ сего *отзыва* хранится въ Симбирскѣ. Его бы нужно было отпечатать вмѣстѣ съ двумя отношеніями того же эксъ-генералъ-прокурора къ бывшему оберъ-прокурору Св. Синода графу Хвостову, рукою Сперанскаго писанными, о біеніи кнутомъ безщадно двухъ какихъ-то болтовнею провинившихся священниковъ. Чтобы не провиниться и мнѣ, простите!

14

24